

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф.Н. ЮРЛОВ

**ОТ ВОСХОДА ДО ЗАКАТА
ДИНАСТИЯ НЕРУ-ГАНДИ**

Книга первая

Мотилал и Джавахарлал Неру

Москва
ИВ РАН
2015

УДК 94(54).035 : 94(54).04
ББК 63.3(5Инд)6-8
Ю76

*Издание осуществлено при содействии
Посольства Республики Индия в России*

Ю76 **Юрлов Ф.Н.**

От восхода до заката. Династия Неру–Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 520 с.

ISBN 978-5-89282-646-4

Эта монография посвящена исследованию деятельности политической династии Неру–Ганди. Работа состоит из двух книг. В представленной здесь читателю первой книге рассказывается о том, как складывалась эта династия. От крупного политического деятеля периода борьбы за независимость Индии Мотилала Неру до его сына первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру. В этой связи рассматриваются важнейшие проблемы политической истории Индии во время освободительной борьбы против английского колониального господства и становления независимой Индии до середины 1960-х гг. В последующей второй книге о династии Неру–Ганди исследуются узловые вопросы, связанные с деятельностью дочери Джавахарлала Неру премьер-министра Индии Индиры Ганди, ее сына премьер-министра Раджива Ганди, его вдовы Сони Ганди и их сына Рахула.

**УДК 94(54).035 : 94(54).04
ББК 63.3(5Инд)6-8**

© Юрлов Ф.Н., 2015
© Институт востоковедения
РАН, 2015

ISBN 978-5-89282-646-4

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МАМЫ НАТАЛИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ИЛЮХИНОЙ
И
ТЕТИ АЛЕКСАНДРЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ИЛЮХИНОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. Отец и сын.....	21
Глава 1. Мотилал Неру – фундамент династии.....	23
Отец и сын.....	27
Джавахарлал в Англии.....	32
Мотилал – глава семьи.....	37
Глава 2. Мотилал входит в политику.....	40
Лидеры Конгресса.....	40
Мотилал – сторонник социальных реформ.....	47
Экстремисты и умеренные.....	52
Движение свадеши.....	56
Конституционные методы борьбы.....	58
Раскол Конгресса.....	66
Глава 3. Индия в Первой мировой войне.....	69
Поиски новых путей к независимости.....	69
Махатма Ганди и семья Неру.....	76
Расстрел в Амритсаре – поворотный пункт в освободительном движении.....	79
Глава 4. Кампания гражданского несотрудничества (1920–1922).....	85
Несотрудничество и семья Неру.....	88
Разногласия в Конгрессе.....	91
Отец и сын в тюрьме.....	99
Тюрьма – место испытаний и раздумий Джавахарлала.....	102
Джавахарлал «идет в народ».....	105
Глава 5. Мотилал Неру и партия Сварадж.....	107
Ганди против свараджистов.....	111
Мотилал и Джавахарлал в Советском Союзе.....	117

Конституция Мотилала Неру	127
Левое крыло в Конгрессе.....	133
Джавахарлал Неру – президент Конгресса	135
Глава 6. Джавахарлал призывает к борьбе за полную независимость	143
Арест Мотилала и Джавахарлала	145
Смерть Мотилала Неру	153
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. Джавахарлал Неру	159
Глава 7. Массовые движения в 1930-х гг.	161
Движение гражданского неповиновения и Делийский пакт	161
Аресты Махатмы Ганди, Неру и других лидеров Конгресса	168
Голодовка Ганди и Пунский пакт.....	170
Джавахарлал – глава семьи. Письма к дочери	175
Глава 8. Неру и социализм	180
Конгресс-социалисты	186
Неру и Бос – друзья-соперники	189
Кризис Конгресса	191
Глава 9. Выборы 1937 г.	198
Неру между Ганди и Босом	200
Неру против фашизма.....	204
Свадьба Индиры и Фероза Ганди	209
Глава 10. Индия и Вторая мировая война	212
Кампания гражданского неповиновения	215
Индия и японская угроза	223
Движение «Прочь из Индии!»	225
Последнее тюремное заключение Неру.....	229
Индийская национальная армия	235
Глава 11. Индия на пути к независимости.....	243

Конференция в Симле.....	243
Выборы 1946 г. и Миссия кабинета.....	245
Временное правительство и «передача власти» индийцам.....	251
Раздел Индии.....	257
Канун независимости.....	269
Глава 12. Как закладывались основы независимой Индии.....	272
Неру о будущем Индии.....	272
Убийство Ганди.....	278
Неру и Маунтбэттен.....	280
Проблема княжеств.....	282
Неру – первый премьер-министр Индии.....	286
Глава 13. Неру о путях развития Индии.....	288
Конституция Индии.....	288
Построение общества «всеобщего благоденствия».....	298
Парламентская демократия и социализм.....	306
Социально-экономическая политика.....	315
Глава 14. Политическая борьба в Индии.....	320
Неру и Конгресс.....	323
Парламентские выборы. Победа Конгресса.....	326
Индира Ганди входит в политику.....	331
Правые партии наращивают влияние.....	335
Глава 15. Внешняя политика Неру.....	338
Содружество наций и ООН.....	340
Корейская война (1950–1953).....	343
Индийская дипломатия и Движение неприсоединения.....	354
Индия и Советский Союз.....	360
Отношения между Индией и Америкой.....	368
Глава 16. Неру между США и СССР.....	382
Индийско-советское сотрудничество.....	382
Суэцкий кризис и события в Венгрии.....	389

Противоречия в треугольнике США– Индия–Пакистан	403
Индия, Америка и Советский Союз	410
Глава 17. Индийско-китайский конфликт 1962 г.	414
Как начался конфликт	415
Советский Союз в индийско-китайском конфликте	422
Индия и Америка во время конфликта	423
Неру и ядерное оружие	427
Проблемы военного строительства Индии	432
Глава 18. Последние годы жизни Неру	435
Заключение	444
Библиография	459
Указатель имен	479
Summary	484
Contents	485

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политическая династийность в Индии неразрывно связана с традиционным отношением общества к семье, ее ценностям. Влияние семьи как основополагающего элемента индийского общества было и до сих пор остается важным фактором общественного сознания. Традиционная семья держится на преемственности в роде занятий, в том числе в торгово-экономической деятельности, в отношениях с другими семьями-кланами-кастами-религиями. Устоявшееся веками распределение семейных трудовых занятий, переходящих из рода в род, до сих пор имеет большое значение. На базовом уровне в течение многих веков складывались семейные, кастовые и иные династии, занимавшиеся по существу одним и тем же делом (карма¹). Сплоченная вокруг этих занятий, крепкая семья была и до сих пор остается нормой в общественной жизни, хотя под влиянием процессов модернизации она изменяется, приобретает новые черты и характеристики.

Политические династии в Индии и других странах Южной Азии не являются чем-то исключительным. Они в известной мере продолжают традиции правивших кланов доколониальной и колониальной Индии, где власть переходила по семейной линии от одного правителя (махараджи, наваба, низама) к другому. От отца к сыну, брату, вдове, дочери и т.д.

В современной Индии эти традиции во многом сохраняются. Общество в целом не возражает против того, что политическая власть на разных уровнях может переходить от одного члена

¹ *Карма* (санскр. – деяние) – сумма поступков человека и их последствий, определяющая характер его нового рождения, перевоплощения.

семьи к другому. Это не считается чем-то зазорным или неприемлемым. Общество спокойно, а чаще одобрительно, относится к тому, что политическая власть переходит, в том числе и демократическим путем – через выборы, по династийной линии. Крепкая, сплоченная семья, особенно из элитарных сословий и групп, нередко служит объектом подражания для других слоев, находящихся на более низких уровнях социальной иерархии.

В индийской политике нет каких-либо официальных или общественных запретов на то, чтобы члены одной семьи занимались политикой, в том числе и в одной политической партии. Хотя есть и случаи (достаточно редкие), когда отдельные члены семьи, в том числе из разных поколений, выступают в качестве политических оппонентов.

Нынешняя Индия дает многочисленные примеры политических династий практически на всех уровнях – снизу доверху. Особенно ярко это проявляется на уровне штатов, которые, в свою очередь, играют большую роль в расстановке политических сил и в центре страны. Практически все лидеры крупных национальных и штатовских партий во многом опираются на принципы династийности, за исключением левых партий и в известной степени Бхаратия джаната парти (Индийской народной партии – БДП).

По существу, в каждом штате страны есть свои династии – как во власти, так и в оппозиции. Например, в Тамилнаду во главе крупной партии Дравида муннетра кажагам (ДМК) в течение многих десятилетий стоит семейство Карунанидхи. В Бихаре много лет во главе правительства находился семейный клан Лалу Прасада Ядава и его партия Раштрия джаната дал. Он и его жена Рабри Деви были главными министрами штата в течение десятилетий. В другом крупном штате Уттар Прадеше во главе Самаджвади парти (Социалистической партии) стоит Мулаям Ядав, сын которого Акхилеш занимает пост главного министра этого штата. В Ориссе главным министром штата в течение длительного срока является Навин Патнаик. Он возглавляет партию Биджу джаната дал (Народная партия Биджу), названную так в честь его отца Биджу Патнаика, который был одним из

соратников Джавахарлала Неру и популярным главным министром этого штата в первые годы после независимости Индии.

Этот список можно было бы продолжить, поскольку семейственность и династийность пронизывают массовое сознание всех слоев индийского общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наверху политической пирамиды в центре оказываются члены одной семьи, одной династии.

Особенность политической династии Неру–Ганди состоит прежде всего в том, что она складывалась исподволь в течение многих десятилетий. Ее фундамент был заложен еще в 1920-е гг. отцом Джавахарлала Неру – Мотилалом Неру (1861–1931), который внес крупный вклад в национально-освободительное движение Индии против колониализма. Он дважды избирался президентом Индийского национального конгресса (Конгресс), под руководством которого Индия добилась независимости. Именно Мотилал Неру, особенно на первом этапе политической деятельности Джавахарлала Неру, готовил его к будущей роли в качестве руководителя Конгресса, а затем и первого премьер-министра Индии.

Джавахарлал Неру (1889–1964) был одним из крупнейших лидеров движения Индии за освобождение от британского колониального гнета, а затем и премьер-министром независимой Индии в течение почти 17 лет. Он был центральной политической фигурой страны в тот сложный период. Его идеи и деятельность надолго определили направление и характер внутренней и внешней политики страны.

Внутри политизированной семьи Неру, практически все члены которой участвовали в освободительном движении, росла и воспитывалась дочь Джавахарлала Неру Индира Ганди (1917–1984). С юных лет она фактически готовилась к политической деятельности и даже ставила перед собой цель стать Жанной д'Арк Индии – освободительницей страны от колонизаторов.

Еще при жизни отца она вышла на политическую арену Индии, приняла участие в борьбе за независимость страны и стала близким соратником Джавахарлала Неру в годы независимости. В 1959 г. Индира Ганди была избрана президентом Конгресса. После смерти Джавахарлала Неру она осталась в составе руководящих органов Конгресса и правительства, а в январе 1966 г.

была избрана президентом этой партии и премьер-министром страны. Свою роль в этом сыграли не только ее личные качества, но и принадлежность к семье Неру. Индира Ганди находилась на этом посту в общей сложности около 16 лет (с перерывом в 1977–1978 гг., когда власть в стране перешла к Джаната парти – Народной партии). Индира Ганди продолжила начатое ее отцом дело, но уже в новых условиях, когда Конгресс столкнулся с жесткой оппозицией со стороны консервативных сил. Она прибегла к введению чрезвычайного положения в стране в стремлении удержать власть в своих руках.

Иначе выглядело участие в «семейном» деле сыновей Индиры Ганди – Раджива и Санджая. Сначала они воспитывались в большой семье Джавахарлала Неру и Индиры Ганди. Но их характер, привязанности и судьбы были разными. Младший из них – Санджай – рано вступил в политическую борьбу и проявил себя как жесткий, авторитарный политик, использовавший в полной мере свою принадлежность к клану Индиры Ганди. Она, в свою очередь, доверяла ему и готовила на роль своего преемника на посту премьер-министра. Но судьба распорядилась иначе – в 1980 г. Санджай разбился в авиакатастрофе.

После этого Индира Ганди призвала себе на помощь Раджива Ганди, который был очень далек от политики (он служил в гражданской авиации). Раджив неохотно согласился и очень скоро стал членом парламента, а затем генеральным секретарем Конгресса. Одним словом, он прошел «ускоренный курс» обучения политической деятельности под руководством матери. В октябре 1984 г. после убийства И. Ганди Раджив унаследовал власть в партии и правительстве – он был избран руководителем парламентской фракции Конгресса и стал премьер-министром страны. Ему было 40 лет. На выборах в парламент в декабре того же года Конгресс получил подавляющее большинство депутатских мандатов («на крови Индиры Ганди»).

Раджив стремился модернизировать управление Индией, привлечь к этому делу много молодых людей. Но не учел глубинные традиционные проблемы общества. После одного срока пребывания Конгресса у власти он проиграл выборы в 1989 г. Конгресс оказался в оппозиции. В мае 1991 г. во время избирательной кампании в связи с внеочередными выборами в пар-

ламент Раджив Ганди был убит террористкой. Его трагическая гибель прервала на время деятельность династии Неру–Ганди, члены которой возглавляли Конгресс в течение 44 лет после достижения Индией независимости, из них 38 лет в качестве премьер-министров.

После смерти Раджива Ганди руководство Конгресса обратилось к его вдове Соне (итальянке по происхождению) с просьбой возглавить партию и правительство. В то время Соня Ганди не была даже членом партии Конгресс и практически не имела какого-либо опыта политической деятельности. Она отказалась от этого предложения.

После этого с помощью нескольких перебежчиков из небольшой партии в штате Джаркханд было сформировано правительство Конгресса во главе с премьер-министром Нарасимхой Рао, которое действовало до 1996 г. (Сам Н. Рао впоследствии был осужден судом первой инстанции якобы за участие в подкупе этих перебежчиков. До рассмотрения его апелляции в вышестоящем суде Н. Рао скончался.)

Последующие шесть лет Соня Ганди провела в уединении, посвятив себя уже взрослым детям – сыну Рахулу и дочери Приянке. За это время она написала две книги: «Раджив» и «Мир Раджива», а также издала переписку Джавахарлала Неру с Индирой Ганди.

В эти годы Конгресс заметно утратил влияние в стране, в то время как оппозиционная Бхаратия джаната парти наращивала свой политический вес. На парламентских выборах 1996 г. Конгресс потерпел поражение. Руководители Конгресса вновь обратились к Соне Ганди с просьбой возглавить партию. Они рассчитывали, что Соня как член семьи Неру–Ганди поможет возродить Конгресс. В 1997 г. Соня Ганди дала согласие стать членом Конгресса, а в 1998 г. была избрана его президентом и в этом качестве приняла участие в парламентских выборах 1998 г. Руководство партии надеялось, что участие в выборах члена семьи Неру–Ганди поможет Конгрессу победить. Но этого не произошло.

На внеочередных выборах в парламент в 1999 г. Конгресс вновь потерпел поражение. Во время предвыборной кампании оппозиция настойчиво поднимала вопрос о запрете лицам иностранного происхождения занимать высшие посты в руково-

дящих органах власти. Цель этого – подорвать позиции Сони Ганди. Это сыграло свою роль. Но ей удалось одержать личную победу в двух избирательных округах (это не противоречило конституции и правилам предвыборной борьбы). В предвыборной гонке ее поддерживали Рахул и Приянка. Одним из этих округов был Рае Барели в штате Уттар-Прадеш, от которого ранее избирались в парламент члены семьи Неру-Ганди. Таким образом, она подтвердила свою династийную принадлежность к этому клану. От второго округа в Беллари, штат Карнатака, она по закону отказалась. В том же году Соня Ганди была избрана руководителем парламентской фракции Конгресса и лидером оппозиции в нижней палате парламента.

К очередным выборам в мае 2004 г. Соня Ганди была уже признанным лидером Конгресса. На этих выборах Конгресс и его союзники по коалиции одержали победу. Соня Ганди получила право занять пост премьер-министра. Однако она отказалась от этого, заявив, что ее целью является не этот пост, а защита секулярной основы нации и бедных в Индии – «святое кредо Индиры Ганди и Раджива Ганди». Характерно, что она не сочла нужным вспомнить о Джавахарлале Неру.

С тех пор Соня Ганди стала выдвигать в большую политику 34-летнего Рахула, который был избран в парламент от округа Аметхи в штате Уттар-Прадеш. От этого округа избирались ранее другие члены семьи Неру-Ганди. Соня Ганди неоднократно заявляла, что заняться политикой ее «заставила» необходимость защищать наследие семьи Ганди. После выборов Рахул стал одним из генеральных секретарей Конгресса. Он проецировался в общественном сознании как будущий лидер Конгресса и возможный премьер-министр. Об этом прямо говорил назначенный Соней Ганди на пост премьер-министр Манмохан Сингх. Некоторые политические обозреватели даже цинично называли последнего «местоблюстителем» этого поста для Рахула. На выборах в 2009 г. Конгресс вновь одержал победу. Президент партии Соня Ганди снова стала лидером парламентской фракции. И вновь она назначила премьер-министром Манмохана Сингха. После этого она начала еще более активно продвигать сына на высшие посты в партии. В 2013 г. он стал вице-президентом Конгресса. С ним стали связывать будущие успехи партии на

выборах 2014 г., а целью Сони Ганди считалось сохранение династийного правления семьи Ганди. За 16 лет ее пребывания на посту президента Конгресса она ни разу не избиралась на этот пост съездом партии – ее высшим органом. Таким образом была нарушена традиция, в соответствии с которой руководство Конгресса избиралось каждый год (при Джавахарлале Неру), а затем и через небольшие промежутки в три – четыре года при Индире Ганди.

В мае 2014 г. на парламентских выборах Конгресс потерпел сокрушительное поражение от оппозиционной Бхаратия джаната парти во главе с главным министром штата Гуджарат Нарендрой Модии. Конгресс не получил в парламенте даже 10% депутатских мест, необходимых для того, чтобы считаться официальной оппозицией. Соня Ганди и Рахул подали в отставку с партийных постов, но она была отклонена Рабочим комитетом партии. Политическая власть обоих членов династии Неру-Ганди оказалась прерванной, возможно, надолго. Дальнейшая их судьба зависела не только от их намерений и устремлений, но и от принципиально изменившейся расстановки сил на политической арене страны.

После поражения Конгресса под вопрос была поставлена политическая судьба не только Сони Ганди и ее сына Рахула, но и всего наследия их предшественников из семьи Неру-Ганди. Более того, началась демонизация и нападки на идеологическое и политическое прошлое, связанное с Джавахарлалом Неру, а также с Индирой Ганди. Почти все ценное, что было создано Неру для строительства независимой Индии после 200-летнего колониального ига, стало подвергаться атакам со стороны консервативных, религиозно-общинных сил. Поводом для этого было династийное правление семьи Неру-Ганди, которое после Джавахарлала Неру и Индиры Ганди не добились сколько-нибудь значительных достижений в строительстве и развитии Индии. Более того, последующие за Неру и Индирой Ганди поколения этой династии начали постепенно отказываться от таких ключевых идей Неру, как борьба с бедностью, за социальную справедливость, и подменять их идеями и практикой так называемого инклюзивного развития, которое не принесло заметных результатов в Индии. Сейчас абсолютное число бедных составляет

более трети населения страны (по методике Всемирного банка, в соответствии с которой бедными считаются люди с доходом ниже 1,25 доллара в день).

Джавахарлал Неру, конечно, не может обладать иммунитетом от критики. Во внутренней политике его можно обвинять в незавершенности аграрных реформ, в отсутствии должного внимания к развитию начального образования. Во внешней – в недостаточной работе по строительству вооруженных сил Индии, в ошибках во время индийско-китайской войны 1962 г. и ряде других. Но при этом следует помнить, что, получив страну, жестоко пострадавшую от раздела на Индию и Пакистан в 1947 г., Неру начал почти с нуля строительство независимой, демократической, секулярной Индии, преодолевая, хотя и не всегда успешно, множество препятствий как внутреннего (прежде всего кастовое и религиозное разделение общества), так и внешнего характера, в том числе проблем индийско-пакистанских отношений, особенно по вопросу о Кашмире. Во много благодаря усилиям Неру Индия стала парламентской республикой. Он заложил фундамент научно-технологического развития страны, стал внедрять в практику идеи смешанной экономики и планового развития. Неру вывел Индию на международную арену, возглавив Движение неприсоединения.

В свою очередь, Индира Ганди во многом продолжила политику Неру, углубив аграрные преобразования, упразднив во многом феодальные отношения в деревне и оставаясь приверженной политике неприсоединения в международных делах. Однако главным изъяном в ее политике стало введение чрезвычайного положения в стране в стремлении сохранить власть в своих руках. В отличие от Неру, Индира Ганди вступила на путь создания династии, вовлекая своих сыновей в политику и продвигая их на высшие посты в руководстве Индией.

* * *

Политическая династийность характерна не только для Индии. В Шри Ланке после убийства в 1959 г. премьер-министра страны и руководителя Партии свободы Соломона Бандаранайке его вдова Сиримаво заменила мужа на этих постах. Она была премьер-министром около 18 лет (1960–1965, 1970–1977,

1994 – до ее смерти в 2000 г.). Сиримава Бандаранаике была первой в мире женщиной премьер-министром. Ее дочь Чандрика Бандаранаике Кумаратурга стала руководителем Партии свободы и премьер-министром в 1994 г. В том же году она была избрана президентом Шри Ланки и назвала преемником на посту премьер-министра свою мать Сиримава. Сама Чандрика была президентом два срока вплоть до 2005 г. За годы политической деятельности ей довелось пережить несколько тяжелых испытаний. В 1988 г. политические противники убили ее мужа Виджая Кумаратунгу. В 1999 г. на нее было совершено покушение. Чандрика была ранена, а более 30 человек из ее ближайшего окружения убиты.

Младший брат Чандрики Анура также принимал активное участие в политике, начиная с 1977 г. вплоть до его смерти в 2008г. Он был спикером парламента, главой разных министерств, в том числе министром иностранных дел. После ухода Чандрики из политики в 2005г. династия Бандаранаике завершила свою деятельность. Дочь и сын Чандрики предпочли не заниматься политикой, а уехали за границу учиться и работать. Сама Чандрика понуждала их именно к этому. Главная причина состояла в том, что после убийства ее отца Соломона, а затем и мужа, она испытывала страх за своих детей².

Не менее драматично сложилась судьба династии Бхутто в Пакистане. Родоначальник династии Зульфикар Али Бхутто стал президентом страны в декабре 1971 г. после поражения в войне с Индией, которая закончилась отделением от Пакистана его восточной части и образованием там Бангладеш. После изменений в конституции в 1973 г. основная власть в стране сосредоточилась в руках премьер-министра. Им стал Бхутто. Он же был и руководителем Пакистанской народной партии (ПНП). В 1977 г. Бхутто был свергнут в результате военного переворота, а затем арестован по обвинению в попытке убить члена Национального собрания Р.А. Касури, а также в убийстве его отца. В октябре 1977 г. Бхутто был казнен по приговору суда. После этого в Пакистане продолжилось правление военных. Его дочь Беназир Бхутто находилась несколько лет под арестом, но затем ей разрешили выехать за границу. Вокруг имени З.А. Бхутто

² The Hindu. – 28.02.2014.

был создан ореол мученика. В 1986 г. Беназир Бхутто вернулась в Пакистан. Она возглавила ПНП, которая на выборах 1988 г. одержала победу. Харизматичная Беназир Бхутто стала первой женщиной – премьер-министром в мусульманской стране. В состав правительства вошла ее мать Нусрат, что дало основание оппозиции обвинить Беназир Бхутто в клановости. В 1990 г. муж Б. Бхутто – бизнесмен Асиф Али Зардари был арестован по обвинению в похищении человека и вымогательстве. На состоявшихся в то время выборах в парламент ПНП потерпела поражение, но после выборов 1993 г. она вновь пришла к власти. Беназир Бхутто снова заняла пост премьер-министра и оставалась им до февраля 1997 г., когда на новых выборах ПНП потерпела поражение. После этого она выехала за рубеж. В выборах 2002 г. Беназир Бхутто не смогла принять участие, так как не получила разрешения вернуться на родину. ПНП не набрала большинства в парламенте. После возвращения в Пакистан Беназир Бхутто была убита в декабре 2007 г. Затем овдовевший Асиф Али Зардари был избран президентом Пакистана. В политической жизни страны в 2014 г. активную деятельность продолжал их 25-летний сын Билавал Бхутто Зардари³.

Опыт Индии, ряда стран Южной Азии, а также некоторых других регионов мира показывает, что династийное правление в разных эшелонах власти продолжает сохранять живучесть и пользуется поддержкой значительной части общества, в том числе в Индии. В этом состоит одна из специфических особенностей индийского общества. Однако под влиянием демократической модернизации эта поддержка постепенно размывается и уступает место современным формам политической мобилизации. Этот процесс, видимо, будет очень непростым и длительным, поскольку традиции, связанные с семейными устоями, кастовыми и религиозными разделениями глубоко проникли в ткань индийского общества.

³ The Hindu. – 13.02.2014; *В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. История Пакистана. XX век.* – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. – С. 237–293, 350–388; *Энциклопедия Пакистана / Отв. ред. Ю.В. Ганковский.* – М.: Фондамента Пресс, 1998. – С. 274, 275.

В работе над этой монографией я обращался к трудам многих отечественных и зарубежных ученых, исследовавших эту и близкие к ней темы. Во время длительной работы в Индии в 1960-е – 1970-е гг. и позже мне посчастливилось встречаться со многими индийскими учеными, общественными, политическими и культурными деятелями, беседы с которыми углубили мое понимание масштабных проблем, стоявших перед этой страной, в том числе в первый период строительства независимой Индии, главным архитектором которого был Джавахарлал Неру.

Хочу выразить благодарность всем, кто своими мыслями, наблюдениями, советами помог в моей работе. Не могу не отметить в этой связи Аруну Асаф Али, Тарика Али, Атийю Бану, В.Я. Белокреницкого, Честера Боулса, д-ра А.К. Боса, Анре Бетея, Юдифь М. Браун, Ч.П. Бхамбри, Майрона Вайнера, А.Г. Володина, Сарвепалли Гопала, С.К. Гояла, Рамчандру Гуху, Санкара Гхосе, Литто Гхош, А.М. Дьякова, Э.Н. Комарова, Лэрри Колинса, Г.Г. Котовского, Р. Котхари, Стэнли Кочанека, У. Крокера, Доминика Лапиера, Б.П. Лэмбла, О.В. Малярова, О.В. Мартышина, К.П.Ш. Менона, В.Н. Москаленко, У.Н. Моррис-Джонса, Хирена Мукерджи, Б.Р. Нанду, А.В. Райкова, В.Г. Растянникова, Л.И. Рейснера, Балраджа Сахни, Самара Сена, М. Ситона, Дж. Тайсона, Филлипа Уайтхеда, Стэнли Уолперта, Р.А. Ульяновского, П.Н. Хаксара, Рашидуддина Хана, В.К.Р.В. Рао, Чалалатхи Рау, Р.Л. Хардгрейва, Никхилия Чакраварти, С.К. Чаттерджи, Л.А. Черешневу, А.И. Чичерова, П.Н. Чопру, П.М. Шаститко, А.А. Шилина, Г.К. Широкова, Джэда Эдамса, Чандраджита Ядава и многих других, не названных здесь.

Благодарю Е.Ю. Ванину, В.П. Кашина, Г.И. Чуфрина и Т.Л. Шаумян за их замечания и предложения по рукописи моей работы.

Сердечная признательность моей жене Евгении и дочери Татьяне за неоценимую помощь в работе над книгой.

«Я никогда не думал,
что люблю тебя так сильно...»

*Из письма Мотилала Неру
сыну Джавахарлалу*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОТЕЦ И СЫН

Глава 1. Мотилал Неру – фундамент династии

Джавахарлал Неру родился в семье, главой которой и его отцом был Мотилал Неру. Он оказал на сына огромное влияние в силу своего характера и интеллекта, а также потому, что по праву входил в число выдающихся лидеров, внесших большой вклад в борьбу за освобождение Индии в первой трети XX в.

Семья Неру имела долгую и яркую родословную, которая прослеживается с начала XVIII в. Своими корнями эта семья была связана с бывшим княжеством Кашмир. Она всегда считала его своей родиной. Будучи кашмирскими брахманами-пандитами, члены семьи были обязаны жениться внутри своей касты и таким образом сохранять свою идентичность. Высокообразованные члены клана Неру приглашались на службу сначала в правительстве махараджи Кашмира, затем могольских императоров, а впоследствии и англичан. Прадед Мотилала Неру Лакшми Нараян Неру стал *вакилем* (адвокатом) Ост-Индской компании в Дели. Его сын и дед Джавахарлала – Гангадхар Неру был *котвалом* (начальником полиции) в том же городе.

Начавшееся в 1857 г. Индийское восстание застало семью Гангадхара Неру в Дели. Ограбление Дели британскими войсками привело к массовому исходу населения из него. Среди тех, кто покинул Дели, был и Гангадхар Неру с женой Индрани, двумя сыновьями – Бансидхаром и Нандалалом и двумя дочерьми – Патрани и Махарани. В поисках лучшей доли семья отправилась в Агру. Однако, в феврале 1861 г. Гангадхар скончался в возрасте 34 лет. Через три месяца, 6 мая 1861 г., Индрани родила третьего сына – Мотилала.

Все бремя забот о семье свалилось на плечи Индрани, которой помогали ее сыновья. Старший из них Бансидхар вскоре получил место юриста в английском колониальном правительстве и был вынужден постоянно менять место работы, переезжая из одного города в другой. А младший Нандалал в течение десяти лет был *диваном* (премьер-министром) в княжестве Кхетри в Раджпутане (Раджастхане). Позже он вернулся в Агру уже в качестве адвоката в суде (Sadg-Divani-Adalat). Через некоторое время этот суд был переведен в Аллахабад и переименован

в Высокий суд Северо-Западных провинций. Вместе с судом в Аллахабад переехал и Нандалал. Он фактически взял на себя все обязанности по воспитанию Мотилала¹.

К этому времени Аллахабад стал центром провинциального правительства и правосудия. После восстания 1857–1859 гг. британские колониальные власти решили опереться на земельную аристократию – *талукдаров* (помещиков), восстановили их в прежних правах на их земельных владениях. Британцы рассматривали их как «естественных лидеров» народа. В итоге *талукдары* стали одним из главных инструментов британской политики в этом регионе.

Аллахабад и другие города Северо-Западных провинций были в это время базой ростовщиков, бизнесменов и земельной аристократии. Они доминировали в социальной, экономической и культурной жизни и представляли собой самый влиятельный слой в городе и провинции. В 1870–1880-х годах в этом городе быстро росло и приобретало все большее значение сословие профессионалов – служащих в колониальной администрации, правоохранительных органах, учителей и преподавателей в школах и колледжах. Основу этого сословия составляли мигрировавшие сюда бенгальцы, представители мусульманской элиты, образованного слоя из касты каястха и, наконец, местные или приехавшие из других районов, в том числе и Кашмира, брахманы. Юриспруденция предоставляла хорошие возможности для карьеры образованным и амбициозным молодым людям из этих социальных групп. Тем более, что самые важные позиции в бюрократии были для них недоступны, так как их занимали англичане из Индийской гражданской службы.

Поначалу и в судах Аллахабада также доминировали англичане. Но к второй половине 1870-х годов индийские адвокаты окрепли настолько, что создали свою ассоциацию *вакилов*.

Поскольку колониальное правительство проводило переустройство в сфере собственности, в первую очередь в аграрных отношениях, в судах многократно увеличился объем дел, свя-

¹ Works of Motilal Nehru. Vol. One (1899–1918) / Ed. by Ravinder Kumar and D.N. Panigrahi. – New Delhi: Vikas Publishing House Pvt. Ltd., 1982. – P. 2, 3; *Неру, Джавахарлал*. Автобиография. – М.: ИЛ, 1955. – С. 9–13.

занных с земельными спорами. Таким образом открылась ниша для молодых, способных и энергичных индийских адвокатов, которые получили возможность утвердить себя в этой профессии и в общественной жизни.

Одним из них стал Мотилал Неру. До этого он учился в княжестве Кхетри под присмотром брата Нандалала. Там он усвоил персидский и арабский языки, а с 13 лет начал изучать английский. Все это сослужило ему хорошую службу в будущем. Затем Мотилал переехал в Канпур к дяде Бансидхару, где закончил среднюю школу. После этого он поступил в Мюир колледж в Аллахабаде, который в те годы был ведущим образовательным учреждением, кроме таких же центров в Бомбее, Калькутте и Мадрасе. Этот колледж был основан в 1873 г. по инициативе лейтенант-губернатора провинции Уильяма Мюира. В нем преподавали крупные ученые и просветители. Среди них были директор колледжа Августин Харрисон, профессор английской литературы У.Г. Райт, профессор литературы на языке урду маули Закаулла, профессор санскрита пандит Адитьярам Бхаттачарья.

В дополнение к полученным ранее знаниям религиозного и литературного наследия Индии и в целом Востока, Мотилал глубоко изучал английскую литературу, познакомился с образом жизни англичан и их ценностями. Как человек практичный и рациональный, он использовал это в своей будущей деятельности адвоката, а затем – и в политике. Прагматичный подход к жизненным вопросам заставил его поставить под сомнение некоторые косные архаичные ценности индийского общества, включая его деление на касты. И, тем не менее, несмотря на его восхищение английской культурой и цивилизацией, он остался приверженцем индусско-мусульманской культуры, тем более в той ее форме, которая выразилась в обычаях и правилах кашмирских брахманов, поселившихся в Северо-Западных провинциях.

Еще не окончив полный курс учебы в Мюир колледже, Мотилал успешно сдал экзамены на должность вакила и стал помощником известного в Канпуре адвоката Притхинатха Чака, близкого друга семьи Неру. Через три года, в 1888 г., он решил открыть свою адвокатскую контору в Аллахабаде. Это решение

могло быть связано со смертью дяди Нандалала в 1887 г. в возрасте 42 лет от туберкулеза. Нандалал оставил на попечение Мотилала свою семью и всю свою богатую и процветающую адвокатскую клиентуру. Для Мотилала это было время не только утрат и переживаний, но надежд и острой конкуренции с другими индийскими юристами, которые постепенно начали вытеснять англичан из этой профессии. Среди наиболее успешных адвокатов были кашмирские брахманы Тедж Бахадур Сапру и Бишамбар Натх. В их число вошел и Мотилал Неру.

Это произошло не сразу. Сначала Мотилал не обладал еще в полной мере знаниями и навыками, необходимыми для адвокатской профессии. А главное – у него не было еще тех связей, которые обеспечивали успех в этой деятельности. Тем не менее, Мотилал, когда ему было всего около 30 лет, обладал весьма широкой адвокатской практикой, о чем можно судить по его доходу – 2000 рупий в месяц (значительная сумма в то время, равная приблизительно 20 000 английских фунтов в год в 1990-х годах). В то время зарплата учителя составляла 10 рупий в месяц. К 1896 г. Мотилал стал одним из наиболее известных адвокатов в Высоком суде Аллахабада. В 1909 г. он получил право работать в юридическом комитете при Тайном совете (фактически Верховном суде Британской империи).

Мотилал Неру был специалистом по гражданскому праву, и большинство дел, которыми он занимался, касались споров между крупными талукдарами о собственности и наследовании. По существу именно эта профессиональная деятельность среди земельной аристократии способствовала тому, что он стал одним из самых удачливых и успешных адвокатов в провинции. Все это стало возможным благодаря его недюжинным качествам. Мотилал обладал мощным интеллектом, способностью глубоко проникать в суть дела и огромной работоспособностью. Немалую роль в его успехе в качестве адвоката сыграли прекрасное знание английского языка, благородный внешний облик, аристократичные манеры, умение изысканно одеваться (в английское платье) и т. п.

Отец и сын

Мотилал женился в первый раз, когда ему было 20 лет. Однако его жена скончалась после родов сына, который вскоре тоже умер. Вторично Мотилал женился на 14-летней девушке из семьи кашмирских брахманов. Ее звали Тхуссу, но после свадьбы, по обычаю, она получила новое имя Сваруп Рани. Их первый ребенок – сын – умер вскоре после рождения.

14 ноября 1889 г. Сваруп Рани вновь родила сына. Его называли Джавахарлал (драгоценный камень). Рождение сына в индийской семье имеет большое значение. Он – наследник и продолжатель рода, хранитель семейных ценностей. Поэтому в детстве Джавахарлал был окружен особой любовью и заботой. Мать оказала на него большое влияние. С самого раннего детства она рассказывала ему о замечательном Кашмире, его природе, заснеженных горах, долинах, усыпанных многоцветными тюльпанами. О древнем и гордом народе, населяющем этот рай на земле².

Первые одиннадцать лет Джавахарлала были связаны с познанием того, что его окружало – бытом индусской семьи, где говорили преимущественно на урду, где вдова Нандалала, прекрасно знавшая древнюю индийскую литературу и мифологию, познакомила его с древнеиндийскими эпосами «Махабхарата» и «Рамаяна». А прежний учитель его отца по арабскому языку и литературе Мубарак Али рассказывал ему истории из «Тысячи и одной ночи» и других книг, о восстании 1857–1859 гг. Кроме того, Джавахарлал изучал хинди и санскрит под руководством пандита Ганганатха Джха. Позже он писал, что в результате этих занятий его познания в индийской мифологии и фольклоре были довольно значительными.

Под влиянием отца и живших в семье старших двоюродных братьев Джавахарлал относился к религии с долей юмора. Вместе с матерью и ее сестрой, которая еще в детстве овдовела и жила в их семье, он принимал участие в религиозных церемо-

² *Ali, Tariq.* An Indian Dynasty. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1985. – P. 4, 5.

ниях, сопровождал их к Гангу для омовения, посещал с ними храмы. Но все это не оставило большого следа в его сознании.

Вскоре Мотилал получил возможность переселиться в престижный район Аллахабада, населенный англичанами и англоиндийцами. В то время увлеченность Мотилала всем английским привела к тому, что он даже настаивал, чтобы дома разговаривали на английском языке. Однако от этого пришлось отказаться, так как большинство женщин и детей в семье не знали английского и продолжали общаться на хиндустани. В 1910 г. Мотилал купил имение с большим домом, бассейном, плодовыми садами и лужайками. В Аллахабаде это был первый дом, в который было проведено электричество и вода. Мотилал назвал этот дом «Ананд Бхаван» (Обитель радости). Своим обликом и домашней жизнью он должен был демонстрировать благополучие, достоинство и счастье его обитателей. В 1904 г. Мотилал купил автомобиль – первый в Аллахабаде, затем приобрел еще три. В конюшне он держал породистых арабских лошадей и обучал детей верховой езде. Стилем жизни его семьи стало, с одной стороны, подражание правилам и внешним атрибутам жизни высших классов Англии. С другой, – и более глубокой – укорененность в традициях и культуре индуизма, которая поддерживалась Сваруп Рани и женщинами семьи.

Сочетание этих двух начал ярче всего отразились на воспитании и образовании Джавахарлала. В дополнение к индийским учителям Мотилал нанял двух английских гувернанток, которые по очереди обучали Джавахарлала английскому языку и основам математики. Вслед за ними в 1902 г. на должность учителя сына был приглашен Фердинанд Т. Брукс – ирландско-французский теософ, который преподавал Джавахарлалу английскую литературу и точные науки. Под его началом Джавахарлал прочитал множество английских книг: Льюиса Кэрролла, Р. Киплинга, романы В. Скотта, Ч. Диккенса, В. Теккерея, сочинения Г. Уэллса, Марка Твена и многих других английских и американских авторов. Брукс также пробудил в нем интерес к теософии. Выбор Мотилалом Неру Брукса в качестве учителя сына произошел при посредничестве одного из руководителей Теософского общества Энни Безант.

Брукс оказал сильное влияние на Джавахарлала еще в одной сфере. Раз в неделю у него собирались теософы, которые вели метафизические диспуты о перевоплощении, эманации духа, доктрине кармы. Упоминались сочинения Елены Петровны Блаватской, священные книги индуизма Упанишады, Бхагавад-гита, буддийская Дхаммапада, различные философы и мистики.

Когда Джавахарлалу исполнилось 13 лет, он был принят в Теософское общество на его ежегодном собрании в Бенаресе в декабре 1902 г. Как он вспоминал позже, церемонию посвящения совершила сама Энни Безант, которая разъяснила «некоторые таинственные знаки» – уцелевшие пережитки масонства³.

Несмотря на англоязычный образ жизни в Ананд Бхаване, общая атмосфера в семье была проникнута духом национализма (сегодня это скорее назвали бы патриотизмом). Институционализованная колониальными властями расовая дискриминация вызывала негодование в семье Мотилала. «Только для европейцев» – с этими надписями и правилами им приходилось сталкиваться повсюду – в клубах, поездах, парках. Один из таких эпизодов откровенного расизма был связан с поездкой Мотилала и его двух племянников по железной дороге. Он зарезервировал для этого купе первого класса. Войдя в вагон, они обнаружили, что купе занято каким-то европейцем, который отказался открыть им дверь. Тогда Мотилал приказал племянникам взломать замок и выдворил европейца из купе⁴. Не случайно, что на формирование юного Джавахарлала большое влияние оказала

³ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 23, 24*

⁴ *Adams, Jad and Phillip Whitehead. The Dynasty. The Nehru-Gandhi Story. – New York: Penguin Books, 1997. – Р. 14.* Припоминаю, когда в 1962 г. я, автор этой книги, впервые приехал в Индию на работу, то и тогда неоднократно сталкивался с пережитками такого расизма, особенно в клубах Калькутты и Бомбея, куда допуск разрешался «только белым» людям. Были и анекдотичные случаи, когда, например, дипломату Генерального консульства СССР в Бомбее было отказано во вступлении в один из клубов города по той причине, что его кожа была более темной, чем у белых европейцев (он был узбеком). Этот пережиток прошлого был связан с тем, что землю под клубы и подобные им заведения и организации арендовали еще в колониальные времена на 99 лет. Срок аренды истек уже в годы независимой Индии. Так что владельцы клубов пользовались своими расистскими привилегиями на «законных правах».

русско-японская война 1904–1905 гг. Потом он писал, что победы японцев приводили его в восторг. Идеи национализма теснились в его душе. Он размышлял об освобождении Индии и избавлении Азии от европейского ига⁵.

До 11 лет Джавахарлал был единственным ребенком в семье, пока 18 августа 1900 г. не родилась его первая сестра Саруп, которую в доме на английский манер звали «Нан», а после ее свадьбы с Ранджитом Пандитом она получила новое имя – Виджая Лакшми. Как объясняла позже сама Виджая Лакшми Пандит, среди брахманов перемена имени после брачной церемонии является частью традиции. Обычно новое имя должно иметь какую-то связь с именем мужа. Ее новые родственники выбрали для нее имя Виджая Лакшми – победительница богиня Лакшми. Это соотносилось с именем мужа: Ранджит – Победитель⁶. Еще через семь лет, 2 ноября 1907 г., родилась Кришна – вторая сестра Джавахарлала Неру. Их отделяли 18 лет.

В 1905 г. Мотилал принял решение послать Джавахарлала на учебу в Англию. До этого он дважды посетил эту страну – в 1899 и 1900 гг. В первый раз он поехал туда по делам своей адвокатской конторы, связанным с необходимостью разрешить спор между Раджой Кхетри и правителем княжества Джайпур. В Англии он познакомился с некоторыми видными представителями английского общества. Эта поездка убедила его в необходимости дать сыну английское образование.

Однако по возвращении в Индию Мотилал столкнулся с проблемой, о которой он не знал раньше. Путешествие, связанное с пересечением океана, считалось для высококастового индуса оскверняющим. Поэтому, когда он прибыл в Аллахабад, то встретил враждебное отношение со стороны влиятельной части кашмирской общины. Они потребовали, чтобы Мотилал совершил обряд *праяшчитта* (искупление греха). Мотилал решительно отказался сделать это. Он писал своему старшему коллеге Притхинату Чаку: «Я ни за что не стану заниматься этим дурацким ритуалом, даже если из-за этого умру. Меня спрово-

⁵ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 24.

⁶ Pandit, Vijaya Lakshmi. The Scope of Happiness. A Personal Memoir. – New York: Crown Publishers, 1979. – P. 74.

цировали и вытаскивали из моего внутреннего мира в публичную жизнь. Но мои враги увидят, что я слишком твердый орешек для них. Я знаю, что такое их каста, и если возникнет необходимость, то в целях самообороны я жестко и беспощадно обнажу ее суть и разорву на мельчайшие клочья эти старые лохмотья»⁷. И позже Мотилал высказывался весьма прямо о своем отношении к религии. Выступая на выборах 1926 г. в Законодательный совет провинции, он сказал: «Я не верю в Божественное откровение каких-либо священных писаний. Разумеется, что в качестве кодексов нравственного поведения почти все религии достаточно хороши. Но представить, что Бог может разговаривать с людьми, – это за пределами моего понимания». Более того, он позволял себе насмешливо высказываться об обожевлении индусами «матери-коровы»: «Люди критикуют меня, – говорил он, – за то, что я не поклоняюсь корове. Но я должен сказать вам вполне откровенно, вне зависимости от того, проголосуете вы за меня или нет, что я не стану на путь обмана – если я назову мать коровой, то кто же тогда мой отец?»⁸.

В мае 1905 г. Мотилал в третий раз отправился в Англию. На этот раз с пятнадцатилетним Джавахаром. В поездке их сопровождали Сваруп Рани и четырехлетняя Нан. В Англии Мотилал определил сына в четвертый класс престижной Школы Хэрроу в небольшом местечке Хэрроу, в нескольких километрах к северо-западу от Лондона. Основанная в 1571 г., она была известна тем, что в ней учились премьер-министры Англии Роберт Пиль (1768–1850), Генри Дж.Т. Пальмерстон (1784–1865) (правление которого участвовало в Крымской войне 1853–1856 гг. и подавлении индийского восстания 1857–1859 гг.), Стэнли Болдуин (1867–1947), У. Черчилль (1874–1965), поэт Джордж Гордон Байрон (1788–1824), писатель Энтони Троллоп (1815–1882) и др.

Ко времени поступления Джавахарлала в Хэрроу в ней уже учился старший сын *махараджи* Капуртхалы Парамджит Сингх. Впоследствии Джавахарлал подружился с ним, а его млад-

⁷ Selected Works of Motilal Nehru... Vol. One... – P. 10, 11.

⁸ *Diwaker S.C. Wit and Wisdom of Punditji // Pundit Motilal Nehru: A Patriot.* – Delhi, 1976. – P. 85.

шая сестра – принцесса Амрит Каур вступила в Индийский национальный конгресс и стала единственной женщиной в первом правительстве независимой Индии во главе с Джавахарлалом Неру.

Оставив сына в далеком Лондоне, Мотилал написал ему из Франции трогательное письмо, в котором выразил свои чувства: «Ты должен помнить, что мы расстались с самым дорогим сокровищем на этом свете, а, возможно, и в других мирах. Мы испытываем муки разлуки с тобой только для твоего добра... если говорить просто, то речь идет о том, чтобы сделать тебя настоящим человеком, каким ты должен стать. Было бы чрезвычайно эгоистичным, я должен сказать, греховным, держать тебя возле нас и оставить тебе наследство в золоте, а тебя – почти без образования. Я никогда не думал, что люблю тебя так сильно, как сейчас, когда я расстался с тобой»⁹.

Вскоре после возвращения в Индию Сваруп Рани родила сына. Об этом известили Джавахарлала, и он направил поздравление родителям. Но пока его письмо шло в Индию, младенец умер. Мотилал и Сваруп Рани были в отчаянии. Для нее это был второй сын, которого она потеряла после рождения, для Мотилала – третий.

Джавахарлал в Англии

После поступления Джавахарлала в Хэрроу очень быстро обнаружилось, что по общему развитию и по многим предметам он опережал своих сверстников. Круг его интересов был шире, он больше читал книг и газет, чем его товарищи по школе, которые увлекались спортивными играми. О ранних интересах молодого Неру свидетельствовал такой эпизод. В конце 1905 г. в Англии состоялись выборы, на которых победу одержали либералы. Преподаватель спросил учеников, что они знают о новом правительстве. Джавахарлал оказался единственным в классе,

⁹ *Ali, Tariq. An Indian Dynasty... – P. 10.*

кто смог сообщить подробные сведения о составе кабинета министров во главе с Кэмпбелл-Баннерманом¹⁰.

И хотя Джавахарлал, так же как и его сверстники, занимался спортом, он почувствовал, что явно перерос Хэрроу. Он писал отцу: «Я должен признать, что не могу по-настоящему общаться с английскими ребятами. Мои вкусы и предпочтения заметно отличаются. Здесь более взрослые ребята в старших классах интересуются вещами, которые мне кажутся детскими. Я иногда думаю, что мне следовало бы поступить сразу в университет»¹¹. В итоге Джавахарлал покинул Хэрроу через два года, раньше обычного срока обучения.

В октябре 1907 г. он поступил в Тринити колледж, Кембридж, где проучился три года. Это были учебные занятия, спорт, постепенное расширение умственного кругозора и множество друзей. Он поступил на отделение естественных наук, изучал химию, геологию, ботанику. Но его больше интересовали проблемы истории, литературы, политики, экономики, взаимоотношения полов. Вместе с другими студентами он обсуждал идеи модного тогда Ницше, посетил лекцию по социализму Джорджа Бернарда Шоу. Именно в этих дискуссиях и чтении Джавахарлал получил те знания, которые пригодились ему в будущем.

В эти же годы в Индии происходили большие события, которые волновали Джавахарлала и в которых он хотел бы принять участие. Это был раздел Бенгалии, который сопровождался волнениями, кампаниями *свадешии* (за производство отечественных товаров) и бойкотом иностранных товаров. Впервые со времени восстания 1857–1859 гг. Индия поднялась на борьбу, а не подчинялась покорно чужеземному господству, писал Джавахарлал в «Автобиографии». Известия о деятельности Тилака и его осуждении, об Ауробиндо Гхоше, о выступлении народных масс в Бенгалии волновали всех индийцев, проживавших в Англии. Почти все они были приверженцами Тилака – экстремистами, как в Индии называли его сторонников¹².

¹⁰ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 27.

¹¹ Nanda B.R. The Nehrus: Motilal and Jawaharlal. – London: George Allen & Unwin, 1962. – P. 24.

¹² Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 31.

В те же годы Кембридж посещали и выступали перед индийскими студентами видные конгрессиистские деятели. Среди них – лидер умеренных Гопал Кришна Гокхале (1866–1915), Бепин Чандра Пал, Лала Ладжпат Рай. Тогда же в Оксфорде учился Лала Хар Даял (1884–1930), который пользовался большим уважением среди индийцев. Впоследствии он пропагандировал идею свержения британского господства путем всеобщего бойкота в сочетании с ненасильственными методами.

Одновременно с Неру в Кембридже обучались несколько человек, сыгравшие впоследствии видную роль в деятельности Индийского национального конгресса. Среди них Дж. М. Сенгупта, Сайфуддин Китчлу, Саид Махмуд и другие. Некоторые из сверстников Джавахарлала в дальнейшем стали чиновниками престижной Индийской гражданской службы (ИГС) или министрами¹³.

Еще до окончания университета перед Джавахарлалом встал вопрос о его будущей карьере. Рассматривалась возможность поступления на Индийскую гражданскую службу. Но ни Мотилала, ни его сына эта перспектива не особенно привлекала. В итоге было решено остановить выбор на отцовской профессии – адвокатуре.

В 1910 г. Джавахарлал закончил учебу в Кембридже. Он успешно сдал экзамены по геологии, химии и ботанике и получил почетный диплом второй степени. Затем он вступил в ассоциацию адвокатов Иннер Темпл в Лондоне. В течение последующих двух лет он занимался юриспруденцией и сдавал экзамены на звание адвоката, по его словам, «без блеска, но и без провалов». В остальное время он испытывал «неопределенное влечение к фабианцам и к социалистическим идеям», а также интересовался женским суфражистским движением и событиями в Ирландии. Он посетил Ирландию в 1910 г. и писал отцу: политика Шинн Фейн состоит в том, чтобы «не просить о благосклонности, а завоевать ее. Они не хотят воевать с Англией при помощи оружия, а игнорировать ее, бойкотировать ее и спокойно добиться управления делами Ирландии¹⁴.

¹³ Там же. – С. 32.

¹⁴ *Nanda B.R. The Nehrus...* – P. 90.

Летом 1912 г. Джавахарлал получил право на адвокатскую практику и в августе того же года вернулся в Индию. Ему было почти 23 года. Он поступил на службу в Высокий суд Аллахабада, где занялся юриспруденцией. Но довольно скоро он почувствовал, что его «затягивает серая рутинная бессмысленная существования». Профессия юриста не вызывала у него искреннего энтузиазма. Джавахарлал вступил в Индийский национальный конгресс и присутствовал на его собраниях, которые проводили время от времени по случаю каких-то событий, например, кампании против дискриминации индийцев в Южной Африке. Но все это мало его привлекало. Политика для него означала «энергичную националистическую деятельность, направленную против чужеземного господства»¹⁵. В то время Джавахарлал обратил внимание на созданное Гопалом Кришной Гокхале общество «Слуги Индии». Однако политические принципы этого общества были слишком умеренными для него. Да к тому же он пока еще не хотел отказаться от своей профессии.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Многие индийцы считали, что лояльная поддержка Великобритании принесет Индии вознаграждение в виде политической свободы. Но по мере того, как война затягивалась и все больше индийских солдат погибало на разных фронтах (100 тысяч из более одного миллиона направленных в Месопотамию и Западный фронт), настроения стали меняться. Как умеренные, так и экстремисты в Конгрессе с удовлетворением воспринимали победы немцев¹⁶.

Политическая деятельность Джавахарлала Неру в первые годы войны была весьма скромной. Он был застенчив и не решался выступать перед публикой. К тому же он не был уверен в своей способности свободно говорить на хиндустани. И только в 1915 г. Джавахарлал впервые выступил на митинге в Аллахабаде с небольшой речью на английском языке.

В декабре 1916 г. на сессии Конгресса в Лакхнау Джавахарлал впервые встретился с Мохандасом Карамчадом Ганди (1869–1948), который вернулся из Южной Африки в 1915 г. Ганди тогда отказывался от прямого участия в деятельности

¹⁵ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 38, 40.*

¹⁶ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 42.*

Конгресса и казался очень далеким, не похожим на окружающих, и аполитичным. В то время Джавахарлал вновь вернулся к былым социалистическим идеям, скорее гуманистического и утопического порядка, нежели научного. Все это рождало в его душе разрастающийся конфликт и недовольство профессией адвоката¹⁷.

В 1916 г. состоялась свадьба Джавахарлала и 17-летней Камалы из семьи кашмирских брахманов. Выбор невесты и свадьба были организованы его отцом в соответствии с традицией, а также с надеждой Мотилала на то, что это привяжет сына к его дому. Джавахарлал сопротивлялся как мог, но преодолеть выбор отца и его стремление женить сына он не смог. Его судьба была решена за год до свадьбы, когда Камалу привезли в Аллахабад из Дели к ее дяде, чтобы она могла привыкнуть к обстановке, подучиться английскому языку, познакомиться со своим женихом и его родственниками¹⁸.

Время и дата свадьбы были определены астрологами – 8 февраля 1916 г. Свадьба была организована со всей возможной роскошью и богатством. Мотилал заказал специальный поезд, чтобы привезти 350 гостей из Аллахабада в Дели. Там около дома невесты из красочных тентов был сооружен «Свадебный лагерь Неру». Отмечалось, что почти все кашмирские брахманы Северной Индии почтили своим присутствием эту свадьбу, которая продолжалась в Дели целую неделю. В первый день свадьбы жених и невеста совершили традиционный свадебный обряд *santnapadi* – семь шагов вокруг священного огня, и таким образом стали мужем и женой. После празднований в Дели украшенный гирляндами поезд вернулся в Аллахабад, где начались широкие свадебные празднования в Ананд Бхаване, куда съехалось огромное множество родственников и друзей. Джавахарлал пишет об этом очень скупно: «Я женился в 1916 году в Дели» (даже без упоминания имени Камалы)¹⁹.

¹⁷ Там же. – С. 46.

¹⁸ *Wolpert, Stanley. Nehru. A Tryst with Destiny.* – New York: Oxford University Press, 1996. – P. 32–35.

¹⁹ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 46.

19 ноября 1917 г. Камала родила дочь. К этому времени в Ананд Бхаване собрались все ближайшие родственники Неру. Рождение дочери было встречено холодным молчанием. «Должен был родиться сын», – сказала Сваруп Рани. Мотилал рассердился. «Разве мы делаем различие между нашим сыном и двумя дочерьми? – громко заявил он. – Разве мы не любим их одинаково? Эта дочь Джавахара может быть лучше, чем тысячи сыновей». Девочке дали имя Индира.

Мотилал – глава семьи

Стоит прислушаться к тому, что думали и говорили о Мотилале Неру его дочери. Виджая Лакшми считала отца мятежником и бунтарем с его юных лет. Он не останавливался перед традиционными и принятыми в обществе кастовыми и другими условностями. Он смело выступал против того, что считал вредным для развития и социального прогресса. Для него не было половинчатых мер. Он ненавидел все формы ханжества и не боялся, что может быть подвергнут остракизму со стороны своей общины за отступление или нарушение принятых норм и обычаев. Мотилал Неру был одним из немногих брахманов, которые пользовались услугами неприкасаемых в качестве прислуги и поваров. Этот вызов традиции продолжили Джавахарлал Неру, его сестры и позже его дочь.

Отличительными чертами его характера были утонченная вежливость и острый сарказм. А также его гнев и возмущение, когда он чувствовал несправедливость. Но больше всего от других его отличал заразительный громкий смех, который был частью его жизнелюбивой натуры. Многие из этих черт были унаследованы его детьми²⁰.

В противоположность Мотилалу, его жена Сваруп, выданная за него замуж в 14 лет, была олицетворением традиционной индусской жены. Она практически не говорила по-английски. Ее жизненные интересы были целиком сосредоточены на семье. Строгая вегетарианка, она была глубоко религиозной и придер-

²⁰ *Pandit, Vijaya Lakshmi. The Scope of Happiness... – P. 35, 36.*

живалась установленных обычаев и правил, посещала святые места, такие как Варанаси.

Мотилал посмеивался над ее религиозностью, но не препятствовал паломничеству жены, хотя считал это пустой тратой времени. Он говорил, что паломники «должны ехать на Запад – в Европу, Америку в поисках ключа к прогрессу для того, чтобы открыть дверь для нашей более насыщенной и богатой жизни»²¹.

Мотилал восхищался британцами и их образом жизни. Ананд Бхаван был фактически поделен на две части – западную и восточную, с отдельными столовыми и кухнями. В первой главенствовал Мотилал, во второй – его жена. Уважая ее религиозность, Мотилал никогда не ел говядину, а также свинину, чтобы не обидеть слуг-мусульман. Но он не отказывал себе в алкогольных напитках. В его доме был один из лучших в провинции винных погребов.

Своеобразный компромисс в приеме пищи состоял в том, что шесть дней в неделю семья собиралась за столом на 24 персоны на западной половине дома. При этом все носили европейские одежды (кроме матери). Подавалась «западная» еда. По воскресеньям и многочисленным индусским праздникам семья собиралась на восточной половине. Все сидели на ковриках, скрестив ноги. Перед каждым стояли низенькие столики. На них в серебряных подносах находились вегетарианские блюда. Все ели пальцами²².

Аллахабад в то время был фактически поделен на две части – индийскую и европейскую. Индийскую часть города составляли узкие извилистые дороги, открытые сточные канавы, убогие дома. В европейской части могли жить лишь немногие индийцы. В ней располагался прекрасный парк, где по субботам играл военный оркестр, публика прогуливалась по аллеям. На скамейках в парке были надписи: «Только для европейцев».

²¹ Ibid. – P. 38, 39.

²² *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch. We Nehrus.* – New York: Holt, Rinehart and Winston. 1967. – P. 6, 7.

Немногие индийцы отваживались посещать этот парк, чтобы не подвергнуться оскорблениям.

Дом Мотилала Неру находился в западной части города, посредине обширного сада. Там же были теннисные корты, дорожки для верховой езды, крытый плавательный бассейн. Дом был спланирован таким образом, что в его центре был открытый внутренний двор с фонтаном. Жаркими летними вечерами фонтан наполняли блоками льда и душистыми цветами. Внутренний двор использовался для многочисленных приемов и встреч. В качестве гостей бывало много англичан, среди них губернатор провинции. Как писала Виджая Лакшми, «отец верил в честную игру и справедливость англичан и встречался с ними как с равными».

После того как Мотилал Неру подарил этот дом Конгрессу (1927 г.), он назвал его Сварадж Бхаван (Дом независимости). Почти сразу же он начал строительство нового дома на той же территории, всего в ста метрах от старого дома, в котором оставалась семья Неру до тех пор, пока для нее не был построен новый дом под прежним названием Ананд Бхаван.

Сама идея строительства нового дома вызвала возражение у Джавахарлала. «Зачем он вам, – спрашивал он отца. – Вы только что отдали большой дом Конгрессу. По идее, после этого мы могли бы жить в хижине». На это Мотилал отвечал: «Ты можешь уйти и жить в хижине через дорогу, если тебе это нравится. Я не собираюсь последовать за тобой». В итоге был построен дом из 40 комнат. Вся семья Неру, включая Джавахарлала, Камалу и их дочь Индиру, переселилась в него в 1929 г.²³

²³ Ibid. – P. 75.

Глава 2. Мотилал входит в политику

Лидеры Конгресса

Деятельность Мотилала Неру была связана исключительно с одной партией – Индийским национальным конгрессом, который был образован 28 декабря 1885 г. в Бомбее. Непосредственная инициатива в создании Конгресса принадлежала бывшему крупному чиновнику Индийской гражданской службы англичанину Аллану Октавиану Юму, который действовал в контакте с британской колониальной администрацией во главе с вице-королем Дафферином. Конгресс был задуман ими как вынужденная мера, как «предохранительный клапан» для выпуска накопившегося недовольства индийцев политикой колонизаторов. Вначале он действительно выполнял эту задачу, но постепенно сошел с позиций реформаторства в рамках колониальной системы и стал на путь национально-освободительной борьбы против британской власти.

Годы, предшествовавшие появлению Конгресса как всеиндийской организации, были отмечены созданием многочисленных националистических групп и организаций в стране. В первой сессии Конгресса участвовало 72 делегата и 30 наблюдателей из разных районов страны. Большинство из них были представителями среднего класса, получившими английское образование (более половины всех делегатов), – юристы, врачи, журналисты, государственные служащие, землевладельцы. Среди делегатов не было как представителей старой аристократии – раджей и махараджей, так и крупных заминдаров (помещиков) и торговцев, а также крестьян и ремесленников.

Ядро первоначального руководства Конгресса состояло из индийцев, которые в Лондоне в конце 1860-х – начале 1870-х годов изучали юриспруденцию или сдавали экзамены в Индийскую гражданскую службу (ИГС). Среди них были Ферозшах Мехта, Бадруддин Таябджи, Мохан Чандер Баннерджи, братья Манмохан и Лалмохан Гхош, Сурендранатх Банерджи, а также Дадабхаи Наоруджи (1825–1917) – политический и

общественный деятель, первый индеец – член британского парламента (1862 г.).

Некоторые из них, главным образом те, кто не был принят в ИГС или уволен из нее, такие как Сурендранатх Банерджи из Калькутты, М.Г. Ранаде из Пуны, К.Т. Теланг из Бомбея, Дж. Субраманья Айер из Мадраса, создали местные патриотические организации. Наиболее значимыми из них стали Пуна Сарваджаник сабха (1870 г.), Индийская ассоциация (1876 г.), Мадрасская Махаджана сабха (1884 г.) и Бомбейская президентская ассоциация (1885 г.). Это были политические организации, состоявшие главным образом из юристов. С начала 1880-х годов предпринимались попытки объединить эти организации и создать всеиндийскую ассоциацию. В 1883 г. и 1885 г. в Калькутте были проведены две национальные конференции Индийской ассоциации под руководством Сурендранатха Банерджи. С точки зрения исторической перспективы создание Индийского национального конгресса было ответом индийской передовой общественности на социально-экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в середине 1880-х годов¹.

В работе первой сессии Конгресса приняли участие представители разных религиозных конфессий: индуусы, христиане, парсы, джайны и мусульмане. В целом линия на сохранение определенного баланса в представительстве разных конфессий в руководящих органах Конгресса сохранялась и в последующие годы. Так, президентом Конгресса в 1886 г. был парс Дадабхай Наороджи, в 1887 г. – мусульманин Бадруддин Таяджи, в 1888 г. – христианин Джордж Юл и т. д.

Президентом первой сессии Конгресса был избран инду-бенгалец Ромеш Чандер Боннерджи, про которого говорили, что он выглядел – «каждый дюйм как англичанин», и в то же время «каждый дюйм как инду». В своей речи Боннерджи сформулировал четыре задачи – самых общих и достаточно скромных: «развивать личную дружбу и привязанность между всеми, кто работает на благо страны; укреплять чувство национального

¹ *Sitaramayya, Patabhi*. The History of the Indian National Congress 1885–1935. – Bombay: The Working Committee of the Indian National Congress, 1935. – P. 98.

единства среди тех, кто любит Индию; продвигать мнение образованных классов Индии по наиболее важным и насущным социальным вопросам; и определять направление и методы, при помощи которых местным политикам следует работать в течение последующих двенадцати месяцев в интересах общества»².

Боннерджи выразил полную лояльность британским властям. «Многое, – сказал он, – было сделано Великобританией на благо Индии, и вся страна воистину благодарна ей за это». «Но, – добавил Боннерджи, – еще многое предстоит сделать... Я думаю, что наше желание быть управляемыми в соответствии с идеями, преобладающими в Европе, ни в коей мере не противоречит нашей глубокой лояльности Британскому правительству. Все, чего мы желаем, – это расширить базу правительства, чтобы народ имел соответствующую и законную долю в нем». Приблизительно в таком же духе были выдержаны выступления других делегатов. Однако достаточно острой была речь Дадабхаи Наороджи. Участники первой сессии Конгресса не избирались, а, по существу, назначались из определенной группы людей. Чтобы стать делегатом этой сессии, достаточно было уплатить небольшой взнос. Но уже в последующие годы делегаты избирались на публичных митингах, которые проводились в разных провинциях. В течение ряда лет у Конгресса не было устава. Каждый год его сессии проводились в разных городах, избирался новый президент. Подготовка этих мероприятий осуществлялась местным комитетом на собранные в городе или провинции средства. После окончания сессии местный комитет продолжал действовать в течение нескольких месяцев для того, чтобы организовать публикацию принятых документов и их распространение.

Мотилал начал свою политическую деятельность тем, что вступил в Конгресс в начальный период его формирования. Он принял участие в ежегодном заседании Конгресса, которое проходило в Аллахабаде в 1888 г. Тогда Мотилал был зарегистрирован как один из 1248 делегатов, собравшихся на этой сессии.

² A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1919 / Gen. editor Pande B.N. – New Delhi: All India Congress Committee (I), Vikas Publishing House, 1985. – P. 103.

Против его имени стояла следующая запись: «Пандит Мотилал Неру, индус, брахман, вакил, Высокий суд Северо-Западных пограничных провинций»³.

В следующем 1889 г. он был избран на очередной сессии Конгресса в Бомбее во влиятельный, определявший повестку дня комитет (The Subjects Committee). И вновь вошел в состав этого же комитета Конгресса на сессии в Нагпуре в 1891 г. В следующем 1892 г. сессия Конгресса снова состоялась в Аллахабаде. Мотилал стал секретарем комитета Конгресса по приему делегатов. Но на этот раз их было всего 626.

Появление Конгресса на общественной и политической сцене страны было частью длительного процесса эволюции политических и общественных идей, результатом социально-экономических и политических изменений в индийском обществе во второй половине XIX в., в том числе и в отношениях между индийцами, точнее, их наиболее продвинутой и просвещенной частью, и британской колониальной администрацией.

По мнению некоторых индийских историков, Конгресс вначале задумывался англичанами не для того, чтобы обеспечить индийцам представительство во власти или обучить их парламентским формам правления, а чтобы «остановить движение к революционному взрыву». Реальная цель, которая преследовалась созданием Конгресса, состояла в том, чтобы предотвратить объединение индийской интеллигенции с массами, что могло бы привести к восстанию против британской колониальной власти⁴. Другие историки, напротив, исходили из того, что участники первой сессии Конгресса были патриотами высоких моральных достоинств и ни в коей мере не были ставленниками иностранного правительства⁵.

В первые десятилетия своей деятельности Конгресс требовал проведения конституционных реформ в рамках существующего

³ Congress Varnika. 100 Years of Indian National Congress. 1985, Dec. – Vol. 2. – № 12. – P. 192.

⁴ *Majumdar R. C. History of the Freedom Movement in India. In 3 vols. – Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1962–1963. – Vol. I – P. 392.*

⁵ *Chandra B., A. Tripathi and B. De. Freedom Struggle. – New Delhi: National Book Trust, 1982. – P. 57.*

колониального режима. Руководители Конгресса добивались своего участия в управлении страной через уже созданные англичанами законодательные советы в провинциях Британской Индии. Особое внимание Конгресс уделял участию индийцев в гражданских службах. Он требовал одновременного проведения экзаменов в эти службы в Индии и Англии и повышения возрастного ценза для экзаменующихся индийцев, чтобы они находились в равном положении с англичанами.

Экономические требования Конгресса отражали прежде всего интересы образованного среднего класса, который составлял основу этой организации. К этим требованиям, например, относилось повышение необлагаемого минимума дохода. Растущее влияние землевладельцев в Конгрессе проявилось в том, что уже на первых своих сессиях он выдвинул такие требования, как предоставление постоянного права на землю крестьянам, смягчение закона о пользовании лесами, снижение налога на соль и т. п.

Религиозные, социальные и региональные вопросы, затрагивающие интересы различных общин и каст, намеренно исключались из обсуждения на заседаниях Конгресса, который с самого начала подчеркивал важность единства всех индийцев.

На первом этапе своего развития Конгресс был целиком и полностью лояльным по отношению к британскому правительству. Председательствовавший на первой сессии Конгресса Р.Ч. Боннерджи говорил о «благословенном британском правлении в Индии». Дадабхаи Наороджи заявил: «Мы, подданные и дети Британии, имеем право наследовать великое блаженство свободы и представительства». Другой делегат, Субраманья Айер, вторил ему: «Счастливая рука Провидения распорядилась поставить Индию под управление великой Британии... Правление Великобритании по своим результатам и направленности было лучше, чем другое правление». Не случайно, что на заключительном заседании все делегаты единодушно трижды провозгласили здравицу «Ее Величеству Императрице»⁶. Главная цель Конгресса в тот период состояла в том, чтобы добиться своей

⁶ *Singh, Iqbal. Indian National Congress: A Reconstruction. Vol. 1 (1885–1918). – New Delhi: Manohar, 1987. – P. 19.*

доли участия в системе колониального управления Индии. Лидеры Конгресса выражали надежду, что британское правительство позволит индийцам создать некое самоуправление при помощи представительных институтов в рамках колониальной власти. Речи лидеров и резолюции Конгресса в этот период постоянно начинались с уверений в лояльности колониальной власти, преданности короне и с благодарностей за «многочисленные блага, которые Великобритания принесла Индии». Что касается требований, то они сводились к попыткам добиться незначительных административных перемен, а не радикальных политических реформ. Но даже эти в высшей степени скромные пожелания оставались без внимания колониальных властей⁷.

Лидеры Конгресса в те годы сами были продуктом западного либерализма. Они искренне верили в британское чувство справедливости и уважения демократии. Среди них был и Мотилал Неру. Конгрессисты встречались всего один раз в год, обсуждали и принимали резолюции, посылали в правительство петиции и делегации. Но все это не приносило желаемых результатов.

Один из основателей Конгресса, представитель умеренного национализма, видный социальный реформатор Махадев Говинд Ранаде (1842–1901), по касте брахман-читпаван, был судьей, историком, экономистом и властителем дум передовой индийской интеллигенции того времени. В 1887 г. Ранаде предпринял попытку обобщить опыт различных религиозно-реформаторских организаций и общественных движений на общеиндийском уровне. Созданная тогда под его председательством Индийская национальная социальная конференция вовлекла в орбиту своей деятельности реформаторов из различных религиозных общин, правителей некоторых княжеств, а также индийцев – чиновников Индийской гражданской службы⁸.

Сторонником радикальных реформ в социальной сфере был Гопал Кришна Гокхале (1866–1915), который считал себя последователем Ранаде. В 19 лет он вступил в Деканское образовательное общество в Пуне, члены которого давали «обет бед-

⁷ Ray N.R. Introduction // A Centenary History ... – P. 22, 23.

⁸ См.: Юрлова Е.С. От неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. – М.: ИВ РАН, 2003. – С. 45.

ности» сроком на 20 лет, чтобы целиком и полностью посвятить себя служению соотечественникам. В 33 года он был избран членом недавно образованного законодательного совета Бомбея, а через три года стал членом Имперского законодательного совета при вице-короле Индии, где занимался вопросами экономики.

Гокхале был либералом и утверждал, что реальное национальное развитие невозможно без социальных реформ. По его мнению, одна из главных причин упадка Индии состояла в кастовом неравенстве, в том, что неприкасаемые – огромная масса населения – пребывают в невежестве и нищете. Он верил в духовное начало в политике, считал, что для достижения праведных целей должны использоваться праведные средства. Он активно участвовал в работе Индийской национальной социальной конференции. Гокхале считал, что государство должно принять и осуществить прогрессивные социальные законы, чтобы изменить общественное устройство страны. Он видел политическое возрождение Индии в социальном подъеме народа, настойчиво выступал за улучшение положения низших каст, за устранение социальных барьеров и неравенства, а также за укрепление индусско-мусульманского единства.

Британское правление Гокхале рассматривал как «невидимую руку Провидения на благо Индии». Так же, как и другие умеренные либералы – Дадабхай Наороджи, Ранаде, Сурендрнатх Банерджи, он верил в справедливость английских либералов. Индийские умеренные рассматривали их как своих союзников. Они постоянно вели поиск компромисса между индийским национализмом и британским империализмом. Гокхале полагал, что политическое и экономическое развитие Индии должно происходить в рамках Британской империи при помощи, сотрудничестве и под руководством Британии. Империализм не рассматривался умеренными либералами как зло. Они были убеждены в том, что Индия может достичь своих политических целей только в «результате длительного обучения» принципам и практике представительного правительства. Гокхале придерживался мнения, что в индийской ситуации использование насилия было бы непродуктивным и даже самоубийственным.

Как и другие умеренные, он выдвигал идею самоуправления Индии в форме доминиона⁹.

Мотилал Неру – сторонник социальных реформ

Мотилал Неру разделял взгляды Гокхале и также придерживался умеренных позиций. Кроме того, он был сторонником идей Ранаде о важности проведения социальных реформ. Он исходил из того, что при британском правлении такая возможность существовала, но не была реализована. Это касалось кастового разделения общества, положения женщин, в том числе ранних браков, вторичного замужества вдов и других острых проблем. Благодаря «Брахмо самадж» (Брахмоистскому обществу), основанному в 1828 г. Раммоханом Раем, и «Арья самадж» (Обществу просветленных), созданному в 1875 г. Дайянандой Сарасвати, были достигнуты лишь некоторые успехи на этом пути. Но эти результаты не соответствовали масштабам проблем из-за недооценки социальных вопросов, которые считались менее важными, чем политические. В этой связи Мотилал Неру выражал свое несогласие с теми, кто заявлял, что в первую очередь должны быть решены проблемы политические и только затем – социальные. Он считал, что достижение политической свободы невозможно без освобождения от многих социальных болезней общества. Наличие небольшой группы образованных, талантливых людей в океане неграмотных, невежественных масс, подверженных предрассудкам, никогда не приведет к созданию нации в истинном значении этого слова.

А для этого, считал Мотилал Неру, нужно отказаться от кастовой системы, разделения общества по религиозному признаку на индусов и мусульман, освободить женщин из тюремных стен зенаны (женской половины), дать им образование, предоставить равные с мужчинами права, покончить с обычаем детских браков, когда не достигшие половой зрелости девочки и такие же мальчики рожают детей. Только тогда индийское об-

⁹ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 33–34, 39, 40.

щество встанет в один ряд с наиболее продвинутыми нациями в мире.

Главная мысль Мотилала Неру состояла в том, что социальные реформы должны предшествовать политическим или идти рука об руку с ними. Социальные реформы можно называть «матерью» политических преобразований¹⁰.

Отсюда Мотилал Неру делал вывод, что политическая агитация не может быть началом и концом общественной деятельности. Тем, кто не согласен с этим, лучше «удалиться в джунгли и провести остаток жизни в медитации». А те, кто согласен, должны не тратить время попусту, а начать решительную борьбу за это благородное дело. Путь социального реформатора никогда не был усыпан розами. Но сейчас обстоятельства изменились по сравнению с недавним прошлым. Вместо того чтобы встречаться на конференциях и давать советы различным кастовым ассоциациям, следует разработать общую платформу для разных каст. Еще в 1880-х годах дискуссии о поездках за границу и о вторичном замужестве вдов вызывали «бурю в стакане воды». Но, несмотря на это, продолжал Мотилал Неру, ссылаясь на собственный опыт, более смелые ездили за границу и посылали своих сыновей. То же самое можно сказать о замужестве вдов, которое все больше входило в практику общества.

С присущей ему решимостью Мотилал Неру заявлял, что он отказывается придерживаться обычаев и практик брахманов, когда они препятствуют ему, истинному индийцу, выполнять свой долг. И это вполне соответствовало известному афоризму: «Я, прежде всего, индеец и только после этого брахман». Мотилал Неру напоминал о «величайшем брахмане из брахманов» Ранаде, который благодаря своему огромному интеллекту и глубокому изучению брахманизма вывел новую формулу служения родине. Он отверг касту, считая ее «главным бесчестием нашей социальной системы». Он утверждал, что великая борьба про-

¹⁰ Speech Delivered as President at the Third United Province Social Conference in Agra. April 18, 1909 // Works of Motilal Nehru. Vol. One (1899–1918). Issued under the Auspices of Nehru Memorial Museum and Library / Ed. by Ravinder Kumar and D.N. Panigrahi. – New Delhi: Vikas Publishing House Pvt. Ltd., 1982. – P. 225–236.

тив касты должна идти на главном направлении общественной деятельности, а не на ее периферии. Выступая за проведение социальных реформ, Мотилал Неру понимал, что они выходят за рамки того, что обязан делать брахман в качестве своего религиозного долга. И он обращался к присутствовавшим с призывом освободиться от рабства касты и перейти к решительным действиям, невзирая на сопротивление членов их касты. Кастовые ассоциации должны начать работу по ликвидации зла, присущего их кастам. Но как заставить их ликвидировать систему, которая является фундаментом их существования? Это равносильно обращению к Папе Римскому с просьбой отменить католицизм. С такой задачей может справиться Социальная конференция, в которой представлены разные касты. Именно она может выработать общие для всех каст правила и на этой основе – программу практических действий. Так говорил Мотилал Неру в своем выступлении на заседании Социальной конференции в 1909 г. в Агре. Он предложил заложить в упомянутую программу соответствующее образование для мальчиков и девочек, открытие новых школ для девочек. Но главное – сконцентрировать внимание на коренных проблемах: ликвидации кастовых барьеров, отмене затворничества женщин, практике пожизненного вдовства. Их решение связано с отменой детских браков, огромных расходов на устройство свадеб, разрешением совместной трапезы представителей разных каст и т. п.¹¹

Индийские умеренные с самого основания Конгресса возлагали особые надежды на английских либералов, а не на консерваторов. Многие из них полагали, что судьба Индии решится в Англии. В 1905 г. Дадабхай Наороджи писал: «Именно в английском парламенте мы должны вести нашу последнюю борьбу и сказать наше последнее слово...»¹². Во время поездки в Англию в 1906 г. Гокхале ставил своей задачей убедить британских парламентариев в необходимости срочных реформ по управлению Индией. А по возвращении в Индию он в своем выступлении

¹¹ См.: Юрлова Е. С. Женщины Индии. Традиции и современность. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 63–65.

¹² Speech Delivered as President... – P. 174, 175.

на сессии Конгресса в Калькутте в декабре 1906 г. выразил на дежду на понимание англичанами проблем Индии.

Другой умеренный лидер Конгресса Сурендранатх Банерджи в 1904 г. вопрошал: «Разве азиаты ниже европейцев? Разве мы являемся представителями более низкой расы, мы, которые высоко держали факел цивилизации, в то время когда вся Европа еще пребывала во власти суеверий?» Тогда же Наороджи говорил о том, что крестьяне России получили Думу от величайшего автократа в мире, и утверждал, что индийцы больше соответствовали принципам самоуправления, чем российские крестьяне¹³. Но даже умеренные не могли примириться с идеей Р. Киплинга о «времени белого человека».

Довольно абстрактные идеи о переосмыслении исторического прошлого Индии на основе своеобразной мечты-утопии о всеохватывающей, гуманной религии и справедливом обществе, которые высказывали некоторые умеренные либералы, очень скоро были оттеснены новой, энергичной, наступательной идеологией. Ее сердцевиной стал лозунг политической мобилизации индусов на борьбу за освобождение Индии от колониализма при сохранении традиционных основ индусского общества.

Одним из лидеров этого направления в политике был Бал Гангадхар Тилак (1856–1920). Он происходил из обедневшей семьи брахмана-читпавана – учителя маратхской школы. Вместе с патриотически настроенными Гопал Ганеш Агаркаром и Вишнушастри Чиплункаром он стал издавать в 1881 г. газеты «Махратта» на английском языке и «Кесари» («Лев») на маратхи для более широкого круга читателей. В отличие от умеренных либералов, Тилак выступал против вестернизации, за возрождение религиозных традиций, за просвещение масс на основе индусской культуры.

Радикал в политике, он был консерватором в социальной сфере. Стремясь сплотить индусов в борьбе за *сварадж*, Тилак не хотел и слышать о каких-либо религиозных или социальных реформах. Он прямо или косвенно оправдывал брахманскую ортодоксию¹⁴. При этом особое внимание он уделял вовлечению

¹³ Ibid. – P. 199.

¹⁴ *Lele J. Caste, Class and Dominance: Political Mobilization in Maharashtra // Dominance and State Power in Modern India.*

масс в национальное движение, используя народные праздники, посвященные культуре Ганапати (Ганеши – бога мудрости, или «владыки народа») и национальному герою Шиваджи Радже Бхосле (1627–1680), сыгравшему большую роль в борьбе против Могольской империи. Сочетание национализма и индуизма придало популярность патриотическому движению. Вместе с тем, это вызвало определенную неприязнь мусульман.

Тилак начинал свою политическую карьеру как умеренный. Он говорил, что не желает ослабления британского правительства. «Наоборот, мы хотим укрепить его, чтобы сделать неуязвимым для любых атак, будь то России или еще какого-либо другого врага». Но в конце 1890-х годов он изменил свое мнение. В январе 1897 г. он писал в «Кесари»: «Последние двенадцать лет мы кричали до хрипоты, чтобы правительство услышало нас. Но наши крики были для правительства не более чем писк комара... Теперь давайте заставим правительство прислушаться к нашим требованиям при помощи сильных конституционных средств». Тилак считал, что термины «умеренные» и «экстремисты» связаны с конкретным периодом борьбы за национальное освобождение. Экстремисты сегодняшнего дня, говорил он, будут умеренными завтра, так же как нынешние умеренные были экстремистами вчера¹⁵.

Программа Тилака включала: *сварадж* (свое правление, самоуправление), *свадеш* (производство отечественных товаров), образование на национальных языках и бойкот иностранных товаров. За политические права, говорил он, нужно бороться. Тилак высмеивал умеренных, говоря, что их политика «попрошайничества» и умиротворения британских властей не даст нужных результатов¹⁶. Английские конституционные ме-

Vol. II. Delhi: Oxford University Press, 1990. – P. 142; подр. о Тилаке см.: *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Наука: Вост. лит., 2014. – С. 335.

¹⁵ Цит. по: *Ghose, Sankar.* The Renaissance to Militant Nationalism in India. – Calcutta: Allied Publishers, 1969. – P. 229, 230.

¹⁶ *Tahmankar, Dattatraya Vishwanath.* Lokmanya Tilak: father of Indian unrest and maker of modern India. – London: John Murray, 1956. – P. 107.

тоды, полагал Тилак, неприемлемы в условиях страны, где нет демократической конституции, которая наделяла бы индийцев властью¹⁷.

Экстремисты и умеренные

Умеренные или либералы конца XIX – начала XX в., такие как Дадабхай Наороджи, Ферозшах Мехта, Гопал Кришна Гокхале, Сурендранатх Банерджи, приветствовали внедрение западной культуры и образования в Индии. Они старались «не смешивать» религию с политикой.

В отличие от них «Арья самадж» и другие религиозно-реформаторские движения и возникшие на их почве политические группы (включая школы террористов-мистиков в Бенгалии) считали необходимым ограничивать европейское культурное влияние в Индии. Такие лидеры, как Тилак, Бепин Чандра Пал, Лала Ладжпат Рай, Ауробиндо Гхош придавали своему патриотизму религиозную окраску, поощряли возрождение исконных индусских традиций в духе религиозного патриотизма. Они по-

¹⁷ Развивая дальше свои идеи, Тилак в публичном выступлении в Калькутте в 1907 г. говорил: «Если вы хотите быть свободными, вы можете быть свободными. Если вы не хотите быть свободными, то будете раздавлены и вечно будете такими. Если у вас нет силы для активного сопротивления, то найдется ли у вас сила для самопожертвования, чтобы не помогать иностранному правительству править вами? Это и есть бойкот, который мы считаем политическим оружием. Мы не будем помогать правительству собирать налоги и поддерживать мир. Мы не будем помогать им нашей кровью и деньгами воевать в Индии и за ее пределами. Мы не будем помогать им осуществлять их правосудие. Мы создадим наши собственные суды. И когда придет время, мы не будем платить налогов. Сможете ли вы сделать это общими усилиями? Если сможете сегодня, то будете свободны завтра ... В таком направлении вы должны думать и действовать и готовить себя к этому. Это и есть путь, по которому нация продвигается вперед. Это и есть способ воспитания национальных чувств. Этот урок следует выучить в той борьбе, которая идет сегодня» (*Tilak B. G. His Writings and Speeches (with an appreciation by Aurobindo Ghose)*. – Madras: Ganesh, 1919. – P. 65.)

лучили название «экстремистов». (Оно закрепилось в индийской литературе на английском языке; на хинди их называли *гарам* – букв. горячие, в отличие от умеренных – *нарам* – мягкие.) Экстремисты обвиняли умеренных в том, что те судили о своих согражданах, исходя из западных культурных традиций викторианской эпохи. Они старались внушить индийцам чувство гордости за свою культуру и традиции, и тем самым расширить рамки национального движения. Им это частично удалось, используя «динамит религии». Национализм-патриотизм стал ассоциироваться с индуизмом. Это была реакция на «избыточную» вестернизацию части образованных индийцев, на презрительное отношение некоторых английских идеологов и политиков к индийцам. Англичане не признавали каких-либо достижений Индии в сфере культуры и науки¹⁸.

Возврат к индуизму в его реформированном виде придал индийцам уверенности и силы. Патриотизм теперь стал ассоциироваться с их прошлым и традициями, а нередко и с враждебностью ко всему английскому. Индийские культурные националисты и возрожденцы считали, что западная цивилизация страдала от этического дуализма: она санкционировала одну модель для западных стран и другую модель для колоний. В стремлении противопоставить себя западным идеалам возрожденцы обращались к «Бхагавад-гите», в которой говорилось, что лучше голодать, чем принять чужую веру. Экстремисты стали выражать серьезное недовольство «политикой попрошайничества», бесконечных петиций и бесчисленных разговоров о «благословенном британском правлении». Они особо указывали на британскую экономическую эксплуатацию Индии и подчеркивали необходимость улучшения положения всего населения, а не только тех групп, представители которых входили в Конгресс. Принципиальным вопросом, который вызывал разногласия в Конгрессе, было проведение социальных реформ, связанных главным образом с изменением приниженного положения женщины в семье и обществе. Многие лидеры Конгресса, включая Тилака, считали, что выдвижение требований о приня-

¹⁸ Ghose, Sankar. The Renaissance... – P. 79.

тии законодательных мер по этим вопросам ослабит их позиции по политическим и экономическим проблемам.

Первое десятилетие XX в. стало периодом активной политической трансформации Конгресса. К этому времени вполне определенно выявилось, что британские власти были готовы пойти лишь на незначительные конституционные реформы, но отказывались сделать что-то значительное, чтобы облегчить положение индийского народа. Поэтому преобладавшие в Конгрессе умеренные либералы стали терять в нем свои позиции. Некоторые из них, как, например, Гокхале, пытались придать некий динамизм требованиям умеренных. Выступая в качестве президента на сессии Конгресса в Бенаресе в 1905 г., Гокхале заявил: «Цель Конгресса состоит в том, чтобы Индия управлялась в интересах самих индийцев. И с течением времени в этой стране должна быть создана форма правления, подобная той, что существует в самоуправляемых колониях Британской империи». Далее он развил эту мысль следующим образом: «К лучшему или худшему, но наша судьба ныне связана с судьбой Англии, и Конгресс признает, что любое продвижение вперед, которого мы добиваемся, должно быть в рамках самой империи»¹⁹.

В течение почти 20 лет (1885–1905) на заседаниях Конгресса доминировали умеренные. «Они принадлежали к классу, который был индийским по крови и цвету кожи, но британским по вкусам, взглядам, морали и интеллекту, – писал конгрессистский журнал *Varnika*. – Они поддерживали британские институты. Они верили в то, что Индия нуждается в сбалансированном и четком представлении ее нужд англичанам и их парламенту. Они верили в британское чувство справедливости и честной игры»²⁰. Таких же взглядов придерживался и Мотилал Неру, хотя на несколько лет он отошел от непосредственной работы в Конгрессе.

Умеренные верили в порядок и прогресс, в конституционные меры в рамках существующих законов. Они верили в терпение, настойчивость, переговоры и компромисс. Целью умеренных в

¹⁹ Цит. по: *A Centenary History, Vol. One ...* – P. 24–25.

²⁰ *Congress Varnika ...* – P. 40, 41.

тот период было продвижение индийцев на высокие государственные посты и создание представительных институтов. Вместе с тем они поднимали и социально-экономические вопросы: организовали движение против предполагавшейся отмены таможенных тарифов на импорт иностранных товаров, настаивали на предоставлении дешевых государственных кредитов крестьянам, на расширении системы ирригации, на улучшении условий труда плантационных рабочих. Умеренные в Конгрессе обвиняли правительство в растущей нищете и отсталости населения.

Но особенно настойчиво они боролись против ограничений, вводимых колониальными властями в отношении свободы печати. Это было, в частности, связано с арестом Тилака в 1897 г. и осуждением его на 18 месяцев тюрьмы за высказывания против правительства. Хотя Тилак не принадлежал к лагерю либералов, умеренные активно выступили за его освобождение.

Главная слабость умеренных состояла в их узкой социальной базе. Их резолюции, петиции, обращения к британским властям оставались не известными большинству населения. Их влияние было ограничено лишь частью городского населения. А поскольку умеренные не пользовались массовой поддержкой, они заявляли, что время еще «не пришло», для того чтобы бросить вызов иностранным правителям. Вот что говорил в этой связи Гокхале: «Вы не представляете огромных резервов британской власти. Если Конгресс сделал бы что-то из того, что вы предлагаете, правительство без труда придушило бы это в течение пяти минут»²¹.

И тем не менее, умеренные выступали в защиту национальных интересов против колониальной эксплуатации. Они стремились реформировать существовавшую систему управления путем мирных, постепенных конституционных мер. Однако их влияние в Конгрессе стало снижаться по мере ужесточения британской колониальной политики в начале XX в., что особенно ярко проявилось в разделе Бенгалии в 1905 г. Одновременно в Конгрессе стали набирать силу националисты-патриоты во

²¹ Ibid.

главе с Тилаком. Они выступили с призывом бойкотировать английские товары в знак протеста против раздела Бенгалии в 1905 г.

Движение свадеш

В начале XX в. в Индии стал развиваться местный капитализм, остро нуждавшийся в помощи со стороны государства и не получавший ее. В отдельных областях страны начались выступления в поддержку товаров собственного производства и бойкота британских товаров. Со временем они переросли в движение против британской власти. Самым заметным толчком для развертывания движения *свадеш* стали события в Бенгалии, начавшиеся после того, как вице-король Индии Керзон объявил 3 декабря 1903 г. о плане раздела Бенгальской провинции на несколько административных единиц. Буквально через несколько дней после этого на сессии Конгресса в Мадрасе (декабрь 1903 г.) была принята резолюция, в которой выражалась глубокая озабоченность такими планами²².

Раздел Бенгалии на две части (одну – преимущественно индусскую и другую – преимущественно мусульманскую) вызвал бурю негодования среди индийцев. Глубинный смысл раздела состоял в том, чтобы остановить растущее влияние национального движения против колониализма. 16 октября 1905 г. раздел Бенгалии стал свершившимся фактом. Керзон объявил о разделе единой Бенгалии и образовании новой провинции, включающей Восточную Бенгалию и Ассам. По его плану этот раздел должен был подорвать единство не только бенгальского, но и всего индийского народа, поднимавшегося на борьбу против колонизаторов. Вот что писал об этом сам Керзон: «...одной из

²² Левковский А.И. Начало массового общендийского национально-освободительного движения (движения Свадеш) // Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака / Под ред. И.М. Рейснера и Н.М. Гольдберга. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 322–325.

главных целей этого плана... является раскол, а поэтому и ослабление сплоченных усилий противников нашего правления»²³.

Еще до раздела Бенгалии в августе 1905 г. на митингах в Калькутте было объявлено о начале движения *свадеш* и бойкоте английских товаров, которое будет продолжаться до тех пор, пока решение о разделе Бенгалии не будет отменено. Одновременно раздавались призывы использовать только местные товары, вне зависимости от их качества.

К середине 1907 г. стало ясно, что бойкот наносит значительный ущерб торговле английскими товарами. В то же время текстильные фабрики в Бомбее, Ахмадабаде, Нагпуре и других городах увеличили производство отечественных тканей. Движение *свадеш* придало импульс промышленному развитию Индии, внесло вклад в развитие местной промышленности, особенно текстильной, а также в возрождение домашнего прядения и ткачества. Однако в целом это движение не смогло серьезно повлиять на британский бизнес в решающих секторах бенгальской экономики²⁴.

В Бенгалии большая группа влиятельных деятелей культуры, образования и индийского бизнеса выступила с идеей «конструктивного» *свадеш*, означавшего самоорганизацию и собственные усилия в создании отечественной промышленности, национальных школ, улучшение жизни в деревне. Ведущую роль среди них играл Рабиндранат Тагор (1861–1941). В своих ранних произведениях он писал, что культурное влияние Запада принижало значение индийских традиций и обычаев. Он полагал, что древний индийский идеал, в соответствии с которым больше ценилось удовлетворение жизнью, чем стремление к лучшей доле, превосходит духовные ценности европейцев. В своем выступлении на сессии Конгресса в Калькутте в 1906 г. Тагор призывал народ отбросить «старую политику бесплодного ублажения иностранных правителей и пустозвонства на иностранном языке», а вме-

²³ *Sarkar, Sumit. The Swadeshi Movement in Bengal 1903–1908. – New Delhi: People’s Publishing House, 1973. – P. 17–20.*

²⁴ О становлении индийского капитализма в конце XIX – в начале XX в., в том числе и во время движения *свадеш*, см.: *Wolper, Stanley. A New History of India. – New York: Oxford University Press. 2000. – P. 276.*

сто этого заняться реальными делами, имеющими отношение к жизни народа. Он выступил за возрождение индусской общины в деревне. К апрелю 1907 г. около одной тысячи деревенских комитетов откликнулись на его призыв²⁵.

В 1905–1908 гг. возникло огромное число различных обществ и организаций, которые выступили в поддержку движения *свадешти* и бойкота английских товаров.

Конституционные методы борьбы

На раздел Бенгалии остро реагировали образованные индийцы по всей Индии. Однако эта реакция была разной в зависимости от многих факторов, в том числе региональных.

В Соединенных провинциях Агры и Ауда, где такие умеренные конгрессисты, как Мотилал Неру и Мадан Мохан Малавия (1861–1946), выступали за сотрудничество с местным правительством, экстремизм не получил широкого распространения. Поездка Тилака по Соединенным провинциям в январе 1907 г. с призывом поддержать движение *свадешти* вызвала отклик среди студенческой молодежи, но большинство влиятельных лидеров Конгресса предпочло не участвовать в антибританских собраниях. В этих провинциях протестные движения были поддержаны только в Бенаресе, где существовали большие бенгальские и маратхские общины.

Умеренные конгрессисты в Аллахабаде решили поддержать Гокхале, который вслед за Тилаком посетил Соединенные провинции. С этой целью в марте 1907 г. была созвана провинциальная конференция, председателем которой был Мотилал Неру. В своей речи он заявил: «Джон Буль означает добро. Не в его природе нести зло... Ему требуется много времени, чтобы полностью оценить ситуацию. Но когда он приходит к определенному выводу, то никакая сила не может противостоять его воле»²⁶.

²⁵ *Tagore R. The Spiritual Japan // The Modern Review. – June 1917. – P. 612–616.*

²⁶ *Speech by Motilal Nehru at the First Provincial Conference of the United Provinces. 29 March 1907 // Works of Motilal Nehru.*

Мотилал Неру задал вопрос: какую позицию следует занять тем, кто смотрит в будущее, когда Индия займет свое законное место в сообществе государств? Конгресс был расколот на две конфликтующие группы по этому вопросу. Это умеренные, которые опирались на испытанные временем конституционные методы, для того чтобы усилить контроль над рычагами политической власти. С другой стороны, это экстремисты, которые представляли новую волну настроений, увлекавшую молодых и импульсивных людей, волну, под влиянием которой люди стремились насильственными методами разрушить всю структуру британского правления в Индии.

Мотилал выступил против позиции экстремистов, хотя и заявил, что полностью поддерживает их цель достижения политической свободы для Индии. Два тактических средства – *свадеш* и бойкот – полностью применимы в Индии. По его мнению, *свадеш* заслуживает положительной оценки и может быть использовано всеми патриотически настроенными индийцами для социального и экономического развития страны. Но бойкот, даже ограниченный экономической сферой, может стать контрпродуктивным. А если его использовать в политике и образовании, как заявляют некоторые экстремисты, то это может привести страну к полному разрушению. Я содрогаюсь при мысли, говорил Мотилал Неру, что может произойти, если будут закрыты все правительственные школы и колледжи, упразднены все органы местного и дистриктового управления и выборные должности в законодательных советах. «Где мы тогда окажемся? Ответ прост – нигде... Для того чтобы бороться с британским правительством, мы должны всегда прибегать только к конституционным и законным методам»²⁷.

На характер выступления Мотилала Неру на конференции повлияло и то, что в то время в Англии шла подготовка к конституционным реформам под руководством секретаря (министра) по делам Индии Джона Морли, которого считали симпатизирующим Индии. Умеренные в Конгрессе полагали, что это было свидетельством добрых намерений Великобритании в от-

ношении Индии. Более того, они считали, что это может создать благоприятную обстановку в отношениях между обоими народами. А это в конечном итоге приведет к медленному, но верному продвижению Индии к статусу самоуправляемой страны²⁸.

В эти годы перед Конгрессом встал вопрос о дальнейшей политике по отношению к колониальным властям. Умеренные (Ферозшах Мехта, Г.К. Гокхале, Мотилал Неру и др.) считали, что бойкот и другие радикальные меры, а тем более терроризм, были неприемлемыми, так как могли привести к прямой конфронтации с властью. Но обстановка изменилась в пользу радикалов, после того как англичане прибегли к подавлению движения *свадешхи*, арестам его руководителей, закрытию газет, к судам над студенческими и молодежными лидерами. Революционное и террористическое движение в Бенгалии было во многом ответом на репрессии властей. Как пишет профессор Калькуттского университета Санкари Прасад Басу, «расовая надменность белых, оскорбления, судебный произвол, нарушение прав человека – все это, вместе взятое, делало невыносимым бремя угнетения»²⁹.

Очевидец событий того времени лидер Лейбористской партии и член парламента Англии Кир-Харди утверждал, что преследования участников движения колониальными властями были настолько жестокими, что британское правительство могло «занять почетное место рядом с автократическими правительствами царской России и ненавистного турецкого султана». Это происходило в стране, писал он, где «по официальным данным, за последние 40 лет XIX в. 15 млн индийцев умерли от голода... а 40 млн человек постоянно испытывали голод после 150 лет британского правления»³⁰.

Однако большинство британского руководства придерживалось иной точки зрения. Так, лейтенант-губернатор Восточной Бенгалии Бэмпфайлд Фуллер полностью поддерживал жестокие меры, предпринятые колониальными властями про-

²⁸ Ibid. – P. 16.

²⁹ Basu, Sankari Prasad. The Swadeshi Upsurge // A Centenary History... Vol. One. – P. 237–238.

³⁰ Ibid. – P. 235.

тив участников движения *свадеш*. Хотя бывший лейтенант-губернатор Пенджаба Мэкуорт Янг полагал: «То, что происходит, является новым рождением, а не болезнью». Участники движения, писал он, – «это не просто бенгальские агитаторы или маратхские заговорщики, или мусульманские студенты в Лондоне или Алигархе, или образованные джаты в Пенджабе. Это – интеллигентные люди, у которых родилась новая идея национализма, новое видение свободы»³¹.

Так или иначе, но в конечном счете движение *свадеш* выдвинуло ряд крупных проблем национально-освободительного движения. На поверхности событий главными действующими лицами движения были террористы. В то же время в тени общественной жизни оставались такие явления, как волнения среди рабочих. Но основная масса народа, крестьянство, была пассивной и не участвовала в этом движении.

Тогда же, в 1907 г., Тилак заявил: «Мы не вооружены, и в этом нет никакой необходимости. Но у нас есть более сильное оружие – политическое, в виде бойкота». Он развил эту мысль дальше: «Если мы принимаем *свадеш*, то должны бойкотировать *видеш* (иностранные) товары. Без бойкота этих товаров *свадеш* не состоится»³². На таких же или близких позициях стояли и бенгальские националисты: Бепин Чандра Пал (1858–1932) и Ауробиндо Гхош (1879–1950). Они призывали отказаться от сотрудничества с колониальными властями, полагая, что правительство не сможет существовать без поддержки народа.

Тилак и другие националисты требовали полной автономии и устранения всякого иностранного контроля. Тилак агитировал за «прямые действия» и пассивное сопротивление и осуждал «политику выпрашивания уступок». Он писал: «Настало время потребовать *свараджа*, то есть самоуправления. Никакие частичные реформы неприемлемы. Система нынешней администрации разрушительна для страны. Она должна быть исправлена или устранена»³³. Лала Ладжпат Рай, в свою очередь, также

³¹ Ibid. – P. 198, 244–245.

³² Congress Varnika... – P. 43.

³³ Ibid.

считал, что Индия должна полагаться на свою силу, а не обращаться к Британии за помощью.

С таких же позиций выступали и другие крупные политические, общественные и культурные деятели Индии. Ауробиндо Гхош говорил: «Мы не отступим от нашего идеала – абсолютного *свараджа* – самоуправления, которое существует в Соединенном Королевстве... Мы отклоняем претензии чужеземцев навязать нам цивилизацию более низкого уровня, чем наша, или оторвать нас от нашего наследия, исходя из неприемлемого для нас довода, будто их цивилизация превосходит нашу»³⁴. Однако умеренные в Конгрессе в качестве своей цели провозглашали самоуправление под эгидой Великобритании.

В результате в Конгрессе произошел раскол на либералов-умеренных и националистов-патриотов. Умеренные были вынуждены уступить националистам и принять вместе с ними в 1906 г. в Калькутте резолюцию о *сварадже*, расширении национального образования, бойкоте иностранных товаров и *свадешии*. Именно в Калькутте президент Конгресса Дадабхай Наороджи впервые выдвинул лозунг *свараджа*.

Тем не менее, умеренные, включая Мотилала Неру, решили дать бой националистам-патриотам на очередной сессии партии, которая должна была состояться в 1907 г. в Нагпуре. Организационный комитет Конгресса предложил кандидатуру Тилака в качестве президента этой сессии. Лидеры умеренных либералов не согласились с этим и настояли на проведении сессии в Сурате, где они пользовались большей поддержкой, а также на предложенной Мотилалом Неру кандидатуре умеренного Раш Бихари Гхоша в качестве ее президента. Они исключили из повестки дня резолюции по *свараджу*, *свадешии*, бойкоту иностранных товаров и развитию национального образования. Либералы считали сторонников Тилака безответственными политиками, которые могли ввергнуть Индию в большую опасность своими радикальными призывами и действиями. В свою очередь, националисты решили бороться против отхода от политической линии, утвержденной Конгрессом в Калькутте. Британские колониальные власти, со своей стороны, отдавали явное

³⁴ Ibid.

предпочтение умеренным в противоположность экстремистам, против которых предпринимались жесткие меры. Арестам и депортации подверглись Тилак, Лала Ладжнай Рай, Аджит Сингх и многие политические лидеры Бенгалии, что добавило им авторитета в глазах индийцев.

В 1907 г. на сессии Конгресса в Сурате произошел открытый раскол между умеренными и экстремистами (которых все больше стали называть националистами). Это было не только идеологическое противостояние, но и физическое столкновение между представителями обоих лагерей в Конгрессе. Преобладающее большинство умеренных на сессии не дало возможности Тилаку даже выступить на заседании. Работа сессии была приостановлена. В дело вмешалась полиция и приказала очистить зал.

После этого умеренные во главе с Ферозшахом Мехтой, к которым примкнул и Мотилал Неру, объявили о созыве конвенции тех делегатов, которые были согласны с уже известными принципами политики Конгресса: это – достижение Индией самоуправления по образцу других членов Британской империи. Продвижение к этой цели должно происходить строго конституционными методами. На заседание этой конвенции прибыло более 900 делегатов. Около 700 делегатов во главе с Тилаком, не согласных с указанными принципами, собрались в другом месте, где подтвердили свою позицию по вопросу о самоуправлении как форме независимости. На этом собрании было решено создать новую организацию – Националистическую партию.

Конвенция умеренных сформировала комитет, который в 1908 г. подготовил проект устава Конгресса. В нем в качестве целей были провозглашены те же принципы, что и в Сурате. Устав обязывал делегатов Конгресса давать письменное согласие с этими целями и мирными способами их достижения.

Национал-патриоты, в свою очередь, начали активно вовлекать в национальное движение рабочих ряда фабрик и заводов под лозунгами *свараджа* и *свадешии*. Власти ответили на это ужесточением репрессий, массовыми арестами участников демонстраций и забастовок.

На очередной сессии Конгресса в Мадрасе в 1908 г. было всего 626 делегатов, главным образом из Мадраса и Бомбея. На сес-

сии либералы приняли устав, который фактически исключал националистов-патриотов. Была принята резолюция, выражавшая безусловную поддержку британских реформ по управлению Индией, которые еще предстояло принять.

Закон, предусматривавший изменения в составе и функциях законодательных советов Индии, был принят парламентом Великобритании в 1909 г. Он получил название реформ Морли – Минто по имени министра по делам Индии Джона Морли и вице-короля Индии Гилберта Эллиота Минто. Число членов Центрального (имперского) и провинциальных законодательных советов было увеличено с 124 до 331, число выборных членов – с 39 до 136³⁵. В Центральном совете британцы сохраняли подавляющее присутствие. В провинциальных советах впервые предусматривалось большинство индийцев, причем большинство членов этих советов назначалось из числа чиновников колониальной администрации, как правило, членов Индийской гражданской службы.

По этому закону члены законодательных советов могли обсуждать вносимые колониальной администрацией законопроекты. Однако их рекомендации не были обязательны для колониальной исполнительной власти. Вице-король, который был председателем Центрального совета, мог запретить принятие любой резолюции, даже без объяснения причин. По существу, эти «законодательные» советы оставались совещательными органами и не пользовались реальной законодательной властью. На выборах в советы устанавливался высокий имущественный ценз, что резко ограничивало число индийцев. Выборы проводились по нескольким избирательным куриям, в том числе отдельной курией для мусульман. В провинциальных советах для них выделялось большее число мест в сравнении с численностью мусульман в населении. В конечном итоге это служило одним из инструментов британской политики «разделяй и властвуй» под лозунгом защиты интересов меньшинств.

Правительство Индии, писал Минто, должно всегда быть устроено таким образом, чтобы выполнять исполнительные и

³⁵ The Cambridge Shorter History of India / Ed. by Dodwell H.H. – New Delhi et al.: S. Chand and Co., 1969. – P. 883.

законодательные распоряжения, которые оно получало из Уайтхолла. Ни при каких обстоятельствах зависимость правительства Индии от Великобритании не должна быть ослаблена. «Я убежден, – подчеркивал Минто, – что постоянное официальное большинство в Имперском совете является абсолютной необходимостью»³⁶.

Политической целью этих реформ было сохранение и усиление поддержки умеренных в Конгрессе английскими властями, а не удовлетворение требований несогласных с этой властью. Авторы Кембриджской истории Индии писали, что умеренные во главе с Гокхале, «хотя и остро критиковали ту часть реформ, которая касалась недостаточного представительства иных классов, кроме интеллигенции, мудро приняли реформы как существенный шаг на пути привлечения индийцев к управлению их страной...». Более того, «то единство, с которым ведущие индийские политики поддерживали британское правительство после начала Первой мировой войны, во многом было связано с компромиссным характером этих реформ в сочетании с решительным подавлением политических преступлений и тех, кто занимался подстрекательством к ним»³⁷. А министр по делам Индии Морли считал, что реформы не имели своей целью установление парламентской системы в Индии. «Если бы я жил в 20 раз дольше, то и тогда парламентская система в Индии не была той целью, к которой я стремился»³⁸.

Реформы Морли-Минто были по существу отказом британцев от тех обещаний, которые они давали политическим классам Индии. Более того, они были шагом к созданию такой системы в стране, которая обеспечивала бы британскому правительству полный контроль над Индией. «Обещаемые долгожданные реформы были наконец опубликованы, – писал Мотилал Неру Джавахарлалу в августе 1909 г. – Но они оказались полной противоположностью обещанных реформ. Открыто признанной

³⁶ Ibid. – P. 884.

³⁷ Ibid. – P. 885.

³⁸ The Indian Nationalist Movement – 1885–1947–Select Documents / Ed. by Pandey B. – N. Delhi, Bombay, Calcutta: The Macmillan Company of India Ltd., 1979. – P. 32, 33.

целью этих так называемых реформ стала ликвидация влияния образованных классов»³⁹. Несмотря на все это, Мотилал Неру, как и многие другие в Конгрессе, сохранял надежду на сотрудничество с британскими властями в интересах народа. Он был избран в Законодательный совет провинции в 1910 г. В результате чего стал уделять еще больше времени политической деятельности. При этом он по-прежнему оставался в числе умеренных, как Ферозшах Мехта, Г.К. Гокхале и Сурендранатх Банерджи.

Вместе с тем изменившаяся обстановка в стране стала все больше влиять на позицию Мотилала Неру в отношении британского правления. Этому же способствовала и его деятельность в Законодательном совете, где он столкнулся с жестким неприятием британцами его даже весьма скромной критики в их адрес. Мотилал Неру неоднократно вносил предложения по ряду важных вопросов: о расширении представительства индийцев в Законодательном совете, о начальном образовании, положении женщин в обществе и другие. Все они отклонялись исполнительной властью. И это также влияло на его отношение к колониальной власти. Об этом, например, свидетельствовало его выступление в Законодательном собрании Соединенных провинций, в котором он требовал справедливого распределения финансов в пользу местной власти⁴⁰.

Раскол Конгресса

На сессии Конгресса в 1909 г. было выражено несогласие с созданием отдельных электоральных курий и «диспропорционально большим» представительством в них мусульман⁴¹. В работе сессии радикальная оппозиция во главе с Тилаком не

³⁹ J.N. Papers: Motilal to Jawaharlal, dated 30 August, 1909 // Selected Works of Motilal Nehru. Vol. One... – P. 17.

⁴⁰ Speech on Budget Proposals for 1910–11, April 25, 1910 // Selected Works of Motilal Nehru. Vol. One... – P. 236, 237.

⁴¹ Congress Varnika... – P. 208.

участвовала⁴². А между тем Тилак сравнивал ситуацию в Индии с положением в России во время первой русской революции 1905 г. и предупреждал: «Существует предел человеческому терпению» и указывал: «Если правители прибегают к российским методам угнетения, то индийские подданные также будут вынуждены заимствовать методы русского народа... Тирания правительства стала невыносимой для его подданных... Реальное и надежное средство остановить бомбы состоит в том, чтобы предоставить народу право на *сварадж*»⁴³.

После ареста и ссылки Тилака его Националистическая партия практически прекратила свою активность, многие ее деятели ушли в подполье. Наступило политическое затишье, связанное с тем, что Тилак находился в тюрьме, экстремисты в Конгрессе ничем себя не проявляли, так как их руководство было арестовано⁴⁴.

Однако в декабре 1911 г. под давлением движения *свадеш* колониальные власти были вынуждены отменить раздел Бенгалии. Позже Махатма Ганди сказал, что «настоящее пробуждение Индии произошло после раздела Бенгалии». Он назвал день раздела Бенгалии «днем раздела Британской империи»⁴⁵. Столица Британской Индии была перенесена из Калькутты в Дели. Тогда же впервые за всю историю колониальной власти Индию посетил недавно вступивший на престол король Георг V. По этому случаю в Дели был устроен «имперский дарбар», на котором он был коронован императором Индии. Мотилал Неру участвовал в этом мероприятии.

⁴² В 1910 г. была образована Индийская либеральная партия во главе с Теджем Бахадуром Сапру (1875–1949), известным юристом, судьей Высокого суда в Аллахабаде, политическим и общественным деятелем. Он часто выступал посредником в переговорах между Конгрессом и британским правительством, был активным сторонником самоуправления и конституционных реформ, но не требования независимости Индии.

⁴³ *Basu, Sankari Prasad. The Swadeshi Upsurge // A Centenary History. Vol. One... – P. 242.*

⁴⁴ *Congress Varnika ... – P. 44.*

⁴⁵ *Basu, Sankari Prasad. The Swadeshi Upsurge // A Centenary History. Vol. One... – P. 254.*

После провала плана раздела Бенгалии умеренные поддержали закон Морли – Минто об управлении Индией. По мнению Джавахарлала Неру, Конгресс в это время представлял собой группу умеренных, которая ежегодно собиралась, выносила мало значимые резолюции и не привлекала к себе никакого внимания. Вот как он описывал сессию Конгресса в декабре 1912 г. в Банкипуре, на которой он вместе с отцом впервые присутствовал в качестве делегата: «Там собрались главным образом представители высших классов, владевшие английским языком и щеголявшие визитками и отутюженными брюками». Самой выдающейся фигурой был Гокхале, только что вернувшийся из Южной Африки. Он принадлежал к числу тех немногих участников сессии, которые серьезно относились к политике и общественным вопросам⁴⁶.

Ко времени освобождения Тилака из ссылки в 1914 г. Конгресс под руководством либералов-умеренных растерял свои позиции. И, тем не менее, его лидеры противились возвращению Тилака и его сторонников в Конгресс. Так, Гокхале писал президенту Конгресса в Мадрасе (1914 г.) Бхупендранату Босу: «Можно сделать что-то разумное, чтобы вернуть раскольников, но только при условии, если они захотят сотрудничать с нами в осуществлении нынешней программы Конгресса нашими методами... Если они не дадут таких заверений, мы должны быть готовы к тому, чтобы продолжать делать то, что делали все последние семь лет»⁴⁷.

На сессии Конгресса в Бомбее в 1915 г., несмотря на сопротивление умеренных, было решено внести изменения в устав партии, чтобы позволить делегатам от Националистической партии вернуться в Конгресс. Тилак приветствовал это, и в 1916 г. национал-патриоты вернулись в Конгресс, а умеренные покинули его в 1918 г.

⁴⁶ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 37.

⁴⁷ Gokhale G.K. to Bhupendranath Basu on the re-entry of the extremists into Congress. 25 December, 1914. Gokhale Papers, File № 119, Part III. National Archives of India (NAI). New Delhi // The Indian Nationalist Movement – 1885–1947... – P. 13.

Глава 3. Индия в Первой мировой войне

Поиски новых путей к независимости

В годы Первой мировой войны руководство Конгресса выступало в поддержку Великобритании. На сессии партии в декабре 1914 г. была выражена «глубокая преданность Трону», «неуклонная приверженность связям с Британией и твердая решимость поддержать любой ценой Империю во всех ее трудностях»¹. Такая позиция была характерна для всех основных группировок в Конгрессе. Так, Тилак заявил, что обязанностью каждого индийца является полная поддержка и помощь британскому правительству». М.К. Ганди выразил готовность лично принять участие в войне на стороне Великобритании. Он связывал такую поддержку метрополии с надеждами на то, что в результате войны Индия получит определенную автономию в рамках Британской империи².

Более одного миллиона индийских солдат участвовали в боевых действиях. Индийцы воевали во Франции, Фландрии, Турции, Месопотамии, Африке. Индия также оказывала большую материальную поддержку Британии. Она поставляла в армию продовольствие, ткани, изделия из кожи для обмундирования и экипировки армейских конных подразделений, паровозы, парходы-госпитали, сырьевые ресурсы и т. п.³

Расходы на ведение войны (второе место в Британской империи после Англии), постоянная нехватка продовольствия, неурожай 1918 г. усугубили положение в Индии. Голод и эпидемии вызвали смерть почти 13 млн человек. После войны в Индии снова был неурожай, а с ним и голод. Резко выросли цены на продовольствие, особенно на основные продукты питания.

¹ A Centenary History... Vol. 1. – P. 453, 454.

² *Vijayalakshmi S. Healing the Bridge and the Home Rule // A Centenary History... Vol. 1. – P. 453–455.*

³ Новейшая история Индии / Под ред. В.В. Балабушевича и А.М. Дьякова. – М.: Вост. лит., 1959. – С. 28–29.

И вместе с тем, участие в войне пробудило в Индии стремление к независимости. Это проявилось в попытках к объединению разных политических группировок. В 1914 г. Тилак предпринял шаги по объединению двух основных группировок в Конгрессе: эстремистов-радикалов и умеренных. Рост антиколониальных настроений в стране способствовал сближению позиций этих групп. К этому времени относится смерть двух крупных лидеров умеренных в Конгрессе – Г.К. Гокхале (февраль 1915 г.) и Ферозшаха Мехты (ноябрь того же года), которые по своим воззрениям были близки к Мотилалу Неру.

Одновременно шли поиски новых путей борьбы за независимость. Так, Тилак вместе с Энни Безант положили начало новому движению *home rule* (самоуправление), название которого они заимствовали из Ирландии. На сессии Конгресса в декабре 1915 г. вопрос о самоуправлении был одним из наиболее важных. Там звучали требования предоставления Индии автономии, расширения участия индийцев в законодательных советах провинций, реформы или упразднения британского совета при министре по делам Индии, наделения органов местного самоуправления более широкими полномочиями⁴. В апреле 1916 г. Тилаком была основана Лига самоуправления в Пунае. В сентябре того же года в Адьяре, около Мадраса, была создана такая же лига под руководством Энни Безант. Колониальные власти активно препятствовали деятельности Лиги за самоуправление. Они интернировали Безант и ограничили передвижение Тилака и других лидеров.

Если сначала Мотилал Неру довольно прохладно отнесся к созданию Лиги за самоуправление, то после ареста Энни Безант он активно включился в ее работу и стал председателем Лиги в Аллахабаде. Выступая на одном из митингов Лиги, он заявил, что страна переживает кризис. А «правительство объявило поход против наших национальных целей. Мы должны поднять знамя Лиги и провозгласить целью самоуправления Индии голосами 330 млн индийцев»⁵.

⁴ A Centenary History..., Vol. I. – P. 458–460.

⁵ Nanda B.R. Motilal Nehru. – Delhi: Government of India, 1964. – P. 136.

В это же время Джавахарлал Неру с сочувствием писал о митингах протеста против задержания руководителей Лиги. Однако считал, что одних протестов недостаточно. Нужны более решительные действия. «Каждый из нас, кто занимает ответственный пост при правительстве, должен уйти в отставку и отказаться от каких-либо отношений с бюрократией, – писал он. – Я знаю, что многие не решаются на это и скорее готовы пойти к дьяволу, чем обидеть (английского) коллектора. В таких мы не нуждаемся. Нам не нужны в Лиге самоуправления слабые духом или колеблющиеся. Зерно будет чище, если очистить его от шелухи»⁶.

Лига самоуправления заявила о готовности сотрудничать с британским правительством для достижения победы в войне, а также о решении придерживаться конституционных методов, противодействовать насилию и революционной агитации. Позже Безант уточнила, что она имела в виду «самоуправление в рамках Империи»⁷.

На сессии Конгресса в Лакхнау (1916 г.), в которой большую роль сыграл Мотилал Неру, удалось добиться временной консолидации основных сил национально-освободительного движения. Было достигнуто объединение двух главных группировок в Конгрессе. На сессии отмечалось, что существовавшая система управления Индией не отвечала законным требованиям индийского народа. Было также заявлено, что Великобритания должна в самое ближайшее время объявить, что ее целью является предоставление Индии самоуправления наряду с другими «самоуправляемыми» доминионами Британской империи.

По существу, это был план постепенных, поэтапных реформ управления Индией. В этой связи умеренный лидер Конгресса Сурандрнатх Банерджи заявил, что такие реформы являются гарантией предотвращения революции.

Движение за самоуправление Индии способствовало сближению Конгресса и Мусульманской лиги (МЛ), к руководству ко-

⁶ Jawaharlal Nehru on the Home Rule Movement and the internment of Mrs Annie Besant, 21 June 1917 // The Indian Nationalist Movement – 1885–1947... – P. 49.

⁷ Aiyar, C.P. Ramaswami. Annie Besant. – New Delhi: Publications Division, GOI, 1977. – P. 126.

торой пришли новые политические деятели. В 1916 г. президентом Мусульманской лиги стал Мухаммед Али Джинна – один из наиболее талантливых индийских политиков, великолепный юрист, получивший образование в Англии. В его поддержку выступили популярные в мусульманской среде Абул Калам Азад, Мухаммед Али и другие лидеры. В Лакхнау, где одновременно с сессией Конгресса проходило заседание руководящего органа Мусульманской лиги, между двумя партиями было подписано соглашение, получившее название Лакхнауского пакта⁸. Мотилал Неру был активным сторонником индусско-мусульманского единства, и не случайно, что переговоры, завершившиеся заключением этого пакта, проходили в его доме Ананд Бхаван в Аллахабаде. Однако сотрудничество между Конгрессом и Лигой оказалось недолговечным.

Сближение позиций Конгресса и Мусульманской лиги вызвало озабоченность британских властей. В начале 1917 г. министр по делам Индии Остин Чемберлен заявил о необходимости предоставления более широких полномочий Индии. При этом он сослался на Февральскую революцию 1917 г. в России, которая оказала заметное влияние на индийскую общественность. Однако вскоре Чемберлен был вынужден уйти в отставку, а на его место был назначен Эдвин Монтегю, который раньше выступал с резкой критикой правительства и заявлял, что оно слишком «негибкое» и не соответствует современным задачам, которые стоят перед Великобританией. Он объявил в августе 1917 г., что целью правительства является «растущее вовлечение индийцев во все сферы администрации и постепенное развитие институтов самоуправления с целью создания ответственного правительства в Индии как неотъемлемой части Британской империи»⁹.

На сессии Конгресса в декабре 1917 г. его председатель Безант потребовала введения самоуправления до 1923 г. Но умеренные в Конгрессе выразили удовлетворение заявлением

⁸ A.I.C.C. Files 1885–1947 – Resolution of Lucknow Session, December 1916 // A Centenary History... Vol. I. Note 66. – P. 469.

⁹ *Bannerjee, Tarasankar.* Congress during 1917–1919. The Environment in Motion // A Centenary History... Vol. I. – P. 520.

Монтегю и даже назвали его «Великой хартией». Несмотря на то, что на сессии доминировали националисты-патриоты, Конгресс вновь заявил о своей «глубокой лояльности» трону и решимости любой ценой поддержать империю во время войны¹⁰.

Но к середине 1918 г. отношение британских властей к Индии изменилось, поскольку ход войны складывался в пользу Великобритании, и она могла более жестко выдвигать свои требования в отношении Индии. В июле 1918 г. был опубликован доклад Монтегю–Челмсфорда (вице-короля Индии). Его суть состояла в отмене предыдущих предложений Монтегю о реформе самоуправления в Индии. В докладе речь шла только о местных органах власти, таких как муниципалитеты. В провинциях вся власть оставалась в руках английских губернаторов, а в центре – генерал-губернатора. Тем не менее, умеренные приветствовали эти предложения. Однако националисты объявили их совершенно недостаточными. Тилак заявил, что доклад Монтегю–Челмсфорда является «абсолютно неприемлемым». Его поддержала Безант: «Доклад недостойн того, чтобы его предлагала Англия, а Индия приняла бы его». Конгресс оказался на грани раскола. В результате умеренные покинули Конгресс и создали Либеральную федерацию во главе с Теджем Бахадуром Сапру. Они считали, что предлагаемые в докладе реформы являются «реальным и существенным шагом» на пути к воплощению в жизнь идеи «ответственного правительства»¹¹.

При обсуждении доклада Монтегю–Челмсфорда в Законодательном совете Соединенных провинций в августе 1918 г. Мотилал Неру выступил против основных его положений. Он считал, что настало время передать основные исполнительные функции (с возможным исключением вопросов, которые касались правопорядка) индийским министрам, которые должны быть подотчетны законодательным органам. Отказ сделать это означал бы, что британское правительство боится и не хочет на-

¹⁰ После достижения Индией независимости в 1947 г. этот триколор стал государственным флагом страны. Прялку на белом поле флага, которая была ранее добавлена М.К. Ганди, заменила *дхарма чакра* (колесо закона) Ашоки.

¹¹ *Banerjea, Surendranath. A Nation in Making; London: Oxford University Press, 1925. – P. 283, 285.*

делить индийцев такими правами. «Мы не сможем научиться ходить, – говорил Мотилал Неру, – до тех пор, пока вы не предоставите нам возможность делать это»¹².

Эту же мысль он высказал на созванной вскоре в Бомбее специальной сессии Конгресса. Характерно, что его недавние коллеги в лагере умеренных Т.Б. Сапру, С. Банерджи и Д.Е. Вача не сочли нужным присутствовать при этом выступлении Мотилала Неру на заседании Конгресса. Это означало его разрыв с умеренными.

В законе 1919 г. об управлении Индией (реформы Монтегю – Челмсфорда) говорилось о необходимости «растущей» вовлеченности индийцев «во все сферы» государственного управления и «постепенном» развитии институтов самоуправления с целью «прогрессивной реализации ответственного правительства в Британской Индии как интегрированной части Империи». Одновременно подчеркивалось, что движение в этом направлении может быть достигнуто «только последовательными шагами, время и содержание которых может быть определено лишь парламентом Великобритании»¹³.

Этим же законом предусматривалось создание двухпалатного законодательного органа – Верхней палаты и Центрального законодательного собрания. В первом из 60 членов 33 избирались, а остальные назначались генерал-губернатором (вице-королем). В Центральном законодательном собрании из 145 членов 103 избирались, остальные назначались тем же генерал-губернатором. Выборные члены избирались по куриям: в общих округах (которые включали индусов), в религиозных округах (мусульмане и сикхи), в специальных округах (помещики, европейцы, индийские предприниматели)¹⁴.

Таким образом, созданные еще по реформе Морли–Минто избирательные курии были не только сохранены, но и расширены по сословно-религиозному признаку. Выборы в Законодательные органы проводились прямым голосованием с учетом высокого имущественного ценза, который резко ограничивал

¹² *Nanda B.R. Motilal Nehru.* – P. 148.

¹³ *The Cambridge Shorter History of India...* – P. 909–910.

¹⁴ *Ibid.* – P. 910.

число избирателей. В результате в 1920 г. в выборах в Верхнюю палату участвовало всего 17 364 человека, а в Центральное законодательное собрание – 909 874 (население Индии составляло тогда 305 млн человек)¹⁵.

Центральное законодательное собрание наделялось правом принимать новые законы или вносить поправки в ранее принятые. Однако генерал-губернатор обладал правом наложить вето на любой закон, принятый собранием, чем он неоднократно пользовался. Фактически в конечном итоге решение по любому вопросу управления Индией принадлежало правительству Великобритании.

Все члены Государственного совета (правительства) при генерал-губернаторе назначались только им. Центральное законодательное собрание не имело права уволить их в отставку даже в случае решения о недоверии правительству. Таким образом, этот совет был независим от Центрального законодательного собрания, но последнее могло выступать как инструмент политического давления на правительство и вице-короля.

Тем же законом предусматривалось определенное разделение полномочий между центром и провинциями¹⁶. Состав провинциальных законодательных советов был существенно расширен. Около 70% его членов избирались представителями населения, 30% назначались губернатором, который имел право накладывать вето на решения этих законодательных советов. В провинциях также была введена так называемая *диархия* – разделение полномочий между губернатором и министрами. На деле губернатор назначал министров из членов законодательных советов, а также чиновников исполнительных советов. Губернатор обладал правом отменять распоряжения министров. Мотилал Неру, как и многие другие лидеры Конгресса, активно выступал против *диархии*, которая вскоре была отменена.

По Закону об управлении Индией 1919 г. предусматривался его пересмотр через 10 лет с целью установления полностью «ответственного правительства» в стране. Впоследствии это было использовано индийцами в борьбе за независимость.

¹⁵ Ibid. – P. 911–912.

¹⁶ Ibid. – P. 913.

Махатма Ганди и семья Неру

После окончания Первой мировой войны британские власти почувствовали себя свободными от каких-либо обязательств перед индийцами и в ответ на начавшееся в обществе брожение усилили политику репрессий. Сигналом к этому послужило введение в действие Закона Роулэтта (март 1919 г.), наделившего колониальные власти правом ареста и ссылки без суда. Ганди назвал этот закон «несправедливым, подрывающим основы свободы» и потребовал его отмены. Власти проигнорировали это требование. После этого Ганди решил начать всеиндийское движение за отмену Закона Роулэтта. Члены основанной им организации «Сатьяграха сабха» (Собрание сатьяграхи), торжественно обязались не подчиняться этому закону, оказывать пассивное сопротивление властям и подвергаться арестам.

Одним из тех, кто принял на себя такое обязательство, стал 28-летний Джавахарлал Неру, который к этому времени начал активно вовлекаться в политику. Он решил немедленно вступить в состав аллахабадского комитета «Сатьяграха сабха». С этого момента произошли перемены в его жизни – в поведении, одежде, пище. Отец отнесся неодобрительно к такому повороту событий. Ему не нравилась сама идея заключения в тюрьмы множества лиц. Он не понимал, какое давление это могло оказать на правительство. Ему казалось чудовищным, что его сын может попасть в тюрьму. Это было тяжелое время в отношениях между отцом и сыном. Мотилал даже пробовал спать на голом полу, чтобы испытать то, что могло ожидать Джавахарлала в тюрьме¹⁷.

А тем временем Джавахарлал готовил себя к будущим испытаниям. Он ограничил свою пищу хлебом и молоком и пользовался при этом металлической чашкой, как в тюрьме. А в это время вся семья обедала за тем же столом – еда была вкусной и разнообразной, сервированной на серебре и фарфоре. Напряжения в отношениях между сыном и отцом нарастало. В те годы в доме нельзя было мирно беседовать на политические темы. Как

¹⁷ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 53.

только речь заходила об этом, атмосфера мгновенно накалялась. Мотилал пристально следил за склонностью сына к экстремизму, и это его сильно тревожило. Но тактика насилия не привлекала Джавахарлала. Он считал, что нужно занять более наступательную позицию по отношению к чужеземным властителям, не прибегая к насилию. Джавахарлал чувствовал, что отец недоволен философией умеренных конгрессистов и что в его душе шла борьба. Но он руководствовался не чувствами, а разумом. И если решался на какой-либо шаг, то гордость не позволяла ему оглядываться назад¹⁸.

Для разрешения тупика в отношениях с сыном Мотилал решил обратиться к Ганди, которому, как ему казалось, сын доверял. Ганди приехал в Ананд Бхаван в начале 1919 г. Это был его первый визит в дом Мотилала Неру. Он вел долгие разговоры с Мотилалом, на которых Джавахарлал не присутствовал. В результате Ганди посоветовал ему не опережать событий и не предпринимать ничего такого, что могло бы огорчить отца.

Вся остальная семья находилась в смятении – как принимать аскета Ганди в богатом доме с люстрами, коврами, лакеями в золотых ливреях? Ему отвели отдельную комнату, обставленную в простом индийском стиле. Еду в его собственной посуде – оловянной тарелке, чашке и кружке, которые он всегда возил с собой, подавали ему Сваруп Рани или Камала.

По наблюдениям Саруп – старшей дочери Мотилала Неру, обнаженный по пояс Ганди с его большими ушами (совсем непривлекательными) представлял довольно странное зрелище. Он носил одежду из грубой *кхади* (домотканое хлопчатобумажное полотно, а также одежда из него), которую он сам прял и ткал. В то время он говорил на плохом хинди, и поэтому все разговоры велись на английском. При этом Ганди очень экономно использовал слова и выражал свои мысли предельно четко. Несмотря на все это, он был настолько необычной личностью, что все это сразу почувствовали. От него исходило спокойное умиротворение. Когда он говорил, было понятно, что он не скажет ничего, во что сам не верит.

¹⁸ Там же. – С. 45.

По договоренности с семьей Мотилала Неру Саруп уехала вместе с Ганди в его ашрам. Предполагалось, что Ганди приобщит ее к простой, традиционной жизни. В то время идея простой жизни начала пробивать ростки среди интеллигенции. Джавахарлал уже вступил на этот путь. Но Саруп была избалованной девушкой и, по ее словам, нуждалась в дисциплине. Кроме того, была еще одна проблема. Юная Саруп увлеклась молодым человеком по имени Сайед Хусейн, которого Мотилал назначил редактором издаваемой им газеты *The Independent*. Под влиянием разговоров в доме о индусско-мусульманском единстве Саруп полагала, что было бы вполне естественно выйти замуж за мусульманина. Однако в семье ее убедили, что она была неправа. А мать вообще считала, что воспитание Саруп в западном духе привело ее к такому неортодоксальному поведению. Отсюда и ее поездка вместе с Ганди в его ашрам Сабармати около Ахмедабада.

Однако первые впечатления Саруп оказались для нее малоприятными. Все было скучно и однообразно. Жизнь была неизмеримо аскетичной. Подъем в 4 часа утра на молитву, затем домашние дела: уборка помещений, стирка белья в реке, работа по очистке хлеба и прядение. Определенное время отводилось на обучение и работу помощником по изданию еженедельника *Young India*. Два раза в день в ашраме готовилась вегетарианская пища – на пару, без соли, специй и без масла. Все это ели с чапати (пшеничными лепешками) или рисом. Не было ни чая, ни кофе. В ашраме никому не угрожала опасность прибавить в весе. В 6 часов вечера снова молитва, которую Ганди сопровождал чтением из *Бхагавад-Гиты*¹⁹, Корана, Библии, а также священных книг буддистов, парсов, сикхов... Из пребывания в ашраме Саруп вынесла впечатление, что Ганди представлял собой странный парадокс. Он был добрым и любящим, но в то же время твердым, как сталь. Он никогда не прощал лжи²⁰.

¹⁹ Эта религиозно-философская поэма переводится как «Песнь Господа». Относится к древней индусской литературе (конец I тыс. до н. э.). В наше время одна из самых почитаемых священных книг индуизма.

²⁰ *Pandit, Vijaya Lakshmi*. Op. cit. – P. 64–66.

Расстрел в Амритсаре – поворотный пункт в освободительном движении

В марте 1919 г. Ганди заявил, что Закон Роулэтта нарушает принципы свободы и справедливости, ликвидирует элементарные права граждан. «Мы откажемся подчиняться ему и другим подобным законам, – сказал он. – В этой борьбе мы будем следовать истине и воздерживаться от применения насилия в отношении людей и их собственности»²¹. 6 апреля 1919 г. в стране был проведен *хартал* (закрытие лавок и магазинов), на следующий день Ганди дал инструкцию участникам сатьяграхи. Он писал: «Сейчас мы можем ожидать ареста в любой момент. Поэтому следует помнить, что, если кто-либо будет подвергнут аресту, он должен позволить властям сделать это. Если его вызовут в суд, он должен идти туда... Если суд наложит штраф или, в качестве альтернативы, приговорит к тюремному заключению, то следует выбрать последнее»²². До *сатьяграхи* Ганди совершил множество поездок по всей стране, выступив в десятках городов и деревень.

Но эта *сатьяграха* в социальном плане была ограничена, в основном городами, где ее поддерживали представители «нижнего среднего класса» и ремесленники. Самые массовые выступления и демонстрации прошли в Амритсаре, Лахоре и других городах Панджаба, а также в Ахмадабаде, Дели, Бомбее и, в меньшей степени, в Калькутте. Особенно напряженная обстановка сложилась в Панджабе. В ходе массовых демонстраций произошло невиданное ранее единение индусов, сикхов и мусульман. Это, в частности, нашло свое проявление в участии мусульман в индусском весеннем религиозном празднике *Рам Навами* 9 апреля, в котором представители обеих конфессий продемонстрировали единство, в том числе и тем, что публично пили воду из одной и той же посуды.

²¹ Цит. по: Congress Varnika... – P. 50.

²² The Rowlatt Satyagraha: M.K. Gandhi's instructions to the Satyagrahis, 7 April 1919 // The Indian Nationalist Movement... – P. 51, 52.

Это происходило на фоне недовольства населения, вызванного ростом цен на продовольствие, распространением антибританской пропаганды членами «Арья самадж», а также политическим пробуждением мусульман, в том числе под влиянием поэзии Мухаммада Икбала. Особенно его популярной среди мусульман, индусов и сикхов патриотической песни «Наш Хиндустан».

Индийские историки писали об углубившейся пропасти между англичанами и индийцами. Так, Равиндер Кумар отмечал, что Закон Роулэтта был задуман для того, чтобы предотвратить взрыв революционной активности на политической сцене Индии, особенно в Бенгалии, Махараштре и Панджабе после окончания Первой мировой войны. Требования индийцев отозвать этот закон натолкнулись на упорное сопротивление колониальных властей. Ситуация осложнялась ухудшением экономического положения населения. Особенно пострадали от этого ремесленники, рабочие и представители среднего класса. На этом фоне произошло объединение представителей разных социальных слоев и классов, в том числе индусов и мусульман. Кумар считал, что мусульмане были политически более активными, чем индусы, поскольку больше страдали от инфляции, а также потому, что в то время огромное влияние на их настроения оказал Мухаммад Икбал и другие мусульманские идеологи. «Мусульмане, – подчеркивал Кумар, – стали считать британское правительство закоренелым врагом ислама»²³.

Тогда же власть запретила Ганди въезд в Дели и Панджаб, а из Амритсара были депортированы известные местные лидеры Сатьяпал и Китчлу. 10 апреля мирная демонстрация индийцев в Амритсаре была встречена огнем полиции. В ответ огромная толпа индийцев напала на банки, почту, железнодорожную станцию. Было убито пять европейцев. В городе было введено военное положение. 13 апреля, в воскресенье, около 20 тыс. мирных жителей собрались в Джалианвалла багхе – пустыре, окруженном со всех сторон каменным забором с одним лишь входом.

²³ *Kumar, Ravinder. Essays in the Social History of Modern India. – Calcutta: Oxford University Press, 1986. – P. 185–188, 212.*

Обычно там отмечали праздник весны *Байсак* и день рождения основателя сикхизма гуру Нанака (1469–1539). Многие из собравшихся ничего не знали о военном положении и запрете на митинги. Через некоторое время туда прибыл отряд под командой английского генерала Дайера. Без предупреждения в течение 10 минут он хладнокровно расстреливал безоружную толпу мирных жителей. Лейтенант-губернатор Панджаба О’Двайер, известный своим высокомерным отношением к индийцам, полностью поддержал действие своего генерала. Вслед за этим последовали массовые аресты индийцев, жестокие приговоры трибуналов, публичные наказания плетью. Дайер похвалялся тем, что ему удалось так умело расправиться с индийцами. Джавахарлалу Неру довелось в конце 1919 г. ехать поездом из Амритсара в Дели в одном купе с английскими офицерами. Одним из них был этот генерал, который разглагольствовал в вызывающем и торжествующем тоне о событиях в Джалианвалла багхе. «Он заявил, – писал Джавахарлал Неру, – что весь город был в его власти, и у него было желание обратить этот мятежный город в груды пепла, но что он сжалился над ним и воздержался от этого»²⁴. По официальным данным, в Джалианвалла багхе было убито 379 и ранено 1200 человек (по индийским данным, – убито более 1000 человек, а ранено вдвое больше)²⁵. В Панджабе было введено военное положение и запрещен въезд в него.

Через пять дней Ганди остановил сатьяграху. Мотилал Неру был одним из тех, кому было запрещено посещение Панджаба. Он телеграфировал министру по делам Индии в Лондоне (через голову вице-короля и губернатора провинции), требуя разрешить ему въезд в Амритсар. Вскоре после его вмешательства военное положение было снято. События в Амритсаре оказали огромное воздействие на Мотилала Неру. Он расстался с иллю-

²⁴ Неру, *Джавахарлал*. Автобиография... – С. 55.

²⁵ См. подр.: Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. – М.: «Наука», 1985.

зиями о том, что англичане готовы предоставить Индии независимость.

Конгресс потребовал проведения общественного расследования событий в Амритсаре²⁶. С этой целью была создана комиссия, в которую, в частности, вошли Ганди, Мотилал Неру, Читта Ранджан Дас. Последний проводил расследование непосредственно в Амритсаре. Ему помогал Джавахарлал Неру. В результате была собрана большая часть свидетельских показаний, относящихся к бойне в Джаллианвала багхе.

В течение нескольких месяцев власти пытались скрыть то, что произошло в Амритсаре. Однако под давлением общественного мнения правительство создало свою комиссию во главе с Хантером, которая попыталась обелить действия властей. Выступая перед комиссией, Дайер выразил сожаление только о том, что у его отряда были израсходованы все патроны. А английская палата лордов дала высокую оценку действиям генерала. В Англии даже объявили о сборе средств для его чествования в связи с предстоявшей отставкой²⁷. В этом принимали участие видные английские политические и общественные деятели, включая Редьярда Киплинга. Когда министр по делам Индии Монтегю попытался в парламенте обвинить Дайера в терроризме и расизме, его грубо остановили депутаты от консервативной партии. Они обвинили его в большевизме, выкрикивали антисемитские лозунги (Монтегю был евреем). «Дайер спас нас от мятежа!» – кричали они²⁸. Тем не менее, ситуация в Индии вызвала беспокойство британских властей. Челмсфорд писал королю в августе 1919 г.: «...Я уверен, что в ходе расследо-

²⁶ *Jha J.C.* The Struggle for Swaraj (1919–1922) // A Centenary History. Vol. II: 1919–1935... – P. 58.

²⁷ *Неру, Джавахарлал.* Автобиография... – С. 55.

²⁸ *Collett, Nigel.* The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. – London and New York: Hambledon and London, 2005. – P. 380 // Цит. по: *Tunzelmann, Alex von.* Indian Summer. The Secret History of the End of an Empire. – New York: Henry Holt and Co, 2007. – P. 42–43.

вания причин, которые привели к этим волнениям, мы можем прийти к выводу, что в Индии сложилась ситуация более серьезная, чем любая другая после мятежа 1857 г.»²⁹.

Расстрел мирных жителей в Амритсаре стал поворотным пунктом в истории освободительного движения Индии. В декабре 1919 г. в Амритсаре под председательством Мотилала Неру состоялась сессия Конгресса. Правительство пыталось заблокировать ее проведение в этом городе, но было вынуждено под давлением руководства Конгресса согласиться с этим. Мотилал Неру обратился к лидерам умеренных либералов с призывом принять участие в этой сессии. «Истерзанное сердце Панджаба взывает к вам», – сказал он. Но они не откликнулись на его призыв. Их отказ оскорбил Мотилала Неру и еще больше увеличил пропасть между ним и либералами³⁰.

Массовый расстрел индийцев был главным вопросом всех дискуссий на сессии Конгресса. В этой связи Лала Ладжпат Рай подчеркнул, что панджабская трагедия прояснила обстановку и показала зверя в обнаженном виде. Ганди сказал: «Битва при Плесси (1757 г.) заложила основы Британской империи. Амритсар потряс эту империю». На сессии было заявлено, что «британский кабинет, из-за своего отказа предпринять соответствующие действия, утратил доверие народа Индии»³¹.

События в Амритсаре вызвали глубокое возмущение многих видных деятелей страны. Среди них был Рабиндранат Тагор, который в знак протеста отказался от рыцарского звания, пожалованного ему английским королем в 1915 г. В письме вице-королю Индии он писал: «Я выступаю выразителем протеста миллионов моих сограждан, испытывающих муки отчаяния и ужаса... Я отказываюсь от всех привилегий и заявляю, что всей

²⁹ India's Major Non-Violent Movements 1919–1934 (British Secret Reports on Indian People's Peaceful Struggle for Political Liberation / Ed. by P.N. Chopra. – New Delhi: Vision Books, 1979. – P. 13–14.

³⁰ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 56.

³¹ Цит. по: Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г.... – С. 96, 100.

душой я с теми моими согражданами, которых считают “ничтожными” и которые обречены на унижения и страдания, несовместимые с именем человека»³². Ганди также отказался от орденов и медалей, полученных от британского правительства за его гуманитарную работу в Южной Африке во время Первой мировой войны. Он писал: «Постыдное игнорирование событий в Панджабе и полное равнодушие к чувствам индийцев, проявленное палатой лордов, переполнили меня тяжелыми предчувствиями относительно судьбы Империи, полностью оттолкнули меня от нынешнего правительства и сделали невозможным мое лояльное сотрудничество с ним»³³.

Сессия Конгресса в Амритсаре призвала бойкотировать предстоявшие выборы в Центральный и провинциальные законодательные органы, назначенные в соответствии с Законом об управлении Индией 1919 г. Сессия Конгресса также потребовала отзыва Закона Роулэтта, осудила действия вице-короля Челмсфорда и выступила за его отставку.

³² Там же. – С. 101.

³³ M.K. Gandhi to Viceroy on the Non-cooperation Movement, 1 August 1920 // The Indian Nationalist Movement... – P. 52, 53.

Глава 4. Движение гражданского несотрудничества (1920–1922)

В сентябре 1920 г. на чрезвычайной сессии Конгресса в Калькутте была принята предложенная Ганди программа несотрудничества с властями. Конгресс обратился к индийцам отказаться от правительственных титулов и наград, бойкотировать правительственные учреждения, не идти на воинскую службу, не посылать детей в государственные школы и колледжи и открывать свои национальные учебные заведения. Кандидаты на выборах в законодательные советы должны были снять свои имена из списков для голосования, а избиратели не принимать участия в нем. Конгресс призвал к бойкоту иностранных товаров и заявил о проведении начатой Ганди политики ненасильственного неповиновения с целью установления самоуправления. Особое внимание было уделено проблеме укрепления индусско-мусульманского единства. Отмечалась важность борьбы против продажи алкогольных напитков¹.

Предложенный Ганди план несотрудничества получил одобрение большинства делегатов, включая мусульман, кроме Джинны. Однако часть конгрессистов во главе с Ч.Р. Дасом выступила против бойкота законодательных органов. В свою очередь, Мотилал Неру поддержал Ганди, хотя и не без колебаний.

Джавахарлал Неру следующим образом объясняет сомнения своего отца в отношении движения несотрудничества. Для Мотилала Неру несотрудничество означало отказ от адвокатской практики, разрыв с прошлой жизнью – нелегкое дело для человека, находящегося на пороге шестидесятилетия. Отказ от привычной светской жизни, от многих расточительных привычек. Но его разум, чувство собственного достоинства толкали к тому, чтобы связать свою судьбу с новым движением. Цепь событий, высшей точкой которых была трагедия в Амритсаре, горечь на-

¹ *Ghose, Sankar. Socialism, Democracy and Nationalism in India. – Calcutta: Allied Publishers. 1973. – P. 44, 45; Durant, Will. The Case for India. – New York: Simon ND Schuster, 1930. – P. 73–74; Jha J.C. The Struggle for Swaraj... Note 184. – P. 78.*

ционального унижения – все это привело его к тому, что он при-
мкнул к Ганди и его движению².

На сессии Конгресса в Нагпуре в декабре 1920 г. подавля-
ющее большинство делегатов поддержало «ненасильственное
прогрессивное несотрудничество» с правительством. Был одо-
брен подготовленный Ганди новый устав Конгресса, в соответ-
ствии с которым создавался Рабочий комитет партии из 15 че-
ловек для организации текущей политической работы. Были
проведены и другие мероприятия, в том числе созданы провин-
циальные комитеты Конгресса (ПКК). Все комитеты партии
снизу доверху создавались на выборной основе. Члены Всеин-
дийского комитета Конгресса (ВИКК) избирались из состава
провинциальных комитетов партии. В свою очередь, ВИКК
избирал Рабочий комитет и президента Конгресса. Президент
Конгресса и члены Рабочего комитета назначали генеральных
секретарей ВИКК. Сессия Конгресса в Нагпуре начала новый
этап в развитии партии, в которой руководящую роль играл
М.К. Ганди³.

Мотилал Неру, М.А. Ансари и Чакраварти Раджагопалачари
были назначены генеральными секретарями партии. Конгресс
перестал быть собранием местных групп, которые встречались
лишь один раз в год на своих сессиях. В Нагпуре была постав-
лена в высшей степени амбициозная, а скорее невыполнимая
задача – достижение *свараджа* в течение одного года.

Против движения несотрудничества выступила часть ради-
калов. Один из них, Г.С. Кхапарде, к тому же критиковал Ганди
за то, что он действовал как «диктатор». Он ссылаясь при этом
на заявление Ганди о том, что он не связан с большинством Кон-
гресса и является «главным советником партии»⁴. Некоторые
умеренные в партии также не разделяли взглядов Ганди. На все
это Ганди отвечал, что действия властей сделают его движение
несотрудничества популярным. В Нагпуре Мотилал Неру и

² Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 76, 77.

³ Kaushik P.D. The Congress Ideology and Programme, 1920–
47. – Bombay, New Delhi, 1964. – P. 34.

⁴ Khaparde. Diary, 1920. Indian National Archive (NAI) // A Centenary History... Vol. II. – P. 75, 76.

Ч.Р. Дас выступили в поддержку Ганди. Тем не менее, дискуссия по вопросу о несотрудничестве продолжалась. И это не могло не влиять на Мотилала Неру.

Среди тех, кто критиковал Ганди в связи с движением несотрудничества, был и Рабиндранат Тагор. Он высказал сомнение в отношении призыва Ганди прекратить изучение английского языка. Тагор писал: «Идея несотрудничества является политическим аскетизмом. Во имя чего должны жертвовать наши ученики и студенты? Не во имя образования, а отрицания его. Такое отрицание в его пассивной нравственной форме является аскетизмом, а в активной форме – насилием. Пустыня в такой же степени есть отрицание, как и бушующее море во время шторма. Оба они направлены против жизни»⁵.

Тагор подходил к проблеме несотрудничества с широких гуманитарных позиций. Но он не предлагал альтернативного пути к достижению независимости. Ганди не стал вступать в прямую конфронтацию с ним, но нашел способ, чтобы высказать свое мнение по вопросам, затронутым Тагором, в журнале *Young India* (1 июня 1921 г.). В своем ответе Ганди, с одной стороны, поднялся до уровня философских обобщений, с другой – поставил ряд конкретных, насущных социальных и политических проблем. Вот, что он писал по вопросу об обучении на английском языке: «Поэт, наверное, не знает, что английский язык сегодня изучается по соображениям его коммерческой и так называемой политической ценности. Наши юноши думают, и правильно думают в нынешних условиях, что без знания английского языка они не поступят на государственную службу. Девушки учат английский язык, потому что это является паспортом к замужеству... Сотни молодых людей думают, что без знания английского языка свобода для Индии практически недостижима... Эта червоточина настолько въелась в наше общество, что для многих единственное образование – это знание английского языка. Для меня все это – признаки нашего рабст-

⁵ Цит. по: *Singh, Iqbal. Indian National Congress. Vol. 2 (1919–1923).* – New Delhi: Manohar, 1988. – P. 241–242.

ва и деградации. Я не могу выносить уничтожение и оскудение индийских языков, что происходит на деле...»⁶.

Но при этом Ганди вполне определенно заявлял: «Я не хочу, чтобы мой дом был огражден со всех сторон стенами, а его окна были наглухо закрыты. Я хочу, чтобы ветры культур всех стран свободно, насколько это возможно, проникали в мой дом. Но я не хочу, чтобы они сбили меня с ног». Ганди писал, что несотрудничество – это «великое движение реформирования, очищения и патриотизма»⁷.

Призыв к несотрудничеству с властями, на который откликнулись многие талантливые и бескорыстные люди – видные адвокаты, чиновники и высокообразованные индийцы, – писала Виджая Лакшми Пандит, – был, тем не менее, встречен неодобрительно некоторыми аполитичными, более практичными и материально озабоченными людьми. Они обвиняли Ганди в том, что он разорил многих из тех, кто пожертвовал карьерой, семейным благополучием и, став участником национально-освободительного движения, подверг себя преследованиям со стороны властей, арестам, тюремному заключению⁸.

Несотрудничество и семья Неру

Движение несотрудничества охватило значительную часть провинций страны. Особенно активно демонстрации протеста проводились в Панджабе, Бомбее и Мадрасе, а также в большинстве городов Соединенных провинций, в Бихаре и Ориссе. В ряде провинций были открыты национальные школы и колледжи. Широкое распространение получило домашнее прядение и изготовление *кхади*. Ганди призывал индийцев отказываться от использования иностранной одежды. С этой целью проводилось массовое сожжение иностранных товаров. Все это он называл «тихой революцией». Ганди призывал всех отказаться

⁶ Ibid. – P. 243, 244.

⁷ Цит. по: Ibid. – P. 244; см.: *Rolland, Romain. Mahatma Gandhi.* – New Delhi: Publication Division, Patiala House, 1969. – P. 83–84.

⁸ *Pandit, Vijaya Lakshmi.* Op. cit. – P. 180.

ся хотя бы на год от роскоши, украшений и спиртных напитков, подчеркивая, что индийская цивилизация, культура и независимость зависят не от роста потребностей, а от их ограничения. Он всегда подчеркивал, что решающим условием на пути к свараджу являются индуско-мусульманское единство и избавление от неприкасаемости⁹.

Тагор приветствовал заслуги Ганди в пробуждении миллионов простых людей, но резко критиковал элементы узости, обскурантизма и конформизма в культуре проповедуемой Ганди прялки.

Ганди заявлял, что его движение направлено не против английского народа, а против *адхарма* – невыполнения религиозного долга и неправедных действий властей, которыми управляет *шайтаниат* – злой дух. На сессии Конгресса в Нагпуре более сотни садху-наги (приверженцев культа змеи) образовали Садху сангх (Союз садху), который присоединился к Конгрессу для пропаганды идей несотрудничества¹⁰. Особенностью развернувшегося движения несотрудничества стало активное участие в нем *саньяси* – странствующих отшельников и аскетов, *садху* – индуских святых, проповедников-аскетов, факиров и *свами* – монахов Ордена Рамакришны¹¹. Они были весьма эффективными агитаторами идей движения несотрудничества. Своей деятельностью они придали религиозную окраску этому движению, что было понятно простым людям. Одним из центров их деятельности был г. Хардвар в Соединенных провинциях, куда стекались сотни тысяч паломников.

Кампания несотрудничества получила поддержку в той части крестьянства, выступления которой уже шли некоторое время. Так, в Соединенных провинциях, где жила семья Неру, подобные выступления были направлены против помещиков, ростовщиков и торговцев. Их участники требовали предоставления земли безземельным крестьянам, отказывались платить

⁹ Ганди, Мохандас Карамчанд. Моя жизнь. – М.: Наука, 1969. – С. 490–491.

¹⁰ Ibid. – P. 82, 83.

¹¹ Henningham, Stephen. Peasant Movement in Colonial India: North Bihar, 1917–42. – Canberra: ANU, 1982. – P. 70–89.

налоги. Когда Конгресс выдвинул лозунг «Иди в деревню», лидеры и активисты партии стали энергично работать среди крестьянства. Одним из них был Джавахарлал Неру. Он писал в этой связи: «деморализованные, отсталые, отчаявшиеся люди внезапно распрямили спины, подняли головы и приняли участие в организованных совместных действиях в масштабе всей страны»¹².

В нескольких дистриктах Соединенных провинций наиболее крупным крестьянским движением стало «Эка» («Единство»). Его основным требованием была уплата налога наличными деньгами, а не продукцией, поскольку цены на зерно и другие продукты земледелия постоянно росли. Помещики отказывались выполнять эти требования, но были вынуждены уступить в другом важном вопросе – введении пожизненной аренды земли вместо ранее установленного срока в семь лет.

Крестьянские движения в Соединенных провинциях также выступали под лозунгами отмены специального военного налога, а также системы джаджмани¹³. В ряде районов страны проводились мероприятия, связанные с «конструктивной программой» Ганди: открывались школы, создавались пункты по выдаче хлопка и прялок. Так, Всеиндийская ассоциация прядильщиков охватила своей деятельностью 5300 деревень, дала работу 220 тыс. прядильщиков и 20 тыс. ткачей¹⁴. Лидеры движения несотрудничества поощряли создание *панчаятов* (органов местного самоуправления) и *кисан сабха* (крестьянских организаций). Они должны были отстаивать интересы крестьян, защищать их от помещиков и правительства. В Соединенных провинциях в 1920–1921 гг. движение по созданию крестьян-

¹² Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 88, 89.

¹³ *Джаджмани* – традиционная система внутриобщинного обмена услугами, наследственно закрепленными за кастами. Чем ниже ритуальный статус касты, тем больше у нее было строго обозначенных трудовых обязанностей в отношении других каст. Эта система обеспечивала высшим кастам экономическую и социальную эксплуатацию низших каст. (Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. – М.: Наука, 1981. – С. 205.)

¹⁴ Nanda B.R. Mahatma Gandhi. A Biography. – London: Unwin Books, 1959. – P. 195.

ских организаций проходило под руководством Мотилала и Джавахарлала Неру и привело к серьезным беспорядкам¹⁵. Несмотря на все трудности и издержки, движение несотрудничества 1920–1922 гг. смогло заложить основу влияния Конгресса в деревне, которое в будущем стало важной частью национально-освободительной борьбы.

Разногласия в Конгрессе

Во время четырехмесячного визита в Индию наследника престола Эдварда, принца Уэльского, Конгресс объявил бойкот мероприятий, связанных с ним. 17 ноября 1921 г. по призыву Конгресса в Бомбее состоялся массовый митинг фабричных рабочих, ремесленников, торговцев, мелких служащих. На нем выступил Ганди, который объявил о бойкоте визита принца Уэльского. Он подчеркнул важность индусско-мусульманского единства, ненасилия и *свадеши*. После этого Ганди поджег огромную кучу иностранной одежды, которая была собрана для этой цели. Затем демонстранты мирно разошлись. Однако уже в тот же день в других районах города начались беспорядки. Произошли столкновения между участниками движения несотрудничества – индусами и мусульманами, с одной стороны, и сторонниками британской власти – европейцами, парсами, христианами – с другой. В результате стычек и применения полицией оружия погибло несколько десятков человек. Ганди обратился к жителям Бомбея с воззванием, в котором поставил вопрос о приостановке кампании гражданского неповиновения¹⁶.

Однако через несколько дней Ганди предупредил правительство, что если сварадж не будет предоставлен к 1 декабря 1921 г., он и участники движения несотрудничества предложат полицейским и чиновникам в талуке Бардоли (уезде в Гуджарате) присоединиться к этому движению. Тогда же Ганди обратился к народу Индии с призывом бойкотировать суды и полицейские

¹⁵ India's Major Non-Violent Movements... – P. 65, 76–78.

¹⁶ Ibid. – P. 260.

участки и не расходиться, даже если против них будет открыт огонь¹⁷.

В декабре 1921 г. власти объявили вне закона в Соединенных провинциях и Бенгалии организацию добровольцев Конгресса, которая поддерживала дисциплину и порядок во время демонстраций и митингов, связанных с бойкотом торжеств в честь принца Уэльского. В Бенгалии был арестован Ч.Р. Дас, один из близких соратников Мотилала Неру, после того как он обратился к населению с воззванием: «Я чувствую наручники, сковывающие мои руки, и тяжесть железных кандалов на моем теле. Я испытываю страдания заключенного. Вся Индия – это одна огромная тюрьма. Работа Конгресса должна продолжаться». В Соединенных провинциях добровольцев возглавил Мотилал Неру. Перед приездом принца в Аллахабад жизнедеятельность в городе прекратилась, улицы опустели. Через несколько дней начались массовые аресты и обыски в домах. Провинциальный комитет Конгресса был арестован в полном составе. В тюрьмах оказались сначала Джавахарлал, а затем и Мотилал Неру, которых приговорили к шести месяцам заключения¹⁸.

Находясь в Алипурской тюрьме в Калькутте, Ч.Р. Дас подготовил свое президентское послание, которое было зачитано от его имени на сессии Конгресса в Ахмадабаде в конце декабря 1921 г. В нем Дас поставил ряд фундаментальных вопросов: В чем состоит наша цель? Куда мы идем? Что такое свобода? На последний из них он дал такой ответ: «Это такое состояние, такое условие, которое дает возможность нации реализовать ее индивидуальность и выбрать свою судьбу»¹⁹.

Конгресс выступил в поддержку ручного прядения и ткачества, полного запрета на продажу и приобретение алкогольных напитков и ликвидацию неприкосновенности²⁰. Тогда же по инициативе Ганди каждый доброволец – участник движения несотрудничества – должен был подписать обязательство придерживаться ненасилия и на словах и на деле. Конгресс заявил, что

¹⁷ *Jha J.C. The Struggle for Swaraj...* – P. 89.

¹⁸ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 91–93.

¹⁹ *Singh, Iqbal. Op. cit. Vol. 2.* – P. 277.

²⁰ *Congress Varnika...* – P. 219.

гражданское несотрудничество является единственной цивилизованной и эффективной альтернативой вооруженному восстанию. Поэтому Ганди обратился к конгрессистам и ко всем тем, кто верит в мирные методы и убежден, что «не остается другого способа, как принести жертву, чтобы низложить существующее правительство... организовать индивидуальное и массовое гражданское неповиновение...»²¹.

До начала этой сессии Конгресса правительство арестовало 40 тысяч членов партии за участие в движении несотрудничества. Среди них были отец и сын Неру и другие конгрессисты. Учитывая это, на сессии Конгресса было решено в целях сохранения организационной структуры партии, назначить Махатму Ганди в качестве единственного руководителя и возложить на него все полномочия, исполняемые Всеиндийским комитетом Конгресса, в том числе полномочия созыва чрезвычайной сессии этой партии. Ганди был также наделен правом назначать себе преемника «в случае чрезвычайных обстоятельств»²².

В начале января 1922 г. Ганди принял решение провести в талуке Бардоли, в виде «эксперимента», кампанию по неуплате налогов. Он считал, что от исхода этой кампании могла зависеть судьба дальнейшего развития движения несотрудничества. Но уже 31 января Ганди отказался от своего требования неуплаты налогов. В инструкции конгрессистским организациям в провинциях Рабочий комитет Конгресса и Ганди рекомендовали «платить налоги правительству» и «воздерживаться от массового или индивидуального гражданского неповиновения агрессивного характера»²³. На следующий день Ганди направил вице-королю Ридингу послание под названием «Манифест», в котором требовал прекратить проводимые правительством репрессии, а также освободить из тюрем всех мирных участников движения несотрудничества. Если правительство сообщит о готовности сделать это «в течение семи дней со дня опубликования этого манифеста, – писал Ганди, – я готов отложить

²¹ *Singh, Iqbal. Op. cit. Vol. 2. – P. 557.*

²² *Gandiji's Resolution at Ahmedabad Congress Session. December 28, 1921 // Singh, Iqbal. Op. cit. Vol. 2. – P. 555–558.*

²³ *Singh, Iqbal. Op. cit. Vol. 2. – P. 303–306.*

гражданское неповиновение агрессивного характера до тех пор, пока заключенные в тюрьмы участники движения не рассмотрят заново сложившуюся ситуацию после их освобождения».

В ответ на это правительство опубликовало коммюнике, в котором заявило о неприемлемости условий, выдвинутых в «ультиматуме» Ганди. Ганди тут же дал свой ответ и разослал его в ряд газет. В нем он указал на репрессивные меры властей – арест Ч.Р. Даса, Мотилала Неру, Абула Калама Азада, Лала Ладжпата Рая, и подтвердил свое обвинение правительства в «политике незаконных репрессий». Ганди заявил: «Выбор перед народом состоит в массовом гражданском неповиновении со всеми его несомненными опасностями или незаконными репрессиями против законных действий людей»²⁴.

Но уже на следующий день ситуация коренным образом изменилась. 5 февраля 1922 г. в деревне Чаури-Чаура в Соединенных провинциях полиция открыла оружейный огонь по толпе демонстрантов, которые пикетировали местный рынок, протестуя против высоких цен и продажи алкогольных напитков. Расстреляв все патроны, полицейские укрылись в своем участке. Подошедшая толпа подожгла его. 22 полицейских погибли. Правительство назвало это мятежом. Позже суд приговорил 19 участников демонстрации к смертной казни и еще 153 к ссылке на каторгу. Ганди немедленно принял решение о прекращении кампании гражданского неповиновения²⁵. Это вызвало возмущение таких лидеров Конгресса, как Мотилал Неру, Ч.Р. Дас, Лала Ладжпат Рай, Джавахарлал Неру и других. «Мы к своему удивлению и ужасу узнали в тюрьме, – писал Джавахарлал Неру, – что Ганди-джи отказался от наступательного характера борьбы и приостановил кампанию гражданского неповиновения... Мы негодовали, узнав о прекращении борьбы в тот самый момент, когда мы, казалось, укрепили наши позиции и продвинулись на всех фронтах»²⁶. При этом он отмечал, что в течение декабря 1921 г. и января 1922 г. в связи с движени-

²⁴ Ibid. – P. 311–313.

²⁵ *Nanda B.R. Mahatma Gandhi...* – P. 131–137.

²⁶ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 93, 94.

ем неповиновения было приговорено к тюремному заключению около 30 тыс. индийцев.

Решение Ганди о прекращении кампании, писал Субхас Чандра Бос, вызвало «настоящее восстание» в Конгрессе. «Никто не мог понять, почему Махатма должен был использовать отдельный инцидент в Чаури–Чаура для прекращения движения по всей стране... Дать приказ об отступлении, когда энтузиазм народа достиг точки кипения, было не чем иным, как национальным бедствием... Главные помощники Махатмы – Ч.Р. Дас, Мотилал Неру и Лала Ладжпат Рай, которые находились в тюрьме, разделяли общее мнение, – продолжал Бос. – Дас был вне себя от гнева и печали из-за того, что Махатма постоянно допускал ошибки»²⁷.

В этой же связи Джавахарлал Неру писал: «Несмотря на мое теснейшее сотрудничество с Ганди в течение многих лет, у меня нет ясного представления о его целях. Я сомневаюсь, ясно ли он представляет их сам. Мне достаточно одного шага, говорит он, и не старается заглянуть в будущее или иметь перед собой ясно сформулированную цель». Неру отмечал, что у Ганди «идеал ненасилия становится застывшей догмой, которую нельзя оспаривать. В качестве таковой она утрачивает свою притягательную силу для разума и занимает место среди догматов веры и религии. Она даже становится опорой для привилегированных групп, которые используют ее для сохранения статус-кво»²⁸.

Но Ганди настаивал на своем решении о прекращении движения гражданского несотрудничества. Тем более, что Рабочий комитет Конгресса одобрил его. Джавахарлалу Неру он написал, что события в Чаури-Чаура были «последней соломинкой». Бойня в Чаури-Чаура как «спичка подожгла пороховой заряд и возникло пламя. Если бы это не было прекращено, то мы возглавляли бы не ненасильственное движение, а фактически насильственную борьбу... Наше дело выиграет от отступления. Движение несотрудничества сошло с правильного пути. Мы

²⁷ *Bose S.Ch. The Indian Struggle 1920–1942...* – P. 73.

²⁸ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 531, 571.

вернулись назад к нашим корням и можем снова идти прямо вперед»²⁹.

В конце февраля 1922 г. Всеиндийский комитет Конгресса во многом поддержал предыдущее решение Рабочего комитета о прекращении движения несотрудничества. Однако ВИКК разрешил продолжить индивидуальное гражданское несотрудничество под контролем провинциальных комитетов. Конгрессисты должны были ограничить свою деятельность «ненасильственной конструктивной» работой – ручным прядением и ткачеством, созданием национальных школ, пикетированием лавок, продающих алкогольные напитки, и магазинов, торгующих иностранными тканями, отказом от соблюдения неприкасаемости.

Движение несотрудничества, так же как и трагедия в Амритсаре в 1919 г., изменило не только ход борьбы за независимость Индии, но и жизненный уклад многих семей, которые вступили на этот путь. Не была исключением в этом смысле и семья Мотилала Неру.

Ненасильственное несотрудничество постепенно вовлекало в свою орбиту сотни и тысячи активных членов Конгресса. Первым в семье Мотилала Неру, кто стал приобщаться к движению несотрудничества, стал Джавахарлал, который впервые встретился с Ганди в 1916 г. на сессии Конгресса в Лакхнау. Ганди придавал особое, почти мистическое значение ручному прядению и ткачеству, ношению одежды, изготовленной из *кхади*. Он считал прялку «воротами к духовному спасению». Именно по предложению Ганди в 1921 г. частью флага Конгресса, а затем и независимой Индии была признана *чаркха* (прядильное колесо). Постепенно она стала символом, объединяющим борцов за независимость.

Простая одежда из *кхади* и соответствующий образ жизни предполагали сближение с жизнью простых людей – в привычках, еде, в общении. Хотя Джавахарлал называл одежду из *кха*-

²⁹ М.К. Gandhi to Jawaharlal Nehru on the Suspension of the Non-cooperation Movement, 19 February 1922 // The Indian Nationalist Movement... – P. 55, 56.

ди «униформой нашей свободы»³⁰, для него все это оказалось не таким простым делом. Семь юношеских лет, проведенных в Англии, отразились и на его жизни. Его хиндустани, на котором он говорил с народом, сначала не был достаточно приспособлен для этой цели. Известный публицист Нирад Чоудхури писал, что Джавахарлал Неру говорил в английской манере. Это раздражало тех, кто придерживался индусской традиции почтительного обращения с людьми. А те, кто говорил по-английски с индийским акцентом, полагали, что он вел себя как англичанин с «туземцами». Но другие считали это преимуществом Джавахарлала по мере того, как он освобождался от англицизмов. Они полагали, что он жертвует приобретенными в Англии навыками, чтобы стать учеником Ганди»³¹.

И если Джавахарлал Неру быстро схватывал суть политических идей Ганди, то для Мотилала Неру это оказалось непростой задачей. Он встал на путь поддержки Ганди, но не мог примириться с его одержимостью в таких вопросах, как отказ от алкоголя, строгое вегетарианство и в целом – ненасилие. Он как-то сказал в своем домашнем кругу, что не согласен с тем, что говорит Ганди, и Ганди знает об этом. «Тем не менее, – признал Мотилал, – я больше уважаю его, чем его полоумных учеников»³².

Мотилал Неру немало колебался перед тем, как расстаться со своим прошлым образом жизни и вступить на новый путь, связанный с борьбой за независимость. Ему было что терять. И он пошел на это. Отказался от юридической практики, подал в отставку из Законодательного совета провинции, отозвал младшую дочь Кришну из английской школы. Не менее радикальные изменения произошли в домашнем быту. Мотилал отказался от западной кухни, и все домочадцы почти полностью перешли на вегетарианство. Упразднен был и винный погреб, хотя Мотилал не утратил вкуса к виски с содовой водой. В доме

³⁰ Fisher, Louis. *The Life of Mahatma Gandhi*. – London: Jonathan Cape, 1951. – P. 253.

³¹ Chaudhuri, Nirad. *Thy hand, great anarchy: India, 1921–1952*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1988, London, 1987. – P. 452–453.

³² Nehru B.K. interviewed by Brook Associates, 22 April 1996 // Adams, Jad and Phillip Whitehead. *Op. cit.* – P. 55.

исчезли хрусталь, фарфор, европейская одежда, ковры. Также куда-то подевались лошади с колясками. Мотилал Неру писал Ганди в 1921 г.: «охоту я поменял на долгие прогулки, ружья – на книги... Боже, какое падение! Но если говорить правду, никогда я не наслаждался жизнью больше, чем сейчас»³³.

Все семья Неру стала носить одежду из *кхади*. Мотилал в длинной рубашке, белой шапочке и кашмирской шали, наброшенной на левое плечо, выглядел как римский сенатор в тоге. Но наиболее яркой демонстрацией патриотизма членов семьи Неру стал костер из иностранной одежды, устроенный ими во дворе дома. Все это 36 лет спустя было ярко описано Индирой Ганди. «Я до сих пор чувствую возбуждение того дня. Какие богатые ткани, какие чудесные цвета! Как весело было прыгать, играть в прятки в грудах бархата, шелков и тончайших шифонов!» Но родители запретили малышке приближаться к костру, тем более, что она уже должна была спать. Однако маленькая Индира упростила деда, и он принес ее к костру, где она и уснула у него на руках.

Еще более трудное испытание поджидало Индиру через год, когда ей было четыре или пять лет. Как всегда, она играла сама с собой, когда ее мать Камала принимала в той же комнате родственницу, только что вернувшуюся из Парижа. Она привезла подарок Индире – изысканное платье с вышивкой. Камала поблагодарила ее и вернула подарок, промолвив, что они носят одежду только из *кхади*. Камала позвала Индиру и сказала ей: «Тетя привезла тебе иностранное платье. Оно очень красивое, и ты можешь носить его, если оно нравится тебе. Но сначала ты подумай о большом костре, в котором мы сожгли иностранные вещи. Хотела бы ты носить эту замечательную вещь, когда все мы одеваемся в *кхади*?» Индира вспоминает дальше: «Искушение было очень велико. Мои глаза заблестели от желания. Я протянула руку, чтобы дотронуться до платья. Но не успела коснуться платья, как я услышала свой голос: «Возьмите его, я никогда не буду его носить». Но почему же, разве ты не любишь хорошие вещи? – настаивала гостя. «Я люблю, люблю... но...» и я повторила все аргументы, которые слышала от взрослых.

³³ Nanda B.R. Op. cit. – P. 185.

Тогда гостья сказала: «Ну, хорошо, мисс святость, а как ты отнесешься к иностранной кукле?»³⁴.

Соблазн был велик. Куклу Индира взяла. Но внутренняя борьба истощила ее силы. Она не могла ни есть, ни спать. И, наконец, решилась – отнесла куклу на крышу дома, подожгла ее,... и залилась слезами. Позже она никогда в жизни не могла взять в руки спички.

Отец и сын в тюрьме

Мотилал Неру был избран в 1920 г. в состав Рабочего комитета Конгресса и стал одним из трех генеральных секретарей партии. Более того, центральный офис ВИКК переместился в его дом в Аллахабаде. Вся ответственность за обеспечение большой семьи Мотилала, его сына и дочерей лежала на его плечах. К 1919 г. Джавахарлал полностью отказался от юридической практики в пользу политической работы. Он подумывал о том, чтобы Конгресс платил ему зарплату. Но отец категорически отказался от этого, сказав, что не позволит, чтобы кто-то из членов его семьи зависел от «кого-либо в мире, каким бы близким или дорогим он ни был» или даже оставался на попечении государства³⁵.

7 декабря 1921 г. Мотилал Неру был приговорен судом к шести месяцам заключения и штрафу в 500 рупий по обвинению в бойкоте визита принца Уэльского. Мотилал Неру заявил на суде, что судебное заседание было фарсом, и отказался участвовать в судебных прениях. В течение всего процесса он держал внучку Индиру на коленях. К такому же сроку тюремного заключения был приговорен и Джавахарлал Неру. Отец и сын отказались платить штраф. В результате полиция явилась в Ананд Бхаван и конфисковала ковры и мебель, стоимость которых значительно превышала сумму штрафа.

³⁴ India: The Speeches and Reminiscences of Indira Gandhi. – Delhi: Rupa, 1975. – P. 13, 14.

³⁵ Motilal to Jawaharlal, 27 June, 1921 // *Gopal, Sarvepalli. Jawaharlal Nehru: A biography.* – Vol. I. – London, 1975. – P. 67.

Мотилал и Джавахарлал Неру отбывали наказание в дисстриктовой тюрьме в Лакхнау. Британские власти содержали видных политических заключенных в тюрьмах отдельно от уголовников, в несколько более благоприятных условиях, разрешали им получать извне продукты, постельное белье, одежду и книги. Тем не менее, и для них условия заключения были жесткими³⁶. Давний друг Мотилала, губернатор Соединенных провинций сэр Харкорт Батлер предпринял меры, чтобы облегчить его пребывание в тюрьме. Ему разрешили получать газеты, книги и еду от родственников. Джавахарлал чистил тюремные бараки, стирал одежду – свою и отца, и прядл пряжу. Он проводил вечерние классы для других заключенных.

Джавахарлал был освобожден из тюрьмы несколько раньше определенного судом срока – в марте 1922 г., так как были обнаружены процессуальные нарушения во время суда над ним. Он тут же поехал к Ганди, который был арестован 18 марта 1922 г. и приговорен судом к шести годам тюремного заключения. На суде Ганди заявил, что из убежденного сторонника, сотрудничавшего с властями, он превратился в «человека бескомпромиссного, разочарованного и не способного к сотрудничеству»³⁷.

Через шесть недель после освобождения из тюрьмы Джавахарлал был вновь арестован в мае 1922 г. и приговорен к тюремному заключению, теперь уже на полтора года (но вышел на свободу раньше – в январе 1923 г.). Главное обвинение состояло в том, что он вел пропаганду среди торговцев Аллахабада с целью бойкота иностранных товаров. На суде Джавахарлал отказался от защиты, а использовал судебное заседание для изложения целей и задач Конгресса в борьбе за независимость. Это было первое его выступление, которое получило широкий отклик по всей Индии, особенно среди молодежи. Мотилал Неру, находившийся все еще в тюрьме, высоко оценил выступление

³⁶ Об условиях содержания политических заключенных в тюрьмах см.: *Неру, Дж. Автобиография...* – С. 239–247. Один из политических осужденных в Мирутском процессе 1929–1933 гг. Дхарани Госвами рассказывал автору в 1965 г. о тяжелых, в том числе антисанитарных, условиях его содержания в тюрьме г. Миднапур (Бенгалия).

³⁷ *Bose S.Ch. The Indian Struggle...* – P. 75.

сына на суде: «прочитав твое заявление, я почувствовал себя самым гордым отцом на земле»³⁸.

Во время суда Джавахарлал сказал, что отправляется в тюрьму с радостью, и поблагодарил английские власти за то, что они дали ему возможность таким образом служить Индии. Из тюрьмы Джавахарлал написал отцу, что он с матерью воспитали его в духе высоких идеалов, что придало ему дополнительную силу и уверенность в себе³⁹.

Джавахарлала поместили сначала в дистриктовую тюрьму в Аллахабаде, а затем перевели в Лакхнау. Май – один из самых жарких месяцев, особенно в северной Индии. Джавахарлал плохо переносил жару, и к тому же он не отличался крепким здоровьем. В тюрьме он лечился гомеопатическими средствами, в основном мышьяком и серой. Ел он немного – вегетарианскую пищу: рис, *чанати* (пшеничные лепешки), овощи, фрукты. Помимо физических упражнений, большую часть времени он уделял чтению. Больше всего его интересовала история и поэзия. 31 января 1923 г. Джавахарлала освободили по общей амнистии, которая охватила 107 политических заключенных. Приветствуя это, газета *Leader* писала: «Величайший среди патриотических умов, подлинный последователь г-на Ганди пандит Джавахарлал Неру, который, несомненно, придерживается самого благородного образа мыслей и ни к чему не питает ненависти, но любит свою страну со страстью чистой природы и чувствительного сердца». В это же время, за несколько дней до освобождения Джавахарлала, главный судья Аллахабадского высокого суда сэр Гримвуд Мирс написал Мотилалу Неру, что хотел бы встретиться с его сыном. На этой встрече он намекнул Джавахарлалу на возможность назначения его министром.

Джавахарлал сугубо отрицательно отнесся к самой идее его участия в работе британских министерств и других исполнительных органов. Он пишет, что для него всякая мысль связать себя с правительством была совершенно неприемлемой. Более того, она вызывала в нем «отвращение». Тогда и в последующие

³⁸ *Gopal, Sarvepalli*. Op. cit. – P. 67.

³⁹ Цит. по: *Brown, Judith M. Nehru. A Political Life.* – New Haven and London: Yale University Press, 2003. – P. 70.

годы он стремился заняться серьезной созидательной работой. Джавахарлал полагал, что разрушение, агитация и несотрудничество едва ли могли считаться нормальной деятельностью для человека. «Но уж такова наша участь, – писал он. – Мы сможем добиться возможности строить в своей стране, лишь пройдя через пустыни столкновений и разрушения. И, быть может, большинству из нас придется израсходовать нашу энергию и наши жизни на преодоление этих зыбучих песков, а строить придется уже нашим детям или детям наших детей»⁴⁰.

Тюрьма – место испытаний и раздумий Джавахарлала

На жизнь и поведение Джавахарлала в тюрьме немалое влияние оказал Ганди, который опирался на свой тюремный опыт в Южной Африке. Его совет сводился к тому, чтобы отвлечься от внешнего мира, так как самому изменить его было нельзя. Вместо этого он советовал заняться изучением каких-то серьезных проблем, а также ручным трудом, например, прядением⁴¹.

Одним из худших испытаний для Джавахарлала было полное отсутствие личной жизни, возможности уединиться. Несмотря на все это, ему удавалось поддерживать приличное состояние здоровья. Он делал разные физические упражнения, а также занимался прядением по несколько часов в день. Но особое место в его строгом распорядке дня (он вставал в 4 часа утра, днем отдыхал, ложился спать в 21 час, тем более, что электричества в тюрьме не было) занимали интеллектуальные занятия – чтение книг, газет, журналов, в основном на английском языке, а также на хинди. Это были книги по индийской и мировой истории, современной политике, английская поэзия, статьи Л.Н. Толстого и т. д. В одно время у него в тюрьме было до 130 книг и периодических изданий.

⁴⁰ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 116–119; *Гопал, Сарвепалли. Джавахарлал Неру. Биография. Т. 1.* – М.: Прогресс. 1989. – С. 67.

⁴¹ *Selected Works of Jawaharlal Nehru – SWJN(I). Vol. 2.* – P. 58–259.

Самым тяжелым испытанием в тюрьме для Джавахарлала была разлука с родными и близкими людьми. Правда, разрешались свидания с ними (с разными интервалами), а также переписка, которая подвергалась цензуре. Все это было неотъемлемой частью политической жизни Джавахарлала Неру, который провел в тюрьмах в общей сложности около 10 лет за 26 лет политической борьбы в колониальной Индии (с 1921 г. по 1947 г.). Не случайно, что большую часть своих работ («Мое открытие Индии», «Взгляд на всемирную историю», «Автобиография») он написал в тюрьмах.

Представляет интерес, как тогда оценивали публичную деятельность Джавахарлала Неру другие люди, в том числе публицисты и журналисты. Так, газета *The Bombay Chronicle* писала о нем 30 мая 1923 г.: «Он – не оратор, не владеет никакими приемами речи. Экономен в выборе слов, но слова отбирает тщательно, что, вероятно, является результатом образования, полученного в Хэрроу и Кембридже. У него тихий голос, и, чтобы говорить громче, ему приходится прилагать особые усилия... Когда он говорит, в его словах чувствуется искренность... Ему удается произвести впечатление на слушателей, вероятно, благодаря тому, что он не пытается это намеренно сделать... Подчас, когда аудитория не в состоянии подняться до его интеллектуального уровня, он проявляет нетерпение». Его биограф Сарвепалли Гопал добавляет, что Джавахарлал не был искусным оратором, но оратором, думающим прямо во время выступления, скромным, чрезвычайно искренним и умеющим передавать эту искренность. Эти черты были свойственны ему в течение всей его жизни⁴².

Джавахарлал Неру был в высшей степени незаурядной, талантливой, сложной личностью. Тот же С. Гопал писал, что разобратся в таком человеке, как Неру, было нелегко. Его внутренний мир был надежно защищен от нескромных взглядов как высоким положением и сдержанностью, так и присущей ему отчужденностью. Обладая огромной энергией, он был прирожденным отшельником. Он отличался пылким темперамен-

⁴² Гопал, Сарвепалли. Джавахарлал Неру. Биография... Т. 1. – С. 70–71.

том и философским складом ума. Но, считает Гопал, он обладал «заурядным умом», который рос и укреплялся «в размышлениях, идеалах и страстях».⁴³ В этой связи представляет интерес взгляд на Неру со стороны иностранного наблюдателя, например, посла США в Индии Честера Боулса, который многократно встречался с Неру. Боулс писал в 1954 г., что невозможно дать краткую, сжатую оценку личности Неру. Он представляет собой многостороннее, комплексное явление, полное конфликтующих страстей и отягощенное тяжким бременем. И в то же время редко можно встретить публичного деятеля, который был бы более открыт обществу, с его проблемами и мнениями, содержащимися в его книгах и публичных выступлениях. Анализ личности Неру не ограничивается только теми, кто живет в Индии, но и за ее пределами, поскольку он является самым важным, самым привлекательным и во многом самым загадочным персонажем на азиатской сцене.

В книге «Доклад посла» Боулс пишет о его наблюдениях во время встреч с Неру. Он отмечает, что Неру предельно ясно и четко выражает свои мысли и вряд ли есть другой такой собеседник. Его поток безупречного английского языка доставляет огромное удовольствие слушать его, даже если ты не согласен с тем, что он говорит. Он всегда говорит свободно, исследуя предмет разговора с разных сторон, чтобы собеседник понимал его точку зрения. Когда он затрагивал темы колониализма или расовой дискриминации, его голос становился жестким. Но о других предметах он обычно рассуждал в спокойной, умеренной манере, которая напоминала мысли вслух. Он старался не предлагать конечных выводов. Для Неру мир не был окрашен черно-белыми красками, а скорее искусно переплетенными оттенками серого цвета⁴⁴.

⁴³ Гопал, *Сарванали*. Джавахарлал Неру. Биография... Т. 2. – С. 309, 310.

⁴⁴ *Bowles, Chester*. Ambassador's Report. – London and Glasgow: Collins Clear Type Press, 1954. – P. 60, 61.

Джавахарлал «идет в народ»

Кампания несотрудничества 1920–1922 гг. стала для Джавахарлала школой политической борьбы. Прежде всего потому, что он впервые напрямую соприкоснулся с крестьянскими массами, посетил десятки деревень в разных районах страны. Как позже писал Джавахарлал, в 1920 г. он не имел ни малейшего представления об условиях труда в промышленности и сельском хозяйстве, и его политические взгляды были всецело буржуазными. Он знал, разумеется, о существовании ужасающей бедности и нищеты и считал, что первейшей задачей политически свободной Индии должно стать решение проблемы бедности. Но ему казалось совершенно очевидным, что ближайшим шагом должно стать именно достижение политической свободы, которое должно было неизбежно сопровождаться установлением господства среднего класса. После организованных Ганди аграрных движений в Чампаране (Бихар) и Кайре (Гуджарат) Джавахарлал стал уделять больше внимания крестьянской проблеме. «Перед моими глазами, – писал он, – встал как бы новый образ Индии, голодной, подавленной и невероятно несчастной»⁴⁵.

Еще более поразила Джавахарлала полная неосведомленность многих политических лидеров о положении в деревне и аграрных движениях. Ни одна газета не писала о них. Он яснее, чем когда-либо, понял, насколько горожане изолированы от огромной массы крестьянства.

В период приобщения к политике Джавахарлала привлекало в Ганди то, что он всегда, хотя и неопределенно, но решительно исходил из интересов обездоленных, но в то же время у него всегда были наготове заверения и для господствующих классов. Джавахарлал считал, что идея ненасилия была моральным эквивалентом войны и всякой насильственной борьбы. Ненасилие не было просто этической альтернативой, а доказало свою действенность.

⁴⁵ *Нефу, Джавахарлал. Автобиография... – С. 64.*

В те дни по призыву Конгресса активисты партии шли от деревни к деревне, выступая на многочисленных крестьянских митингах. «Меня глубоко волновали проявления чувств массы людей, сознание своей способности воздействовать на массы, – писал позже Джавахарлал. – Я начал понемногу понимать психологию толпы, видеть различие между городскими массами и крестьянством и чувствовал себя как дома среди пыли, неудобства, толкотни и давки многолюдных собраний, хотя их неорганизованность часто меня раздражала»⁴⁶.

⁴⁶ Там же. – С. 88–90.

Глава 5. Мотилал Неру и партия Сварадж

Прекращение движения несотрудничества, арест Ганди и других политических лидеров стали переломным моментом в национально-освободительном движении. Возможности Конгресса в проведении массовой работы резко сократились. В партии возобладали настроения смятения и дезорганизации. Это привело к тому, что многие лидеры, и среди них Мотилал Неру, стали задумываться о более активном участии в работе законодательных органов. Если раньше Конгресс поддержал программу Ганди о ненасильственном движении несотрудничества и принял решение бойкотировать работу законодательных органов всех уровней – муниципальных, провинциальных и центрального советов, то в новых условиях требовался иной подход. Хотя следует заметить, что даже до начала кампании несотрудничества ряд видных лидеров партии – Мотилал Неру, Ч.Р. Дас, М.А. Джинна, Мадан Мохан Малавия, Лала Ладжпат Рай и Б.Ч. Пал были настроены против бойкота законодательных органов. Еще со времени создания Конгресса его руководители выступали за участие в этих органах. По их мнению, это должно было привести к укреплению влияния Конгресса не только в управленческом аппарате, но и среди избирателей. Участие в работе законодательного органа считалось своеобразным пропуском в политику и индийскую общественную жизнь. Примеров этого было немало. Так, Дадабхай Наороджи был членом Палаты общин в Великобритании, Г.К. Гокхале и Ферозшах Мехта – членами Имперского законодательного совета, Тилак – членом бомбейского муниципального совета.

Прекращение движения несотрудничества сопровождалось резким сокращением членства в Конгрессе, с 10 млн человек в 1921 г. до нескольких сотен тысяч в 1923 г.¹ С учетом этого в руководстве Конгресса началась борьба за пересмотр бойкота законодательных советов. Активнее других за это выступали Мотилал Неру и Ч.Р. Дас. Уже в декабре 1922 г. на сессии Конгресса в Гаие они пытались провести такое решение. Председательствующий на этой сессии Ч.Р. Дас заявил, что созданные

¹ Новейшая история Индии... – С. 129.

британцами советы должны быть или реформированы с целью достижения *свараджа* или упразднены. Находясь внутри этих органов, Конгресс может более эффективно влиять на их деятельность. Однако противники участия в работе советов считали, что это является отходом от программы Ганди и ее предательством. Эту группу возглавлял консерватор Ч. Раджагопалачари. Большинство делегатов сессии поддержали эту точку зрения².

Потерпев поражение в Гайе, Читта Ранджан Дас подал в отставку с поста президента Конгресса и вместе с Мотилалом Неру в феврале 1923 г. на конференции в Аллахабаде создал «Партию *свараджа* Индийского национального конгресса». Ее президентом был избран он лично, генеральным секретарем – Мотилал Неру.

Ч.Р. Дас (1870–1925) был убежденным бенгальским националистом-патриотом, известным как «Дешбандху» («Друг страны»). В своих ранних произведениях он писал: «Я жду того времени, когда бенгальская нация даст о себе знать, встанет во весь рост перед лицом всего мира»³. Ч.Р. Дас критиковал английскую парламентскую демократию, поскольку она не обеспечивала социальную демократию, то есть равенство всех социальных слоев и классов. Он считал, что парламентская демократия ведет к централизации и не предоставляет возможности для развития политических институтов на уровне деревень, где проживает подавляющее большинство населения Индии. В этом вопросе он был близок к таким радикальным лидерам, как Бепин Чандра Пал и Ауробиндо Гхош. Как известный и процветающий адвокат Ч.Р. Дас выступал защитником на суде над Ауробиндо Гхошем, обвиняемым в участии в террористическом заговоре (что не было доказано, и он был оправдан). Популярность Ч.Р. Даса в Бенгалии была огромной. Он был патриотом-националистом и в то же время умеренным конституционалистом, который выступал за участие в законодательных органах

² Nanda B.R. The Swarajist Interlude // A Centenary History. Vol. II. – P. 115.

³ Цит. по: Ghose, Sankar. Socialism, Democracy... – P. 178.

и рассматривал *сварадж* как самоуправление Индии в рамках Британской империи⁴.

В этот период между моим отцом и Ч.Р. Дасом завязалась тесная дружба, – писал Дж. Неру. – Дас, хотя и юрист по профессии, был в то же время поэтом и обладал поэтическим, эмоциональным складом души. Насколько мне известно, он писал красивые стихи на языке бенгали. Он был оратором и обладал религиозным темпераментом. Мой отец был человеком более практичным и прозаичным; он был прекрасным организатором, и религиозного в нем было очень мало. Он всегда был борцом, готовым как наносить, так и сносить сильные удары. Отец и Дас, при всей их несхожести, в некоторых отношениях прекрасно подходили друг к другу. Они составляли вдвоем замечательное и очень удачное сочетание для руководства партией, ибо каждый из них в какой-то мере восполнял недостатки другого. Они питали друг к другу абсолютное доверие – настолько, что каждый из них предоставил другому право использовать его имя в любом заявлении или декларации без предварительного согласования или консультации»⁵. Созданная ими Партия *свараджа* заявила, что каждый конгрессист может стать ее членом.

Своей конечной целью партия объявила достижение *свараджа*, но «ближайшей целью» – быстрое получение статуса доминиона, что означало получение права принять конституцию, создать такой механизм и систему управления, которые более всего отвечали бы условиям страны и «гению народа». Партия *свараджа* полностью поддержала конструктивную программу Конгресса. Несмотря на сопротивление консерваторов, в мае 1923 г. Мотилал Неру заявил, что Партия *свараджа* будет участвовать в выборах в законодательные собрания. После избрания ее членов в советы они будут добиваться удовлетворения требований *свараджа*. В случае отказа властей от этого, партия будет проводить политику обструкции работы советов, чтобы блокировать управление страной.

В ответ Раджагопалачари призвал коллег голосовать против выборов. Однако ему не удалось повести за собой все руковод-

⁴ Ibid. – P. 325.

⁵ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 121.

ство Конгресса. ВИКК заявил, что агитация против участия в выборах не разрешается. В знак протеста шесть членов Рабочего комитета Конгресса, в том числе Раджагопалачари, Валлабхаи Патель, Раджендра Прасад, объявили об отставке. Был избран новый состав Рабочего комитета, в который вошли М.А. Ансари (президент), Джавахарлал Неру, Т. Пракасам и Саед Махмуд.

В сентябре 1923 г. Конгресс принял решение об участии членов партии в выборах на индивидуальной, а не партийной основе. На выборах в законодательные органы в ноябре 1923 г. свараджистам во главе с Мотилалом Неру удалось добиться успеха. В Центральном законодательном собрании они получили 45 из 101 выборного места, еще 30 мест досталось группе во главе с Джинной, Малавией и Рангачарияром (они называли себя независимыми). На тех же выборах Партия свараджа смогла получить в законодательном совете Центральных провинций, где ее возглавлял Мотилал Неру, абсолютное большинство голосов и простое большинство в Бенгалии. В этих двух провинциях свараджисты фактически стали оппозицией правительственной фракции и впоследствии смогли провести в жизнь несколько своих предложений. Однако в законодательные органы других провинций от Партии *свараджа* было избрано лишь несколько депутатов.

В Центральном законодательном собрании свараджистам во главе с Мотилалом Неру в сотрудничестве с независимыми, лидером которых был Джинна, удалось заблокировать несколько законопроектов правительства. Они также смогли добиться положительного решения по ряду выдвинутых ими предложений, в том числе об освобождении всех политических заключенных, находившихся в тюрьмах без суда. Сам Мотилал Неру пользовался большим авторитетом не только среди членов его партии в Центральном законодательном собрании, но и англичан. Не случайно член Исполнительного совета (правительства) при вице-короле Джордж Рейни отмечал «утонченность интеллекта, искусство в дебатах, тактическую изощренность и силу убеждения Мотилала Неру». Он обладал «изысканной манерой одеваться как истинный джентльмен. Его выразительное с крупны-

ми чертами лицо говорило о сильном характере и интеллекте. Он представлял собой мощного противника»⁶.

Махатма Ганди против свараджистов

В связи с болезнью Ганди был освобожден из тюрьмы 4 февраля 1924 г. Он заявил, что не поддерживает свараджистов. Ганди дал понять Мотилалу Неру и Ч.Р. Дасу, что рассматривает участие свараджистов в законодательных органах как несовместимое с несотрудничеством. Поскольку Конгресс ранее принял решение об участии в этих законодательных органах, Ганди предложил своим сторонникам занимать нейтральную позицию по этому вопросу, работать над «конструктивной программой». Он говорил, что свараджисты «культивируют британские взгляды и оглядываются на британский парламент в поисках поддержки свараджа».

В ответ на это Мотилал Неру и Ч.Р. Дас говорили, что они не считают работу в законодательных органах несовместимой с несотрудничеством. Тем не менее, в глазах консерваторов они выглядели как своеобразные диссиденты. Свараджистов по-прежнему раздражали постоянные призывы Ганди к домашнему прядению и ткачеству. Действительно, на одном из заседаний ВИКК Ганди предложил, чтобы все выбранные члены партийных организаций занимались домашним прядением не менее получаса в день и каждый месяц посылали, по крайней мере, 2000 ярдов пряжи во Всеиндийский совет по развитию *кхади*. А те, кто не будет выполнять это требование, должны покинуть исполнительные органы Конгресса. Свараджисты выступили категорически против такого предложения. Мотилал Неру прямо заявил, что «прялка не приблизит нас к свараджу»⁷. Он также сказал, что это требование нарушает дух и букву существующего устава Конгресса. После этого Мотилал Неру, Ч.Р. Дас и их сторонники покинули заседание ВИКК. Предложение Ганди было поставлено на голосование. 57 членов ВИКК поддержали

⁶ *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch. Op. cit. – P. 62.*

⁷ *Majumdar R.C. History of the Freedom Movement... Vol. III. – P. 247–249.*

Ганди, 37 выступили против. Это произвело тяжелое впечатление на него, поскольку даже после ухода свараджистов столь большое число членов ВИКК выступило в их поддержку. В результате Ганди отозвал свое предложение о наказании тех, кто не выполняет требований о домашнем прядении.

Этот инцидент свидетельствовал о серьезных изменениях в партии за два года тюремного заключения Ганди. И хотя свараджисты публично заявляли о верности идеалам Ганди, но между собой они поговаривали о том, что он «хороший святой, но плохой политик». Они не хотели, чтобы решение политических проблем зависело от его моральных установок. Они не отрицали значения конструктивной работы по устранению неприкасаемости, укреплению индусско-мусульманского единства и домашнего прядения как социально-экономического фактора. Но они не могли и не хотели понять, как участие в этой работе может непосредственно сказаться на проведении политики Конгресса. Поскольку в сложившихся условиях гражданское неповиновение представлялось им неэффективным, то работа в законодательных органах была для них единственно возможной формой оказания давления на британские власти. Так, Ч.Р. Дас в частной беседе говорил, что он «испытывает чувство отчаяния – Ганди ведет страну в пустыню стерильной политической агитации, в сторону от конституционной борьбы». Дас даже ставил и такой вопрос: «Как нам избавиться от Ганди и вернуть народ на путь захвата власти, что сейчас вполне в наших силах?». Похожие соображения высказывал и Мотилал Неру. Беседуя с Ч.Р. Дасом в октябре 1924 г. о стратегии Партии *свараджа*, он говорил: «Мы знаем, что Ганди будет придерживаться своего собственного метода... Но у меня есть очень серьезные сомнения относительно его успеха... Мне кажется все более очевидным, что главная тяжесть реальной политической работы падет на нас. Ганди-джи или превратит Конгресс в ассоциацию прядильщиков, или упрямо будет проводить свои пять видов бойкота. Ни то ни другое не устроит нас и страну»⁸.

И, тем не менее, раскола в Конгрессе не произошло. Компромисс был найден. 24 ноября 1924 г. Ганди, Мотилал Неру и

⁸ *Nanda B.R. The Swarajist Interlude... – P. 127, 130.*

Ч.Р. Дас подписали соглашение, которое предусматривало следующее. Движение несотрудничества приостанавливается, за исключением бойкота иностранных тканей; все конгрессисты должны заниматься конструктивной программой; член любого комитета Конгресса обязан на мероприятиях партии носить одежду из ткани домашнего производства и бесплатно сдавать в Совет по развитию кхади 2000 ярдов пряжи в месяц, необязательно изготовленной лично им; работа в законодательных органах должна проводиться свараджистами от имени Конгресса. Партия *свараджа* получила право устанавливать свои правила и создавать свои денежные фонды.

В декабре 1924 г. Конгресс назначил Партию *свараджа* своим «агентом» по политическим вопросам. В новом Рабочем комитете большинство составили представители Партии *свараджа*⁹.

Один из последователей Ганди, ортодоксальный индус Паттабхи Ситарамаяя назвал соглашение Ганди с лидерами Партии *свараджа* «капитуляцией перед Ч.Р. Дасом и Мотилалом Неру»¹⁰.

Помощник Ч.Р. Даса, С.Ч. Бос писал: «Хотя свараджисты – лидеры и рядовые члены относились к Махатме с глубочайшим уважением, Партия *свараджа* была откровенно антигандистской, и она оказалась достаточно сильной, чтобы «заставить Ганди добровольно уйти из политики. Его отсутствие, по существу, продолжалось до сессии в Калькутте в декабре 1928 г.»¹¹. Казалось, победа свараджистов была полной. Но дело было в том, что Ганди не хотел допустить раскола в Конгрессе, который и без того утратил свои позиции. Однако, пожалуй, самое главное состояло в том, что обстановка в стране резко ухудшилась – начались столкновения между индусами и мусульманами, которые нередко разгорались на сугубо бытовой почве. Но были и более глубокие причины, которые способствовали этому. В том числе далеко не секулярная конгрессистская

⁹ Ibid. – P. 129.

¹⁰ *Sittaramayya, Bhogaraju Pattabhi. History of the Indian National Congress. Vol. I. – Bombay: Padma Publ., 1946. – P. 288.*

¹¹ *Bose S.Ch. Op. cit. – P. 113.*

агитация, особенно в массах на низовом уровне, что вызывало отторжение мусульман.

После компромисса с Ганди свараджисты во главе с Мотилалом Неру еще некоторое время участвовали в работе Центрального законодательного собрания. Мотилал Неру выдвинул предложение созвать конференцию круглого стола для выработки схемы по созданию «ответственного правительства» в Индии. Имелось в виду, что эта схема должна получить одобрение Центрального законодательного собрания, а затем британского парламента. Ставилась цель добиться для Индии статуса доминиона. Предложение Мотилала Неру получило большинство голосов в Центральном законодательном собрании (64 против 48). Но дальше этого дело не продвинулось.

Успех свараджистов во главе с Мотилалом Неру и Ч.Р. Дасом оказался краткосрочным. Партия *свараджа* столкнулась с нелегкой задачей финансирования ее деятельности, а также с почти полным отсутствием собственной информационной базы. Только в Бенгалии у партии была своя газета Forward. Индийские капиталисты не торопились вкладывать деньги в Партию *свараджа*, опасаясь соответствующей реакции со стороны британских властей. Позже Мотилал Неру говорил одному из индийских промышленников: «Невозможен союз между Конгрессом и индийскими капиталистами, которые стремятся нажить капитал на страданиях народа. Более подходящей для Конгресса является работа в этом направлении среди рабочих, а не владельцев фабрик. Я был введен в заблуждение патристическими разговорами некоторых моих личных друзей из числа фабрикантов. Махатма-джи никогда не верил в альянс с ними. И я сказал ему сейчас, что он был прав, а я ошибался»¹².

Взаимодействие между Партией *свараджа* в Центральном законодательном собрании с группой независимых под руководством Джинны продолжалось недолго. В начале 1925 г. Джинна заявил, что не будет поддерживать политику свараджистов, направленную на обструкцию и разрушение конституции. Такая ситуация в собрании была на руку британской администрации,

¹² Nanda B.R. The Swarajist Interlude... – P. 131.

которая всячески тормозила реформы по предоставлению Индии самоуправления. Министр по делам Индии Биркенхед писал вице-королю: «Совершенно невозможно представить, что Индия когда-либо будет готова к статусу самоуправляемого доминиона». Но он предвидел ослабление позиций индийцев в Центральном законодательном собрании в результате раскола между свараджистами и независимыми: «Я надеюсь, этот раскол будет нарастать»¹³.

Колониальные власти не собирались рассматривать вопрос о расширении конституционных реформ, на чем настаивали индийцы. В 1925 г. индийские депутаты в законодательном собрании опубликовали доклад, в котором говорилось, что *диархия* потерпела провал и что Закон 1919 г. нуждается в изменении. После скоропостижной кончины Ч.Р. Даса в июне 1925 г. вся ответственность за деятельность Партии *свараджа* в законодательных органах легла на плечи Мотилала Неру. Сессия Конгресса в декабре 1925 г. поддержала его предложение формально признать Партию *свараджа* как интегрированную часть конгрессистской организации. Было также принято решение, что на следующих выборах в законодательные собрания в провинциях в ноябре 1926 г. Партия *свараджа* будет действовать от имени Конгресса.

Исходя из упорного нежелания властей идти на дальнейшие конституционные реформы, Конгресс рекомендовал Мотилалу Неру ужесточить обструкционистскую политику в собрании. Партия *свараджа* получила прямые указания руководства Конгресса выступить против принятия бюджета, что заведомо было неприемлемым для властей, а затем в знак протеста покинуть Центральное законодательное собрание. Свараджисты так и поступили. 6 марта 1926 г. то же самое произошло и в провинциальных законодательных собраниях.

В это время в Партии *свараджа* начались противоречия. В Центральной провинции и Бенгалии, где вместо Ч.Р. Даса новый лидер партии в законодательном собрании провинции Дж.М. Сенгупта попытался заручиться поддержкой руково-

¹³ Ibid. – P. 135.

дителя Мусульманской лиги в Бенгалии. Это противоречило политической линии партии во главе с Мотилалом Неру¹⁴. Незадолго до выборов в законодательные собрания из Партии *свараджа* вышел Лала Ладжпат Рай. Он обвинил ее в том, что она жертвует интересами индусов, и присоединился к создаваемой М.М. Малавией Независимой конгрессистской партии.

В результате на выборах в 1926 г. Партия *свараджа* понесла большой урон. В Центральном законодательном собрании она получила 38 мест из 100 и осталась самой крупной партией только в Бенгалии и Центральных провинциях, но не располагала там большинством голосов. Новая расстановка сил в Центральном собрании затрудняла принятие индийцами согласованных решений. Практически все партии и группы в собрании были подвержены внутренним разногласиям и расколам. В таких условиях правительство без труда проводило свои решения.

Колониальное правительство Индии не имело в виду проведение радикальных изменений в управлении страной. Оно заявило, что предусмотренное в 1917 г. министром по делам Индии Эдвином Монтегю «ответственное правительство» пока еще не считается актуальным. Продвижение Индии к этой цели должно быть постепенным. Очередной шаг в этом направлении должен быть сделан не ранее 1929 г. До этого времени законодательные органы в центре и провинциях будут обладать ограниченными правами¹⁵. Вице-король и губернаторы в провинциях по-прежнему по их усмотрению могли своими указами провести любой закон или заблокировать любое предложение законодательных органов. Таким образом, так называемая *диархия* английской колониальной администрации и индийских представителей в законодательных органах и даже в министерствах (например, в Бенгалии) оказалась на деле фальшивой¹⁶.

¹⁴ *Nanda B.R.* The Swarajist Interlude... – P. 141.

¹⁵ *The Cambridge Shorter History of India...* – P. 922–923.

¹⁶ *Congress Varnika...* – P. 224.

Мотилал и Джавахарлал в Москве

В марте 1925 г. Джавахарлал Неру, его жена и младшая дочь выехали в Европу. Главной целью поездки было лечение Камалы, которой был поставлен окончательный диагноз – туберкулез. Семья жила сначала в Женеве, а затем в горном санатории в Монтане. По первоначальному плану предполагалось, что она будет находиться там шесть-семь месяцев. Однако для лечения Камалы потребовалось больше времени, и семья Джавахарлала, к которой летом присоединилась его сестра Кришна, оставалась в Швейцарии до декабря 1927 г. За это время здоровье Камалы улучшилось, а восьмилетняя Индира поступила в швейцарскую школу, где наряду с другими предметами изучала французский язык.

Джавахарлал приехал в Европу через 13 лет после того как в 1912 г. вернулся в Индию из Лондона. С тех пор многое изменилось, прежде всего в результате Первой мировой войны. Джавахарлал восстановил свои старые связи и познакомился с новыми людьми. Среди первых был Кришна Менон, человек острого ума и нескончаемой энергии. Он руководил Индийской лигой из крошечного офиса в центре Лондона. Кришна Менон ввел Джавахарлала в курс европейской политики, познакомил с некоторыми социалистами. Среди них был Гарольд Ласки, оказавший на Джавахарлала немалое влияние.

В феврале 1927 г. Джавахарлал принял участие в Конгрессе угнетенных народов, который состоялся в Брюсселе. По его предложению, он был назначен единственным официальным делегатом его партии на этом конгрессе (на расходы в связи с поездкой он получил 50 английских фунтов). В речи на конгрессе Джавахарлал сказал: «Мы в Индии полностью ощутили тяжесть империализма. С тех пор как они прибыли в нашу страну, они осуществляли старую политику “разделяй и властвуй”... Благородный пример китайских националистов наполняет нас надеждой, и мы искренне хотим как можно скорее последовать их примеру и пойти по их стопам. Мы хотим добиться полной свободы нашей страны и свободно развивать такие отношения с нашими соседями и другими странами, как мы сами того же»

лаем». В своем отчете членам ВИКК Джавахарлал Неру писал: «Конгресс в Брюсселе был событием большого значения и, по видимому, будет иметь долговременные последствия»¹⁷.

Помимо Лондона и Брюсселя, Джавахарлал посетил Берлин, Париж, другие города Европы, где встречался с близкими ему по духу радикалами и социалистами, такими, например, как драматург Эрнст Толлер, немецкий еврей. Сначала он воевал на стороне Германии в Первой мировой войне, затем организовывал забастовки против этой войны, возглавляя Баварскую советскую республику, которую быстро сокрушили германские власти. Толлер оказался на пять лет в тюрьме. Когда Гитлер пришел к власти, книги Толлера были сожжены. Позже он уехал в США, где в 1939 г. покончил жизнь самоубийством¹⁸.

В Берлине Джавахарлал получил приглашение от Коминтерна прибыть в Советский Союз на празднование 10-летия Октябрьской революции. В это время Мотилал Неру находился в Европе и пожелал также поехать в СССР вместе с сыном. В конечном итоге в Москву отправилась почти вся семья, включая Камалу и Кришну. Они пробыли там четыре дня.

Мотилал и Джавахарлал Неру встретились с Н.К. Крупской, М.И. Калининым, Н.И. Бухариным, Г.В. Чичериним. Джавахарлал писал сестре Виджае Лакшми 12 ноября 1927 г.: «Мы в стране, где все перевернуто вверх дном. Все старые ценности нарушены, и жизнь здесь выглядит странно. Здесь каждый товарищ. Мы должны обращаться к официанту, носильщику или таксисту как к товарищу. Требуются некоторые усилия, чтобы привыкнуть к этому... Сравнительная бедность людей бросается в глаза. Очень мало автомобилей. Тротуары и улицы забиты пешеходами. Магазины скудные по сравнению с любой страной. Но дух равенства торжествует. Это гордость революции. Мы приехали на день позже, главное празднование – военный парад и демонстрация полтора миллионов человек, которые прошли мимо мавзолея Ленина... В Москве повсюду флаги и плакаты,

¹⁷ Nehru's Speech at the Brussels Congress. 10.02.1927 // Selected Works of Jawaharlal Nehru (SWJN). 1st series. Vols. 1–15. / Ed. by S. Gopal. – New Delhi: Orient Longman, 1972–1982. Vol. 2. – P. 272–276.

¹⁸ Ibid. – P. 279.

повсюду серп и молот. И, конечно, везде портреты Ленина... Он Бог русских». Джавахарлал Неру посетил мавзолей Ленина и отметил «его большой лоб – спокойный, мирный и удовлетворенный той работой, которую он выполнил»¹⁹.

Более всего Джавахарлала поразило «отсутствие разных классов». Рядом с ним в прекрасном Большом театре сидели рабочие без пиджаков или галстуков. Балет был исключительным, отметил он, лучший из того, что он когда-либо видел.

Джавахарлал посетил Центральный дом колхозника, где была выставка новейших сельскохозяйственных орудий. Все жившие в нем крестьяне могли получить «бесплатные советы» по юридическим вопросам. Ему объяснили, что в стране создано 350 таких домов. Кроме того, он узнал, что «очень быстро» развивается электрификация. Джавахарлал заметил: «...нет сомнения, что условия жизни крестьян и рабочих в России, несмотря на общую бедность и низкие зарплаты, значительно лучше, чем где бы то ни было. Более того, их общий моральный дух укрепился, и они с надеждой и уверенностью смотрят в будущее». В Москве Джавахарлал встретился с мадам Сунь Ятсен, которая произвела на него большое впечатление: «Она очаровательна, выглядит на 25 лет, полна жизненной энергии..., говорит по-английски с американским акцентом»²⁰.

Яркие впечатления Джавахарлала не разделял его отец. Он нашел Москву «мрачной и серой». Мотилал рассердился, когда ему предложили встретиться с Чичериним в четыре часа утра. Встреча состоялась, но в один час ночи.

Младшая сестра Джавахарлала Кришна дополняет и уточняет некоторые детали их поездки в Москву. Она пишет, что приглашение посетить Советский Союз поступило от правительства страны. Мотилал не хотел «терять времени» на эту поездку, но все-таки поехал туда, хотя и неохотно. Он был настроен против самой социалистической системы. Для него «новый, смелый мир» Джавахарлала выглядел мрачным и нищим. Он видел убого одетых пешеходов, магазины со скудными товарами, допотопные трамваи, почти полное отсутствие автомобилей.

¹⁹ SWJN. Vol. 2... – P. 369–370.

²⁰ Ibid. – P. 369–370, 374.

Коммунистическая идея была противна его образу мыслей, и все, что он видел вокруг, утверждало его в этом мнении²¹.

А Джавахарлал видел все это иначе. Он сравнивал недавнюю историю народных масс России «под кнутом» властей с движением страны вперед к справедливому и изобильному социальному миру. Его вдохновляло, что за столь короткий срок Россия продвинулась так далеко. Он вглядывался в лица бедно одетых людей на улицах и видел их «внутренний свет, спокойную уверенность преодолеть все страдания и жертвы ради достижения поставленной цели».

В отличие от отца, Джавахарлал стал еще более убежденным сторонником того, что «коммунизм был надеждой всего мира, хотя и верил в то, что каждый народ должен идти к коммунизму в соответствии с его характерными особенностями». Он был против насилия и тирании большевиков, но одобрял их цели. Он полагал, что коммунизм в Индии должен использовать другие средства, но в рамках марксистской теории. И в то же время Джавахарлал никогда по существу не верил в ненасилие. Он писал: «Реформизм не в состоянии решить ни одной важной жизненной проблемы... В Индии только революционные действия могут разрешить два взаимосвязанных вопроса – земли и промышленности, так же как и другие крупные проблемы, стоящие перед страной»²².

Позже в «Автобиографии» Джавахарлал Неру писал: «Все мы – отец, моя жена, моя младшая сестра и я – предприняли кратковременную поездку в Москву в ноябре, во время празднования десятой годовщины советской власти. Это была очень непродолжительная поездка, решение о которой мы приняли в последнюю минуту. Мы провели в Москве всего три или четыре дня. Но мы были рады, что побывали там, ибо даже такое беглое знакомство имело смысл. Мы не узнали, да и не могли узнать многого о новой России в результате этой поездки, но она дала нам какую-то основу для дальнейшего ознакомления с этой страной по книгам. Для моего отца всякого рода советские и коллективистские идеи были совершенно новы. Он был вос-

²¹ *Nehru Hutheesing, Krishna with Alden Hatch. Op. cit. – P. 73.*

²² *Ibid. – P. 74.*

питан на принципах законности и конституционализма, и ему было нелегко выйти за эти рамки. Однако то, что он увидел в Москве, явно произвело на него впечатление»²³.

Неру отмечал, что он вернулся из Европы и России в Индию в хорошем физическом и духовном состоянии... Его мировоззрение стало более широким, и национализм в собственном смысле слова казался ему определенно узкой и недостаточной доктриной. Политическая свобода, независимость, без сомнения, имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться.

В письме к дочери из тюрьмы в 1933 г. Неру писал о русской революции и ее влиянии на Первую мировую войну. Он отмечал, что эта революция была «детищем исторических и экономических условий, господствовавших в России, которые вследствие потерь и страданий, причиненных войной, быстро привели к возникновению кризиса, и которые использовал великий ум и гений революции Ленин»²⁴. Неру также писал о Февральской революции 1917 г., одним из результатов которой было отречение царя от престола: «...могущественный царь, великий самодержец всероссийский, «батюшка» «святой Руси» был выброшен на «мусорную свалку истории». Его время прошло, и никто не заметил, как он пал, подобно перезревшему плоду»²⁵. Неру подчеркивал, что в то время массы были революционнее своих вождей. Февральская революция достигла успеха «вопреки своим колеблющимся и осторожным вождям». Далее он писал, что вторая за один год (Октябрьская) революция проходила «удивительно мирно. Переход власти сопровождался поразительно небольшим кровопролитием». Неру подробно описывал события того времени в России, в том числе казнь бывшего царя

²³ *Неру, Джавахарлал. Автобиография. М.: ИЛ, 1955. – С. 184.*

²⁴ Письмо 150. Конец царизма в России. 7 апреля 1933 г. // *Джавахарлал Неру. Взгляд на всемирную историю. – М.: Прогресс, 1981. – Т. 3. – С. 5.*

²⁵ Там же. – С. 10.

и царской семьи на Урале. Он говорил, что Ленин был против этой казни²⁶.

Относительно Брест-Литовского мира Неру отмечал, что мир был крайне нужен большевикам. Это было их «первоочередной задачей», мир был нужен «любой ценой, ибо армия проголосовала за мир ногами». После этого на Урале немцы создали марионеточное государство и, несмотря на перемирие, постоянно угрожали Советам²⁷.

В январе 1918 г. президент США Вудро Вильсон выступил со своими 14 пунктами, якобы излагавшими цели союзников. В одном из них говорилось, что все войска будут выведены с территории России, и она получит полную возможность самостоятельного развития с помощью держав. Большевистское правительство направило Вильсону ноту с резкой критикой его 14 пунктов. В ней говорилось: «Вы требуете независимости Польши, Сербии, Бельгии, свободы для народов Австро-Венгрии... Но, странным образом, мы не замечаем в Ваших требованиях освобождения Ирландии, Египта, Индии, ни даже освобождения Филиппин»²⁸.

В письмах 30-х гг. к Индире Неру отмечал роль Ленина в революции, и вместе с тем его человеческие черты – «способность

²⁶ Там же. – С. 14, 21, 26. Эта мысль Неру получила подтверждение много лет спустя в интервью журналу «Дилетант» следователя Генеральной прокуратуры РФ Владимира Соловьева, который на протяжении 18 лет расследовал уголовное дело о расстреле царской семьи. Он сказал, что никакого смысла в расстреле царской семьи не было. В интересах Ленина было сохранить им жизнь. Это подтверждается беседой военного комиссара Урала Голощекина с Лениным в Москве. Он сказал Ленину: «Мы будем вынуждены» расстрелять царскую семью, потому что подходит сибирская армия, и Николай может оказаться в руках белых». На это Ленин ответил: «Ну, если у вас действительно фронтная обстановка, то давайте переправляйте их в Москву, здесь спокойно» [Дилетант, июнь 2014, № 6 (30). – С. 32–37].

²⁷ *Неру, Джавахарлал.* Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 1–3. – М.: Прогресс, 1981. Т. 3. – С. 21, 22, 24, 25.

²⁸ Там же. – С. 27.

смеяться от души». Он ссылаясь на английского представителя (и разведчика – *Ф.Ю.*) в Москве Р.Г. Локкарта, который говорил, что Ленин всегда, что бы ни произошло, сохранял бодрое настроение. «Из всех общественных деятелей, с которыми я встречался, – писал этот дипломат, – он обладал самым уравновешенным темпераментом»²⁹.

Свое письмо о России от 7 апреля 1933 г. Неру закончил словами для русского хора и большого симфонического оркестра. Он писал: «Люди, слышавшие это произведение, говорили, что музыка его полна энергии и силы, а в хоре воплощен дух составших масс. Даже английский перевод этой песни в какой-то степени передает этот дух. Песня посвящена 10-летию Октябрьской революции. Музыку написал Д.Д. Шостакович – симфония № 2, си мажор. Вот несколько строк из этой песни:

«Мы шли, мы просили работы и хлеба,
Сердца были сжаты тисками тоски.

.....

Октябрь! Коммуна и Ленин!
Вот знамя и имя живых поколений»³⁰.

В годы, прошедшие после посещения России в 1927 г., Неру активно участвовал в борьбе за освобождение Индии от британского господства. Английские колониальные власти неоднократно бросали его в тюрьму. Только с апреля 1930 г. по октябрь 1934 г. Неру был три раза приговорен к тюремному заключению за политическую деятельность и провел в общей сложности в тюрьмах в этот период около трех лет. Будучи политическим заключенным (класс А), он периодически имел доступ к газетам, журналам и книгам, изданным в Индии, Великобритании и других странах. Кроме того, Неру тщательно вел записи в блокнотах о событиях, которые его интересовали. В результате за годы почти десятилетнего пребывания в тюрьмах он написал свои главные труды: «Взгляд на мировую историю» (1930–1933), «Автобиография» (1934–1935), «Мое открытие Индии» (1944). В книге «Взгляд на мировую историю», которая состояла из

²⁹ Там же. – С. 33.

³⁰ Там же. – С. 33, 34.

писем к дочери Индире, Неру постоянно обращался к теме Советской России, ее революционному опыту, гражданской войне, первым годам социалистического строительства, месту Советского Союза в новой системе международных отношений после Первой мировой войны, в том числе после прихода фашистов в власти в Германии и Италии. Все это интересовало его с точки зрения перспектив развития освободительного движения в колониальных странах, прежде всего в Индии и Китае. О гражданской войне в России Неру писал, что после заключения перемирия 11 ноября 1918 г. военные действия между союзными державами и Германией закончились.

Но в России гражданская война продолжалась в 1919 и 1920 гг. Красная армия в одиночестве боролась против множества врагов, писал он. Одно время ей приходилось одновременно вести бои на 17 фронтах. Против Советов выступили многие контрреволюционные русские генералы, а также Англия, США, Франция, Япония, Италия, Сербия, Чехословакия, Румыния, Прибалтийские государства, Польша. Война с Польшей продолжалась в 1919–1921 гг. и закончилась военным поражением Советской России. В результате так называемого польского похода Красной армии под командованием М.Н. Тухачевского огромное число красноармейцев попало в плен. По самым скромным подсчетам, в польских лагерях погибли 20 тыс. человек, а по мнению некоторых историков, из этих лагерей не вернулись в Россию до 100 тыс. Многих мучили, морили голодом, издевались над ними. Эти события в советское время и позже были закрытой страницей истории³¹.

Неру писал об одном из руководителей контрреволюции адмирале Колчаке, который называл себя «правителем России». Союзники фактически признали его и оказывали ему большую помощь. Один из его соратников, американский генерал Гревс, командовавший войсками США в России, писал о том, как Колчак вел себя в Сибири: «Совершались чудовищные убийства, но их совершали не большевики, как думал мир. Я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что на каждого убитого

³¹ *Надеждин, Дмитрий*. Пленным красноармейцам поставят крест // Комсомольская правда. – 08.10.2014.

большевиками приходилось в Восточной Сибири сто человек, убитых противниками большевиков»³². Блокада России, организованная союзниками, была настолько действенной, что на протяжении всего 1919 г. Россия не могла ничего ни покупать, ни продавать за границей. (Не напоминает ли это санкции Запада в отношении России в 2014 г., когда США заявили, что они изолируют ее от остального мира? – Ф.Ю.). Однако, продолжает Неру, несмотря на все эти колоссальные трудности, причиненные многочисленными и сильными врагами, Советская Россия выжила и победила. «Колчак и ему подобные потерпели поражение не только благодаря способности и решимости большевистских вождей, но также потому, что русский мужик захотел их терпеть. В его глазах они олицетворяли старый строй и явились для того, чтобы отнять у него только что полученную землю и другие права, и он решил стоять за эту землю и права насмерть»³³.

В книге «Мое открытие Индии» Неру писал, что изучение Маркса и Ленина оказало огромное влияние на его сознание и помогло ему увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Неру отмечал, что практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление. Ему часто не нравились и были непонятны некоторые явления в СССР, и казалось, что слишком много внимания уделяется приспособлению к требованиям момента и политике великой державы (т.е. США. – Ф.Ю.). Но несмотря на все это, он не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир. Неру говорил, что является слишком большим индивидуалистом и слишком верит в свободу личности, чтобы ему могла нравиться чрезмерная регламентация. Тем

³² Неру, Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. – С. 27.

³³ Там же. – С. 28–29.

не менее, ему казалось совершенно очевидным, что в «сложном социальном организме свобода личности должна быть ограничена», и что ограничения такого рода в социальной сфере являются, быть может, единственным путем обеспечения свободы личности. Что часто оказывается необходимым ограничить второстепенные свободы в интересах свободы в более широком смысле этого слова.

Неру отмечал, что многое в марксистском философском мировоззрении он мог принять без каких бы то ни было затруднений: его монизм, единство духа и материи, движение материи и диалектику непрерывного изменения, совершающегося как путем эволюции, так и скачками в результате действия и взаимодействия причины и следствия по формуле: тезис, антитезис, синтез. Однако полного удовлетворения это ему не дало... Ему не нравился «часто наблюдавший в практике коммунистов и других разрыв между действием и этими основными стремлениями и принципами»³⁴.

Изучая опыт Советской России, Неру примеривал его к ситуации в Индии 1930-х гг. Он отмечал, что вооруженное восстание для индийского народа, наверное, исключалось. Невооруженный народ не мог пойти на столкновение с вооруженной силой. Индивидуальный террор также исключался. Возникал вопрос – каким путем идти? В России методом революции были массовые выступления, поддержанные армией. И это при том, что старая власть развалилась на части в результате войны. Таким образом, этот путь не был пригоден для Индии. И поэтому она приняла программу несотрудничества, с которой выступил Махатма Ганди. Она стала эффективным способом пробуждения широких масс, мирным методом, который отвечал особенностям психического склада индийцев.³⁵

³⁴ Неру, Джавахарлал. Открытие Индии. – М.: ИЛ, 1955. – С. 24, 25.

³⁵ Неру, Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю... – Т. 3. – С. 106.

Конституция Мотилала Неру

В конце 1927 г. британское правительство назначило комиссию во главе с Джоном Саймоном для подготовки доклада о результатах проведения реформ по Закону об управлении Индией 1919 г., изучения ситуации в стране и выработки проекта конституции Индии. В состав комиссии Саймона вошли только англичане. Это вызвало всеобщее возмущение в Индии. Когда комиссия прибыла в Бомбей 3 февраля 1928 г., ее встретил бойкот почти всех политических партий. За время длительного пребывания комиссии в Индии ее повсюду сопровождали демонстрации протеста с черными флагами и лозунгами «Саймон, убирайся домой». В марте того же года комиссия Саймона покинула Индию.

В связи с этой комиссией индийские политики решили подготовить свой проект конституции страны. В феврале 1928 г. в Дели была созвана всепартийная конференция, на которой была создана комиссия во главе с Мотилалом Неру для подготовки проекта конституции Индии. Проект конституции, получивший название «Доклад (конституция) Неру», обсуждался на пленарной сессии Всепартийной конвенции в Лакхнау в августе 1928 г. и был единогласно одобрен. Затем он был поставлен на обсуждение на Всепартийной конвенции в Калькутте в декабре 1928 г. Однако там «Доклад Неру» встретил оппозицию со стороны представителей Мусульманской лиги, Хинду махасабхи и Лиги сикхов.

М.А. Джинна, а также Абул Калам Азад и М.К. Ансари потребовали предоставления мусульманам одной трети мест в обеих палатах Центрального законодательного собрания, резервирования мест для мусульман в Бенгалии и Панджабе соответственно их доле населения в этих провинциях, создания новых провинций с мусульманским большинством в Синде, Белуджистане и СЗПП, передачи остаточных полномочий провинциям и пр.³⁶ Тем не менее, Джинна призвал к единству: «Мы все сыновья этой земли. Мы должны жить вместе... в Индии не будет

³⁶ *Bose S.Ch.* Op. cit. – P. 155.

никакого прогресса до тех пор, пока мусульмане и индусы не объединятся...»³⁷.

Сикхи выдвинули требование резервирования для них мест в законодательных органах, которое превышало бы их долю в населении, в случае если за мусульманами и индусами будет резервировано число мест, пропорциональное их доле в населении. (По Закону об управлении Индией 1919 г., в законодательном собрании Панджаба у сикхов было 19% мест при их доле в населении провинции в 11%)³⁸.

Лидеры «Хинду махасабхи» Н.Ч. Келкар, М.Р. Джаякар и другие выступали против образования новых мусульманских провинций, таких, как Синд, Белуджистан и Северо-Западные пограничные провинции (СЗПП), а также против резервирования мест для мусульманского большинства в Бенгалии и Панджабе. Они поддерживали идею создания унитарного государства³⁹.

Не все положения «Доклада Неру» устраивали и небрахманские касты, в том числе «угнетенные классы», в состав которых входили неприкасаемые и племена. Они полагали, что доклад не в полной мере защищает их интересы.

В конечном итоге удалось достичь компромисса по религиозно-общинной проблеме. Меньшинства сохраняли право резервирования мест в законодательном собрании в течение 10 лет пропорциональное их доле в населении. По Бенгалии и Панджабу было достигнуто соглашение не вводить резервирование по религиозно-общинному признаку⁴⁰.

Тема религиозно-общинных разногласий стала предметом острых дискуссий и на сессии Конгресса, которая состоялась там же, в Калькутте, через несколько дней. Президент партии Мотилал Неру высказался против использования религии в по-

³⁷ *Kaura, Uma.* Muslims and Indian Nationalism. Delhi, 1977. – P. 45.

³⁸ *Bose S.Ch.* Op. cit. – P. 151.

³⁹ *Nehru Motilal* to M.K. Gandhi on the Calcutta Convention (December 1928), 14 August 1929 // *The Indian Nationalist Movement...* – P. 63, 64.

⁴⁰ *Bose S.Ch.* The Indian Struggle... – P. 151.

литике. Он говорил, что религия – это величайшее зло Индии: «Религия воздвигает искусственные барьеры между людьми... Не довольствуясь своим реакционным влиянием в социальных делах, таких, как защита кастовой системы и неприкасаемости, она вторглась в сферу политики и экономики. Ее связь с политикой не принесла добра ни ей, ни политике. Религия деградировала, а политика глубоко увязла в трясине. Единственный способ избавиться от этого – полностью отделить одно от другого»⁴¹.

В «Докладе Неру» не было рекомендаций по немедленному изменению государственного устройства в княжествах, хотя и предусматривалась передача власти в них будущему индийскому национальному правительству. В нем говорилось, что целью индийских политических партий является предоставление Индии статуса доминиона.

Представители старшего поколения в руководстве Конгресса считали, что без кровопролития Британия не согласится на независимость Индии, в то время как статус доминиона дает «значительный уровень свободы, граничащий с независимостью». В свою очередь, Ганди занял такую позицию: индийцам не надо беспокоиться о том, что означает слово «сварадж» – статус доминиона или полную независимость. Статус доминиона может легко превратиться в независимость, если у индийцев будет достаточно сил. Но без этого даже независимость может стать фарсом. Компромиссная формула Ганди по вопросу о независимости была направлена на сохранение единства в партии. Некоторые умеренные лидеры убеждали Мотилала Неру изменить подход в пользу полной независимости только в будущем. Он в конечном итоге так определил свою позицию: «По моему мнению, если британское правительство верит тому, о чем говорит, и поможет нам стать равными с ним, то это будет большей победой, чем полный разрыв связей с Британией. Поэтому я выступаю за *сварадж* в рамках империи, но не буду колебаться разорвать все связи, если это станет необходимостью по вине

⁴¹ Ghose, Sankar. Socialism, Democracy and Nationalism in India... – P. 82; см.: речь Мотилала Неру на 77-й сессии Конгресса в 1928 г.– 77th Plenary Session. Indian National Congress. Calcutta, 1983 – P. C17–C 23.

Британии. Тогда бремя ответственности падет на британский народ»⁴².

В то же время молодые, более радикальные лидеры, такие как Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос, требовали полной независимости. Джавахарлал Неру говорил, что принять статус доминиона означало бы признать Британскую империю и психологию империализма.

После дискуссии по «Докладу Неру» на сессии Конгресса в Калькутте в 1928 г. была выработана компромиссная формула, которая фактически представляла собой ультиматум британскому правительству. Перед ним поставили выбор: предоставить Индии до конца декабря 1929 г. такой же статус доминиона, какой уже был у Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки, или Конгресс начнет по всей стране движение за полную независимость. Ганди уточнил: в зависимости от политической ситуации Конгресс примет «Доклад (конституцию) Неру», если он будет одобрен британским парламентом до 31 декабря 1929 г. Если этого не произойдет, Конгресс организует ненасильственное несотрудничество, призвав страну к отказу от уплаты налогов или другим мерам.

По мнению Ганди, «Доклад Неру» имел большое значение. Мотилал Неру и его коллеги Али Имам, Тедж Бахадур Сапру, Т.С. Аней, Сардар Мангал Сингх, М. Куреши, Субхас Чандра Бос и Г.Р. Прадхан заслуживали высших похвал за высокий профессионализм в вопросе, который волновал все партии в течение многих месяцев. Ганди выражал надежду, что будет достигнуто единство по этому докладу. После этого, писал он, «следующим шагом могло бы стать принятие наших требований»⁴³. Значение «Доклада Неру» состояло в том, что это была первая попытка индийцев самим выработать основы республиканской и федеральной структуры управления страны.

⁴² Цит. по: *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj (1930–1935) // A Centenary History... – Vol. 2. – P. 176.*

⁴³ *Selected Works of Motilal Nehru. Vol. Six. / Ed. by Ravinder Kumar and Hari Dev Sharma. Issued under the auspices of Nehru Memorial Museum and Library. – New Delhi: Vikas Publishing House, 1995. – P. 219.*

В связи с событиями вокруг «Доклада Неру» вице-король Индии Ирвин в письме министру по делам Индии Биркенхеду 23 августа 1928 г. указывал на то, что 90% мусульман не были представлены на Всепартийной конвенции, где он обсуждался. А среди остальных 10% существовали разногласия по вопросу об участии в общих для индусов и мусульман избирательных округах. Были разногласия и среди сикхов. Авторов доклада также волновала проблема княжеств. Ирвин ссылаясь на индийские газеты, которые писали, что князья «должны выбирать между белыми хозяевами и коричневыми товарищами»⁴⁴. Ирвин сомневался в том, что князья стоят перед таким выбором. Это означало, что они поддержат англичан.

В письме от 6 сентября 1928 г. тому же министру по делам Индии Ирвин подчеркивал, что большинство мусульман, которые не были представлены на Всепартийной конвенции в Лакхнау (август 1928 г.), собираются в Симле (где находился он сам. – Ф.Ю.), и намеревались отклонить так называемое приглашение, достигнутое в Лакхнау. По мнению Ирвина, можно было ожидать, что враждебная критика «Доклада Неру» станет все более настойчивой и весомой⁴⁵.

В последующем письме по этому же вопросу Ирвин сообщал министру Биркенхеду, что мусульмане, не согласные с «Докладом Неру», надеются организовать большой митинг, чтобы представить свою точку зрения. Он полагал, что на Всепартийной конвенции в Калькутте лидеры Конгресса весьма «неуклюже разыгрывали свои карты». Они пытались игнорировать оппозицию, но каждый день сталкивались с еще большим сопротивлением со стороны мусульман.

Ирвин проиллюстрировал глубину отчуждения мусульман от индусов следующим образом. В те дни он пригласил разных представителей мусульман из Панджаба на просмотр фильма «Любовные страсти могольского принца». Дело в том, что фильм был разрешен к показу цензурой. Но «кто-то» из му-

⁴⁴ Letter from Lord Irwin to Lord Birkenhead. August 23rd, 1928 // Selected Works of Motilal Nehru... Vol. 6. – P. 288.

⁴⁵ Letter from Lord Irwin to Lord Birkenhead. September 6th, 1928 // Selected Works of Motilal Nehru... Vol. 6. – P. 289.

сультман сказал Ирвину, что фильм может оскорбить их чувства. Почти все приглашенные на просмотр гости осудили фильм на том основании, что он принижает божественную власть императора Акбара и его сына и дискредитирует ислам. Тем более что в фильме, как бы случайно, в одной из сцен был показан священный Коран. Собравшиеся у Ирвина мусульмане усмотрели во всем этом преднамеренный план индусских продюсеров фильма принизить ислам. Как писал Ирвин, для него это было величайшим откровением⁴⁶. Небезызвестно и мнение Джона Саймона о «Докладе Неру». В письме Кадогану, заместителю министра по делам Индии, от 18 сентября 1928 г. он отметил, что содержащаяся в отдельном разделе доклада «Конституция Индии» является, по сути, не более чем копией австралийской конституции. Однако ее авторы обошли критический вопрос – достигла ли Индия такой стадии, когда можно сделать такой важный шаг (т.е. предоставление статуса доминиона. – Ф.Ю.). С другой стороны, Саймон полагал, что доклад прекрасно написан, на хорошем юридическом уровне. Глава о межобщинных противоречиях представлялась ему исключительно толковым разделом с великолепным подбором актуальных фактов. По мнению Саймона, в дальнейшем можно было бы действовать в следующем направлении: в первую очередь, мусульмане могли бы отобрать достаточно большой список своих кандидатов на выборах, а затем четверо или пятеро из них могли бы участвовать в них в общих округах. Это было бы чем-то вроде американских «праймериз». В этом случае на выборах не прошли бы «плохие» мусульмане, избранные индусами, которые стали бы всего лишь наемными представителями их интересов⁴⁷.

Характерно, что оценки вице-короля Ирвина и Саймона усилий Всепартийной конвенции по поддержке «Доклада Неру» по сути игнорировали или считали маловажными заявление группы видных лидеров Мусульманской лиги, которые приветствовали этот доклад как «проект конституции, которая в основном

⁴⁶ Ibid. October 3rd, 1928 // Selected Works of Motilal Nehru... Vol. Six. – P. 290–291.

⁴⁷ Letter from Sir John Simon to Sir Edward Cadogan. September 18th, 1928 // Selected works of Motilal Nehru... Vol. Six. – P. 290.

получит санкцию двух великих общин в Индии»⁴⁸. Более того, в них прослеживалось явное стремление английских руководителей противопоставить мусульман индусам.

А между тем комиссия Саймона вернулась в октябре 1928 г. в Индию для продолжения работы над своей конституцией страны и оставалась там до апреля 1929 г. Бойкот комиссии по-прежнему продолжался. Он проводился ненасильственными методами, однако власти прибегали к жестоким репрессиям. 30 октября 1928 г. в Лахоре полиция применила силу против демонстрантов. Среди пострадавших был Лала Ладжпат Рай, который от ударов полицейской дубинкой скончался через несколько дней. 20–30 ноября прошли протестные мирные демонстрации в Лакхнау, где были до крови избиты полицией лидеры Конгресса Говинд Валлабх Пант и Джавахарлал Неру⁴⁹. Узнав об этом, Мотилал Неру отправился из Аллахабада в Лакхнау, чтобы поддержать сына в этом испытании. Он убедился в том, что, несмотря на побои, Джавахарлал сохранял присутствие духа и присущее ему мужество.

Левое крыло в Конгрессе

На сессии Конгресса в Калькутте в 1928 г. в партии оформилось молодое радикальное левое крыло во главе с Дж. Неру и С.Ч. Босом. Именно эта группа внесла предложение о том, что целью партии должна быть *турна сварадж* – полная независимость. За это проголосовало более трети делегатов. Сторонники Ганди, выступавшие против этого предложения, рассматривали голосование по этому вопросу как выражение доверия Ганди. Угроза раскола Конгресса на сторонников Ганди и радикалов по проблеме независимости поставила в повестку дня вопрос о единстве партии. Однако Джавахарлал Неру не пошел на раскол партии. Он заявил о необходимости единства Конгресса для успеха освободительного движения. Он говорил Ганди, что

⁴⁸ Muslim League's Support to Nehru Report // Selected Works of Motilal Nehru... Vol. Six. – P. 224–225.

⁴⁹ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 197–201.

будет сотрудничать со всеми, кто трудится для достижения независимости, даже если они не согласны с социалистическим подходом к решению этой проблемы. Иначе подходил к этому вопросу Мотилал Неру. Он писал Ганди: «Наше поколение быстро умирает, и рано или поздно борьба будет продолжена людьми вроде Джавахарлала. Чем раньше они начнут, тем лучше». В заключительной речи на калькуттской сессии Конгресса в качестве ее президента Мотилал Неру сказал: «Давайте работать во имя свараджа, каким бы именем мы его не называли»⁵⁰.

Лозунг полной независимости Индии впервые прозвучал еще в декабре 1927 г. на сессии Конгресса. Тогда Джавахарлал Неру выдвинул резолюцию, в которой говорилось: «Конгресс заявляет, что целью индийского народа является полная национальная независимость». Резолюция была принята большинством. На этой сессии генеральными секретарями партии были избраны Дж. Неру, С.Ч. Бос и С. Куреши⁵¹. Несмотря на такую поддержку лозунга независимости, Ганди занял осторожную позицию по этому вопросу. Он назвал резолюцию о независимости «наскоро придуманной и непродуманно принятой». На это Джавахарлал Неру писал Ганди, что вопрос о независимости обсуждался в стране на митингах и в печати в течение последних пяти лет. Поэтому ни при каких обстоятельствах нельзя оправдать слова «наскоро придуманная». Расхождения между Джавахарлалом Неру и Ганди в тот период проявились в их переписке. Джавахарлал отдавал должное лидерству Ганди во время движения несотрудничества: «Вы были на высоте положения, Вы были в своей стихии и автоматически принимали правильные решения... Но после выхода из тюрьмы что-то неправильное случилось с Вами, и определенно Вы не были в ладу с самим собой... Я неоднократно спрашивал, что Вы предполагаете делать в будущем, но Ваши ответы были совершенно неудовлетворительными... Вы говорили, что в течение года или 18 месяцев Вы ожидали, что движение *кхад* распространится в геометрической прогрессии и тогда можно будет принимать

⁵⁰ Цит. по: *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj...* – P. 175.

⁵¹ *Majumdar R.C. History of the Freedom Movement... Vol. III...* – P. 316.

некоторые прямые действия в политической сфере... Прошли годы с того времени и никаких чудес не произошло... Я говорил Вам раньше, что работа по распространению кхадии почти полностью отдалена от политики... Я часто ощущал, – продолжал Джавахарлал, – насколько сильно отличаются мои идеалы от Ваших. Я чувствовал, что Вы были весьма поспешны в Ваших суждениях и, придя к определенным выводам, были готовы оправдать их любыми доступными доводами... Вы написали где-то, что Индии нечему учиться у Запада и что она достигла вершины мудрости в прошлом. Я совершенно не согласен с такой точкой зрения... Вы жестко критикуете явные издержки индустриализации, но не обращаете никакого внимания на ее достоинства... Эти издержки – не производное от индустриализации как таковой, они от капиталистической системы, которая основана на эксплуатации других... Вы заявили, что, по Вашему мнению, не существует конфликта между капиталом и трудом. Я же думаю, что при капиталистической системе такой конфликт неизбежен»⁵².

Джавахарлал Неру – президент Конгресса

В этот период Ганди ограничивал свою деятельность пропагандой прядения и ткачества, а также бойкотом иностранных товаров. На одной из публичных демонстраций сожжения тканей иностранного производства в Калькутте 4 марта 1929 г. он назвал себя человеком, который «сходит с ума по свободе», и заявил, что время гражданского неповиновения еще не пришло. За нарушение порядка Ганди был арестован и приговорен к символическому штрафу в одну рупию. В день его ареста костры из иностранных тканей запылали по всей стране.

В попытке снизить накал напряжения в стране вице-король Ирвин заявил 31 октября 1929 г., что статус доминиона является «естественным вопросом конституционного прогресса Индии», и предложил индийским лидерам обсудить это с пред-

⁵² *Jawaharlal Nehru to M.K. Gandhi on the Independence Resolution of the Madras Congress (1927), 11 January 1928 // The Indian Nationalist Movement. – P. 61–63.*

ставителями британского правительства в Лондоне на конференции круглого стола. 2 ноября 1929 г. Ганди, Мотилал Неру, М.М. Малавия, Э. Безант и лидер либералов Т.Б. Сапру подписали Совместный манифест, в котором выразили одобрение усилий вице-короля. Они заявили о готовности принять его предложение, но выдвинули ряд условий: конференция круглого стола должна исходить из предоставления Индии статуса доминиона с такими же правами, как и других доминионов; члены Конгресса должны составлять большинство среди участников конференции.

Джавахарлал Неру сначала не стал подписывать манифест. Он считал, что это было бы по существу отказом от требования независимости. Но под давлением Ганди, он, в конце концов, сделал это. Однако С.Ч. Бос отказался подписать манифест⁵³. Как пронизательно заметил историк Р.Ч. Маджумдар, «интеллектуальный Джавахарлал Неру боролся против программы и теории Ганди, но эмоциональный Джавахарлал Неру всегда подчинялся его авторитету»⁵⁴.

Ответом вице-короля Ирвина на Совместный манифест была его встреча с Ганди, Мотилалом Неру, Джинной и Сапру 23 декабря 1929 г., на которой он заявил, что не готов дать гарантии предоставления статуса доминиона Индии и положительно ответить на требования, содержащиеся в манифесте. Таким образом, переговоры между индийцами и британскими властями закончились драматическим разрывом всего за несколько дней до начала очередной сессии Конгресса и через год после ультиматума, выдвинутого партией. «Я сжег мои корабли», – подвел итог Ганди⁵⁵.

Политические партии и группы в Индии оказались перед выбором: требовать предоставления статуса доминиона или настаивать на полной независимости. Ситуация осложнялась тем, что в стране не было единства по вопросу об отношениях между

⁵³ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 217, 218.*

⁵⁴ *Majumdar R.C. History of the Freedom Movement... Vol. I... – P. 559.*

⁵⁵ *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj... – P. 178.*

индусами и мусульманами, а также о целесообразности проведения кампании гражданского неповиновения.

Джавахарлал Неру и С.Ч. Бос требовали полной независимости. Мотилал Неру и лидеры Либеральной партии, такие как Т.С. Сапру, Сриниваса Састри и М.Р. Джаякар, выступали против движения гражданского неповиновения и требования независимости Индии. Джинна и другие мусульманские лидеры считали, что до тех пор, пока не будет достигнуто решение по вопросу об отношениях между мусульманами и индусами, нельзя соглашаться с требованием независимости и движением гражданского неповиновения. Руководители «Хинду махасабхи» М.М. Малавия и Н.Ч. Келкар высказывали сомнение в эффективности и правомочности гражданского неповиновения.

В такой обстановке в конце декабря 1929 г. начала свою работу сессия Конгресса в Лахоре. Общее мнение руководства партии состояло в том, что президентом Конгресса на этой сессии должен стать Ганди. Однако он решительно отказался от этого и предложил на этот пост Джавахарлала Неру. В пользу принятия такого решения не обошлось, по-видимому, и без влияния Мотилала Неру⁵⁶.

Своим выбором Ганди решал несколько задач. Таким образом он «отрывал» Джавахарлала Неру от левых в Конгрессе. Став президентом партии, Джавахарлал Неру должен был учитывать интересы различных группировок; назначение 40-летнего Джавахарлала Неру должно было привлечь молодых активистов к работе в Конгрессе и отвлечь их от социалистических и коммунистических идей, которые широко обсуждались в обществе. Неру тяготился тем, что своим избранием был обязан Ганди. По его же словам, он «взобрался на этот высокий пост не через главный вход, а по приставной лестнице»⁵⁷. И в своем первом выступлении на сессии в качестве президента Конгресса он заявил, что является социалистом, республиканцем и защитником рабочих и крестьян. Он сказал, что *сварадж* означает полную независимость и полную свободу от британского господ-

⁵⁶ *Luce Edward*. In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India. – New York, London et al.: Doubleday, 2007. – P. 184.

⁵⁷ *Qanungo S.N.* The Struggle for Purna Swaraj... – P. 179.

ства и британского империализма. Джавахарлал Неру выразил свое несогласие с гандистской теорией опеки и патернализма, а также с доктриной ненасилия⁵⁸. И, тем не менее, вся основная работа сессии проходила под руководством Ганди, который успешно лавировал между давлением справа и слева. Если либералы и ортодоксы выступали за предоставление Индии статуса доминиона, то левые, в первую очередь С.Ч. Бос, настаивали на «прямых действиях», создании в провинциях параллельных правительств на основе действовавших там комитетов Конгресса. Все попытки справа и слева провести свои решения были отклонены благодаря Ганди.

Рост влияния молодых политиков в Конгрессе и других партиях в конце 1920-х гг. не был случайным. В то время молодые люди из средних классов стали доминирующей силой в выступлениях против британских властей. В этом большую роль сыграла растущая безработица среди них. В эти годы создавались различные организации и партии, которые стремились объединить молодежь под своим началом и направить ее недовольство в соответствующее русло.

В середине 1920-х гг. Конгресс создал молодежную Партию служения Хиндустану в Карнатаке, а затем и в других регионах. Дж. Неру и С.Ч. Бос принимали участие во множестве митингов и собраний молодежи по всей стране. В декабре 1928 г. Дж. Неру председательствовал на Конгрессе социалистической молодежи в Калькутте. На нем раздавались призывы к независимости как «необходимому предварительному шагу по переходу к коммунистическому обществу». В это же время С.Ч. Бос выступал на других конгрессиистских форумах молодежи, где говорил о молодежных движениях в Германии, Италии, России и Китае. Постепенно молодежь стала выходить из-под морального и политического контроля традиционных лидеров. Часть городской образованной молодежи начала выражать недовольство бесконечными призывами старшего поколения политиков, в том числе Махатмы Ганди, Мотилала Неру и других к терпению и постепенным действиям.

⁵⁸ Ibid. – P. 180.

Стали появляться группы, которые, особенно в Бенгалии, вновь обратились к прежним революционным и террористическим методам. Некоторые из них проповедовали культ героического самопожертвования во имя независимости. И все это при отсутствии какой-либо социально-экономической программы. Одной из таких наиболее активных организаций была Партия нового насилия во главе с Сурья Сенем. Она поддерживала контакты с террористическими организациями в Соединенных провинциях, Панджабе, Бихаре, Ориссе и Ассаме. Эти группы совершили ряд террористических акций, как они говорили, «для усиления революционной борьбы за национальное освобождение». Одной из таких акций стал захват арсенала в Читтагонге. «Юнион Джек» был сброшен, и вместо него под лозунг «Ванде матарам!» (Да здравствует Родина-мать!) был поднят флаг Индии. В изданной в этой связи прокламации говорилось, что эти события вдохновят соотечественников на то, чтобы освободить родину от британских правителей⁵⁹.

В Дели в 1928 г. группой молодежи была создана Социалистическая республиканская армия Хиндустана, в которую вошли Бхагат Сингх и его друзья из Панджаба, а также Аджой Гхош из Соединенных провинций и Пханиндранатх Гхош из Бихара. Эта организация осуществила ряд террористических актов. Среди них – убийство английского сержанта Сандерса, по ошибке принятого за офицера Скотта, который во время демонстрации протеста против комиссии Саймона подверг избитию Лала Ладжпата Рая, после чего он умер. В апреле 1929 г. Бхагат Сингх и Батукесвар Датта бросили бомбу в зале Центрального законодательного собрания в Дели, которая никому не причинила вреда. Одновременно распространялись листовки. В одной из них говорилось: «Пусть правительство знает, что, протестуя против... жестокого убийства Лала Ладжпат Рая, мы хотим указать на урок, который повторяется в истории – легко убивать отдельных людей, но невозможно убить идеи. Великие империи рушились, а идеи продолжали жить. Мы высоко ценим человеческую жизнь. Но жертвы отдельных людей на ал-

⁵⁹ *Joshi, Kalpana (Datta). Chittagong Armoury Raiders: Reminiscences. – New Delhi: PPH, 1945. – P. 50–51.*

тарь великой революции, которая принесет свободу всем и сделает невозможной эксплуатацию человека человеком, являются неизбежными»⁶⁰.

Все руководители этой организации были арестованы и осуждены в Лахоре по делу о заговоре против правительства. 7 октября 1930 г. суд приговорил Бхагата Сингха, Шиврама Раджгуру и Сукхдева к смертной казни, еще семь человек были осуждены к вечной ссылке.

В знак протеста против жестокого обращения в тюрьме большинство заключенных объявили голодовку до смерти. Один из обвиняемых – Джатин Дас умер на 63-й день голодовки. Это вызвало негодование в стране. Джавахарлал Неру посетил лахорскую тюрьму и поговорил с заключенными. После смерти Даса он сказал: «Еще одно имя добавлено к длинному и блестящему списку индийских борцов. Еще один из храбрых сынов Индии добровольно пожертвовал собой на алтаре Родины... Давайте склоним головы и помолимся, чтобы набраться сил для борьбы, какой бы долгой она ни была и какими бы ни были ее последствия, до тех пор пока не одержим победу». С.Ч. Бос, выступая на студенческой конференции в Лахоре, заявил: «Когда мы сможем с радостью отдать наши жизни ради наших принципов, как это сделал великий герой Джатин Дас, мы вернем утраченную славу нашей Родины. Движение молодежи, которое он начал, скоро станет одним из важных факторов в Индии»⁶¹.

Но террористическая деятельность постепенно угасала. Лидеры революционных экстремистских организаций стали примыкать к легальным партиям, прежде всего Конгрессу, а также к Коммунистической партии Индии (создана в 1925 г.) и партиям социалистического направления. Так, один из осужденных по делу о Социалистической республиканской армии Аджой Кумар Гхош (1909–1962) стал коммунистом, а в 1951 г. – генеральным секретарем компартии Индии.

Борьба патриотов против колониальных властей встретила широкую поддержку национально-патриотических сил страны.

⁶⁰ Цит. по: A Centenary History... Vol. II. – P. 609.

⁶¹ Ibid. – P. 611.

Об этом свидетельствовали события, связанные с судебным процессом в г. Мируте над индийскими патриотами, которым было предъявлено обвинение в «заговоре с целью лишить короля его суверенной власти в Британской Индии». Среди 32 арестованных 20 марта 1929 г. были члены Всеиндийского комитета конгресса, руководители Всеиндийского конгресса профсоюзов, профсоюза «Гирни камгар» (Красный флаг), рабоче-крестьянских партий в Бомбее, Бенгалии и Соединенных провинциях, а также три англичанина. 14 арестованных были коммунистами, еще четверо считали себя коммунистами по убеждению⁶². После их ареста Мотилал Неру потребовал в Центральном законодательном собрании Индии обсудить действия правительства, связанные с этими арестами и обысками. Однако генерал-губернатор Индии наложил вето на рассмотрение этого дела, поскольку оно «нанесло бы ущерб общественным интересам»⁶³. Но обсуждение этого вопроса вышло за пределы законодательного собрания. В Дели, Бомбее, Калькутте и других городах были созданы комитеты в защиту патриотов. В Дели в Комитет защиты обвиняемых по Мирутскому процессу входили Мотилал Неру (председатель), Джавахарлал Неру и другие видные деятели Конгресса⁶⁴. Сотрудничество конгрессистов и левых в деле защиты подсудимых в Мируте было продолжением их общей борьбы против закона об общественной безопасности, который ограничивал права рабочих и профсоюзов. Важным актом поддержки подсудимых было посещение их в тюрьме Махатмой Ганди⁶⁵.

«Я думаю, – писал Ганди, – что главной целью этого преследования было не уничтожить коммунизм, а нанести удар по тер-

⁶² Communism in India. Unpublished Documents 1925–1934 / Ed. by Subodh Roy. – New Delhi: PPH, 1972. – P. 31–32, 109, 114–116.

⁶³ Communism in India... – P. 116, 117.

⁶⁴ Dange S.A. Selected Writings. Vol. 2. – Bombay, 1977. – P. XVII, XVIII.

⁶⁵ Guidelines of the History of the Communist Party of India. – New Delhi: PPH, 1974. – P. 30.

рористам. Правительство периодически показывает свои кровавые когти, которые обычно не видны»⁶⁶.

Ганди связывал Мирутский процесс с общей обстановкой в стране, особенно после ареста группы революционеров во главе с Бхагатом Сингхом. Все это сопровождалось усилением репрессивных мер со стороны властей. Именно тогда особым распоряжением вице-короля был введен в действие закон об общественной безопасности. И это несмотря на то, что Центральное законодательное собрание во главе со спикером В. Пателем отклонило его. Именно на основании этого закона и были арестованы обвиняемые в Мирутском процессе.

Через четыре года судебный процесс в Мируте закончился поражением британских властей, которые сфабриковали и начали его. По существу, сами организаторы признали это. К концу процесса в официальной переписке колониальных чиновников стали высказываться сомнения в целесообразности организации такого рода судебных преследований коммунистов и других патриотов. Так, чиновник департамента внутренних дел М.Г. Хэллит в своем донесении из Бомбея указывал: «Общее настроение сейчас не в пользу подобных судебных процессов о заговоре»⁶⁷.

Это отмечал и Джавахарлал Неру, который писал, что Мирутский процесс способствовал привлечению внимания народа к новым идеям: «Туманные коммунистические и социалистические идеи распространялись и среди интеллигенции, даже среди интеллигентных правительственных служащих. Более молодые члены Конгресса, читавшие обычно работы Брюса о демократии, Морли, Кэйта и Мадзини, теперь читали, когда могли достать, книги о социализме и коммунизме и о России»⁶⁸.

⁶⁶ *Nanda B.R. Mahatma Gandhi...* – P. 158.

⁶⁷ *Communism in India...* – P. 164, 165.

⁶⁸ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 385.

Глава 6. Джавахарлал призывает к борьбе за полную независимость

Лахорская сессия Конгресса, проходившая под председательством Джавахарлала Неру, объявила, что требование статуса доминиона, содержащееся в «Докладе Неру», утратило свое значение. Всем конгрессистам в Центральном и провинциальных законодательных органах было предложено подать в отставку. ВИКК был наделен полномочиями «начать программу гражданского неповиновения, включая неуплату налогов», когда он посчитает нужным. Все понимали, что это в конечном счете зависит от Махатмы Ганди.

В полночь 31 декабря 1929 г. была принята резолюция о полной независимости, был поднят триколор под возгласы «Да здравствует Родина-мать!» и «Да здравствует революция!»¹. Это было началом нового этапа упорной борьбы за национальное освобождение. Конгресс также принял решение провести День независимости Индии 26 января 1930 г. В этот день все члены партии должны были дать клятву бороться за независимость. В ней были такие слова: «Мы считаем, что неотъемлемым правом индийского народа, как и всех других народов, является право на свободу, на плоды его труда, право на удовлетворение насущных нужд, чтобы он получил полную возможность для своего развития. Мы считаем, что британское правительство в Индии не только лишило индийский народ свободы и эксплуатирует массы, но оно разрушило Индию экономически, политически, культурно и духовно. Поэтому мы считаем, что Индия должна разорвать связи с Британией и добиться полной независимости»². День независимости прошел во многих частях страны в мирной обстановке. Правительство не вмешивалось в это празднование, но было готово к борьбе с нарушителями порядка. С тех пор ежегодно 26 января Конгресс отмечал этот день массовыми акциями с подъемом флага и произнесением

¹ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 222–223.*

² *Pledge taken on Independence Day, 26th January 1930 // The Indian Nationalist Movement... – P. 64, 65.*

упомянутой клятвы³. Мотилал Неру переименовал свой дом в *Сварадж Бхаван* (Дом независимости) и передал его Конгрессу.

Британское правительство спокойно и даже цинично отнеслось к решению Конгресса о независимости. Помощник министра по делам Индии Рассел заявил, что статус доминиона не будет предоставлен Индии в ближайшем будущем. Министр по делам Индии назвал индийских лидеров «невротическими адвокатами» и «неполноценными керенскими». Еще один высокий британский чиновник написал вице-королю Ирвину, что у Ганди нет конкретного плана действий, поэтому правительство не считает, что произойдет какой-то драматический отход от прежней политики Конгресса, который представляет собой не что иное, как пеструю толпу⁴.

А тем временем комиссия Саймона закончила свою работу и опубликовала свой доклад (1930 г.) Он, как и следовало ожидать, вызвал полное отторжение у индийцев. Доклад был даже менее либеральным, чем реформы Монтегю-Челмсфорда 1919 г. Суть доклада комиссии Саймона состояла в следующем. Центральное законодательное собрание должно избираться провинциальными законодательными органами, а не населением. Его полномочия резко сокращались. Провинции во многом становились независимыми по отношению к центральной власти. По существу, это было скрытым движением к дроблению Индии. Эта горькая пилюля была «подсахарена» рекомендацией расширить электорат на выборах в провинциальные законодательные органы с 3% до 10% населения. Вместе с тем к ранее существовавшему имущественному цензу добавлялся еще и образовательный. Избирательные курии для религиозных общин оставались нетронутыми, что служило не укреплению единства страны, а наоборот – ее расколу по религиозному признаку. Назначенные британскими властями губернаторы по-прежнему располагали правом вето на предложения законодательного органа. Центральное собрание пополнялось за счет представителей почти 600 княжеств, что также ослабляло роль этого органа,

³ С введением в силу Конституции Индии в 1950 г. этот день празднуется как День Республики Индия.

⁴ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 182.*

поскольку князья выступали против предоставления Индии не только независимости, но и самоуправления в рамках доминиона. Вице-король, как и ранее, обладал всей полнотой власти, включая право вето на все решения федерального собрания и контроль над вооруженными силами⁵. Было очевидно, что правительство Великобритании делало все, чтобы удержать Индию в тисках подчинения.

Арест Мотилала и Джавахарлала

14 апреля 1930 г. Джавахарлал был арестован по обвинению в нарушении государственной монополии на соль и участие в движении гражданского неповиновения. В тот же день его приговорили к шести месяцам тюрьмы. До этого он выступил на многочисленных митингах, где призывал к освободительной борьбе.

Арест Джавахарлала был связан с его участием в подготовке и организации «соляного похода». В дни, предшествовавшие этому походу, Ганди искал способы для активизации движения неповиновения. Он говорил Рабиндранату Тагору: «День и ночь я непрестанно думаю об этом, и пока не вижу проблеска в окружающей меня темноте»⁶. Накануне «соляного похода» Мотилал и Джавахарлал выехали в Ахмедабад для участия в работе комитета по планированию кампании несотрудничества и обсуждения вопросов, связанных с заменой руководителей Конгресса в случае ареста ведущих лидеров партии. Ганди решил, что нарушение монополии на соль может стать эффективным средством мобилизации масс, поскольку налог на соль был одним из самых тяжелых для простого народа. 11 марта 1930 г. Ганди направил письмо вице-королю, в котором информировал его, что начинается движение несотрудничества нарушением монополии

⁵ Simon Report. London, 1930. Vol. II. – P. 18, 36, 60, 90, 290 // Цит. по: *Durant, Will.* Op. cit. – P. 144–149.

⁶ Цит. по: *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch.* Op. cit. – P. 84.

на соль. Как тогда отметил Джавахарлал, соль неожиданно стала мистическим словом, имеющим прямое отношение к власти.

12 марта 1930 г. Ганди вместе с 78 последователями начал пеший «соляной поход» из ашрама Сабармати (около Ахмедабада) к берегу Аравийского моря. Предстояло преодолеть 240 миль в течение 20 дней. Ганди заявил, что он не вернется в Сабармати до тех пор, пока соляной налог не будет отменен. «Победа или смерть!» – таким был девиз похода. По пути Ганди останавливался в деревнях и городах и на многочисленных митингах призывал людей нарушать монополию на производство соли. По всему его маршруту деревенские чиновники под давлением общественного мнения начали подавать в отставку. По мере продвижения к морю к походу присоединились тысячи добровольцев. Среди них индусы, мусульмане, сикхи, христиане, неприкасаемые, множество женщин. 6 апреля 1930 г. на берегу моря около местечка Данди состоялось символическое нарушение соляной монополии – индийцы стали выпаривать соль из морской воды. Ганди, который в течение последних лет вообще не ел соли, первым нарушил соляной закон. Он набрал воды в котелок и выпарил на костре немного соли. Это был сигнал для собравшихся людей. Ганди призвал участников *сатьяграхи* оказывать сопротивление полиции, если она будет пытаться отнимать у них соль. Вскоре соляная монополия была нарушена в тысячах пунктов прибрежных городов и деревень пятью миллионами индийцев. Некоторые назвали это «восстанием без оружия»⁷. Тогда же Рабочий комитет Конгресса обратился с призывом пикетировать лавки, торговавшие алкогольными напитками, и магазины по продаже иностранных товаров, не носить одежду европейского образца, сжигать иностранные ткани и использовать вместо них домоткань; бойкотировать английские учебные заведения, суды, правительственные учреждения, а также начать кампанию против неприкасаемости⁸.

Сначала колониальные власти недооценили значение «соляного похода». Они рассчитывали, что эта *сатьяграха* умрет

⁷ Fischer, Louis. The Life of Mahatma Gandhi... – P. 269.

⁸ Nanda B.R. Mahatma Gandhi... – P. 166–168.

сама по себе и отнеслись к походу с пренебрежением, даже высмеивали его как своеобразную «детскую стадию политической революции», в которой короля пытались свергнуть при помощи кипячения морской воды в чайнике. Само нарушение закона о монополии на соль рассматривалось как нечто фантастическое. Задавался вопрос – какое воздействие на производство и продажу соли могло оказать выпаривание небольшого количества соли низкого качества? Ответ был очевидным – ничтожное с точки зрения экономической и финансовой, но не политической. Поэтому власти стали производить аресты лидеров движения с целью дезорганизовать его. Конгресс и принимавшие участие в кампании гражданского неповиновения организации были объявлены вне закона. Была арестована почти вся семья Неру.

В соответствии с полномочиями, предоставленными Джавахарлалу Неру Всеиндийским исполнительным комитетом партии, он, предвидя свой арест, хотел назначить на случай своего тюремного заключения исполняющим обязанности президента Конгресса Махатму Ганди. Но тот отказался от этого предложения. Вторым в списке Джавахарлала на пост президента партии был Мотилал Неру, который энергично включился в «соляную кампанию». Но связанное с этим напряжение вскоре отразилось на его здоровье.

Мотилал Неру был арестован в своем доме 30 июня 1930 г. по обвинению в организации движения несотрудничества и отправлен в тюрьму Наини. Там уже находился Джавахарлал. Мотилал Неру был серьезно болен, и тюремные власти разрешили ему получать домашнюю пищу. Начались муссонные дожди. Крыша тюрьмы протекала. Тюремная обстановка подрывала здоровье Мотилала Неру. Джавахарлал делал все возможное, чтобы помочь отцу. Мотилал писал из тюрьмы младшей дочери Кришне: «Пожалуйста, говори всем, что я в полном порядке... Доктор Сайед Махмуд (также конгрессистский лидер, заключенный в тюрьму) помогает мне, но главное бремя забот падает

на Джавахарлала. Я думаю, что немногие отцы могли бы похвастаться такими сыновьями»⁹.

В тюрьме содержалось от 2200 до 2300 заключенных. Джавахарлала Неру изолировали от остальных заключенных в отдельном тюремном дворе, около 30 метров в диаметре, окруженном стеной примерно в пять метров в высоту. В центре двора был барак с четырьмя крошечными камерами. Джавахарлалу отвели две из них, одна из которых служила ванной и уборной. Остальные камеры пустовали. Койка в камере была наглухо прикована цепью, чтобы ее не могли использовать как лестницу и взобраться на стену. Барак был построен в стороне от других помещений и первоначально предназначался для особо опасных уголовных преступников. Позже он был использован для политических заключенных, чтобы содержать их отдельно от остальных обитателей тюрьмы.

Сначала Джавахарлалу Неру не разрешали выходить за пределы его маленького дворика. Но позже позволили полчаса ранним утром, когда было еще темно, ходить или бегать с внутренней стороны главной стены тюрьмы. Это время было отведено ему, чтобы он не мог связаться с другими заключенными. Стараясь лучше использовать это короткое пребывание на воздухе, Джавахарлал стал устраивать пробежки и постепенно довел их до двух с лишним миль.

Размышляя об индийских тюрьмах, Джавахарлал Неру писал, что число людей, отправляемых в тюрьмы, «ужасающе велико». Некоторые индийские провинции содержали крупнейшую в мире тюремную администрацию. Главной ее задачей было не допускать побега заключенных. Одна из особенностей этих тюрем состояла в том, что в них было много юношей от 15 лет. Поощрялись доносы и слежка заключенных друг за другом. Свидания и переписка разрешались лишь раз в три месяца. Но из-за неграмотности большинство заключенных не могли воспользоваться этой возможностью. Очень немногие заключенные, обычно один из тысячи (не считая европейцев), имели льготы в виде улучшенного питания и более частых свиданий

⁹ *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch. Op. cit. – P. 9.*

и переписки. Во время кампаний гражданского сопротивления в тюрьмы попадали десятки тысяч политических заключенных, и тогда число привилегированных арестантов несколько возросло, но и в этом случае оно не было большим. Примерно 95% таких заключенных находились на общем режиме и не пользовались льготами.

В тюрьме, отмечает Неру, он не получал ежедневных газет, но имел возможность читать еженедельник на языке хинди. Он жаждал выйти из тюрьмы. Но так как это было невозможно, то «обрек себя на суровую жизнь, полную труда». Ежедневно в течение почти трех часов он пряд на прядке. Еще два-три часа работал на ткацком станке, много читал, занимался уборкой, стирал свое белье. «Так в мыслях о событиях на воле, в монотонной тюремной обстановке, – писал Неру, – проходили мои дни в тюрьме Наини»¹⁰.

Наблюдая за тем, как устроена тюрьма, Неру пришел к выводу, что она похожа на английское правительство в Индии. Весьма эффективный государственный аппарат, деятельность которого направлена на укрепление власти правительства над страной, и никакой заботы о людях. «Сломите их! Вот основная мысль. Сломите их настолько, чтобы к тому времени, когда они выйдут из тюрьмы, у них не осталось и капли мужества»¹¹.

5 мая 1930 г. был арестован Ганди, а лидерство в соляной *сатьяграхе* перешло к известной поэтессе, видной конгрессистке Сароджини Найдуду. К этому времени 25 тыс. добровольцев собралось под ее началом, и она повела их к государственному предприятию по производству соли в Дхарасану. Если в начале соляного похода полиция только наблюдала за участниками сатьяграхи, но не вмешивалась в их действия, то теперь она прибегла к жестоким расправам над ними, избитию дубинками беззащитных мужчин, женщин и даже детей. 30 мая полиция остановила шествие, и после отказа Сароджини прекратить *сатьяграху* арестовала ее. Позже Сароджини Найдуду пригово-

¹⁰ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – Р. 239–246.

¹¹ Там же. – С. 247.

рили к тюремному заключению в Пуне, где она вместе с Ганди находилась до января 1931 г.¹²

Гражданское неповиновение или несотрудничество с английской колониальной администрацией органично сочеталось у Ганди с его идеями свободы, равенства и социальной справедливости. Он говорил также, что неравенство мужчин и женщин является первой всеобщей разделительной линией, созданной человеческим обществом, между угнетенными и угнетателями. Без уничтожения этого разделения все попытки добиться прогресса в развитии человека и общества обречены на провал. Вдохновленные нравственными, мирными лозунгами борьбы, женщины по призыву Ганди активно приобщались к политике. Они широко участвовали в таких массовых кампаниях, как пикетирование магазинов, торгующих заграничными тканями и винами, использовали только товары отечественного производства, достойно проявили себя в «соляном походе». Большую помощь в работе Ганди оказывали матери, жены, сестры и дети политических деятелей. Они участвовали в массовых кампаниях неповиновения, выступали на митингах с призывом не сотрудничать с колонизаторами, не работать в правительственных учреждениях, отказываться платить налоги, поддерживать отечественные ремесла и ручное прядение, ратовали за индуско-мусульманское единство. Власти прибегли к аресту более 17 тыс. женщин, которые приняли участие в ненасильственном движении несотрудничества¹³. Джавахарлал Неру писал в «Автобиографии»: «Самым поразительным, без сомнения, была та роль, которую играли в национальной борьбе женщины. Во всех городах происходили грандиозные демонстрации, в которых участвовали одни только женщины; вообще женщины занимали более непреклонную позицию, нежели мужчины. Они часто

¹² *Baig, Tara Ali. Sarojini Naidu.* – New Delhi: Publications Division, Government of India, 1974. – P. 106–109.

¹³ Подробнее см. *Юрлова Е. С. Женщины Индии. Традиции и современность.* – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 363, 364.

становились конгрессистскими «диктаторами» в провинциях и на местах»¹⁴.

В эти же годы произошло приобщение юной Индиры Неру к политике. Много позже, уже в независимой Индии, ее спросили, когда она вошла в политику. Ее ответ: «Я была в ней с самого начала». И это не удивительно. Она росла и воспитывалась в семье, где все было пропитано политикой, где главной темой разговоров была независимость Индии. Как говорил Джавахарлал Неру, ее идеалом была Жанна д'Арк. А ее тетя Кришна писала, как однажды она застала Индиру, когда ей было восемь-девять лет, в такой позе: Индира стояла на перилах, обхватив столб одной рукой и подняв другую кверху, что-то шептала. Кришна спросила ее, что она делает. Индира посмотрела на нее и торжественно сказала: «Я тренируюсь, чтобы стать Жанной д'Арк. Я только что прочитала про нее, и однажды я поведу мой народ к свободе, как это сделала Жанна д'Арк»¹⁵. В 1929 г., когда вся атмосфера в стране была наэлектризована и все в доме Мотилала Неру говорили о гражданском неповиновении, 12-летняя Индира захотела стать членом Конгресса. Ей посоветовали подождать до 18 лет. Тогда она по своей инициативе создала в Аллахабаде Vanar Sena (Армию обезьян) – детскую армию помощников Конгресса, которая позже насчитывала шесть тысяч ребят. У них была своя униформа – брюки, куртка и шапочка из *кхади*. Задача этой организации была проста – помогать членам Конгресса: расклеивать плакаты, делать флаги, быть посыльными, готовить еду и т. п.¹⁶. Ребята делали свое посильное дело, но

¹⁴ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 236.* «Диктаторами» называли членов Конгресса, имена которых были занесены в список, составленный Комитетом Конгресса. Поскольку после ареста очередного лидера нельзя было проводить выборы нового, на его место заступал следующий конгрессист из списка. «Диктатор» имел все полномочия отдавать приказы в отношении продолжения кампании несотрудничества, и все члены Конгресса подчинялись ему (*Pandit, Vijaya Lakshmi. Op. cit. – P. 102.*).

¹⁵ *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch... Op. cit. – P. 55.*

¹⁶ *Vasudev, Uma. Indira Gandhi. Revolution in Restraint. – New Delhi: Vikas Publishing House, 1974. – P. 60.*

главное – вовлекались в общественную и политическую жизнь. Хотя некоторые взрослые посмеивались над ними. Так, Мотилал Неру писал своей внучке Индире из тюрьмы 16 июля 1930 г. «Какая у тебя должность в Армии обезьян?» И шутливо предлагал, чтобы каждый член армии носил хвост. Его длина должна соответствовать занимаемой должности.

Находясь в заключении, Мотилал и Джавахарлал, тем не менее, принимали участие в политической жизни. Во время подготовки к встрече Ганди с вице-королем Ирвином для подписания пакта о сотрудничестве колониальных властей с Конгрессом правительство разрешило Мотилалу и Джавахарлалу Неру выехать в августе 1930 г. из тюрьмы для консультаций по этому вопросу с Ганди, который находился в тюрьме Йеравада в Пуне. С учетом значимости этих консультаций обоим Неру был предоставлен специальный поезд. После трех дней бесед с Ганди они были возвращены в тюрьму Наини.

В тюрьме здоровье Мотилала Неру резко ухудшилось, он кашлял кровью. Тюремный доктор рекомендовал властям освободить его из заключения. Но Мотилал Неру телеграфировал вице-королю Ирвину, что он не хочет, чтобы ему были оказаны какие-либо предпочтения. Тем не менее, вице-король приказал освободить его, полагая, что смерть одного из лидеров Конгресса в тюрьме навредит правительству. 8 сентября Мотилал был освобожден по состоянию здоровья. Дочери Виджая Лакшми и Кришна забрали отца из тюрьмы и вывезли его на лечение в предгорье Гималаев – в прохладный курортный город Миссури, подальше от изнурительной жары в Аллахабаде.

Джавахарлал вышел на свободу 14 октября 1930 г. после истечения срока тюремного заключения. Однако уже через несколько дней он был снова арестован как президент Конгресса «за подстрекательство к восстанию» и агитацию в соляной кампании, а также за бойкот британских товаров. На этот раз Джавахарлал был приговорен к двум годам заключения и снова оказался в тюрьме Наини.

14 ноября 1930 г., в день рождения Джавахарлала Неру, в Индии прошли митинги с требованием освободить его, Ганди

и других лидеров Конгресса, томящихся в тюрьмах. 12 января 1931 г. большой Мотилал с женой и дочерью посетил сына в тюрьме. Джавахарлал записал в дневнике, что отец выглядел большим и ослабленным. «Я был потрясен видеть его таким»¹⁷.

К этому времени истек срок тюремного заключения Джавахарлала. Он также выехал на несколько дней в Миссури, чтобы повидаться с отцом. После этого он стал активно вести работу среди крестьян против уплаты земельных налогов. Через восемь дней пребывания на свободе Джавахарлала снова арестовали и посадили в тюрьму. Вместе с ним арестовали и Ранджита Пандита – мужа его старшей сестры Виджайи Лакшми. Еще раньше была арестована за антиправительственную деятельность и жена Джавахарлала Камала Неру. Власти объявили, что деятельность Рабочего комитета Конгресса находится вне закона, и все его члены могут быть арестованы. Однако 26 января 1931 г. правительство отозвало решение о незаконности деятельности Рабочего комитета Конгресса и освободило многих конгрессистских лидеров, включая Джавахарлала, Ранджита Пандита и Камалу. Очевидно, что власти хотели этим продемонстрировать свое желание добиться компромисса на готовившейся Второй конференции круглого стола в Лондоне, после того, как Первая конференция закончилась провалом, поскольку на ней не было ни одного официального представителя Конгресса.

Смерть Мотилала Неру

Когда Джавахарлал вернулся из тюрьмы домой, он застал отца в крайне тяжелом состоянии. Вслед за ним многие лидеры Конгресса стали прибывать в Аллахабад, чтобы поддержать Мотилала Неру. Он до конца оставался верным своим убеждениям и предложил, чтобы в его старом доме – Сварадж Бхаване, который он раньше передал Конгрессу, было проведено заседание Рабочего комитета партии. Он сказал: «Решите судьбу Индии в Сварадж Бхаване и позвольте мне быть участником достойного решения судьбы моей родины. Позвольте мне умереть, если я

¹⁷ *Wolpert, Stanley. Nehru. A Tryst with Destiny... – P. 119.*

должен умереть, на груди свободной Индии». Заседание Рабочего комитета Конгресса состоялось, как хотел Мотилал Неру, но сам он не смог принять в нем участия по состоянию здоровья.

После того, как большинство лидеров Конгресса покинули Аллахабад и Махатма Ганди остался с Мотилалом, они оба продолжили вести серьезные политические беседы. «Я скоро уйду, Махатма-джи, – сказал ему Мотилал, – и не увижу независимость. Но я знаю, что Вы ее завоевали...»¹⁸.

В свои последние дни, несмотря на критическое состояние, Мотилал, как и раньше, старался шутить. В один из таких моментов он вдруг сказал Махатме: «Бапу (отец), если нам случится умереть в одно и то же время, то Вы, как святой человек, направитесь прямо в рай. Но я думаю, что дело будет выглядеть иначе. Вы подойдете к Реке смерти, постоите на ее берегу, а затем, возможно, перейдете через нее, может быть, в одиночку, а, может быть, держась за хвост священной коровы. Я же прибуду туда значительно позже, сяду в быструю моторную лодку, промчусь мимо Вас и окажусь впереди. Но поскольку я очень земной человек, то вряд ли меня пустят на небеса, если они вообще существуют»¹⁹. Кришна, которая вместе с матерью присутствовала при этом разговоре, пишет, что Махатма Ганди рассмеялся, услышав такое из уст Мотилала. А его жена была страшно шокирована, хотя ей не раз приходилось и раньше слышать нечто подобное от мужа.

6 февраля 1931 г. Мотилал Неру скончался в Лакхнау, куда его привезли из Аллахабада на консультацию и лечение. Вся семья Неру собралась у его смертного одра. Вместе с ними был Махатма Ганди. Он прикоснулся к ногам Мотилала. Затем подошел к его вдове и сказал: «Мотилал не умер. Такие, как он, не умирают. Он будет жить долго»²⁰.

Тело Мотилала Неру обернули в национальный флаг и перевезли в Аллахабад для кремации на берегу Ганга. Ганди глу-

¹⁸ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 268.*

¹⁹ *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch... – Op. cit. – P. 92–93.*

²⁰ *Ibid. – P. 94, 95.*

боко переживал смерть Мотилала. «Мое положение, – сказал он, – сейчас хуже, чем у вдовы. Она своей верностью может заслужить достоинства своего покойного мужа... Смерть Мотилала-джи – это потеря навеки»²¹.

При огромном стечении народа Джавахарлал Неру поднес факел к погребальному костру отца. Ганди сказал несколько прочувственных слов.

* * *

Мотилал Неру был одним из тех выдающихся политических деятелей первой трети XX в., которые представляли собой традицию либерального секуляризма. В то время было немного политиков, свободных от оков ортодоксии и сектантства. Он с одинаковой энергией боролся против индусского шовинизма и мусульманского коммунизма. Его секуляризм был производным от сплава той культуры, которая черпала свои силы из разных источников – кашмирского брахманизма, ислама и европейской традиции. Мотилал Неру был наделен качествами талантливого парламентария, свободного от доктринерства, и врожденной способностью устанавливать дружественные связи с политическими оппонентами. Он был открытым к компромиссам, но решительным в отстаивании своих принципов. Мотилал Неру не был неким идеальным лидером. Его гордость, чувство собственного достоинства, горячий темперамент, решительность далеко не всегда нравились его друзьям или противникам.

Многие из этих качеств передались Джавахарлалу Неру. Когда спросили Ганди, как бы он охарактеризовал самое главное достоинство Мотилала Неру, он ответил: «Любовь к сыну». Последовал другой вопрос: «А разве не любовь к Индии?» Ганди сказал: «Нет. Любовь Мотилала к Индии родилась из любви к Джавахарлалу»²².

Джавахарлал Неру писал в «Автобиографии», что он безмерно восхищался отцом. В его глазах отец был воплощением силы,

²¹ *Tendulkar D.G. The Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi. Delhi: The Publication Division, GOI. Vol. 3, 1969. – P. 53.*

²² *Nanda B.R. Motilal Nehru... – P. 226.*

мужества и ума и стоял гораздо выше всех других мужчин, которых он знал. В детстве Джавахарлал лелеял надежду, что, когда вырастет, то будет походить на него. Но при всем его восхищении и любви к отцу, он его боялся. Ему случалось видеть его в гневе, который был поистине страшен. К счастью, отец обладал также развитым чувством юмора и железной волей и почти всегда мог вовремя себя сдержать. С годами эта способность владеть собой усилилась в нем и ему все реже случалось впадать в ярость, сколько-нибудь напоминавшую былые вспышки²³.

Арест Энни Безант в 1917 г., писал Джавахарлал, побудил отца и других лидеров умеренных вступить в Лигу борьбы за самоуправление. Постепенно он стал отходить от ортодоксальной умеренной позиции. Его возмущали чрезмерная покорность и попытки взывать к властям, которые игнорировали конгрессистов и относились к ним с презрением. Однако лидеры экстремистов не импонировали отцу. Его коробил их язык и их методы. Хотя последующие события оказали на него большое влияние, он все еще не решался занять более последовательную позицию. Он часто говорил в те дни, что тактика умеренных никуда не годится, но что ничего существенного сделать нельзя до тех пор, пока не будет найдено решение индусско-мусульманской проблемы. После ее решения он обещал идти дальше рука об руку с самыми молодыми членами партии. Принятие на сессии Конгресса в Лакхнау в 1916 г. плана соглашения между Конгрессом и Мусульманской лигой (он был разработан на заседании Исполнительного комитета Конгресса, состоявшегося в Ананд Бхаване), очень обрадовало отца, так как открывало возможности для объединения усилий. Он был готов идти вперед, даже если бы потребовалось порвать со старыми товарищами из группы умеренных.

В те годы в Ананд Бхаване нельзя было мирно беседовать на политические темы, вспоминает Джавахарлал Неру. «Каждый раз, когда заходила речь о политике — а это бывало очень часто, атмосфера мгновенно накалялась. Отец пристально следил за моей растущей склонностью к экстремизму и прислушивался к

²³ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 15.

моей постоянной критике «политики многословия» и к настойчивым призывам к действию. Отцу иногда казалось, что я почти готов принять ту тактику насилия, которой придерживались некоторые молодые люди в Бенгалии. Это сильно его тревожило. Отец сам был недоволен философией умеренных, и в душе у него происходила борьба. Он был слишком упрямым, чтобы изменить свою позицию, прежде чем окончательно убедиться, что иного выхода нет. Всякий шаг вперед означал для него упорную и тяжелую внутреннюю борьбу, но если он совершал этот шаг после борьбы с самим собой, он уже не отступал. Он действовал не в порыве чувств, а руководствуясь разумом, и если решался на тот или иной шаг, гордость не позволяла ему оглядываться назад. Так отец шаг за шагом двигался вперед, оставив далеко позади своих старых умеренных коллег, пока трагические события 1919 г. в Панджабе не побудили его окончательно порвать с прежней жизнью и профессией и связать свою судьбу с новым движением, начатым Махатмой Ганди»²⁴.

²⁴ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 15, 43, 45.*

Все неподвижное загнивает и
постепенно приводит к смерти.
Я целиком за открытое восприятие
любых знаний и сведений,
которые можно получить.
Я целиком за свободное
взаимодействие со всем миром;
я против всяческих барьеров.

Джавахарлал Неру

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Глава 7. Массовые движения 1930-х гг.

Движение гражданского неповиновения и Делийский пакт

Аресты руководителей Конгресса в 1930 г. не привели к свертыванию движения гражданского несотрудничества, а, наоборот, придали ему новое дыхание. Правительство ответило репрессиями. По данным Джавахарлала Неру, в 1930–1931 гг. было арестовано более 90 тыс. человек. Ситуация накалялась. Еще раньше во многих крупных городах прошли забастовки, за которыми последовали массовые движения гражданского неповиновения во многих провинциях. В некоторых районах они были далеки от гандистского ненасилия. Колониальные власти еще более ужесточили борьбу с этими протестами. В Англии поход против Индии возглавил Уинстон Черчилль (1874–1965). В 1930 г. он заявил: «Английский народ отнюдь не намерен отказываться от контроля над жизнью и прогрессом Индии... Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая больше, чем все прочие наши доминионы и владения, и составляет силу и славу Британской империи». Черчилль признавал, что «Англия, потеряв Индию в качестве части своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава»¹.

Неру, в свою очередь, писал, что Индия была основой империи, обладание ею, ее эксплуатация – вот что создавало силу и славу Англии, делало ее великой державой. Черчилль не мог мыслить себе Англию иначе как центром и владычицей обширной империи, а потому он не мог представить себе Индию свободной. Именно поэтому так ожесточенно Черчилль сражался за обладание Индией: «Мы должны сказать совершенно ясно, – говорил он, – что намереваемся оставаться правителями Индии очень долго на неопределенный срок»².

¹ Цит. по: Неру, Джавахарлал. Открытие Индии... – С. 477, 478.

² Nanda B.R. Mahatma Gandhi... – P. 170.

Чтобы снизить накал напряжения в индийском обществе, английские власти задумали проведение в Лондоне трех конференций круглого стола для обсуждения с индийцами законопроекта о предстоящем управлении Индией.

Первая конференция круглого стола открылась в Лондоне 12 ноября 1930 г. Кроме англичан, в ней участвовали представители Мусульманской лиги, «Хинду махасабхи», «угнетенных классов», Всеиндийской либеральной федерации и индийских князей. Руководство Конгресса негативно оценило сам факт проведения этой конференции и бойкотировало ее. Джавахарлал Неру считал, что конференция «была сборищем представителей... привилегированных групп. Многие из них выступали против нашей борьбы; некоторые молча стояли в стороне»³. На конференции лидер Мусульманской лиги Джинна предложил программу, главными пунктами которой были следующие. Введение федерального устройства Индии; защита прав меньшинств в законодательных органах; предоставление мусульманам одной трети мест в Центральном и провинциальных органах власти; сохранение мусульманского большинства в законодательных собраниях Пенджаба, Бенгалии и СЗПП и соответствующих изменений в административном устройстве Индии; образование самостоятельной провинции Синд; курительная система выборов⁴. Выступавший от имени «угнетенных классов» лидер неприкасаемых Б.Р. Амбедкар требовал гарантированного конституцией права для индусских низших каст участвовать в политической жизни, выбора своих представителей в законодательные органы страны, выделения для неприкасаемых специальной электоральной курии и увеличения их представительства в законодательных органах⁵.

³ *Неру, Джавахарлал.* Автобиография. – М.: ИЛ. 1955. – С. 263, 264.

⁴ *Гордон-Полонская Л.Р.* Подготовка английским правительством нового акта об управлении Индией и позиция индийских политических партий (1928–1933 гг.) // Ученые записки Института востоковедения. – М.: АН СССР, 1957. – Том XVIII. – С. 383, 384.

⁵ *Юрлова Е.С.* «Неприкасаемые» в Индии. – М.: Наука, 1989. – С. 76–80.

Начавшаяся Великая депрессия в мире понуждала британские власти к сохранению статус-кво в отношениях с Индией. Спад в движении гражданского неповиновения властям, наступивший в результате многочисленных арестов и репрессий, создал возможность для поисков компромисса между вице-королем Ирвином и Ганди. 25 января 1931 г. Ганди, Неру и другие члены Рабочего комитета Конгресса были освобождены из тюрьмы. 17 февраля начались переговоры между Ганди и Ирвином, которые 5 марта закончились подписанием Делийского пакта (пакта Ганди–Ирвина). Пакт предусматривал прекращение движения гражданского неповиновения, освобождение заключенных в тюрьмы его участников. Ганди не настаивал на проведении расследования в связи с полицейскими эксцессами во время движения. Была достигнута договоренность об участии Конгресса в очередной конференции круглого стола без предварительных условий с обеих сторон. Единственной уступкой правительства было разрешение жителям прибрежных районов производить соль для потребления и продажи в тех же местах⁶.

Многие представители индийской общественности, в том числе конгрессисты, выступили против пакта. Неру заявил, что он не обеспечивал Индии даже статуса доминиона: «Я считал, что при заключении соглашения, – писал он, – ни при каких условиях не должна пострадать наша цель – достижение независимости... Я теперь понял, что 2-я статья пакта, по всей видимости, ставит под угрозу даже это»⁷. В целом пакт сильно огорчил Неру. Но он отмечал: «...дело было сделано, наш лидер связал себя словом, и даже если мы не были согласны с ним, то что мы могли сделать?»⁸.

Как и некоторые другие члены Рабочего комитета Конгресса, Неру выступал за такое временное соглашение с англичанами, в котором была бы сохранена главная цель – независимость Индии. Пакт не дал ответа и на другие важные вопросы, такие как отмена налога на крестьян и снижение арендной платы на

⁶ The Gandhi–Irwin Pact, 5 March 1931. Home Political File 5/45/31 (NAI) // The Indian Nationalist Movement... – P. 65–67.

⁷ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 279.

⁸ Там же. – С. 194–195.

землю. Колониальные власти дали на это лишь некое туманное обещание. В раздумьях на эти темы Неру отмечал, что на душе у него было «пусто, словно нечто дорогое было утрачено почти безвозвратно». Эти чувства он выразил строками из поэмы Т.С. Эллиота «Пустые люди»: «*Так умирает мир / Не с грозным взрывом, а с неясным ропотом*».

Эмоциональная и политическая атмосфера еще более омрачилась тем, что 23 марта 1931 г. были казнены Бхагат Сингх, Раджгуру и Сукхдев. Через четыре дня после этого Неру выступил в Карачи, где заявил: «Казнь Бхагата Сингха и его товарищей является напоминанием нашей неспособности защитить своих смелых патриотов». По поводу пакта он добавил: «Я хочу, чтобы молодежь понимала, что нам нужна полная независимость... Борьба должна продолжаться... Время лозунгов прошло. Вы должны действовать. Только действие имеет значение»⁹. Бхагат Сингх, по словам Неру, стал символом борьбы за независимость Индии. За несколько месяцев его имя прогремело по всем городам и селениям Пенджаба и Северной Индии. О нем было сложено бесчисленное множество песен, и популярность его приобрела поистине невиданные масштабы¹⁰. Еще через несколько дней там же, в Карачи, на сессии Конгресса группа молодежи встретила Ганди черными флагами. Она протестовала против того, что он не использовал свое влияние, чтобы сохранить жизнь Бхагату Сингху и его друзьям¹¹.

Конгресс в Карачи осудил действия правительства, связанные с этой казнью и политическим насилием властей в стране. Однако он ратифицировал Пакт Ганди–Ирвина. (Неру после некоторых колебаний поддержал пакт по просьбе Ганди.) Сессия дала мандат на участие делегации Конгресса во второй конференции круглого стола. Была также принята декларация об основных правах всех граждан Индии на свободное выражение мнений, на создание свободных ассоциаций, проведение мирных митингов и демонстраций. Государство должно соблюдать

⁹ Nehru's Speech to the Student Convention. Karachi, March 27, 1931 // SWJN – Vol. 4. – P. 503.

¹⁰ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 194–195.

¹¹ Bose S.Ch. Op. cit. – P. 204, 205.

нейтралитет в отношении всех религий. Выборы следует проводить на основе всеобщего избирательного права. Государство должно обеспечивать бесплатное и обязательное начальное образование. И, наконец, в Индии должна быть отменена смертная казнь. Последнее имело особое значение, поскольку британские власти часто использовали казнь в своей политической практике.

Конгресс избрал Рабочий комитет из членов партии полностью лояльных Ганди. Как отмечал С.Ч. Бос, после смерти Мотилала Неру в Рабочем комитете не осталось никого, кто мог бы «положительно влиять» на Ганди. Рабочий комитет принял решение направить Ганди на вторую конференцию круглого стола в качестве единственного представителя партии.

По просьбе Ганди Рабочий комитет Конгресса разработал директивы для переговоров во время работы конференции. Суть директив состояла в следующем: партнерство Индии и Великобритании должно базироваться на независимости Индии, что «должно быть чем-то большим, чем статус доминиона». Индия должна осуществлять контроль над «вооруженными силами, внешними сношениями, финансами, налогами, экономической политикой». Отдельно был поставлен вопрос о судьбе индийских княжеств. В этой связи указывалось: «... нам трудно представить, как какое-то княжество может долго находиться вне будущей Индийской федерации. Мы не можем отказаться от идеала единой Индии»¹². В целом директивы характеризовались определенной расплывчатостью формулировок и оставляли для Ганди широкое поле маневра.

Вторая конференция круглого стола проходила по плану, разработанному в Лондоне. Конгресс был лишь одной из множества партий, приглашенных на нее. Дискуссия шла в основном по общинным проблемам, отношениям между разными конфессиями. Ганди пытался поставить главный вопрос – об управлении Индией. Но ему этого не удалось.

¹² Congress Directives to M.K. Gandhi at the Second Round Table Conference, September 1931. M.K. Gandhi Papers (GMM) // The Indian Nationalist Movement... – P. 68–70.

Сын Ганди Девадас, сопровождавший его на конференцию, писал Неру: «Отец был чрезвычайно огорчен. Он полагал, что общинный вопрос был преднамеренно выдвинут на передний план»¹³. Лидеры религиозных меньшинств – мусульман, сикхов, а также неприкасаемых подписали Пакт меньшинств. Суть их требований – предоставление Индии самоуправления должно сопровождаться гарантиями их представительства в органах власти с учетом их долей в населении. В свою очередь, премьер-министр Джеймс Рамсей Макдональд заявил, что Пакт меньшинств объединяет 115 млн человек, или около 46% населения Индии¹⁴. Таким образом, Конгресс не выражает интересы всей Индии. К тому же эта партия вообще не занимается решением проблем неприкасаемых. В ответ Ганди сказал, что его партия рассматривает отмену неприкасаемости необходимым условием полной независимости. Он выступил против отдельных избирательных округов для неприкасаемых¹⁵.

На заключительном заседании конференции 1 декабря 1932 г. Ганди заявил, что единственным решением индийских проблем является предоставление Индии полной независимости. Макдональд возразил на это, сказав, что главной проблемой была сначала выработка системы представительства, при которой будущая власть в Индии была бы справедливо распределена между различными классами, общинами и религиозными группами. И только после этого можно решать вопрос об управлении Индией.

Премьер-министр Великобритании заявил, что он учитывает несогласие между представителями меньшинств и Конгресса. Поэтому британское правительство берет на себя решение вопроса об общинном представительстве в будущем управлении Индией. Ганди выступил против такого подхода, который был продолжением традиционной политики по формуле «разделяй

¹³ Gandhi Devadas to Jawaharlal Nehru on the Round Table Conference, 2 October 1931. Nehru Papers (NMML) // The Indian Nationalist Movement... – P. 71–73.

¹⁴ Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj... – P. 254.

¹⁵ Tendulkar D.G. The Mahatma... – Vol. III. – P. 127–128.

и властью»¹⁶. Для него главным было не допустить дрейфа неприкасаемых в сторону Мусульманской лиги.

После подписания Пакта Ганди–Ирвин руководство Конгресса проводило политику сотрудничества с колониальным правительством. В это время тысячи участников движения гражданского неповиновения вышли на свободу. Вместе с тем, в стране нарастал аграрный кризис, падали цены на продовольственные товары, крестьяне испытывали трудности в выплате требуемой арендной платы. В Соединенных провинциях Конгресс заявил, что начатая ранее кампания неуплаты налогов прекращается. На это крестьянские комитеты потребовали снижения арендной платы. Но правительство не пошло на это и даже начало принудительное взимание налогов. В Бенгалии некоторые участники движения гражданского неповиновения были освобождены, но в тюрьмах и лагерях оставались тысячи политических заключенных. Более того, производились новые аресты за «мятежные» речи. Наступление правительства продолжалось с прежней силой. Для Конгресса большую проблему представляла деятельность террористов в Бенгалии, хотя по своему размаху она не была столь значительной, как ранее. Тем не менее, по мнению Неру, она производила много шума и привлекала внимание общественности. Конгресс не был в состоянии решить этот вопрос. Немало трудностей для Конгресса было и в Северо-Западной пограничной провинции. Она управлялась англичанами военными методами, с помощью указов и специальных законов. Массовая организация «краснорубашечников» (Худай Хидматгар), которая ничего общего не имела с коммунистами, во главе с популярным Абдул Гаффар Ханом (известным как «Пограничный Ганди») летом 1931 г. вошла в состав Конгресса. Абдул Гаффар Хан исповедовал принципы ненасилия. Но, несмотря на мирный характер деятельности «краснорубашечников», они вызывали опасения у правительства, поскольку представляли собой большую реальную силу. Столкновение между ними и властями казалось неизбежным.

Неру считал, что вторая конференция круглого стола привела к обострению отношений между правительством и Конгрес-

¹⁶ Юрлова Е. С. «Неприкасаемые» в Индии... – С. 29–31.

сом. Чтобы ослабить позиции партии, правительство «всемерно раздувало значение вопросов, связанных с религиозными общинами и сектами, и заостряло внимание на разногласиях между ними, а не на общих интересах». Эта конференция «со всеми ее интригами, оппортунизмом и бесплодными метаниями не была неудачей Индии, – продолжал Неру. – Но ей удалось отвлечь внимание мира от действительных проблем Индии. Она не могла оказать большого влияния на борьбу народа Индии, но создала неблагоприятную для нее атмосферу»¹⁷.

Арест Махатмы Ганди, Неру и других лидеров Конгресса

События конца 1931 г. в Соединенных провинциях, Бенгалии, СЗПП привели к тому, что колониальные власти решили изолировать руководство Конгресса. В конце декабря были арестованы Абдул Гаффар Хан, его брат Хан Сахиб, а вслед за ними Неру. Происходило это внезапно и быстро. Так, скорый поезд, которым Неру ехал в Бомбей для участия в заседании Рабочего комитета Конгресса, неожиданно притормозил на полустанке, где обычно никогда не останавливался. В вагон вошли полицейские. «Черная Мэри» ждала рядом. Неру и ехавший с ним председатель провинциального комитета Соединенных провинций Тасаддук Ахмад-хан Шервани были арестованы и отвезены в тюрьму.

Ганди прибыл в Бомбей из Лондона через два дня после ареста Неру. Узнав об этом, он попытался найти выход из создавшейся ситуации – предложил встретиться с новым вице-королем Уиллингдоном, который сменил Ирвина. В ответ на это 4 января 1932 г. правительство арестовало Ганди и президента Конгресса Валлабхаи Пателя. Тогда же вице-король ввел в действие четыре указа, направленных на пресечение и подавление выступлений против власти, против неуплаты налогов, пикетирования государственных учреждений. Все другие руководители Конгресса, включая С.Ч. Боса, Раджендра Прасада, Раджагопалачари, а также Сароджини Найдуду и Кастурбу Ган-

¹⁷ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 301, 316..*

ди, тоже были арестованы. В тот же день, 4 января, состоялся суд в тюрьме Наини над Неру и Шервани на основании указа о чрезвычайных полномочиях в Соединенных провинциях. Неру был приговорен к двум годам строгого заключения и штрафу в 500 рупий (в случае неуплаты штрафа еще к шести месяцам тюрьмы), Шервани – к шести месяцам строгого заключения и штрафу в 150 рупий. Конгресс был объявлен вне закона. Были запрещены все его комитеты – сверху донизу, и примыкающие к Конгрессу организации – крестьянские, молодежные, студенческие, университеты, а также закрыты школы, больницы, предприятия, созданные в связи с движением *свадешти*. В одной только Бенгалии под запретом оказались 272 организации. По свидетельству Неру, по всей Индии число запрещенных организаций достигло нескольких тысяч. За время кампании гражданского неповиновения было арестовано около 78 тыс. конгрессистов. Вице-король Уиллингдон писал 29 декабря 1931 г. министру по делам Индии С. Хору, что он чувствует себя кем-то вроде Муссолини¹⁸.

Находившаяся в Индии с 17 августа по 7 ноября 1932 г. делегация Лондонской Индийской лиги в своем докладе отмечала, что указы и действия колониального правительства нарушают основные права человека. По всей Индии было объявлено военное положение, против мирных людей использовалось оружие, были введены специальные трибуналы, применялись массовые наказания, конфисковались земли, скот, личное имущество, проводились обыски без решения судов. Было зафиксировано множество случаев избиения добровольцев Конгресса и пикетчиков, пресса подвергалась цензуре. Неру писал, что в начале 1932 г. «в Индии фактически было введено военное положение, и Конгрессу, в сущности, так и не удалось вновь захватить инициативу или обрести какую-либо свободу действий. Первые удары ошеломили его и большинство его последователей»¹⁹.

¹⁸ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 342, 343; *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj...* – P. 261.

¹⁹ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 348, 359, 360.

Голодовка Ганди и Пунский пакт

В отличие от Неру и других лидеров Конгресса Ганди много раньше понял опасность отхода неприкасаемых от индусской общины. Это могло иметь самые отрицательные последствия для Конгресса и для будущего Индии. Он твердо решил удерживать их в индусской общине и таким образом усилить позиции Конгресса на переговорах с колониальной администрацией. В марте 1932 г., находясь в тюрьме в Йераваде около Пуны, Ганди объявил о решении прибегнуть к голодовке до смерти, если в конституции Индии будет предусмотрено создание отдельных избирательных округов для неприкасаемых. Но это не произвело впечатления на английских властей.

В августе того же года английский премьер-министр представил парламенту Великобритании «Общинное решение», в соответствии с которым предоставление Индии самоуправления должно сопровождаться распределением власти между всеми индийскими общинами пропорционально их доли в населении. Неприкасаемые получали право так называемого двойного голоса, то есть они могли голосовать как в общих (индуских) избирательных округах наравне с «чистыми» индусами, так и в специально созданных для них округах.

После этого Ганди написал премьер-министру, что создание отдельной избирательной курии для неприкасаемых направлено на разрушение индуизма²⁰. Макдональд ответил ему, что «Общинное решение» может быть изменено только в случае достижения соответствующего соглашения между обеими частями индусской общины – «чистыми» индусами и неприкасаемыми²¹. Это означало необходимость компромисса между лидерами высококастовых индусов и неприкасаемыми. Иначе на выборах неприкасаемые смогли бы блокироваться в законодательных органах с оппонентами Конгресса. А в провинциях

²⁰ Separate Electorate for the untouchables. M.K. Gandhi to Ramsay MacDonald, 18 August 1932. Home Political File № 31/113/32, (NAI) // The Nationalist Movement... – P. 73, 74.

²¹ Ramsay MacDonald to M.K. Gandhi, 8 September 1932. Home Political File № 31/113/32, (NAI) // The Nationalist Movement... – P. 74.

с преобладающим мусульманским населением индусы вообще могли остаться в меньшинстве в местных законодательных органах. Объясняя цель своей предстоящей голодовки, Ганди говорил, что он выступает против любого отделения неприкасаемых от индусов, и подчеркивал религиозный характер своей акции.

Ганди начал голодовку 18 сентября. Через два дня власти приняли решение освободить его на определенных условиях. Но этого не произошло. Однако при содействии лидеров «чистых» каст и после встречи Ганди и лидера неприкасаемых Амбедкара было достигнуто согласие по принципиальным вопросам. 24 сентября 1932 г. в Пуне было подписано соглашение, вошедшее в историю как Пунский пакт²².

У находившегося в тюрьме Неру известие о голодовке Ганди вызвало смятение. Он опасался, что Ганди может умереть. Кроме того, ему «было досадно, что для своей последней жертвы он выбрал какую-то побочную проблему – всего лишь вопрос об избирательных куриях». Неру спрашивал себя, как это может отразиться на освободительном движении, совместимо ли это с несотрудничеством и гражданским неповиновением? В эти дни Неру получил от Ганди телеграмму, в которой тот писал: «В течение всех этих дней страданий Вы стоите перед моим мысленным взором. Очень хочу знать Ваше мнение». На это Неру ответил: «...известия о том, что достигнуто какое-то урегулирование, доставили мне облегчение и радость. Первые известия о принятом Вами решении объявить голодовку вызвали душевные страдания и смятение, но в конечном счете оптимизм восторжествовал, и я вновь обрел душевный мир. Никакая жертва не является слишком большой, если она принесена ради угнетенных, обездоленных каст. О свободе нужно судить по степени свободы самых низших, но я опасаюсь, как бы другие проблемы не отодвинули на задний план единственную цель»²³ (т. е. независимость. – Ф.Ю.).

26 сентября 1932 г., в тот день, когда английский парламент, в соответствии с Пунским пактом, внес изменения в «Общин-

²² *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj... – P. 262–266.*

²³ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 391–393.*

ное решение», Ганди прекратил голодовку. В последний день голодовки Ганди его навестила 15-летняя Индира. В письме отцу она подробно описала, как Ганди прекратил голодовку после того как было достигнуто соглашение по вопросу о неприкасаемых: «Я немедленно приготовила сок из двух апельсинов. Затем д-р Рабиндранат Тагор пропел бенгальский гимн, а люди из ашрама Бапу исполнили его любимый вайшнавский бхаджан (религиозный гимн). После этого он выпил сок, и все присутствующие угостили друг друга фруктами... Я думаю, как прекрасно, что один человек может сделать так много. До сегодняшнего дня я, конечно, считала Бапу великим человеком, но я никогда не думала, что он в состоянии сделать это. Эта голодовка произвела огромное впечатление и стала для меня уроком... Когда я увидела его еще до окончания голодовки, то думала, что он не выживет... Но теперь я совершенно уверена, что Бапу может делать самые необыкновенные вещи»²⁴.

На это Неру ответил, что был рад прочитать описание Индирой последнего дня голодовки Ганди: «Тебе очень повезло быть рядом с ним в эти дни, хотя это было большим испытанием для тебя и всех других вокруг него. Ты ведь также присутствовала при его 21-дневной голодовке в Дели. Ты помнишь об этом?.. Я не удивлен тем, что это произвело на тебя такое впечатление. Бапу исключительный человек и поэтому очень трудно понять его... Поразительно, как он завоевывает на свою сторону оппонентов любовью и жертвенностью. Своей последней голодовкой он изменил лицо Индии и убил неприкасаемость одним ударом»²⁵.

В Законе об управлении Индией 1935 г., в основу которого легло измененное «Общинное решение», неприкасаемые получили название «зарегистрированные касты» (scheduled castes). В апреле 1936 г. особым указом был утвержден список этих каст, предоставивший им право на резервирование определенного

²⁴ Indira to Nehru. Poona, 27th September, 1932 // Two alone, Two together. Letters between Indira Gandhi & Jawaharlal Nehru. 1922–1964 / Ed. by Sonia Gandhi. Penguin Books, 2005. – P. 28–29.

²⁵ Nehru to Indira. Dehra Dun Jail, 3rd October, 1932 // Two alone, Two together... – P. 29–31.

числа мест в законодательных органах. В политическом плане это означало, что борьба между Конгрессом и Мусульманской лигой за неприкасаемых была решена в пользу индусской общины и Конгресса. Мусульманская лига не могла более рассчитывать на увеличение своей общины за счет их перехода в ислам.

Вслед за подписанием Пунского пакта ближайшее окружение Ганди и его соратники начали активную работу по его реализации. Тогда была создана «Лига против неприкасаемости», которая за короткий период охватила всю страну. Ганди выступал за расширение контактов с неприкасаемыми как с равными и за признание их человеческого достоинства. Он смело подвергал переосмыслению многие догмы индуизма, в том числе и неприкасаемость. В феврале 1933 г. Ганди начал выпуск газеты «Хариджан» на английском языке, в котором пропагандировал идеи интеграции неприкасаемых в индусскую общину. С этого времени стал активно использоваться термин «хариджан». «Для меня, – писал Ганди, – в этом слове заключен... глубокий смысл. Неприкасаемый... – это настоящий хариджан, то есть божий человек... В то время как неприкасаемый тяжело трудится и выполняет грязную работу для того, чтобы мы могли жить в комфорте и ритуальной чистоте, мы наслаждаемся, угнетая его... У нас есть возможность стать хариджанами – детьми бога, но мы можем этого достичь только путем чистосердечного испупления нашего греха в отношении неприкасаемых»²⁶.

Начатая Ганди кампания против неприкасаемости встретила жесткую оппозицию со стороны ортодоксальных индусов. Отделения «Хинду махасабхи» в Бенгалии и Панджабе предприняли попытки организовать массовые движения за аннулирование Пунского пакта. В ответ на это Ганди провел 21-дневную голодовку и добился своей цели. Во время голодовки он был освобожден из тюрьмы.

Оставшийся в тюрьме Неру считал, что Хариджанская кампания Ганди вредила гражданскому непротивлению. Он полага́л, что кампания «была безнравственной и почти веролом-

²⁶ Gandhi's Campaign Against Untouchability, 1933–1934. An Account from the Raj's Secret Official Reports / Ed. by Baren Ray. – New Delhi, 1996. – P. 35.

ной по отношению к огромному числу людей, находившихся в тюрьмах или продолжавших борьбу» В начале мая 1933 г. кампания гражданского неповиновения была приостановлена на шесть недель. В июне этот срок был продлен еще на шесть недель. Но еще до его окончания по совету Ганди массовое гражданское неповиновение было отменено. Разрешалось лишь индивидуальное гражданское неповиновение²⁷.

После всех этих событий Ганди фактически отошел от активной политики. Но 1 августа 1933 г. Ганди был снова арестован, и 16 августа в тюрьме он начал голодовку в знак протеста против запрета на проведение кампании в пользу неприкасаемых. Однако состояние его здоровья быстро ухудшилось, и он был освобожден. После этого он решил полностью посвятить себя агитации за упразднение социальной дискриминации неприкасаемых. В октябре 1934 г. Ганди официально вышел из партии и в течение трех лет занимался проблемами индийской деревни. Отход Ганди от непосредственного участия в активной политической жизни вызвал критику в его адрес со стороны Неру и других руководителей партии, которые не понимали, каким образом его деятельность в деревне и среди хариджанов могла помочь в достижении политической независимости. На это Ганди отвечал: «Я не могу понять, почему раздумья над насущными проблемами подъема деревни и стремление найти их решение не являются политически значимыми»²⁸.

Критики Ганди указывали на то, что он отказывался от использования научных методов и машин в деревне, а проповедовал примитивную экономику, которая увековечивала бедность. Ганди отвечал, что его главное возражение против механизации состоит в том, что она способствует концентрации производства в руках немногих. «Я бы предпочел использовать самые современные машины, если при их помощи можно было бы избежать нищеты и безработицы»²⁹. Он говорил, что в условиях свобод-

²⁷ Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 402, 405–406.

²⁸ Harijan. January 11, 1936 // Цит. по: Nanda B.R. Mahatma Gandhi... – P. 188–193, 199.

²⁹ Ibid. – P. 200.

ного предпринимательства массовое производство часто делает богатых еще более богатыми, а бедных еще более бедными.

Неру признавал, что борьба Ганди с неприкасаемостью вызвала «горячий энтузиазм, охвативший всю страну», но, тем не менее, утверждал, что движение гражданского неповиновения пострадало, поскольку внимание общества было отвлечено другими проблемами³⁰. Однако позже он пришел к выводу, что Хариджанская кампания способствовала усилению влияния Конгресса в массах неприкасаемых. Изменили свою позицию по этому вопросу и другие лидеры Конгресса. «Неприкасаемость не исчезла, – писал соратник Ганди Раджагопалачари, – но революция фактически закончена и остается только убрать мусор»³¹. Субхас Чандра Бос отмечал, что в результате «эпохальной голодовки» Ганди движение за уничтожение неприкасаемости получило мощный импульс³².

Джавахарлал – глава семьи. Письма дочери.

Политическая обстановка в Индии в начале 1930-х годов настолько обострилась, что сразу же после смерти отца Джавахарлал Неру вновь оказался в гуще событий. Но он не мог отказаться от своей новой роли в семье как старшего мужчины. Среди всего прочего надо было позаботиться о том, как обустроить домашние дела. В письме сестре Кришне из Дели он писал, что его надежда получить хотя бы неделю на урегулирование семейных дел оказалась невыполнимой из-за занятости политикой. После смерти отца, который освобождал всех членов семьи от материальных забот, требовалось решать эти проблемы. Джавахарлал отмечал, что отец, по всей вероятности, не оставил завещания. Поэтому «технически, по закону, я полагаю, что являюсь наследником его собственности. Однако лично склоняюсь к тому, чтобы не наследовать собственность и не жить на не заработанные мною средства. Но поскольку я занят публич-

³⁰ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 360.*

³¹ *Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj... – P. 268.*

³² *Bose S.Ch. Op. cit. – P. 248.*

ной деятельностью, наш отец вряд ли бы захотел, чтобы я начал сейчас зарабатывать деньги». «В любом случае, – продолжал он, – я могу рассматривать себя только как совместного наследника собственности отца, вместе с матерью и тобой. Я не включаю в это число Нан (Виджаю Лакшми Пандит), поскольку она не нуждается в деньгах. Поэтому я хотел бы, чтобы ты считала себя равным дольщиком с матерью и мной в собственности отца. По существу, мать и ты являетесь настоящими наследниками. А я – лишь опекуном семейной собственности»³³.

В соответствии с традицией, Джавахарлалу как главе семьи приходилось участвовать в решении и других вопросов. Таких, как замужество Кришны. Узнав, что она намеревается выйти замуж, Джавахарлал подверг ее «допросу». «Моя маленькая Бетти, – сказал он – я слышал, что ты собираешься замуж. Что тебе известно о твоём молодом человеке? Чем он занимается? Что представляет собой его семья? Есть ли у него братья и сестры? Я знаю, что он обучался в Оксфорде, но в каком колледже? Мне известно, что ты называешь его «Раджа». А какое у него настоящее имя?» Кришна не смогла ясно ответить ни на один из этих вопросов. Джавахарлал возмущенно воскликнул: «Это какой-то абсурд!» И вышел из комнаты. Кришна направила этот вопросник своему жениху Гуноттаму Хутисингху, который принадлежал к семье джайнов. Он ответил на все эти вопросы. Но Джавахарлал не удовлетворился этим. Он поехал в Бомбей, где познакомился с возможным женихом, а затем переговорил о нем с Ганди. Махатма знал семью Хутисингх, но пожелал лично побеседовать с их сыном. И только после этого Джавахарлал пригласил «Раджу» в Лакхнау для встречи с матерью, которая находилась в больнице.

Мать надеялась, что Кришна выйдет замуж за кашмирского брахмана. Поэтому ее встреча с таким женихом не предвещала ничего хорошего. Но вопреки ожиданиям, «Раджа» понравился ей, и она дала свое согласие на его свадьбу с Кришной, которая состоялась 20 октября 1933 г. Это был гражданский брак,

³³ *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch. We Nehrus... –* p. 99.

оформленный в светском суде на основании Закона о гражданском браке 1872 г. В то время индуска и джайн не могли сочетаться сакральным браком.

Джавахарлал проследил, чтобы свадьба его сестры выглядела достойно. Маленькая деталь: перед тем, как вывести ее к жениху и его семье, он внимательно осмотрел Кришну, взял из вазы красную розу и закрепил ее на голове сестры. «Так ты выглядишь лучше», – сказал он. По-видимому, с тех пор красная роза стала неотъемлемой частью его одежды, пишет Кришна.

Характерным был и такой момент в свадебной церемонии. Когда Кришна приготовилась к отъезду в дом жениха, который был специально арендован для этой цели в Аллахабаде, Джавахарлал обнял ее, поцеловал и снова внимательно осмотрел ее. Богатые родители жениха одарили ее таким количеством драгоценностей, что она выглядела, как украшенная рождественская елка. Джавахарлал произнес: «Дорогая, ты выглядишь ужасно. Сними все эти безобразные бриллианты и все прочее!» На это Кришна грустно сказала: «Но у меня их никогда не было, и они мне нравятся». На что брат твердо заявил: «Не в этом дело. Они чересчур и нарочито богатые. Сними их. У нас так не принято!» (Наверное, Джавахарлал забыл свою собственную свадьбу, на которой Камала была украшена многочисленными драгоценностями, пишет Кришна). Она упростила брата показаться в таком виде больной матери: «Пусть она порадуется этому!». Джавахарлал согласился. Оба отправились к матери, которая тщательно осмотрела дочь и одобрительно сказала: «Дорогая, я так рада, что ты не вышла замуж за какого-нибудь ужасного бедняка!».

Одним из самых дорогих свадебных подарков было письмо Кришне от Махатмы Ганди и две гирлянды из пряжи, изготовленной им, которые должны были украсить невесту и жениха. В письме содержалось такое напутствие: «Моя дорогая Кришна, ты теперь собираешься вновь родиться, поскольку женитьба – это своеобразное рождение. Не так ли?.. Мое единственное пожелание состоит в том, чтобы ты была счастлива и добавила

блеска к и без того яркому имени твоих прославленных родителей. Шлю тебе свои благословения, твой Бапу»³⁴.

С начала 1930-х годов Неру, почти непрерывно находившийся в тюрьмах, вел переписку с дочерью, что сыграло немалую роль в их отношениях и в формировании мировоззрения Индиры. С 19 ноября 1930 г. по 9 августа 1933 г. он написал ей около 200 писем. Они впоследствии были объединены в одну книгу (в русском издании в трех томах) под названием «Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества» Таким образом, менее чем за два года и девять месяцев Неру писал Индире в среднем шесть писем в месяц только по вопросам мировой истории.

Первое письмо Неру было приурочено к 13-летию со дня рождения Индиры. Он писал ей: «В день рождения ты привыкла получать подарки и добрые пожелания. Пожеланий ты получишь и на этот раз полную меру, но какой же подарок я могу прислать тебе из тюрьмы Наини? Мои подарки не могут быть сделаны из прочной материи. Они могут быть лишь воздушными, сотканными из мыслей и духа, такими, какими могла бы одарить тебя добрая фея и какие не в силах сдержать даже высокие стены тюрьмы... Письмо вряд ли может заменить беседу, – продолжал Неру, – в лучшем случае в нем высказывается лишь один из собеседников. Если я выскажу что-нибудь похожее на добрый совет, не глотай его, как горькую пилюлю. Вообрази, что я просто высказал мысль, которую ты можешь обдумать, как если бы мы и в самом деле вели беседу... Будь смелой и все остальное приложится... Расти храбрым солдатом на службе Индии»³⁵.

Много позже в обращении к советским читателям в связи с опубликованием в СССР в 1981 г. перевода с английского языка трех томов книги «Взгляд на всемирную историю» премьер-министр Индии Индира Ганди отметила, что отец написал

³⁴ Ibid. – P. 113–121.

³⁵ *Неру, Джавахарлал.* Взгляд на всемирную историю... Т. 1. – С. 29–31.

эту книгу, чтобы дать ей более широкую перспективу истории и углубить ее интерес к ней. «Джавахарлал Неру гордился тем, что он индеец. Он хотел, чтобы Индия преодолела свою бедность и смогла вновь вносить достойный ее вклад в прогресс и свершения всего человечества. Эта книга показывает, как не может быть подлинной взаимной зависимости без независимости, подлинный интернационализм может быть основан только на национализме, свободном от шовинизма»³⁶.

Письма Неру Индире о всемирной истории не были единственными, которые были написаны им дочери. Не случайно, что в самом названии на английском языке писем, вошедших позже в книгу *Glimpses of World History*, Неру написал, что они являются продолжением других его писем к ней. Когда Индире было 10 лет, Неру послал ей ряд писем, в которых рассказал о начальном периоде истории мира. Эти письма были впервые опубликованы в виде книги в 1930 г.³⁷. Всего сохранилось 535 писем из обширной переписки Неру и И. Ганди в период с 1922 по 1962 гг. Они были подготовлены к печати и изданы Сонеи Ганди в 2005 г.³⁸.

³⁶ Там же. – С. 23.

³⁷ *Nehru, Jawaharlal*. Letters from a father to his daughter being a brief account of the early days of the world written for children. 1930.

³⁸ *Two alone, Two together*. – New Delhi: Penguin Books, 2005.

Глава 8. Неру и социализм

По мере нарастания национально-освободительного движения и вовлечения в него широких народных масс Конгресс стал испытывать сильное давление со стороны левого молодежного крыла партии, наиболее яркими представителями которого были Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос. Они выступали сторонниками развития Индии по социалистическому пути. Левые идеи и левое движение в Индии имели глубокие корни. В первые годы после создания Конгресса некоторые из его лидеров поддерживали связи с руководителями рабочих движений в Европе. Более того, даже умеренные конгрессисты, такие как Дадабай Наороджи, обращались за поддержкой к английским социалистам в борьбе за освобождение Индии от британского господства. Тогда же другой видный общественный деятель М.Г. Ранаде подчеркивал, что теория *laissez-faire* не является универсальной и не может без ограничений применяться ко всем странам. В такой бедной стране, как Индия, государство должно играть активную роль в экономическом развитии, особенно там, где индивидуальные и кооперативные усилия менее эффективны, чем действия государства¹.

Идея британских социалистов о том, что колониальное господство является главной сутью британского империализма, привлекла внимание индийских общественных деятелей. Ссылки на социализм стали появляться в речах и статьях индийцев уже в начале XX в. Так, Лала Ладжпат Рай заявлял, что Индия должна придерживаться целей, выдвигаемых Лейбористской партией Великобритании. Хотя он не был марксистом и не разделял доктрину коммунизма, он утверждал, что анализ К. Маркса пороков капиталистического общества оказался правильным². На Л.П. Рая, как позже и на лидера бенгальской организации Конгресса Бепин Чандра Пала, большое влияние оказала Октябрьская революция 1917 г. в России. В этой связи

¹ *Ranade M.G. Essays on Indian Economics. – Bombay, 1899. – P. 19–20, 31–34.*

² *Ray, Lala Lajpat. India's Will to Freedom. – Madras: Ganesh & Co., 1921. – P. 23–24, 29, 30, 33, 36.*

они не раз предупреждали, что если в Индии не будут предприняты адекватные меры по исправлению сложившегося положения, то это может привести к такому же взрыву, как в России. Вместе с тем представления Л.Л. Рая и Б.Ч. Пала о социализме не были четкими и последовательными. Так, Б.Ч. Пал говорил об «индусском социализме» и даже о «языческом социализме». А Л.Л. Рай писал: «Мы знаем, что не можем идти под флагом социализма. Мы никогда не изучали его»³. По сути, до революции 1917 г. в России лишь немногие индийцы были знакомы с социалистическими идеями.

В 1930-х гг. в Конгрессе обозначились три главных направления деятельности: осуществление гандистской конструктивной программы, работа в законодательных органах и пропаганда социалистической идеологии.

Первое направление пользовалось поддержкой консервативных лидеров Конгресса, известных деятелей культуры и промышленников. Программа участия Конгресса в законодательных органах предусматривала использование имеющихся конституционных возможностей в рамках колониальной власти. В манифесте Конгресса на выборах в Центральное законодательное собрание 1934 г. выдвигалось требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщих выборов. В это же время в Конгрессе стала набирать силу социалистическая идея, поддержанная молодежью и студенчеством. Лидером этого направления общественной мысли стал Неру. На него сильное впечатление произвело посещение Советского Союза в 1927 г. и прогресс СССР в ликвидации неграмотности, а также в образовании и эмансипации женщин. Неру писал, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал он, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни. В 1929 г. на сессии Конгресса и впоследствии он неоднократно заявлял о том, что борьба

³ *Pal B.C. The World Situation and Ourselves. – Calcutta, 1919. – P. 40–43, 61–64; Ray, Lala Lajpat. Op. cit. – P. 36, 37.*

Индии за освобождение связана с борьбой против капитализма и империализма. По его мнению, индийский национализм должен дополняться идеологией социальной революции. Позже, в 1933 г., Неру писал дочери: «Существует, как я говорил тебе, много разновидностей социализма. Однако все согласны в том, что целью социализма является установление контроля государства над средствами производства – то есть над землей, рудниками, заводами и тому подобное – и средствами распределения, такими как железные дороги и т. д., а также над банками и другими подобными учреждениями. Идея состоит в том, чтобы не допускать эксплуатации частными лицами этих средств, или учреждений, или труда других людей в интересах личной выгоды. Сегодня большинство этих средств находится во владении частных собственников и эксплуатируется ими, в результате чего некоторые люди преуспевают и богатеют, а обществу в целом наносится большой ущерб, и народные массы остаются в бедности»⁴.

Неру считал, что теория К. Маркса «приводит в движение огромные массы мужчин и женщин и может оказаться полезной для нас в нашей собственной стране... Я думаю, что по темпераменту и по образованию я – индивидуалист, а интеллектуально – социалист... Я надеюсь, что социализм не убивает и не подавляет индивидуальность. По существу, социализм привлекает меня потому, что он освобождает бесчисленное число людей от экономической и культурной зависимости»⁵.

В свою очередь, Бос занимал более радикальную позицию. Он считал, что главным содержанием социализма является борьба за улучшение положения бедноты. Он говорил, что социализм не был новым учением, импортированным из Европы, а представлял собой реализацию на практике идей Вивекананды о служении обществу и уходил корнями в индийскую культурную традицию. «Этот социализм, – писал Бос, – не рождается из книг Карла Маркса. Он берет свое начало в общественной

⁴ *Nehru, Jawaharlal. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. – С. 371.*

⁵ *Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters. – Bombay: Asia Publishing House, 1958. – P. 353.*

мысли и культуре Индии. Евангелие демократии, которое проповедовал Свами Вивекананда, нашло свое полное воплощение в работах Дешбандху Даса, который говорил, что Бог живет с теми, кто пашет землю, зарабатывает свой хлеб в поте лица... Идея социализма не является новой в этой стране»⁶.

В целом левые в Конгрессе настаивали на расширении деятельности государства. Они полагали, что оно «должно владеть ключевыми отраслями промышленности, минеральными ресурсами, железными дорогами, водными путями, морскими и другими средствами общественного транспорта или контролировать их»⁷. Неру и другие левые стали вести дело к созданию своей организации внутри Конгресса. Толчок в этом направлении был связан с тем, что в 1933 г. Ганди приостановил движение гражданского неповиновения. Они считали это признанием провала гандистских методов Конгресса, говорили, что Ганди «потерпел неудачу». Отсюда необходимость радикальной перестройки Конгресса или создание новой партии внутри Конгресса⁸.

В 1935 г. Неру заявлял: «Мы неизбежно приходим к единственно возможному решению – установлению социалистического строя сначала в национальных границах, а в конечном счете во всем мире, с контролируемым производством и распределением богатств в интересах общества». Он отмечал, что руководимое Ганди движение за внедрение ручного прядения и ручного ткачества ведет к «возврату в доиндустриальную эпоху. Оно не может считаться серьезным решением какой-либо жизненно важной современной проблемы». Неру подвергал критике ключевую гандистскую теорию опеки. Он говорил: «Разумно ли верить в теорию опеки – предоставлять неограниченную власть и богатство отдельному лицу и ожидать, что оно целиком употребит их на благо общества?.. Настолько ли совершенны лучшие из нас, чтобы им можно было так доверять?.. А хорошо ли для

⁶ *Bose S.Ch.* Selected Speeches. – Calcutta: Asia Publishing House, 1962. – P. 50.

⁷ *Sitaramayya, Bhogaraju Pattabhi.* The History of the Indian National Congress. 1885–1935. – Bombay: The Working Committee of the Indian National Congress. 1935. – Vol. I. – P. 782.

⁸ *Bose S.Ch.* The Indian Struggle. 1920–1942. – P. 357.

других иметь над собой даже этих добродетельных сверхчеловеков?» Неру признавался, что его социалистическая пропаганда «обескуражила» даже некоторых его коллег по Рабочему комитету. «Мои действия в известной степени начали пугать привилегированные классы в стране, и моя деятельность уже не могла больше считаться безобидной»⁹.

О жизненной философии Неру по этим фундаментальным вопросам можно судить и по частной переписке, в том числе с дочерью. Так, в письме к ней 15 июня 1934 г. из тюрьмы Неру высказал свои соображения по поводу равноправия в образовании, с учетом того, что 16-летней Индире предстояло выбрать где, как и чему учиться дальше. Неру пишет, что он абсолютно не приемлет идею о том, что его дочь может учиться обособленно от других, чтобы ей оказывалось какое-то особое внимание, по образцу принца Уэльского. Это означало бы подчеркивание превосходства одних и неполноценность других. К тому же это выглядит как проявление снобизма и вульгарности. В любой ситуации нужно быть на уровне всего общества, а не воображать, что ты лучше или выше кого-то. Неру задавал риторический вопрос: «Если ты хочешь работать среди деревенских жителей или бедных фабричных рабочих, то как ты должна обращаться с ними? Как светская дама с надушенным платком, чтобы отгонять дурные запахи и изредка выступать в роли патрона или благотворителя? Это не может отвечать задаче служения людям. Благотворительность и все, что с этим связано, вызывает у меня глубокое раздражение... Задача обучения состоит в том, чтобы узнать о страданиях, бедности, трудностях, которые являются уделом огромного большинства людей, увидеть драму реальной жизни, стать хотя бы в малой степени в их положение, понять их отношение к жизни. И с учетом этого, научиться работать среди этого большинства, чтобы поднять его из нищеты и обездоленности. Это может быть сделано не теми, кто живет в своем изолированном коконе, а теми людьми, которые не страдают тяжелого труда»¹⁰.

⁹ *Неру, Джавахарлал. Автобиография...* – С. 499–500, 545, 551.

¹⁰ *Two alone, Two together...* – P. 60–61.

Идеи социализма стали распространяться в разных районах Индии. В 1931 г. в Бихаре Джаяпракаш Нараян, Пхулан Прасад Варма и Рахул Санкритьян создали социалистическую партию. Такие же партии или группы были сформированы в Соединенных провинциях, в Бомбее и Панджабе. В 1933 г. группа молодых социалистов, в которую входили Джаяпракаш Нараян, Ачют Патвардхан, Ашок Мехта и другие, выступила с идеей образования всеиндийской социалистической организации в составе Конгресса. В апреле 1934 г. член ВИКК Сампурнананда опубликовал брошюру под названием «Примерная социалистическая программа» для Индии, в которой обосновывал необходимость создания всеиндийской социалистической партии как крыла Конгресса. Цель этой партии – противостоять «капиталистам и крупной буржуазии», которые пытаются «активно внедриться в различные псевдонациональные организации». Программой предусматривалось в случае получения власти отменить систему *заминдари*¹¹, ввести государственную собственность на землю, национализировать промышленность и банки, установить минимальные и максимальные размеры заработной платы¹².

На первой Всеиндийской конференции социалистов под председательством Ачарья Нарендра Дева 17 мая 1934 г. в Патне было заявлено, что социалисты будут вести пропаганду с целью расширения массовой базы национально-освободительной борьбы. Конференция обратилась к Конгрессу с призывом принять «социалистическую по своим целям» программу, чтобы обеспечить экономическую свободу голодающим миллионам. Конгресс-социалисты придерживались теории классовой борьбы. Они выступали за обобществление средств производства и ставили своей задачей добиться цели законными и мирными средствами, но не придерживались гандистской доктрины нена-

¹¹ *Заминдари* – введенная англичанами в 1793 г. система землеустройства, при которой сборщик земельного налога – заминдар становился владельцем земли и регулярно выплачивал британской администрации постоянный налог. Со временем заминдари превратились в крупных землевладельцев.

¹² Pradhan, Atul Chandra. Socialist Stirrings within the Congress (1934–40) // A Centenary History... – Vol. III. – P. 223.

силлия. В качестве ближайшей задачи они рассматривали достижение независимости в борьбе против как британской власти, так и индийских капиталистов, помещиков и князей. Рабочий комитет Конгресса, в котором преобладали консерваторы, в июне 1934 г. осудил конгресс-социалистов за пропаганду классовой войны и «пустые разговоры» о конфискации собственности¹³. Это произошло не без влияния Ганди. Он выступал против самой идеи социализма, считая, что она основана на концепциях, фундаментально отличных от индийских. Они исходят из того, что человек в своей сути эгоистичен, и главное – переход к социализму невозможен без насилия. В то время как в индуизме определяющим началом является духовность. В силу этого человек может подняться над корыстью. Поэтому классовые войны «чужды духу индийского гения, способного выработать такую форму коммунизма, которая основана на фундаментальных правах всех и равной справедливости для каждого». Ганди говорил: «*Рамараджья* моей мечты обеспечивает права как принца, так и нищего». Индийский социализм должен «базируется на ненасилии и на гармоничном сотрудничестве труда и капитала, помещика и арендатора». Ганди считал социалистов далекими от реальной жизни. Осознавая растущее влияние социалистов в Конгрессе, Ганди заявил 17 сентября 1934 г.: «Если они (социалисты) возьмут верх в Конгрессе (что они могут сделать), я не смогу оставаться в этой партии»¹⁴.

Конгресс-социалисты

В том же году в рамках Конгресса была создана Конгресс-социалистическая партия, в которую вошли как социалисты, так и коммунисты. Наряду с Неру и Босом одним из лидеров этой партии стал Джаяпракаш Нараян (1902–1979), жизненный путь которого совпал с процессом зарождения и развития социалистических идей в Индии. Выходец из небогатой крестьянской

¹³ Chowdhury, Satyabrata Rai. *Leftist Movements in India: 1917–1947*. – Calcutta, 1977. – P. 167, 170, 171.

¹⁴ Цит. по: *A Centenary History...* – Vol. III. – P. 225, 226.

семьи в бихарской деревне, Нараян рано вовлекся в национально-революционное движение. В 1921 г. он по призыву Ганди участвовал в первой кампании гражданского несотрудничества, но уже через год уехал на учебу в Америку. «Выглядит довольно странным, – писал он, – что именно в стране процветающего и успешного капитализма – в Соединенных Штатах Америки, которые стали моим домом с 1922 г. по 1929 г., я стал последователем марксизма, или точнее – советского коммунизма, каким он тогда был»¹⁵. По мысли Нараяна, «марксова наука революции» тогда предлагала более верный и быстрый путь к свободе Индии, чем гражданское неповиновение и несотрудничество, которые практиковал Ганди. Марксизм был также привлекателен своими идеями равенства и братства.

Вернувшись в Индию в конце 1929 г., Нараян держался в стороне от индийских коммунистов, разногласия с которыми стали началом его идеологического отхода от Советской России. Позже Нараян писал, что советский опыт позволил ему понять, что социализм не является простым отрицанием капитализма, что можно разрушить капитализм, но продолжать оставаться далеким от целей социализма. Он объяснял это сверхцентрализацией политической и экономической власти и тотальным огосударствлением. Отсюда его вывод о том, что Азия должна найти собственный путь к социализму, чтобы исключить возможность диктатуры¹⁶.

На первой сессии Конгресс-социалистической партии (октября 1934 г.) в Бомбее под председательством Сампурнананда конгресс-социалисты выступили против применения насилия при проведении социально-экономических преобразований. Они требовали активизации национально-освободительной борьбы, а также скорейшего удовлетворения экономических требований. Они подчеркивали, что действуют в рамках Конгресса, но отказывались занимать какие-либо посты в нем, заявляя: «Создание независимого государства означает, что

¹⁵ *Narayan, Jayaprakash. Socialism, Sarvodaya and Democracy. – Bombay: Asia Publishing House, 1964. – P. 141.*

¹⁶ *Ibid. – P. 142–154.*

власть в нем должна принадлежать трудящимся»¹⁷. Отсюда их отказ идти на компромисс с британским империализмом. Конгресс-социалисты также выступили против выборов в законодательные органы.

Уход Ганди из Конгресса на его сессии в октябре 1934 г. привел к тому, что в партии наметилось разделение на левых и правых. Руководителем левых стал Неру. Правые состояли из последователей Ганди, который оставался их лидером. Они располагали большинством в Рабочем комитете и в партии. Конгресс-социалистическая партия выступила со своей программой. В ней поднимался ряд принципиальных вопросов. Основной из них – неравенство в индийском обществе. С одной стороны, бедность, голод, болезни, неграмотность подавляющего большинства населения, с другой – комфорт, роскошь, высокий статус, достояния культуры и власть в руках немногих. Решение вопроса неравенства является центральной проблемой общества. Филантропия, благотворительность абсолютно неадекватны, чтобы добиться этого. Конгресс-социалисты отвергли гандистскую теорию опеки, заявив, что было бы совершенно бесплодным ожидать, что богатые будут выступать в качестве опекунов бедных. Эти и другие идеи программы ранее высказывались Неру.

Программа утверждала, что главным принципом социализма является обобществление средств производства, упразднение частной собственности на эти средства, а также на банки, транспорт и т. д. Программа включала: передачу всей власти трудящимся массам; планирование и контроль государства над экономической жизнью в стране; обобществление основных отраслей промышленности и сферы обслуживания (металлургии, шахт, текстильных фабрик, плантаций, транспорта, банков, страховых компаний и т. д.); государственную монополию на внешнюю торговлю; устранение князей и помещиков без компенсации; перераспределение земли в пользу крестьян; ликвидацию долгов крестьян и рабочих; осуществление принципа

¹⁷ Pradhan, Atul Chandra. *Socialist Stirrings within the Congress...* – P. 227, 228.

«каждому по потребностям, от каждого по способностям»; всеобщее избирательное право; упразднение дискриминации по признаку пола и т. д. При этом конгресс-социалисты предупреджали, что построение социализма – это длительный процесс¹⁸.

Неру и Бос – друзья-соперники

В 1936 г. при поддержке Ганди Неру был вновь избран президентом Конгресса на сессии в Лакхнау. Предполагалось, что он должен был служить своеобразным «мостом» между левыми и правыми. В эти годы Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос были близки по своим идеологическим и политическим позициям. По сути, Бос был единственным молодым лидером в Конгрессе, который мог быть потенциальным соперником Неру на пост президента Конгресса. Однако он выступил в поддержку Неру. 4 марта 1936 г. Бос писал из Австрии, где он находился на лечении: «Мой дорогой Джавахар, я определенно решил оказать Вам мою полную поддержку. Сегодня среди ведущих лидеров Вы единственный, кто может повести Конгресс по прогрессивному пути. Ваше положение (в партии) уникально, и я думаю, что даже Махатма Ганди будет больше склоняться к Вашей кандидатуре, чем к кому-либо еще. Я искренне надеюсь, что Вы полностью используете Ваше положение при принятии решений. Ганди-джи никогда не займет позицию, которая настроила бы Вас против него. Если мне разрешат приехать в Лакхнау¹⁹ (на сессию Конгресса. – *Ф.Ю.*), я готов предложить Вам мои услуги»²⁰.

13 марта Бос направил Неру второе письмо, в котором он просил его совета о том, возвращаться ли ему в Индию, подвергая себя аресту властей, или задержаться в Австрии и продолжить лечение. Бос сообщал, что он получил письмо от британского

¹⁸ См. подр.: *Narayan, Jayaaprakash*. Op. cit. – P. 3–36.

¹⁹ Бос полагал, что его могут арестовать по возвращении в Индию.

²⁰ From Subhas Chandra Bose to Jawaharlal Nehru. March 4, 1936 // *Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters...* – P. 166–167.

консула в Вене, в котором его информировали, что «правительство Индии хочет определенно заявить, что если он вернется в Индию, то не должен надеяться на то, что останется на свободе». Бос писал Неру, что вопрос о его возвращении в Индию должен рассматриваться сугубо с точки зрения интересов общества: «Личный фактор не имеет для меня никакого значения, и я готов к любому повороту событий, которые отвечали бы общественному интересу», включая «тюремное заключение, которое также имеет общественное значение». Бос просил посоветовать ему, как поступить. Он полагал, что в этом вопросе «нет никого иного, кому я мог бы доверять»²¹.

Неру сначала телеграфировал Босу, чтобы он не возвращался в Индию, но затем предложил ему вернуться. В этой связи он писал Индире: «Ты, наверное, знаешь, что Британское правительство информировало Боса, что если он вернется в Индию, то может быть подвергнут аресту и заключен в тюрьму. Это сообщение возмутило и очень рассердило меня... Бос спросил, что ему делать. Трудный вопрос для меня. Мое общее ощущение было таким – он должен вернуться, несмотря на предупреждение правительства. Но не так-то просто послать другого человека в тюрьму. Поэтому я сначала телеграфировал ему свое предложение отложить отъезд. Но после последующих раздумий и советов с коллегами я предложил ему немедленно вернуться. Таким образом, я сделал себя ответственным за его возвращение в тюрьму»²². Бос действительно вернулся в Индию и был арестован по обвинению в «подстрекательстве к терроризму» в Бенгалии.

В августе 1935 г. правительство Великобритании приняло Закон об управлении Индией, который еще называли «конституцией 1935 г.». Реальное участие индийских представителей в подготовке этого закона было ничтожным. Окончательный текст закона обсуждался только в британском парламенте. Вы-

²¹ From Subhas Chandra Bose to Jawaharlal Nehru, March 13, 1936 // Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters... – P. 168–170.

²² Nehru to Indira. Allahabad. 30 March, 1936 // Two alone, Two together... – P. 131.

боры в Индии на федеральном уровне были заменены с прямых на непрямые, расширены и укреплены полномочия британской власти в Индии. Неру назвал этот закон «ублюдочным федерализмом». Он считал, что сотрудничество с британской властью представляет серьезную угрозу для борьбы за независимость и выражал опасение, что закон расколется нацию на несколько религиозных и социальных групп²³. В свою очередь, мусульманские лидеры также не были согласны с Законом 1935 г., так как, по их мнению, он создавал унитарное государство, что вело к доминированию индусского большинства. Против так называемой Федеральной схемы высказались и индийские князья, так как они боялись потерять значительную часть власти в случае вхождения княжеств в состав федерации. В результате закон по существу был отвергнут Центральным законодательным собранием. И, тем не менее, выборы в провинциальные собрания были назначены на начало 1937 г.

Кризис Конгресса

На сессии Конгресса в Лакхнау в апреле 1936 г. началась настоящая идеологическая и политическая борьба за будущий курс партии. Сессии предшествовали долгие дискуссии Неру с Ганди по этому вопросу, а соответственно и по составу руководящих органов Конгресса. Неру удалось добиться включения в Рабочий комитет нескольких конгресс-социалистов, таких как Ачарья Нарендра Дева, Джаяпракаш Нараян, Ачют Патвардхан, а также С.Ч. Бос, который сидел в тюрьме. Тем не менее, представители правого крыла преобладали как в Рабочем комитете, так и во Всеиндийском комитете Конгресса. Некоторые радикальные социалисты, как Манохар Лохия, выражали опасения, что Неру может быть «кооптирован» Ганди и его правыми сторонниками в качестве президента партии и оказаться под их влиянием.

Эти настроения выразил член провинциального комитета Конгресса Соединенных провинций Рафи Ахмед Кидвай в

²³ *Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters... – P. 298.*

письме Неру от 20 апреля 1936 г.: «В течение нескольких последних дней я испытал состояние агонии. Понятно, что Вы были нашей единственной надеждой. Но не окажется ли она иллюзорной? У некоторых есть сомнения в том, что Вы будете способны противостоять объединенной оппозиции и влиянию Ганди... Они маневрировали, чтобы изолировать Вас от основной массы участников сессии. Мы оказались ослабленными как в ВИКК, так и среди делегатов. А Рабочий комитет, который Вы сформировали, обречен на то, чтобы быть более реакционным, чем ранее»²⁴.

Накануне выступления перед делегатами сессии Конгресса Неру заявил на заседании комитета по повестке дня о существующих разногласиях в Конгрессе между «реформистами и революционерами». «Но может ли реформизм привести к независимости страны? – говорил он. – Откладывать решение этого вопроса означает сомнение и нерешительность. Но мы также не можем позволить себе расколоть Конгресс»²⁵.

Обращаясь в качестве президента партии к делегатам сессии 12 апреля, Неру говорил о переменах в Европе и Азии после Первой мировой войны, о Советском Союзе, где «в разительном контрасте с остальным миром был достигнут удивительный прогресс по всем направлениям»²⁶. Он обрушился на британский империализм, обвинил колониальные власти в «фашистской ментальности», отсутствии гражданских свобод в Индии, подавлении прессы, запрете сотен организаций, содержании тысяч людей в заключении. «Я убежден, – сказал он, – что единственным ключом к решению мировых проблем и проблем Индии является социализм... Это означает огромные революционные изменения в нашей политической и социальной структуре. Нужно положить конец власти корыстных интересов в деревне и в промышленности, системе феодальных автократических княжеств. Нужно положить конец частной собственно-

²⁴ *Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters...* – P. 174–175.

²⁵ *Nehru to Subjects Committee. Lucknow, April 11, 1936 // SWJN. Vol. 7.* – P. 167–169.

²⁶ *SWJN. Vol. 7.* – P. 170–173.

сти, за исключением отдельных случаев, и заменить существующую систему получения прибыли более высокими идеалами кооперативного служения... Социализм для меня – это не просто экономическая доктрина, которую я предпочитаю. Социализм – это жизненно важная вера моего ума и сердца... Я хотел бы, чтобы Конгресс стал социалистической организацией»²⁷.

На этой сессии Конгресса левые подвергли жесткой критике Закон об управлении Индией 1935 г. и потребовали созыва Учредительного собрания. Однако правое большинство в руководстве партии сумело провести решение об участии в выборах в провинциальные собрания. Таким образом, Ганди, не принимавший участия в работе сессии Конгресса, продемонстрировал свое решающее влияние в партии.

В этой связи один из крупнейших промышленников Г.Д. Бирла писал: «Махатма Ганди сдержал свое обещание и, не произнеся ни единого слова, добился того, что Конгресс не взял на себя никаких новых обязательств. Речь Неру, по сути, была выброшена в мусорную корзину, поскольку все принятые резолюции были направлены против этой речи. Он мог бы пойти на раскол партии, заявив о своей отставке. Но он не сделал этого»²⁸.

Несмотря на это поражение, Неру продолжал пропагандировать социалистические идеи, но уже в личном качестве, на сессии Всеиндийского конгресса профсоюзов, собраниях Конгресс-социалистической партии, митингах рабочих. Это вызывало противодействие как правого большинства в Конгрессе, так и среди крупных предпринимателей. Так, группа ведущих бизнесменов Бомбея из 21 человека осудила Неру за «деструктивную и подрывную программу», которая ведет к «хаосу и препятствует достижению самоуправления»²⁹. В июне 1936 г. в знак протеста против выступлений Неру и конгресс-социалистов семь правых членов Рабочего комитета (среди них Раджендра Прасад, Валлабхаи Патель, Ч. Раджагопалачари, Дж.Б. Крипалани) подали

²⁷ Ibid. – P. 179–180.

²⁸ *Gopal, Sarvepalli. Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. I. – P. 209.*

²⁹ Ibid. – P. 211.

в отставку. Они заявили, что настойчивая пропаганда социализма президентом Конгресса и другими социалистами – членами Рабочего комитета наносит ущерб интересам страны и национальной борьбе за освобождение, а также ослабляет партию³⁰.

Дело шло к расколу в Конгрессе. Но в этот момент на политическую сцену выступил Ганди. В результате все правые члены Рабочего комитета отзывали свои заявления об отставке при условии, что в ближайшем будущем Неру как президент партии будет представлять точку зрения большинства. Раджендра Прасад писал Неру об отзыве своей отставки следующее: «...мы твердо придерживаемся мнения, что идеалы и политика, которые мы защищали все шестнадцать или семнадцать лет, и в которые мы верим как единственно правильные для страны, подрываются самым настойчивым образом. И Ваши личные взгляды и симпатии находятся на стороне тех, кто ведет эту игру... Это поощряет раскольнические тенденции среди членов Конгресса»³¹. После получения этого письма 5 июля 1936 Неру обратился к Ганди для окончательного решения этого вопроса. Суть главного обвинения в его адрес, считал Неру, состояла в том, что его деятельность наносит ущерб делу Конгресса и снижает шансы партии на предстоящих выборах. Неру же полагал, что его подход дает положительный эффект, так как приводит в движение массы. Неру писал далее, что в Конгрессе «безусловно существует конфликт и бессмысленно разбираться, кто прав и кто виноват». Поэтому он предлагал обсудить этот вопрос на следующем заседании ВИКК, чтобы вынести решение о дальнейшем направлении действий партии. «Я предполагаю, – продолжал Неру, – что результатом этого станет моя отставка, и будет сформирован более однородный Рабочий комитет»³².

Ганди ответил Неру, что письмо Раджендры Прасада об отзыве отставки семи членов Рабочего комитета было написано по его (Ганди) предложению. «В любом случае, – продолжал он, – я твердо придерживаюсь мнения, что в течение текущего

³⁰ The Bunch of Old Letters... – P. 182–185.

³¹ Ibid. – P. 185–188.

³² Ibid. – P. 188–191.

года все споры должны быть прекращены. И чтобы не было никаких отставок. Этот кризис невозможно решить на заседании ВИКК, так как комитет будет парализован, бессилён и расколот на две части. Я хотел бы настоятельно просить Вас, – писал Ганди, – спокойно проанализировать ситуацию и не поддаваться ей в момент депрессии, столь не соответствующей Вам... Страна не должна страдать от Вашей взаимной нетерпимости»³³.

Неру согласился с Ганди, тем более, что через неделю Ганди написал ему очередное письмо на эту тему. Он хотел приобщить Неру, отметив, что его коллеги (т. е. Прасад и другие) «не обладали смелостью и искренностью, присущих Вам. Результат был гибельным. Я всегда просил их говорить с Вами открыто и без боязни. Но поскольку у них не хватало смелости, что бы они ни делали, все было неуклюже и вызывало у Вас раздражение... они боялись Вас, потому что Вы сердились и были нетерпимы к ним. Их выводили из себя Ваши замечания и повелительные манеры, а более всего – Ваша надменность, которую они принимали за Вашу непогрешимость и обладание неким сверхзнанием. Они чувствовали, что Вы относитесь к ним с недостаточным уважением и никогда не защищаете их от насмешек социалистов... Они полностью признавали Ваш динамизм и влияние на массы и молодежь. Они знали, что не могут отказаться от Вас... Когда я предложил Вас на пост президента Конгресса, – продолжал Ганди, – я знал, что это будет корона из шипов. Носите ее, несмотря на то, что голова будет вся в кровоподтеках»³⁴.

Таким образом, раскол был преодолен, но Неру был вынужден пойти на компромисс. Он сместил акценты в своих выступлениях. Теперь он стал говорить, что вначале должна быть достигнута независимость и только потом может быть социализм или попытка построить его. Он также выдвинул идею создания «мощного антиимпериалистического фронта» во главе с Конгрессом³⁵.

³³ Ibid. – P. 191, 192.

³⁴ Ibid. – P. 196–198.

³⁵ *Sitaramayya, Bhogaraju Pattabhi*. Op. cit. – P. 16.

По желанию Ганди в конце 1936 г. очередная сессия Конгресса проводилась в деревне Фаизпур (дистрикт Восточный Хандеш Бомбейского президентства). Снова встал вопрос о будущем президенте партии. Многие требовали переизбрания Неру на этот пост. Другим кандидатом был Валлабхаи Патель. Но он отказался от борьбы. И Неру вновь был избран президентом партии. В своей речи он резко сменил акценты: «Сегодня Конгресс выступает за полную демократию в Индии и борется за демократическое государство, а не за социализм»³⁶. Но при этом добавил: но «логика событий приведет к социализму, который кажется мне единственным лекарством для болезней Индии»³⁷.

Политическая жизнь Неру в 1920-е – 1940-е годы протекала в двух временных и пространственных измерениях – на свободе и в тюрьме. В сентябре 1935 г. этот алгоритм был нарушен в результате резкого ухудшения здоровья Камалы. Неру в это время находился в тюрьме (его седьмое заключение), где написал свою объемную «Автобиографию». Власти разрешили ему выехать к жене при условии, что он не будет заниматься политической пропагандой. Неру взял единственный экземпляр рукописи своей книги и отправился в Германию – в Баденвейлер к жене. Туда же из Англии приехала Индира. Неру нашел состояние Камалы очень серьезным, чтобы делать какие-либо прогнозы на будущее. Ей была сделана операция на легких, но ее положение не стало лучше.

В конце октября Неру по приглашению Бхарати Сарабхаи (младшей дочери одного из крупнейших индийских текстильных магнатов) приехал в Англию, где пробыл почти месяц. Он встречался с многочисленными друзьями и редактировал свою «Автобиографию», которая первоначально получила название «В тюрьме и вне ее». Изданием книги занимался Кришна Мехон. Она была опубликована в апреле 1936 г. и к июлю того же года четыре раза переиздавалась. Через пять лет сокращенное издание этой книги под названием «К свободе» вышло в США.

По возвращении в Баденвейлер Неру не нашел улучшений в состоянии здоровья жены. 26 января 1936 г. он снова выехал

³⁶ Ibid. – P. 34.

³⁷ SWJN. Vol. 7. – P. 599–603.

в Англию, где получил известие о том, что вновь избран президентом Индийского национального конгресса. Эта поездка оказалась значительно более насыщенной встречами и публичными выступлениями, чем предыдущая. На митинге, организованном членами Лейбористской партии, в том числе Гарольдом Ласки, Неру в ответ на теплые приветствия сказал, что в Индии есть тысячи мужчин и женщин, которые заслуживают сравнения с такими людьми, как Том Муни³⁸, Георгий Димитров³⁹ и Эрнст Тельман⁴⁰.

Далее он заявил, что не может быть никакой здоровой основы для сотрудничества между империалистической Британией и подчиненной Индией. Вернувшись 7 февраля в Германию, он увидел, что состояние Камалы резко ухудшилось, и решил перевезти ее из Баденвейлера в санаторий Силвана в Швейцарии. Там она умерла 28 февраля 1936 г. Ее тело было кремировано, и Неру привез урну с прахом в Индию. Он развеял прах Камалы над священными водами в месте слияния Ганга и Джамуны в Аллахабаде. Часть пепла он оставил у себя в спальне. Тогда же Неру написал Кришне Менону, чтобы при издании «Автобиографии» было добавлено посвящение – «Камале, которой уже нет».

³⁸ Том Муни (1883–1947) – руководитель профсоюза литейщиков в Сан-Франциско (США) в 1912–1916 г., член Социалистической партии с 1907 г. По провокационному обвинению приговорен в 1917 г. к смертной казни. Под давлением протестов в США и других странах казнь была заменена тюремным заключением. Освобожден в 1939 г.

³⁹ Георгий Димитров (1882–1949) – член Болгарской рабочей социал-демократической партии, с 1919 г. член компартии Болгарии. На Лейпцигском процессе 1933 г. против коммунистов, ложно обвиненных в поджоге Рейхстага, использовал трибуну суда для разоблачения германских фашистов. Под давлением международной общественности суд был вынужден оправдать Димитрова и других коммунистов.

⁴⁰ Эрнст Тельман (1886–1944) – председатель компартии Германии (КПГ) с 1925 г., депутат Рейхстага в 1924–1933 гг. Был кандидатом от КПГ в президенты Германии на выборах 1925 и 1932 гг. 3 марта 1933 г. арестован гестапо и брошен в тюрьму. 18 августа 1944 г. убит в концлагере Бухенвальд.

Глава 9. Выборы 1937 года

На выборах в провинциальные собрания Конгресс потребовал отмены закона 1935 г., созыва Учредительного собрания для подготовки конституции страны, которая предусматривала бы предоставление Индии полной независимости. Среди других требований была реформа в аграрной сфере, равные права для мужчин и женщин, ликвидация неприкасаемости и т. д. В то же время Хинду махасабха вела агитацию под лозунгом «Индия для индусов». Мусульманские партии пропагандировали единство их действий на основе «Общинного решения».

В выборах приняли участие 15,5 млн из 30 млн избирателей (54%). Конгресс завоевал большинство мест в провинциальных собраниях и абсолютное большинство в пяти провинциях из 11. В округах, отведенных для мусульман (482), Конгресс выдвинул 58 кандидатов и получил всего 26 депутатских мандатов. Мусульманская лига получила 109 депутатских мандатов в мусульманских округах. Большинство остальных мест в этих округах досталось другим мусульманским партиям. Выступление «Хинду махасабхи» на выборах было провальным.

После победы на выборах в руководстве Конгресса развернулась борьба по вопросу об участии в провинциальных правительствах. Левая группировка во главе с Неру выступила против вхождения в провинциальные правительства. Правые поддерживали идею участия в них. Ганди убедил Рабочий комитет партии дать согласие на участие в правительствах. После продолжительных дебатов решение в пользу этого было принято ВИКК большинством около двух третей голосов. При этом отмечалось, что избиратели отвергли закон 1935 г. и выступили за выработку Учредительным собранием конституции Индии, которая предусматривала ее независимость.

В марте 1937 г. избранные на выборах конгрессисты осудили на национальной конвенции закон 1935 г. и заявили, что индийский народ не примет конституцию, выработанную иностранной державой. Конвенция дала согласие на формирование конгрессистских правительств в провинциях при определенных условиях. Вместе с тем решение Конгресса не сотрудничать с

Лигой в тех провинциях, где он сформировал правительства, привело к серьезным политическим последствиям. Отказ президента Конгресса Неру предоставить Лиге два места в правительстве Соединенных провинций обострил отношения между этими партиями. Хотя формально Неру был прав, так как Конгресс располагал абсолютным большинством в законодательном собрании этой провинции. Но фактически Конгресс добивался самороспуска Мусульманской лиги¹.

Однако Лига смогла укрепить свое влияние в Соединенных провинциях. Ей удалось в течение нескольких месяцев привлечь в свои ряды более 100 тыс. новых членов. В то же время правительство Конгресса не смогло провести там заявленные им социально-экономические реформы в пользу бедных слоев общества, включая мусульман. Все это привело к отторжению мусульман от Конгресса.

В эти же годы свою деятельность активизировали Хинду махасабха и РСС. В 1937 г. президент Хинду махасабхи В.Д. Саваркар сформулировал «теорию двух наций»: «Индию нельзя рассматривать сегодня как унитарное и однородное государство, – заявил он. – Напротив, в ней существуют две главных нации – индусы и мусульмане... Это две антагонистические нации, живущие бок о бок». Саваркар ратовал за создание индусского государства, но выступал против отдельного мусульманского государства. В декабре 1938 г. Саваркар заявил: «Мы, индусы, сами по себе являемся нацией... Индусские националисты не должны чувствовать вину за то, что их называют индусскими коммуналистами»².

Но в Лиге набирали силу идеи в пользу создания отдельного мусульманского государства. 22 марта 1940 г. Джинна заявил, что мусульмане являются не меньшинством, а нацией. Джинна не использовал название «Пакистан», не появилось оно и в Лахорской резолюции, единогласно одобренной на следующий

¹ *Kothari, Rajni.* Politics in India. Boston: Little, Brown and Company, 1970. – P. 68–69.

² *Ghose, Sankar.* Political Ideas and Movements in India. Bombay: Allied Publishers, 1975. – P. 176; *Sarkar, Sumit.* Modern India 1885–1947. Delhi: Macmillan India Ltd. 1984. – P. 356, 357.

день сессией Мусульманской лиги. В ней говорилось, что районы с мусульманским большинством, как в Северо-Западной и Восточной зонах Индии, должны составить независимые государства, в которых территориальные единицы будут автономными и суверенными. При этом Джинна высказался в пользу единого мусульманского государства. Он назвал Лахорскую сессию Мусульманской лиги «вехой в истории Индии». В индийских газетах Лахорская резолюция была названа Пакистанской резолюцией³.

На сессии Конгресса в Рамгархе (Бихар) в том же 1940 г. было заявлено, что «конституция Индии должна основываться на независимости, демократии и национальном единстве». «Попытки расчленить Индию или разделить ее народ»⁴ были отвергнуты.

Неру между Ганди и Босом

Работа Неру на посту президента Конгресса в 1936 г. и 1937 г. способствовала росту левых сил в партии. В феврале 1938 г. на сессии Конгресса в Харипуре (Гуджарат) президентом Конгресса был избран Субхас Чандра Бос. В стремлении сохранить единство партии Ганди поддержал его кандидатуру, несмотря на то что Бос стоял на более крайних, радикальных позициях, чем Неру. Известно, что Бос неоднократно критиковал Ганди, в том числе за его теорию и практику ненасилия. Он считал, что будущее Индии связано с «радикальными и боевыми силами, готовыми пойти на жертвы и страдания ради обретения свободы». «Махатма Ганди, – писал Бос, – оказал и продолжает оказывать исключительную услугу своей стране. Но спасение Индии не будет достигнуто под его руководством»⁵.

После избрания президентом Бос призвал к ликвидации помещичьего землевладения, отмене долгов бедных крестьян,

³ Цит. по: *Уолперт, Стенли*. Джинна – творец Пакистана. М.: Изд. Рудомино, 1997. – С. 214–220.

⁴ *Азад, Абул Калам*. Индия добивается свободы. М.: ИЛ, 1961. – С. 74.

⁵ *Bose S.Ch.* Op. cit. – P. 295–298.

развитию промышленности под государственным контролем. Он обратился с воззванием к левым группам в Конгрессе объединить силы для демократизации партии и ее реорганизации на широкой антиимпериалистической основе. По инициативе Боса и под председательством Неру был создан Плановый комитет партии для подготовки основы промышленного развития Индии. Эта идея вызвала возражения у Ганди, который призвал конгрессистов не участвовать в работе этого комитета. Бос выступал за проведение жесткой политики в отношении британского правительства, за «прямые действия» в борьбе за независимость. После подписания в сентябре 1938 г. Великобританией, Францией, Германией и Италией Мюнхенского соглашения Бос вел открытую пропаганду по всей Индии против британской власти, нацеленную на подготовку к «национальной борьбе», которая должна быть «синхронизирована с предстоящей войной в Европе»⁶. Эта деятельность Боса вызывала возражения у Ганди и его сторонников.

В конце 1938 г. правые в Конгрессе решили не допустить повторного избрания Боса на пост президента партии. В январе 1939 г. семь членов правого крыла в Рабочем комитете Конгресса потребовали от Боса отказаться от выдвижения его кандидатуры на этот пост в пользу Паттабхи Ситарамайи, которого поддерживал Ганди. Однако на выборах Бос одержал победу над Ситарамайей. После этого Ганди заявил, что поражение Ситарамайи является его (Ганди) личным поражением. Победа Боса означает, писал он, что «делегаты не поддерживают мои принципы и политику». Это заявление Ганди привело к кризису в руководстве Конгресса. В феврале 1939 г. 12 из 15 членов Рабочего комитета партии объявили о совместной отставке. Неру подал отдельное заявление об отставке. Таким образом, Бос оказался в изоляции вместе с братом Саратом Чандрой Босом, тоже членом Рабочего комитета. На ежегодной сессии Конгресса в марте 1939 г. в Трипури (дистрикт Махакосал в Центральных провинциях) Бос как президент партии предложил предъявить британскому правительству «национальные требования» в форме ультиматума. Они включали: отказ от Закона об управ-

⁶ Ibid. – P. 331–332.

лении Индией 1935 г., созыв Учредительного собрания, признание права Индии на самоопределение. В случае невыполнения этих требований предлагалось начать массовое движение гражданского неповиновения. Это предложение Боса было принято. Конгресс также одобрил резолюцию, в которой осуждал Великобританию за «преднамеренное предательство демократии» и за то, что она постоянно поддерживала фашистские державы⁷.

Но для правого крыла в Конгрессе более важными были вопросы, связанные с пребыванием Боса на посту президента партии. Чтобы ограничить его возможности, правые провели резолюцию, в которой президент партии должен был заручиться поддержкой Ганди при назначении членов Рабочего комитета. Поэтому Бос вел переговоры с Ганди (обменом письмами) о составе Рабочего комитета. Однако они не дали результата. Под давлением Ганди и правых в руководстве Конгресса Бос не смог сформировать Рабочий комитет и 29 апреля 1939 г. на заседании ВИКК он подал в отставку с поста президента партии⁸. Президентом Конгресса был избран Раджендра Прасад, который назначил в состав Рабочего комитета только приверженцев Ганди, не включив в него даже Неру.

Кризис в Конгрессе сопровождался перепиской в треугольнике Неру–Бос–Ганди, в которой участвовали и другие члены руководства Конгресса. Суть событий, отраженных в этой переписке и многочисленных других письмах и документах, состояла в следующем.

Сам Неру мог бы претендовать на пост президента Конгресса в 1939 г. (в случае, как он писал, если его убедят в такой необходимости). Или предложить на этот пост Абула Калама Азада с целью привлечь мусульман на сторону Конгресса. Однако Азад в конечном счете отказался от такого предложения.

Идея о выдвижении Боса на второй срок в качестве президента Конгресса вызвала сомнения у Неру. Особенно с учетом того, что Ганди был определенно против этого по причинам программного характера. (Бос выступал за немедленную ликвидацию колониальной власти в Индии и за социализацию

⁷ *Tendulkar D.G. Op. cit. – Vol. V. – P. 32, 46, 67.*

⁸ *The Indian Nationalist Movement... – P. 129–132.*

политической жизни страны). Ганди также считал, что Рабочий комитет партии должен быть единым в своих принципиальных подходах и решениях. Отсюда его идея о политической однородности этого органа, что исключало предложение Боса о назначении равного количества его членов как президентом Конгресса, так и Ганди. Последний вообще не присутствовал на заседаниях сессии Конгресса и Всеиндийского исполнительного комитета партии и руководил «дистанционно». Одно из последних предложений Неру (в письме к Ганди) сводилось к следующему. Он предлагал согласиться с тем, что Бос останется на посту президента Конгресса («пытаться вытолкнуть его из Рабочего комитета было бы абсолютно неправильным шагом»). Состав Рабочего комитета оставить на усмотрение Ганди. Но идея однородного Рабочего комитета не приведет к миру и эффективной работе. Принцип однородности не должен распространяться на политические подходы, при условии согласия с общими целями. Что касается программы партии, то она была уже отражена в документах сессии Конгресса в Трипури.

О себе Неру писал Ганди следующее: «К сожалению, я слишком индивидуалистичен. Для меня было очень трудно в последние дни участвовать в заседаниях Рабочего комитета и, возможно, я стал раздражать моих коллег. Поэтому я чувствовал, что не должен более продолжать эту работу. По значительно более веским причинам я считал сложным делом войти в Рабочий комитет иного типа, который сформировал Субхас Чандра Бос. И до сих пор я исхожу из этого»⁹.

О реакции Боса на позицию Неру во время кризиса можно судить по его письму брату Амию Натх Босу. Он писал, что сессия Конгресса в Трипури «была поражением для нас». Но как сказал ему «один друг» из Бомбея, это был тот случай, когда больной человек в постели (Бос был тяжело болен и его принесли на то заседание Конгресса на носилках. – *Ф.Ю.*) борется с: (1) двенадцатью лидерами Старой Гвардии; (2) Джавахарлалом Неру; (3) министерствами в семи провинциях, которые поддерживали Старую Гвардию, и (4) с именем, влиянием и престижем Махатмы Ганди. Этот друг сказал, что наше поражение яв-

⁹ To Mahatma Gandhi, 17 April, 1939 // *Nehru, Jawaharlal. A Bunch of Old Letters.* – P. 369–371.

ляется победой. Далее Бос писал: никто не причинил большего ущерба мне лично и нашему делу в этом кризисе, чем Пандит Неру. Если бы он был с нами, у нас было бы большинство. Даже его нейтралитет, возможно, дал бы нам это большинство. Но в Трипури он был со Старой Гвардией. Его открытая пропаганда против меня нанесла мне ущерба больше, чем деятельность 12 лидеров Старой Гвардии. Как жаль!.. Я сожалею, что позиции Джавахарлала среди его бывших поклонников сильно подорваны в результате занимаемой им позиции до и после выборов президента Конгресса. Делегаты отказывались слушать его в течение полутора часов. Они успокоились только после того, как Сарат Чандра Бос попросил их об этом. Неслыханное раньше дело»¹⁰. Позже Бос был исключен из партии на три года. Тогда же он создал партию «Форвард блок».

В связи с событиями на сессии Конгресса в Трипури представляет интерес письмо Индиры из Англии отцу. Она писала, что получила сообщение от одного из друзей по учебе в Англии Мохана Кумарамангалама¹¹ о том, что «Субхас Бос ушел в отставку, а вместо него был выбран Раджендра Прасад. Это тревожная новость. Какой бы ни была реальная политика Субхаса, он стал считаться лидером «левых». Поэтому его отставка представляется ужасным поражением социалистического движения и огромной победой, можно сказать личной, для Валлабхаи Пателя. Но в любом случае мы, наконец, вышли из тупика. Даже неправильный путь может оказаться лучше, чем вообще отсутствие движения»¹².

Неру против фашизма

Накануне Второй мировой войны Неру внимательно следил за событиями в Европе и мире. Как президент Конгресса он за-

¹⁰ Crossroads. The Works of Subhas Chandra Bose, 1938–1940. Bombay: Asia Publishing House, 1962. – P. 112–114.

¹¹ Мохан Кумарамангалам впоследствии был министром в правительстве Конгресса во главе с Индирой Ганди (с начала 1970-х гг. и вплоть до гибели в авиакатастрофе в 1974 г.).

¹² Two Alone, Two Together... – P. 217, 218.

явил в 1936 г., что вторжение Италии в Абиссинию является примером того, как «жадный и хищнический империализм ведет себя в безумном стремлении к колониальному господству» и что борьба абиссинского народа является частью борьбы всех эксплуатируемых народов за свободу. Тогда же Неру отклонил настойчивое предложение итальянцев о встрече с Муссолини. Под руководством Неру Конгресс также поддержал борьбу республиканских сил Испании против фашистского режима Франко. В декабре 1936 г. Конгресс заявил, что гражданская война в Испании была борьбой между силами демократии и фашистской реакцией, и поэтому имела большое значение для будущего Индии и всего мира. В июне 1938 г. Неру посетил Испанию в качестве гостя республиканского правительства¹³. Под воздействием Неру Конгресс также осудил англо-французскую политику умиротворения гитлеровской Германии, которая завершилась Мюнхенским соглашением в сентябре 1938 г. За несколько недель до этого сговора Неру, находившийся в то время в Европе, был приглашен нацистским правительством посетить Германию. Он отверг это приглашение и вместо этого поехал в Чехословакию, чтобы выразить ей свою поддержку¹⁴.

После того, как в марте 1939 г. гитлеровская Германия оккупировала Чехословакию, Неру писал: «Для нас в Индии наша позиция ясна: полная оппозиция фашизму и полная оппозиция империализму. Мы не собираемся отдавать наши ресурсы на защиту империи. Но с радостью предложим эти же ресурсы для защиты демократии в свободной Индии и других свободных странах». В мае 1939 г. Всеиндийский комитет Конгресса заявил о своей решимости противостоять вовлечению Индии в войну без согласия индийского народа. Эта же позиция была подтверждена руководством партии в августе 1939 г.¹⁵.

¹³ *Nehru, Jawaharlal. China, Spain and the War: Essays and Writings. Allahabad: Kitabistan, 1940. – P. 57–85.*

¹⁴ *Nehru, Jawaharlal. The Unity of India: Collected Writings, 1933–1940. London: Drummond, 1942. – P. 285, 286.*

¹⁵ *The Indian National Congress, 1939–40. Allahabad. – P. 10–11.*

После вторжения Японии в Китай в 1937 г. руководство Конгресса заявило о своей поддержке борьбы китайского народа против империалистической агрессии Японии и призвало к бойкоту японских товаров. На ежегодных сессиях в 1938 г. и 1939 г. Конгресс последовательно выступал на стороне китайцев. С этой же целью в 1939 г. Неру посетил Китай. Позже во время Второй мировой войны президент Китая Чан-Кайши с супругой посетил Индию для переговоров с колониальными властями по вопросам сотрудничества в борьбе против Японии. Одновременно они встречались с Неру, что вызывало раздражение у англичан. Так, вице-король Индии Линлитгоу писал Черчиллю, что большую часть своего пребывания в Индии Чан-Кайши и мадам Чан уделяли встречам с Неру, а не с ним.

После подписания советско-германского договора о ненападении в 1939 г. руководители Конгресса, в том числе Неру, увидели в этом элемент оппортунизма, но избегали прямо критиковать Советский Союз. Неру старался рассматривать этот договор в исторической ретроспективе: «Не может быть реального союза между Гитлером и Сталиным, – писал он. – Оба хотят вести игру методами силовой политики. Но в прошлом Россия сильно пострадала от Англии и не могла не помнить об этом, не выразить своего негодования». Когда в соответствии с этим договором советские войска заняли восточную часть Польши, Неру выразил убеждение, что это направлено против Германии и в конечном итоге поможет западным союзникам. Он полагал, что действия Советского Союза предотвратили тогда оккупацию восточной Польши Германией, захват ею нефтяных месторождений Румынии, а также спасли от германской агрессии Балканы¹⁶.

Относительно советско-финской войны зимой 1939–1940 гг. Неру писал, что СССР расплачивался с Западом его же монетой. Он считал, что эта война не могла рассматриваться вне общей мировой ситуации. Великобритания и Франция в прошлом проводили антисоветскую политику и могли вместе с Германией и Италией объединить усилия против Советского Союза. Более того, у германских стратегов были планы втор-

¹⁶ *Nehru, Jawaharlal. China, Spain and the War... – P. 162–164.*

жения в СССР через Финляндию. Одного взгляда на карту достаточно, писал Неру, чтобы убедиться в реальности такого плана, поскольку Ленинград находится вблизи финской границы. Отсюда нетрудно понять желание Советского Союза защитить один из своих жизненно важных центров. Однако позже, по мере развития событий на советско-финском фронте, Неру стал выступать с критикой действий СССР, которые он называл агрессией. Но это не привело к тому, что он и другие лидеры Конгресса отказались от поддержки Советского Союза. Речь шла о защите всего советского эксперимента, у которого, как признавал Неру, было много нежелательных черт, вызывающих глубокое сожаление, но который по-прежнему оставался надеждой простых людей. Война в Финляндии предоставила удобную возможность «силам реакции» вновь проявить свою старую ненависть к социализму и Советскому Союзу как социалистическому государству. Индийцы, предупреждал он, должны быть начеку и противостоять пропаганде против СССР. Они должны сохранить веру в социализм, который может избавить их от социальных бед. Они должны также помнить, что Советский Союз, несмотря на его многие недостатки, прошел долгий путь к установлению социалистической экономической системы, и «было бы трагедией, если эта мощная система, так много обещающая для будущего, потерпела бы поражение или была бы парализована. Мы не можем участвовать в этом» – заявлял Неру¹⁷. В те годы Неру полагал, что человечество стоит перед выбором между фашизмом и социализмом.

После опубликования статьи Неру о советско-финской войне в индийской газете *The National Herald* Индира, находившаяся в Англии на учебе, написала ему письмо, которое свидетельствовало о ее интересе к вопросам мировой политики. Она тогда входила в группу молодых людей из Оксфорда, которые внимательно следили за борьбой двух противоположных политических и социальных систем – социализма и фашизма¹⁸. Индира

¹⁷ Ibid. – P. 242–257.

¹⁸ Об этом пишет Соня Ганди во Введении к переписке между Индирой Ганди и Джавахарлалом Неру в 1922–1966 гг. См.: *Two Alone, Two Together...* – P. XVII.

писала отцу: «Я только что прочла твою статью о России и финской войне. А также то, как в Англии использовали твои заявления по этому вопросу. Похоже, ты был в равной мере шокирован российско-германским пактом и войной в Финляндии. Но разве ответственность за эти оба эпизода не лежит тяжким грузом на британской внешней политике последних восьми лет? В Мюнхене Англия и Франция совершенно определенно доказали, на чьей стороне они находятся. Поскольку политика коллективной безопасности России провалилась, и она вернулась к изоляции долитвиновского периода, ее главная озабоченность состоит в том, как обезопасить себя от грядущей европейской войны (отсюда и ее продвижение в Прибалтику). Российско-германский пакт, конечно, не означал перемену в ее союзниках, поскольку Германия, по существу, не хотела от России ничего более, чем продолжения этой изоляции. И пакт не привел к какому-либо изменению в осуждении Советским Союзом нацизма и империализма (об этом свидетельствует речь Молотова в ноябре и манифест коммунистического интернационала о войне). Что касается Англии, ты согласен, что требования Советского Союза были справедливыми. Почему же тогда эта финская война вызвала у тебя такой шок? Разве ты ожидал, что Советский Союз, после того как его требования были отвергнуты по попустительству союзников, будет сидеть тихо и молчать до тех пор, пока война не будет направлена против него? Именно таким было и остается намерение союзников, о чем британская пресса всячески старается умалчивать. Меня тошнит от всех этих разговоров о бедной Финляндии. То, что страна мала в размерах, не умаляет преступлений ее правительства, как и его репрессии и тоталитаризм не становятся более мягкими и терпимыми для ее народа и народов всего мира»¹⁹.

На сессии Конгресса в Трипури в марте 1939 г. президент партии С.Ч. Бос заявил, что важнейшим событием прошедшего года был Мюнхенский договор, который стал «прямой сдачей» Великобританией и Францией своих позиций нацистской Германии. В результате Франция перестала быть доминирующей

¹⁹ Indira to Nehru. 9th March, 1940 // Two Alone, Two Together... – P. 271, 272.

державой в Европе. Гегемония перешла к Германии без единого выстрела. Несколько раньше поражение республиканского правительства в Испании усилило позиции фашистской Италии и нацистской Германии. «Так называемые демократические державы – Франция и Великобритания – присоединились к Италии и Германии в сговоре с целью устранить Советскую Россию из европейской политики, по крайней мере, на время, – писал Бос. – Но как долго это окажется возможным? Нет сомнений, что в результате последних международных событий в Европе, а также в Азии, британский и французский империализм понесут значительный урон»²⁰.

Свадьба Индиры и Фероза Ганди

Во время учебы в Англии Индира вновь встретила с Ферозом Ганди, который закончил там Лондонскую школу экономики. Он намеревался присоединиться к интернациональной бригаде в Испании, борющейся против фашистского режима Франко. Хотя британские власти препятствовали этому, ему тем, не менее, удалось поехать сначала в Испанию, а затем и в СССР.

Еще в 1935 г. Фероз сказал Камале, что хотел бы жениться на Индире. На это Камала заметила, что ей слишком рано выходить замуж. Но после возвращения в Индию в марте 1941 г., Индира сама решила соединить свою судьбу с Ферозом. Она сказала об этом отцу, который посоветовал ей познакомиться и с другими молодыми людьми. Однако Индира проявила стойкость в выборе жениха. Тогда отец взял на вооружение традиционную практику устройства брака дочери. Он сказал Индире, что, поскольку ее мать умерла, а он находится в тюрьме, она должна получить разрешение у его сестер – Виджайи Лакшми и Кришны. Обе ее тети сказали «нет». Однако и это не повлияло на решение Индиры. Тогда Неру, понимая, что он не может навязать дочери свою волю, дал согласие на ее брак, который должен состояться только после освобождения его из тюрьмы.

²⁰ *Subhas, Chandra Bose. Presidential Address at the 52nd Session of the Indian National Congress held at Tripuri in March, 1939 // Bose, Subhas Chandra. Crossroads... – P. 109.*

В Индии свадьба – исключительно важное семейное и общественное дело, на котором обязательно присутствие ближайших родственников, тем более отца. Расчет Неру был прост: ему оставалось находиться в тюрьме еще три года из четырех, на которые он был осужден. Но события развивались по иному сценарию. Британские власти решили пойти на своеобразное перемирие с лидерами индийского национально-освободительного движения и освободили Неру вместе с другими политическими заключенными буквально через несколько дней после его последнего разговора с Индирой. 4 декабря 1941 г. он вышел на свободу. Таким образом, вопрос о бракосочетании Индиры и Фероза приближался к развязке. На пути его решения стояли два препятствия – религия и социальное положение. Семья Неру принадлежала к индусской высшей касте брахманов, члены семьи Фероза были парсами, их религией был зороастризм.

Родственники Фероза не возражали против его женитьбы на Индире, однако высказали сомнения в ее целесообразности. Они думали, что Фероз не сможет обеспечить тот уровень жизненного комфорта, который существовал в семье Неру. Более того, они предполагали, что, вопреки традиции, Фероз должен будет жить в доме Индиры, которую отец не только опекал, но и активно вовлекал в общественно-политическую жизнь.

Для Неру религиозный аспект не был проблемой. Он просто считал Фероза неподходящим мужем для Индиры. Попав в трудное положение, Неру обратился за советом к Махатме Ганди. Тот, в свою очередь, пригласил к себе сначала Индиру, потом Фероза и после долгой беседы с каждым из них сообщил Неру, что он благословляет их союз. Вопрос был решен. Однако предстояло согласовать еще немало проблем. Свадьба в Индии – это не только семейное, но и общественное действо. В нем участвуют десятки и сотни людей. В случае с Индирой и Ферозом нужно было также определить, какой свадебный обряд будет исполнен – индусский или зороастрийский. О гражданском браке не могло быть и речи – семья Неру и общественное мнение не были готовы к такому повороту событий.

Брак между представителями разных религий (крайне редкий тогда, если не исключительный) по традиции требовал отказа одной из сторон (как правило, невесты) от своей религии

и принятия религии жениха. Это было неприемлемо для семей Индиры и Фероза. Было решено прибегнуть к неортодоксальному свадебному обряду, который был разработан одним профессором санскрита. Основанный на древних ведических текстах и ритуалах, этот обряд позволял сочетать браком людей, принадлежащих к разным вероисповеданиям.

Весть о предстоящем бракосочетании Индиры и Фероза проникла в печать. Неру знал об этом и публично заявил, что хотя брак является личным и семейным делом, он как политический деятель посчитал уместным поставить в известность своих многочисленных друзей, коллег и общественность. Свадьба была намечена на 26 марта 1942 г. Ее подготовка стала предметом широкой общественной дискуссии. Ортодоксальные индусы выступили против нарушения традиционных обычаев, которые предполагали внутрикастовые браки. Индира получила сотни бранных писем. Махатме Ганди пришлось выступить в печати по этому поводу. «Я получил несколько разгневанных и оскорбительных писем, а также таких, которые призывали разумно отнестись к помолвке Индиры и Фероза, – писал он. – Ни один из корреспондентов не имел ничего против Фероза как человека. По их оценке, его единственным преступлением была принадлежность к парсам. Я был и остаюсь решительным противником перемены религии из-за брака». Махатма Ганди подчеркнул: «Общественность знает о моих связях с семьей Неру. Я беседовал с обеими сторонами. Было бы жестоко отказать им в праве на бракосочетание». Махатма призвал несогласных унять гнев и благословить жениха и невесту. Узнав, что семья Неру намеревается пригласить на свадьбу Индиры и Фероза только самых близких родственников, он заметил, что их свадьба должна быть открытой для общественности. Так и получилось. Хотя по индийским меркам свадьба была достаточно скромной, но, тем не менее, в ней приняли участие гости из самых разных концов Индии. На свадьбе Индира была в сари из ткани, которую Неру соткал в тюрьме в Дехра Дуне²¹.

²¹ *Brown, Judith*. Nehru: A Political Life. – New Haven and London: Yale Univ. Press, 1989. – P. 144, 147; см. также *Юрлова Е.С.* Женщины Индии. Традиции и современность. – М.: Изд. МБА, 2014. – С. 397–400.

Глава 10. Индия и Вторая мировая война

После начала Второй мировой войны 3 сентября 1939 г. Индия была объявлена британским правительством воюющей стороной без согласия ее политических партий. В стране был введен закон «Об обороне Индии», которым предусматривалось создание специальных трибуналов для рассмотрения дел, связанных с «преступлениями против обороны страны». Закон давал право властям запрещать митинги, распускать любые организации и арестовывать людей, если их деятельность признавалась опасной для колониального правительства¹.

Все это вызвало протест индийской общественности, выразившийся в антивоенных и антиимпериалистических демонстрациях и забастовках. Руководство Конгресса сформировало Чрезвычайный военный комитет под председательством Неру, в который также вошли Абул Калам Азад и Валлабхаи Патель. Тогда же Неру изложил свою принципиальную позицию по вопросам войны и мира. Ее суть: если эта война ведется во имя защиты империалистических владений и колоний, то народ не может позволить, чтобы ресурсы Индии использовались для таких целей. Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, она должна непременно покончить с империализмом в ее собственных владениях, установить полную демократию в Индии. Ее народ должен иметь право на самоопределение. Свободная демократическая Индия готова объединиться с другими свободными странами ради совместной обороны от агрессии и в целях экономического сотрудничества.

Конгресс также заявил, что война – это кризис всего человечества, который изменит облик мира в политическом, социальном и экономическом плане. Индия с ее огромными ресурсами может сыграть важную роль в реорганизации мира, но только как свободная нация. «Случится величайшая трагедия, – писал Неру, – если эта ужасная война будет продолжаться в духе империализма и в целях сохранения нынешнего строя, который сам

¹ Дьяков А.М. Индия во время и после второй мировой войны 1939–1949 гг. – М.: Академии наук СССР, 1952. – С. 13.

по себе стал причиной войны и человеческого вырождения»². По его мнению, Великобритания должна опубликовать декларацию о свободе Индии. Тогда все противоречия можно было бы примирить с общего согласия обеих сторон. В Дели на период войны можно было бы создать национальный аппарат власти, который обеспечил бы сотрудничество с армией и стал бы связующим звеном между народом и правительствами провинций, с одной стороны, и британским правительством с другой. Все прочие проблемы можно было бы отложить до окончания войны, после чего выборные индийские представители разработали бы постоянную конституцию.

В ответ колониальная администрация опубликовала «Белую книгу», в которой обещала *после* войны разработать новую конституцию Индии при участии представителей разных общин, политических партий страны, а также индийских князей. Но Конгресс настаивал на том, чтобы конституция Индии вырабатывалась Учредительным собранием, которое будет избрано индийским народом на основе всеобщего избирательного права. Как писал Неру, колониальные власти «ответили отказом на все наши просьбы. Нам стало ясно, что они желают видеть в нас не своих друзей и коллег, а только рабов, которые исполняли бы их приказания»³. Конгресс заявил, что отказ Великобритании удовлетворить его требования свидетельствовал об империалистическом характере войны. Поэтому он предложил своим министрам в восьми провинциях в знак протеста подать в отставку, что и было сделано. В ответ на это колониальная администрация ввела в этих провинциях губернаторское правление и создала правительства из назначенных ею чиновников.

Мусульманская лига также отказалась поддержать Великобританию в войне. Но она воспользовалась отставкой конгрессистских правительств в провинциях. Джинна сказал, что «высшее командование Конгресса несет главную ответственность за то зло, которое было причинено мусульманам и другим мень-

² Неру, Джавахарлал. Открытие Индии... – С. 465.

³ Там же. – С. 467.

шинствам» Он объявил 22 декабря 1939 г. «днем избавления от Конгресса и благодарения»⁴.

Против участия Индии в войне выступала и Коммунистическая партия Индии, которая находилась на нелегальном положении. Она назвала германский фашизм главным поджигателем войны, а британский империализм – силой, поощряющей фашистскую агрессию с целью направить ее против СССР. КПИ призвала использовать военный кризис для достижения независимости Индии.

Рост антивоенных настроений в Индии вынудил британские власти выступить 10 января 1940 г. с новым заявлением, в котором указывалось, что метрополия готова предоставить Индии права доминиона после войны в «возможно короткий срок». При этом Великобритания будет отвечать за оборону Индии в течение 30 лет после того, как Индия станет доминионом⁵. Руководство Конгресса отклонило это предложение. 26 января 1940 г., когда был проведен «День независимости», Конгресс призвал народ к борьбе за свободу страны.

Очередной ответ правительства Великобритании на требования индийцев о предоставлении независимости, получивший название «августовского предложения» (1940 г.), проигнорировал мнение индийских политических партий и их лидеров. Неру отмечал, что этот отказ был сформулирован в самых надменных выражениях и сопровождался прославлением английского господства и английской политики. За всем этим скрывалось «твердое намерение до последней возможности цепляться за Индию как за владение и собственность империи; империализм не желал разжимать своих когтей, которые он глубоко запустил в живое тело Индии»⁶.

Близкая к левому крылу Конгресса во главе с Неру газета *The National Herald* опубликовала 29 августа 1940 г. статью, в

⁴ M.A. Jinnah's appeal for the observation of Deliverance Day, 2 December 1939 // *The Indian Nationalist Movement...* – P. 153.

⁵ *Coupland R.* Indian Politics, 1936–1942. – London, 1943. – P. 237.

⁶ *Неру, Джавахарлал.* Открытие Индии... – С. 474–479, 518–520.

которой подчеркивалось, что освобождение Индии оказало бы сильное воздействие на мировое общественное мнение. Там же указывалось: «Мы уверены, что если война будет долгой, Англия не сможет победить без сотрудничества с Америкой, Индией и Россией». «Индия предложила Великобритании сотрудничество на условиях, почетных для обеих сторон. Целый год переговоров, консультаций, речей и дебатов закончился полным отказом Британии предоставить свободу Индии»⁷.

Кампания гражданского неповиновения

Ганди, Неру и другие лидеры Конгресса считали, что борьба Индии за освобождение была символом всех колониальных и эксплуатируемых народов, пробным камнем, на котором проверялась мировая политика. Если бы сотни миллионов людей в колониях знали и верили, что война ведется за их независимость, это стало бы важным моральным фактором, в том числе с военной точки зрения. Но политика колониального правительства препятствовала этому.

В сентябре 1940 г. Конгресс принял решение о проведении кампании гражданского неповиновения британским властям под антивоенными лозунгами. Ганди избрал форму индивидуального гражданского неповиновения. Назначенные для этой цели члены Конгресса, в основном из числа руководителей партии в центре, провинциях и на местах, выступали с антивоенными призывами и таким образом нарушали введенные колониальной администрацией законы военного времени. Участники этой кампании должны были заявить властям о своем намерении нарушить закон, указать дату, время и место своего действия. Их задачей было объяснять собравшимся суть следующих

⁷ *Qanungo, Bhupen. Preparations for Civil Disobedience. January–September, 1940 // A Centenary History. Vol. III... – P. 363.* В то же самое время британское правительство отказало и другой колонии – Бирме – после войны предоставить даже статус доминиона (а не полной независимости), хотя до этого англичане неоднократно заявляли, что этот статус составляет цель английской политики.

призывов: «Не вносить деньги в военный фонд; не посылать индийцев на войну; не давать материалов на военные цели». В случае ареста и последующего освобождения из тюрьмы участники кампании должны были снова и снова продолжать свои выступления.

Среди активных участников кампании гражданского неповиновения был и Неру. 31 октября 1940 г. он был арестован и приговорен судом к четырем годам тюремного заключения. Изложение его речи на суде было дано в ряде газет, несмотря на преследования со стороны властей и цензуру. Газете *The National Herald* в Лакхнау удалось опубликовать 5 ноября даже ее полный текст под заголовком «Британская империя перед всемирным судом... Свобода в опасности. Защитим ее всеми нашими силами». Власти тут же вынесли предупреждение газете и запретили публиковать речь Неру в других печатных изданиях. На суде Неру заявил, что он не был врагом народа Великобритании, а выступал против ее империалистической политики, против отказа колониального правительства предоставить свободу индийскому народу. В войне Британии против нацизма и фашизма Конгресс предложил британскому правительству сотрудничество на почетных условиях. Это сотрудничество было отвергнуто. Поэтому Конгресс был вынужден прибегнуть к гражданскому неповиновению, чтобы дать индийскому народу возможность выразить свое мнение и решить, что он должен и не должен делать в этой «британской войне».

5 ноября 1940 г. Неру писал Индире: «Суд надо мной продолжался два дня и вынес приговор – четыре года тюремного заключения за три речи, которые я произнес в дистрикте Горакхпур. За каждую речь меня осудили на один год и четыре месяца строгого тюремного заключения. Это самый продолжительный срок, который я испытал до сих пор. Четыре года кажутся долгим временем, чтобы строить планы на будущее. Но в нынешнем мире потрясений и перемен срок заключения не имеет большого значения»⁸.

За последующие полгода было арестовано около 25 тыс. участников кампании гражданского неповиновения. Но она не

⁸ Two alone, Two together... – P. 196.

вызвала широкого отклика в обществе. Колониальные власти полагали, что эта кампания не представляла угрозы для Британской империи. Вербовка в армию продолжалась прежними темпами, военная промышленность наращивала производство, выросло число рабочих мест. Власти обвиняли лично Ганди и Конгресс в том, что они препятствуют победе союзных войск над Германией. При этом информация о деятельности Конгресса, его позиции по вопросу о войне и независимости Индии тщательно цензурировались.

Только к концу 1941 г. большинство участников кампании гражданского неповиновения было освобождено из тюрем. Вместе с ними на свободу вышел и Неру. Таким образом, власти выключили Конгресс и все его руководство из политической борьбы. Это способствовало тому, что Мусульманская лига расширила движение за образование независимого Пакистана. В противовес этому пропаганда «Хинду махасабхи» в пользу единой неделимой Индии (Акханд Хиндустан) не была эффективной, поскольку ее влияние в массах было не столь значительным.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. привело к повороту по отношению к войне. Тогда авторитет СССР в Индии был весьма значительным. Руководство КПИ объявило, что характер мировой войны изменился, и она стала «народной войной». Компартия призвала к поддержке военных усилий Англии и сотрудничеству с ней в борьбе против Германии и Японии. В январе 1942 г. Конгресс заявил, что Советский Союз защищает гуманные, социальные и культурные ценности, которые имеют огромное значение для прогресса человечества, и стало бы трагедией, если катаклизмы войны привели бы к разрушению его достижений. Конгресс выразил восхищение самопожертвованием и героической борьбой советского народа против фашизма за свободу своей страны⁹.

В условиях войны и огромной зависимости Великобритании от ресурсов колоний, в первую очередь Индии, военный кабинет во главе с Черчиллем постоянно обсуждал вопросы, касавшиеся Индии. Собственных ресурсов – человеческих и материаль-

⁹ Prasad, Bimal. *Foreign Policy in the Making // A Centenary History*, Vol. III. – P. 831.

ных – Великобритании не хватало для ведения войны. После захвата Японией Сингапура в феврале 1942 г., когда 60 тысяч индийских солдат сдались японской армии, в Великобритании стали проявлять беспокойство тем, что японские войска могут быстро дойти до Калькутты. Британское правительство задумалось о пересмотре политики в отношении Индии. Сначала Черчилль был против каких-либо перемен в этом вопросе. Но президент США Рузвельт настаивал на том, чтобы Индия поддержала военные усилия союзников. Правительственный комитет по делам Индии во главе с лидером лейбористов, заместителем премьер-министра Клементом Эттли полагал необходимым объявить о новой политике в отношении Индии в надежде на «справедливое и окончательное» решение проблем этой страны. Черчилль предупреждал их: «Когда вы потеряете Индию, не обвиняйте меня»¹⁰. Но, тем не менее, он был вынужден объявить 11 марта о поездке члена военного кабинета Стаффорда Криппса в Индию с «исправленными и окончательными» предложениями по решению индийского вопроса.

Криппс прибыл в Дели в конце марта 1942 г. Там он провел отдельные встречи с представителями всех главных политических партий и группировок. Свои переговоры он вел на основе проекта декларации, одобренного военным кабинетом. Суть декларации состояла в следующем. Во время войны никаких изменений в управлении Индией не будет произведено. После войны предлагалось создать Индийский Союз, который станет доминионом, ассоциированным с Соединенным Королевством и другими доминионами. Провинции и княжества, не желающие войти в Индийский Союз, могут сохранить прежние отношения с британским правительством либо образовать отдельные доминионы. Им будет предоставлен такой же статус, как и Индийскому Союзу. Индийские политические партии должны оказывать помощь британскому правительству в ведении войны. Вся ответственность за оборону Индии возлагалась на британское правительство¹¹. Таким образом, впервые прави-

¹⁰ *Wolpert, Stanley.* Nehru. A Tryst with Destiny... – P. 301.

¹¹ Проект декларации английского правительства, представленный Стаффордом Криппсом // *Азад, Абул Калам.* Указ. соч. – С. 320–322.

тельство Великобритании официально объявляло, что готово предоставить Индии права доминиона сразу после окончания военных действий. Сохранялась возможность для выхода из Индийского Союза отдельных провинций и княжеств. Вся полнота власти в Индии во время войны оставалась в руках английского правительства, то есть колониальной администрации во главе с вице-королем.

Конгресс отказался принять британский план, так как в нем не было твердого заявления о предоставлении Индии независимости и создании временного национального правительства. 15 апреля 1942 г. Неру снова повторил то, о чем он говорил ранее: «Мы хотим сказать британским правителям... – вы сидите здесь неизмеримо долго по сравнению с тем добром, которое вы сделали. Уходите, говорю я вам. Позвольте нам расстаться с вами. Ради Бога – уходите! Мы хотим еще большего – наше стремление к свободе безгранично»¹².

Предложения Криппса подверглись критике всеми партиями и группами. Они критиковали их, исходя из своих интересов и политических позиций. Конгресс, например, хотел, чтобы исполнительный совет при генерал-губернаторе действовал в качестве правительства с участием индийцев. При этом генерал-губернатор был бы лишен права вето. Конгресс выступал против идеи о неприсоединении провинций к Индийскому союзу, считая, что это приведет к созданию Пакистана¹³. В свою очередь, Мусульманская лига возражала против создания Индийского союза, полагая, что в этом случае образование отдельного мусульманского государства станет невозможным.

В конечном итоге Ганди и Неру совместно разработали проект резолюции Рабочего комитета Конгресса, который потребовал ухода Великобритании из Индии. И если британцы откажутся от этого, Конгресс начнет ненасильственное движение

¹² *Qanungo, Bhupen. The Quit India Movement 1942 // A Centenary History. Vol. III... – P. 504.*

¹³ *The Cambridge Shorter History of India. – New Delhi: S. Chand & Co, 1969. – P. 960–961.*

неповиновения английским властям¹⁴. 25 апреля 1942 г. Неру встретился с личным представителем президента Рузвельта полковником Луисом Артуром Джонсоном и сказал ему, что Конгресс хотел бы иметь дело с Америкой, а не Британией. На это Джонсон ответил, что президент США исполнен решимости поддерживать Великобританию до окончания войны и сохранять целостность Британской империи. Никто не должен сомневаться, что Америка будет вести войну до конца. Если она будет убеждена, что Конгресс полностью поддерживает военные усилия союзников, то доброжелательные отношения с Конгрессом будут сохраняться. Если же окажется, что Конгресс колеблется или сдерживает своими действиями завершение войны, Америка возненавидит Конгресс. Джонсон передал эту «совершенно секретную» информацию вице-королю Индии¹⁵.

На следующий день Неру написал Джонсону, что предложения Криппса «совершенно неудовлетворительны». Он подчеркнул: «Мы полагаем, что независимый статус Индии будет признан Объединенными нациями (то есть странами, входящими в антигитлеровскую коалицию. – *Ф.Ю.*), и это окажет огромную помощь общему делу и укрепит наши связи»¹⁶. После этого Джонсон встретился с Криппсом, и они выработали новые предложения, с которыми ознакомили руководство Конгресса. Затем они представили их вице-королю, который был шокирован таким поворотом событий. Речь шла о министерстве обороны в колониальном правительстве, которое должно быть передано индийскому представителю. Это означало, что он обладал бы всей полнотой власти в вопросах обороны Индии.

При получении этой информации Черчилль созвал военный кабинет, который 9–10 апреля 1942 г. рассмотрел эти предложения Криппса. Реакция кабинета была отрицательной. Криппс подал в отставку, но она не была принята. Тем временем президент Конгресса Абул Калам Азад направил 10 апреля письмо Криппсу. Оно было подготовлено Неру и одобрено

¹⁴ См.: *Черешнева Л.А.* «Августовская революция» 1942 г. в Индии. – М.: ИНИОН РАН, 2007.

¹⁵ *Wölpert, Stanley.* Nehru... – P. 308, 309.

¹⁶ *Ibid.*

Рабочим комитетом Конгресса. В нем говорилось о том, что нужен новый психологический подход к индийскому народу, чтобы он поверил, что будет создано его собственное национальное правительство, и что оно защитит в войне его свободу. Индийцы совершенно не согласятся с прежней властью, которую олицетворяет в Англии министерство по делам Индии. Для них оно символизирует зло. Это министерство является анахронизмом и должно быть ликвидировано. Новое национальное правительство должно иметь все полномочия. Эти предложения могут рассматриваться как единодушное требование индийского народа¹⁷.

После этого Криппс телеграфировал Черчиллю: «Совершенно очевидно, что нет надежды на соглашение, и я выезжаю домой в воскресенье»¹⁸. Тогда же Криппс написал А.К. Азаду: «Я очень сожалею. Но ничего нельзя сделать, не поставить сегодня под угрозу защиту Индии... Вы предлагаете создать «настоящее национальное правительство. Как вы понимаете, это невозможно без весьма сложных конституционных изменений»¹⁹.

В свою очередь, Неру отправил письмо президенту Рузвельту. Он писал: «Я знаю, что Вы глубоко интересуетесь нынешней ситуацией в Индии... Провал миссии сэра Криппса, должно быть, огорчил Вас так же, как и нас... Мы боролись долгие годы за независимость Индии. Но нынешние угрозы вынуждают нас стремиться более всего... к созданию реального национального, народного сопротивления вторжению агрессора в Индию. <...> Мы всеми силами хотим сделать максимум для защиты Индии, свободы и демократии... Мы безоружный народ, но наш военный потенциал представляет большую силу... Мы шлем приветствия и добрые пожелания успеха Вашей великой стране»²⁰. Это письмо было направлено Рузвельту через полковника Джонсона.

¹⁷ Azad to Cripps, April 10, 1942 // The Transfer of Power (TOP), 1942–1947 / Edited by Nicholas Mansergh and E.W.R. Lumby. – London: HMSO, 1970. – Vol. 1. – P. 726–730.

¹⁸ Cripps to Churchill, April 10, 1942 // Ibid.

¹⁹ Cripps to Azad, April 10, 1942 // Ibid. – P. 732–733.

²⁰ Nehru to President Roosevelt, April 12, 1942 // SWJN. 1st series. Vol. 12. – P. 212–213.

Перед отъездом из Индии Криппс выступил с обращением к индийцам по радио: «Мы пытались дать предложение, которое должно было помочь Индии на ее пути к победе и свободе. Но в этот момент прошлое недоверие оказалось слишком сильным, чтобы позволить достичь соглашения». Ганди назвал английское предложение «чеком с просроченной датой от банка, терпящего кризис»²¹.

12 апреля 1942 г. Рузвельт попытался спасти миссию Криппса. Он направил Черчиллю послание, в котором писал, что «общественное мнение в США полагает, что англо-индийские переговоры были разорваны из-за нежелания Британского правительства предоставить право самоуправления индийцам, несмотря на их готовность поручить компетентным британским властям технический контроль над обороной на суше и море... Если эти переговоры потерпят крах <...> если Индия впоследствии будет захвачена Японией с последующими серьезными потерями, то трудно будет недооценить негативную реакцию на это американского общественного мнения. Поэтому не могли ли бы Вы отложить отъезд Криппса на том основании, что Вы лично передали ему инструкцию предпринять окончательные усилия, чтобы найти общую почву для взаимопонимания»²².

На это Черчилль ответил, что Криппс уже выехал из Индии и что все аргументы уже были опубликованы. «Я не чувствовал, что мог взять ответственность за оборону Индии, если все было бы вновь брошено в этот критический момент в плавильный тигель... Любое серьезное разногласие между Вами и мной разбило бы мое сердце и наверняка глубоко ранило бы наши страны». После этого Рузвельт не возвращался к дальнейшему обсуждению этого вопроса²³.

Миссия Криппса закончилась провалом. Ни одна из сторон не хотела идти на серьезные уступки.

²¹ Cripps's broadcast, Delhi, April 11, 1942 // TOP, Vol. 1. – P. 755.

²² Roosevelt to Harry Hopkins, April 12, 1942 // Ibid. – P. 759.

²³ Churchill to Roosevelt, Chequers, April 12, 1942 // Ibid. – P. 764.

Индия и японская угроза

В начале 1942 г. война приблизилась к Индии. Японцы начали бомбить Калькутту, Мадрас, Висакхапатнам, Какинаду. Японская угроза стала реальной. В апреле 1942 г. руководство Конгресса еще раз определило свою позицию по отношению к войне: «Мы не подчинимся ни британским империалистам, ни японским агрессорам», – заявил Неру. «Возможно, что мы окажемся перед лицом катастрофы, но сохраним самоуважение и честь. И из этой катастрофы поднимется свободная и независимая Индия». Неру говорил о своей поддержке Объединенных Наций, о готовности индийцев защищать страну от японцев с оружием в руках в союзе с Великобританией, США и Китаем. При этом он неизменно подтверждал свою оппозицию британскому правлению в Индии. Тогда же в апреле 1942 г. в Индию прибыли американские войска. Отношение индийцев к участию США в обороне Индии было неоднозначным, а скорее негативным. В этой связи Ганди писал: «Мы знаем, что означает американская помощь. В конечном итоге она означает усиление американского влияния, если не американское правление, в дополнение к британскому правлению. Это огромная цена за возможный успех союзных сил»²⁴. Ганди также утверждал следующее: «Америка – союзник Англии, которая держит нас в рабстве. Я совершенно не уверен, что демократии (Англия и США) создадут более справедливый мир после того, как победят фашистов. Они сами могут стать такими же фашистскими. <...> Я не вижу никакой разницы между фашистскими или нацистскими державами и союзниками, – продолжал Ганди. – Все они эксплуататоры, все прибегают к жестокости, чтобы достичь своей цели. Америка и Британия великие государства, но их величие будет повержено в прах перед судом безмолвных народов Африки и Азии. Америка и Британия одни в состоянии испра-

²⁴ *Qanungo, Bhupen. The Quit India Movement... – P. 509–510, 512.*

вить зло. Но у них нет права говорить о свободе человека и тому подобном, пока они не смоят грязь со своих рук»²⁵.

В апреле 1942 г. президент Конгресса Абул Калам Азад подтвердил незыблемость решения о полной независимости: «Только свободная Индия может защитить себя». Он выступил против тех, кто думал «поменять хозяев Индии», то есть англичан, на японцев. После острой дискуссии в руководстве партии было принято решение о ненасильственном несотрудничестве с японцами в случае их нападения на Индию. В мае 1942 г. Ганди неоднократно призывал англичан уйти из Индии. Так, 15 мая 1942 г. он заявил: «Я говорю им (англичанам. – Ф.Ю.) – уходите. Почему я делаю это? Потому что в любом случае они должны уйти. Они терпят поражение, начиная с Сингапура, затем в Бирме, а теперь уже у ворот Индии. Если они продолжают оставаться здесь, это будет означать страдание для Индии. Да, я прошу их уйти...Если они не послушаются моего совета, я буду вынужден заставить их уйти при помощи несотрудничества или гражданского неповиновения». Ганди также сказал: «Япония для меня является агрессором», а англичане – «прямыми агрессорами, они нисколько не лучше японцев»²⁶.

22 мая 1942 г. Неру заявил, что Индию ожидают большие изменения, что в течение нескольких последующих месяцев мировая история будет написана в двух странах – Индии и России. Он также сказал, что Конгресс не пойдет на компромисс с британским правительством, поскольку это означало бы подчинение британской власти и согласие с британским правлением²⁷. Неру писал, что индийцы не питали симпатии к Японии, но получали удовлетворение, наблюдая крушение старых европейских колониальных держав под натиском вооруженной мощи азиатской державы. Прояпонские настроения, отмечал он, «практически отсутствовали, ибо никто не желал менять хозяев, прокитайские же настроения были сильны и широко рас-

²⁵ *Fischer, Louis*. A Week with Gandhi. – New York: Duell, Sloan and Pearce, 1942. – P. 58, 63.

²⁶ *Qanungo, Bhupen*. The Quit India Movement... – P. 519, 525.

²⁷ *Selected Works of Jawaharlal Nehru* / ed. S. Gopal. Vol. XII... – P. 325–330.

пространены». Однако была небольшая группа людей, позиция которых была косвенно прояпонской – в том смысле, что они рассчитывали воспользоваться японским вторжением в интересах освобождения Индии... Большинство же было пассивным, молча выжидая дальнейшего развития событий²⁸.

И все же в Индии довольно широко было распространено мнение, что в случае оккупации японцами восточных районов страны произойдет развал английской администрации в других районах. Возникнет хаос. Так произошло в Малайе и Бирме, где под натиском японских войск британская власть перестала существовать. Но учитывая, что Индия – огромная страна, вряд ли можно было ожидать, что японцы захватят какую-то значительную ее часть. Тем более, что в Китае они не смогли оккупировать всю его территорию. В любом случае Конгресс настаивал на сопротивлении Японии любой ценой²⁹.

Движение «Прочь из Индии!»

В мае 1942 г. британское правительство стало получать информацию от секретных служб о том, что Конгресс готовит массовое движение гражданского неповиновения британским властям. В июле руководство партии потребовало от англичан уйти из Индии («Прочь из Индии!»). 5 августа Рабочий комитет Конгресса вновь подтвердил это решение. Неру указал при этом, что нельзя допустить вывода из Индии союзных войск, так как это открыло бы двери для вторжения Японии³⁰.

7 августа 1942 г. на сессии ВИКК в Бомбее было принято решение об уходе Великобритании из Индии, провозглашении ее независимости, создании временного правительства страны. Подчеркивалось, что независимость придаст Индии силы бороться против любой агрессии. «Свобода Индии должна стать символом и прелюдией к свободе всех других азиатских наций, находящихся под иностранным господством, – говорилось в

²⁸ Неру, Джавахарлал. Открытие Индии... – Р. 491, 514.

²⁹ Там же. – С. 515.

³⁰ SWJN. Vol. XII. – Р. 436–453.

резолуции ВИКК, – Бирма, Малайя, Индокитай, Голландская Индия, Иран и Ирак также должны обрести полную свободу³¹.

«Я хочу, чтобы мы получили свободу немедленно... – заявил Ганди. – Я говорю: ничего другого, кроме свободы». Он также подчеркнул: «Я даю вам короткую мантру. Вы можете запечатлеть ее в своем сердце и при каждом вашем дыхании произносить ее. Вот она: «Сделай или умри». Мы либо освободим Индию или умрем в попытке сделать это. Мы больше не будем жить в рабстве»³².

Подводя итог обсуждению, Неру сказал, что Конгресс «будет вести борьбу до конца». Голос Индии представляет «голос всего угнетенного человечества». Нынешняя мировая война является «прелюдией» огромной революции, охватившей весь мир. «Война может закончиться или продолжиться еще какое-то время, но мира не будет, равновесие не будет достигнуто до тех пор, пока эта революция не пойдет своим путем, – подчеркнул Неру. – ...Несмотря на все угрозы и опасности, Англия не хочет отказаться от империализма и империи... В течение последних месяцев мы наблюдали невиданный ранее пример неэффективности и некомпетентности английского правительства. Вся эта система прогнила насквозь»³³.

«Могу ли я, при всем уважении к великому американскому народу, сказать ему, – продолжал Неру, – что он неправильно вел себя в отношении Индии, Китая и всей Азии. Американцы считали Индию придатком Британии, а Азию – зависимой от Европы и Америки. Некоторые из них доброжелательно относятся к этим странам, но всегда с оттенком превосходства. Они всегда считали себя выше нас из-за изобретений машинной эпохи, рассматривая нас как невежественных отсталых людей. Но народы Азии не намерены, чтобы и впредь с ними обращались таким же образом. Азия – мать-континент всего мира, а Индия и Китай – материнские страны мира...» В заключение Неру подчеркнул: «...если японцы придут в Индию, будем стра-

³¹ Quit India Resolution. August 7–8, 1942. Bombay // Congress Varnika... – P. 74–77.

³² *Tendulkar D.G. The Mahatma... Vol. 6.* – P. 199.

³³ Congress Varnika... – P. 83, 86.

дать все мы, а не люди в Лондоне и Вашингтоне. Нам придется умереть, испытать невиданные страдания и муки. Эти люди поучают нас из Вашингтона, Нью-Йорка и других мест. Но вы сами знаете, что такое Япония. Мы знаем, что такое подчинение и зависимость, мы знаем это лучше американцев или англичан. Мы испытываем это в течение двухсот лет. И мы пришли к решению сбросить оковы в огонь и стать свободной страной, а не превращаться в пепел»³⁴.

8 августа 1942 г. ВИКК в Бомбее принял решение начать массовую борьбу за независимость Индии и довести ее до конца. Но на следующий день в 5 часов утра полиция провела аресты Ганди, Неру, Азада, Пателя, Сароджини Наиду, Ашоки Мехты, Асафа Али, других членов Рабочего комитета Конгресса по обвинению в подготовке заговора с целью свержения правительства. Были арестованы и руководители провинциальных организаций партии. Деятельность Конгресса была запрещена. Аресты руководителей Конгресса обезглавили партию и движение. Но часть членов Конгресса ушла в подполье. Среди них была Аруна Асаф Али (1909–1996). Именно она подняла на площади в Бомбее трехцветный флаг национально-освободительного движения и объявила о начале кампании «Прочь из Индии!»³⁵.

Массовые демонстрации и забастовки протеста, в которых приняли участие десятки тысяч людей и получившие название Августовской революции, были жестоко подавлены властями. Колониальные власти действовали в соответствии с хорошо разработанным планом, предусматривавшим упреждающий удар по организациям Конгресса. У них были все возможности для того, чтобы сокрушить Августовскую революцию – в их распоряжении находилась не только полиция, но и огромная армия, созданная во время Второй мировой войны. Только в первые дни после объявления Конгрессом движения «Прочь из Индии!» для его подавления, кроме полиции, было использова-

³⁴ Ibid.

³⁵ О деятельности Аруны Асаф Али см.: *Васильева Л.А.* Легенда национально-освободительного движения Аруна Асаф Али // *Выдающиеся женщины Индии XX века.* – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 136–165; *Юрлова Е.С.* Женщины Индии. Традиции и современность. – М.: ИВ РАН, 2014. – Р. 371–389.

но 50 армейских батальонов. Власти действовали жестко и быстро. После ареста главных лидеров конгрессистское движение осталось без центрального руководства, без координации деятельности провинциальных организаций, которые вынуждены были действовать по своему усмотрению, без какого-либо общего плана. Их действия состояли в основном в нападениях на полицейские участки и почту, железнодорожные станции и пути сообщения. На короткий период управление в ряде дистриктов в Бихаре, Уттар-Прадеше и Ассаме было нарушено. Но уже через несколько недель власти взяли ситуацию под свой контроль. По участникам движения полиция неоднократно открывала огонь. В результате было убито 763 человека, ранено – 1941, арестовано более 91 800³⁶.

Несмотря на поражение движения, оно стало серьезным предупреждением колониальным властям о возможном будущем выступлении Конгресса уже после войны, когда они не могли бы рассчитывать на огромные материальные, военные и психологические ресурсы, использованные ими для подавления «Августовской революции».

6 мая 1944 г. после года и девяти месяцев заключения Ганди был освобожден по состоянию здоровья. Это было его последнее заточение в тюрьме. Другие лидеры Конгресса оставались в тюрьмах до мая 1945 г. 15 июня этого года был освобожден Неру – спустя 1041 день после ареста в августе 1942 г. Так закончилось его девятое, самое длительное тюремное заключение³⁷. Отметим, что в то время как лидеры Конгресса сидели в тюрьмах, основные руководители Мусульманской лиги нахо-

³⁶ *Brown J.M.* Modern India. P. 311–314. Когда Индия уже находилась на пороге независимости, Черчилль сказал Неру, тогда вице-премьеру Временного правительства: «Вы победили двух величайших врагов человека – ненависть и страх». Эту же мысль он позже высказал сестре Неру В.Л. Пандит и при этом добавил: «Я надеюсь, что вы не держите зла против нас за то, что мы сажали вас в тюрьмы». А также отметил, что «одной из больших ошибок, которые британцы допустили в Индии, было то, что у них не было социальных контактов с индийцами». [*Pandit, Vijaya Lakshmi.* Op. cit. – P. 283–284.

³⁷ *Congress Varnika...* – P. 87–89; *Неру, Джавахарлал.* Открытие Индии... – С. 625.

дились на свободе и могли использовать эту возможность для усиления своего влияния³⁸.

Последнее тюремное заключение Неру

Джавахарлал Неру большую часть своего последнего тюремного заключения провел в тюрьме Ахмеднагара (с 9 августа 1942 г. по 28 марта 1945 г.). Затем он был переведен сначала в тюрьму Наини в Аллахабаде, потом в Центральную тюрьму в Барейли и, наконец, в дистриктовую тюрьму в Альморе. В тюрьме Ахмеднагара вместе с Неру находились одиннадцать членов Рабочего комитета Конгресса: президент партии Абул Калам Азад, Валлабхаи Патель, Г.Б. Пант, Дж.Б. Крипалани, Асаф Али, Нарендра Дев, П.Ч. Гхош, Саед Махмуд, Шанкаррао Део, Харекришна Махтаб и Паттабхи Ситарамаяя.

Накануне Нового 1943 г. Ганди направил письмо вице-королю Линлитгоу, в котором писал, что он терпеливо ждал полгода решения властей и уже теряет терпение. «В такой момент закон сатьяграхи предусматривает испытание в виде голодовки. Убедите меня в моих ошибках, – писал он, – и я приму соответствующие меры и сделаю значительные корректировки»³⁹.

6 января 1943 г. вице-король ответил ему (согласовав ответ с министром по делам Индии Эмери): «... если я правильно понял Ваше письмо в свете того, что произошло, Вы желаете сейчас пересмотреть Ваши шаги и отказаться от политической линии прошлого лета. В этом случае Вам нужно только дать знать мне об этом»⁴⁰.

19 января 1943 г. Ганди ответил Линлитгоу: «...боюсь, что вывод, который Вы делаете из моего письма, неправильный... Конечно, я сожалею о том, что произошло 9 августа 1942 г. Но разве я не возложил всю вину за это на правительство Индии?... Я уверен, что все было бы хорошо, если бы Вы приостановили

³⁸ <http://pakistaniat.com/2007/02/09/jinnah-maulana-fazlur-rehman-jui-freedom-fighter>.

³⁹ Gandhi to Dear Lord Linlithgow. New Year's Eve 1942, TP. Vol. 3. – P. 432–440 // Цит. по: *Wolpert, Stanley. Nehru...* – P. 320.

⁴⁰ Цит. по: *Wolpert, Stanley. Nehru...* – P. 321.

Ваши действия и предоставили бы мне возможность встретиться с Вами, о чем я заявил 8 августа 1942 г... Если Вы хотите, чтобы я внес какое-либо предложение от имени Конгресса, Вы должны дать мне возможность встретиться с членами Рабочего комитета. Я прошу Вас принять решение, чтобы выйти из этого тупика». На это вице-король ответил 25 января: «Я очень рад был прочесть, что Вы безоговорочно осуждаете любое насилие. Но события и даже то, что происходит сегодня, показывают, что это не находит полной поддержки... Ваших последователей»⁴¹.

После этого Ганди решил провести голодовку в течение трех недель, начиная с 9 февраля 1943 г. Голодовка предполагала отказ от твердой пищи и прием только воды и соков.

Узнав об этом, Черчилль направил совершенно секретное послание вице-королю, в котором требовал не проявлять никакого снисхождения в отношении Ганди. Это «превратило бы в посмешище все наше правительство в Индии и в Англии, – писал он. – ...Я убежден, что все это может причинить явный ущерб нашей военной политике во всем мире, который приближается к победе после стольких опасностей, успешно преодоленных решимостью Британии»⁴². Линлитгоу был согласен с премьер-министром. Но при обсуждении этой проблемы в Исполнительном совете все его члены единодушно выступили против дальнейшего задержания Ганди в тюрьме, если он начнет голодовку.

8 февраля 1943 г. на заседании военного кабинета Англии Черчилль разразился гневной тирадой в адрес Ганди: «в час наших побед во всем мире нельзя ползать перед жалким старикашкой, который всегда был нашим врагом»⁴³.

Ганди начал свою голодовку во дворце Ага Хана, превращенного в тюрьму в Пуне 10 февраля 1943 г. Через несколько дней заключенные в тюрьме Ахмеднагара члены Рабочего комитета Конгресса узнали об этом. Неру подготовил проект письма вице-королю от имени президента Конгресса Абула Калама Азада. В письме указывалось, что Всеиндийский комитет Конгресса

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Цит по: *Wolpert, Stanley. Nehru... – P. 322.*

никогда не давал секретных инструкций проводить кампанию саботажа.

К этому времени переписка Ганди с вице-королем была опубликована в печати. Для Неру письма Ганди были «разочаровывающими»: «...какая разница в тональности по сравнению с его высказываниями до ареста! Там был огонь, и электрические искры вылетали из его слов и фраз. А сейчас – этот тон оправдания, защиты, обращения к закону. Это не звонкий язык сопротивления – будь что будет. Но, как всегда, Ганди, наверное, отражал настроение страны». «А что будет, если Ганди умрет? – размышлял Неру. – Конец эпохи в Индии, и горечь, которая поразит сердце каждого индийца. Это будет война, которая продолжится любыми способами, вне зависимости от взлетов и падений»⁴⁴

17 февраля 1943 г. трое индийцев – членов Исполнительного совета при вице-короле подали в отставку в знак протеста против продолжавшегося тюремного заключения Ганди, состояние которого находилось на грани жизни и смерти. Однако через несколько дней он почувствовал себя лучше и 3 марта 1943 г. завершил 21-дневную голодовку.

Теперь уже даже умеренные либералы требовали от правительства освободить Ганди без каких-либо условий. Однако власти оставляли это без внимания. А Неру продолжал терзаться вопросами насилия и ненасилия. Он записал в дневнике: «Сама война рождает ментальность насилия. Как мы можем призывать людей защищать страну против иностранного агрессора, <...> и в то же время просить их не использовать насилие в их борьбе за национальную свободу?»⁴⁵.

Новый вице-король Индии Арчибалд Персивал Уэйвелл, командующий войсками в Индии и Бирме, который сменил на этом посту Линлитгоу, внес новый элемент в индийскую политику, что было связано с близким завершением войны. 6 мая 1944 г. Ганди с учетом его слабого здоровья был досрочно и без условий освобожден из заключения. Он переехал из Пуны в Бомбей, где его здоровье начало быстро восстанавливаться.

⁴⁴ Ibid. – P. 323.

⁴⁵ Ibid. – P. 324.

В этой связи Эмери напомнил Уэйвеллу слова Джорджа Байрона в отношении его тещи: сначала она была «опасно больна», а теперь – «опасно здорова».

К Ганди толпой стали идти почитатели и последователи. Одной из первых его навестила Индира, которая потом сообщила об этом отцу. Он ответил ей, что всем надо воздерживаться от того, чтобы беспокоить Ганди. «Одна из его бед состоит в том, что ему редко удается отдыхать и пользоваться уединением»⁴⁶.

В Ахмеднагарской тюрьме Неру за пять месяцев написал книгу «Открытие Индии» – большой труд по культуре, истории, философии, экономике и политике страны. За время этого тюремного заключения Неру – два года, 10 месяцев и шесть дней – произошли важнейшие события в мире. Главным из них было окончание Второй мировой войны, хотя до капитуляции Японии оставалось еще несколько месяцев.

Вслед за руководителями Конгресса последовали аресты и активистов партии, в том числе членов семьи Неру. Индира приняла участие в нескольких митингах в поддержку лозунга «Прочь из Индии!» На одном из них она была жестоко избита полицией. Позже, 11 сентября 1942 г., она прибыла на центральную площадь Аллахабада, где собралось более трех тысяч человек. Ее муж Фероз был одним из организаторов этого митинга и тайно присутствовал на нем (еще раньше был выдан ордер на его арест). В тот момент, когда Индира собиралась произнести речь, на площадь прибыла группа вооруженных полицейских. Один из них направил оружие на Индиру. Фероз вместе с другими участниками митинга бросился защищать ее. Полиция арестовала их обоих и еще нескольких человек. В тот же день их доставили в тюрьму Наини. Фероз был приговорен к одному году тюремного заключения и штрафу в 200 рупий, а в случае неуплаты штрафа – дополнительно к шести месяцам тюрьмы⁴⁷.

Индира была арестована без суда, в соответствии с законом о защите Индии. Ее поместили в ту же тюрьму Наини, в которой много лет сидел в заточении ее отец, и откуда он писал ей письма, составившие потом книгу «Взгляд на мировую историю». В ту самую тюрьму, куда она много раз приходила на свидания

⁴⁶ Two alone, Two together... – P. 433, 434.

⁴⁷ Vasudev, Uma. Op. cit. – P. 187.

с ним и его соратниками по борьбе за независимость. Теперь она сама оказалась там на положении заключенной. Ее поместили в женском бараке, тесном, душном, в камере с решетчатым окном. Туалет в углу камеры был отгорожен занавеской. В этом помещении находились шесть политических заключенных женщин. Все они спали на матрацах на каменном полу. Первые шесть недель в тюрьме у Индиры была высокая температура. Она заметно похудела и ослабла. Позже тюремные власти повысили ее статус до «класса А», так же как и Лакшми Виджае Пандит и ее дочери Чандралекхи, которые также находились в этой тюрьме. Это означало улучшенное питание, включавшее яйца и молоко.

Рядом с камерой Индиры находились уголовницы, осужденные за воровство, проституцию и убийство. Своими постоянными ссорами и криками они создавали невыносимый шум. Чтобы внутренне изолировать себя от этого, Индира объявила, что будет сохранять молчание с утра до 5 часов вечера.

Ей была предоставлена возможность свидания с мужем в тюрьме один раз в две недели. Кроме того, им разрешили встретиться 19 ноября 1942 г., когда Индире исполнилось 25 лет. Однако в марте 1943 г. Фероз был переведен в другую тюрьму в Фазиабаде.

В это же время Неру находился в тюрьме Ахмаднагар форт, более чем за тысячу километров от дочери. Переписка между ним и Индирой не разрешалась. В конце ноября 1942 г. Неру получил сообщение от правительства Соединенных провинций о том, что Индира была обследована врачом, который диагностировал неудовлетворительное состояние ее здоровья. Это было первое известие о дочери со времени ее ареста. 25 марта 1943 г., впервые за семь месяцев, Индире было дано разрешение на переписку с отцом. Она писала ему: «Все эти месяцы я ждала и ждала и, в конце концов, оставила все надежды получить весточку от тебя. И все это время, за много миль от меня, ты тоже ждал этого. Ты находился за одними стенами, а я за другими». Индира сообщала, что может отвечать на письма отца, но не имеет права первой писать ему.

Переписка дочери с отцом, конечно, учитывала, что все письма подвергаются цензуре. В одном из них Неру в шутливой форме просил извинения у цензора за то, что письмо получи-

лось длинным. Цензор иногда замарывал черными чернилами целые страницы их писем.

Одной из главных тем переписки были книги. В письме от 25 марта 1943 г. Индира писала, что прочла много старых книг – классиков и иных. Таких, как Бальзак, Руссо, Л. Толстой («Война и мир») и других. Она отмечала, что в тюремной библиотеке есть хорошие книги. В последующих письмах она писала о Бернарде Шоу, Джоне Стюарте Милле. Эптоне Синкере, Вирджинии Вульф, Люисе Кэрролле, Новой антологии современной поэзии... В свою очередь, отец направлял ей посылки с книгами. Так, в письме от 8 мая 1943 г. он сообщал, что послал ей восемь разных книг. Среди них Вольтер, Чехов, Платон⁴⁸. Но книги направлялись и в тюрьму к Неру, в том числе и от имени Индиры. Это делала его сестра Кришна.

Переписка отца и дочери, помимо обмена новостями, носила весьма содержательный характер. Так, в письме от 27 ноября 1943 г. Неру писал Индире, что его особенно интересуют, кроме Индии, три страны: США, СССР и Китай. Каждая из них привлекает по разным причинам, поскольку они отличаются друг от друга. «По сути, – писал он, – я думаю о них как о странах с большим будущим. Почему-то Европа не интересует меня так сильно. В ней не чувствуется жизненности и свежести... Мне нужны новые просторы, новые пути, новые мысли и настроения. Я не получаю этого в Европе или из Европы. Но это дают Америка, Россия и Китай. Хотя Китай, конечно, сильно отличается от первых двух. Китай постоянно напоминает мне об Индии, но странным образом, как своеобразное зеркало, в котором вещи выглядят как те же самые, и тем не менее иначе. Китай часто помогает мне понимать Индию лучше как с положительной стороны, так и критической. Почему-то я не могу избавиться от мысли, что нам придется много иметь дела с этими тремя странами в будущем – Америкой, Россией и Китаем»⁴⁹.

13 мая 1943 г. Индира Ганди вышла на свободу после 243 дней пребывания в тюрьме. После этого ей и Виджае Лакшми Пан-

⁴⁸ Two alone, Two together. Letters between Indira Gandhi and Jawaharlal Nehru, 1922–1964 / Ed. Sonia Gandhi. – New Delhi: Penguin Books India, 2005. – P. 360.

⁴⁹ Ibid. – P. 411.

дит был предъявлен ордер на интернирование в доме Ранджита Пандита около Альморы. Но они обе отказались подчиниться этому. В результате Виджаю Лакшми вновь арестовали, хотя и на короткий срок. А Индиру оставили на свободе по причине слабого здоровья. Фероз был освобожден из тюрьмы 10 июля того же года и встретился с Индирой впервые после тюрьмы в Панчгандже, недалеко от Пуны⁵⁰.

20 августа 1944 г. у нее родился сын Раджив, а 14 декабря 1946 г. появился на свет второй сын – Санджай.

Индийская национальная армия

После начала Второй мировой войны основанная Босом партия «Форвард блок» была запрещена по Закону об обороне Индии, а сам он арестован. Несмотря на это, Бос был избран членом Центрального законодательного собрания. Войну он рассматривал как возможность завоевания независимости Индии уже в ближайшем будущем. В начальный период войны вплоть до вторжения Германии в СССР он исходил из того, что Британия может потерпеть поражение, и тогда в ближайшем будущем передача власти в руки индийского народа осуществится мирным путем⁵¹.

Если учесть ситуацию в Европе и предположить, что Британия не сможет избежать германо-итальянского нападения, – писал Бос, – тогда нечего думать, что Империя спасется вместе с Британией. Во время этого кризиса Индия должна думать, прежде всего, о себе. Если она сможет победить, то наилучшим образом послужит человечеству. Индийский народ должен потребовать немедленной передачи власти в свои руки с помощью Временного национального правительства. После того, как обстановка прояснится в Индии и за границей, это правительство

⁵⁰ *Frank, Katherine. Indira. The Life of Indira Nehru Gandhi. – New Delhi: Harper Collins Publishers. 2007. – P. 187.*

⁵¹ *Presidential Address at the Second session of the All-India Forward Bloc Conference held at Nagpur, June 18, 1940 // Bose S. Ch. Crossroads. 1938–1940. – Bombay: Asia Publishing House, 1962. – P. 310–321.*

созовет Учредительное собрание для выработки конституции страны.

17 января 1941 г. Бос бежал из-под домашнего ареста в Калькутте, сначала в Пешавар, затем в Кабул. Там он через посольства Германии и Италии получил транзитную визу для поездки через Москву в Берлин. 31 марта Бос встретился в Москве с послом Германии в СССР Ф.В. Шуленбургом и в тот же день поездом выехал в Берлин. По имеющимся данным, у него не было встреч с советскими политическими руководителями⁵².

В Берлине Бос представил немцам свой «План сотрудничества между державами оси и Индией». В нем подчеркивалось, что Индия заинтересована в полном поражении Великобритании в войне и распаде Британской империи, что дало бы возможность Индии добиться независимости. Так как индийский народ относится к англичанам исключительно враждебно, он (Бос) может оказать содействие в том, чтобы «выбросить» Великобританию из своей страны. Бос особо отмечал, что поражению британцев в Индии может содействовать Япония. Ее продвижение в сторону Индии приведет к открытому столкновению с Великобританией. И если Америка придет на помощь англичанам, то японцы все равно могут одержать победу. Поражение британского флота на Дальнем Востоке, а также в Сингапуре ослабит британскую военную мощь и еще более подорвет престиж Великобритании в Индии⁵³.

Однако после нападения Германии на Советский Союз Бос понял, что его планы по вовлечению Германии в борьбу за освобождение Индии рушатся. Он заявил немцам, что германско-советская война – трагическая ошибка, так как «индийский народ определенно считает Германию агрессором. Поэтому для Индии она является еще одной империалистической державой»⁵⁴. Бос не смог добиться от гитлеровского руководства каких-либо обя-

⁵² German Millitary Intellegence /ed. P. Leverkusen. – London, 1954. – P. 117.

⁵³ *Hawner, Milan.* India in Axis Strategy. Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – P. 654–663.

⁵⁴ Bose's letter to Woermann 05.07.1941 // German Foreign Office 195/139182.

зательств в отношении независимости Индии. Но ему было разрешено создать Центр «Свободная Индия», который объединял несколько десятков индийцев. Основная деятельность центра заключалась в публикации газеты «Азад Хинд» («Свободная Индия») и ведении радиопередач на Индию на английском, хинди, персидском, пушту, тамили, телугу и еще нескольких индийских языках. Вся эта работа контролировалась немецкими властями⁵⁵.

Встреча Боса с Гитлером 27 мая 1942 г. окончательно развеяла его иллюзии относительно помощи немцев индийцам в борьбе за независимость. Гитлер заявил, что опубликование декларации об освобождении Индии не имеет смысла, когда враг еще не разбит. Путь к Индии, сказал Гитлер, мог бы лежать через «труп России», британское господство в Индии можно сокрушить только одновременными совместными усилиями революции в самой Индии и военным ударом держав оси. Он выдвинул четыре главные задачи, стоящие перед Индией: нейтрализация британского влияния; выступление в качестве барьера против СССР; достижение соглашения с Японией по вопросу о восточной границе с Индией и, наконец, внутренняя реорганизация Индии для достижения единства страны, что может занять сто или даже двести лет⁵⁶.

Как отмечалось, Неру был против какого-либо сотрудничества как с фашистской Германией, так и с милитаристской Японией.

В начале февраля 1943 г. Бос покинул г. Киль на германской подводной лодке, затем в районе острова Мадагаскар он перебрался на японскую подводную лодку, которая доставила его в Сабанг близ острова Суматра. Оттуда он прилетел в Токио 16 мая 1943 г. Дважды Бос был принят премьер-министром Японии генералом Хидеки Тодзио. Через несколько дней Тодзио заявил в парламенте: «Япония твердо решила использовать все средства, чтобы помочь изгнать из Индии англо-саксонцев, ко-

⁵⁵ *Bose S.Ch. The Indian Struggle... – P. 441–442.*

⁵⁶ *Conversation between S.Ch. Bose and A. Hitler on 27 May 1942 in the presence of the Foreign Minister Ribbentrop, the Secretary of State Keppler and Walter Hewel // German Foreign Office 1314/350373–87.*

торые являются врагами индийского народа, и способствовать Индии добиться независимости в полном смысле этого слова»⁵⁷.

За время этого рискованного путешествия Боса на фронтах Великой отечественной войны произошли решающие события. Главным из них была Сталинградская битва, которая стала поворотным пунктом в истории Второй мировой войны. Однако на Востоке ситуация к этому времени складывалась иначе. Японские войска уже к весне 1942 г. захватили Бангкок, Малайзию, Сингапур, а позже – Рангун и подошли к границам Индии. Поражение англичан в Юго-Восточной Азии оказало большое влияние на два с половиной миллиона этнических индийцев, проживавших в этом регионе. В плену у японцев оказалось 55 тыс. индийских солдат. С их участием была создана Индийская национальная армия (ИНА), которую японцы хотели использовать в войне против Англии.

Августовская революция в Индии способствовала подъему патриотического духа среди солдат ИНА. Но ситуация на фронтах стала меняться не в пользу Японии. В мае и июне 1942 г. японский флот впервые за время войны потерпел поражение в морских боях с американскими кораблями в Коралловом море и около атолла Мидуэй. Япония потеряла господствующее положение на Тихом океане, что сказалось на ее действиях в Юго-Восточной Азии⁵⁸. Это отразилось на поведении японцев по отношению к индийцам. Японцы перестали говорить об освобождении и независимости Индии. Что касается ИНА, то они взяли ее под еще более жесткий контроль, а затем начали разоружать эту армию. К началу 1943 г. в ней насчитывалось всего около 8000 человек⁵⁹. В это время в Японии появился Субхас

⁵⁷ Цит. по: *Hauner, Milan*. Op. cit. – P. 561.

⁵⁸ *Williamson, Murrey, Millett Allan*. A War to be Won. Fighting the Second World War. – Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000. – P. 192–195.

⁵⁹ М.Н. Рой в своих мемуарах писал, что ко времени Первой мировой войны индийские революционеры с надеждой смотрели на Германию в борьбе против Великобритании. После посещения Японии в 1915 г., где он встретил индийского революционера Раш Бехари Боса, М.Н. Рой отметил: «Я был весьма удивлен, что Р.Б. Бос верил в то, что наша миссия осво-

Чандра Бос. При поддержке японцев он развил активную деятельность. Численность ИНА быстро возросла до 20 тыс. человек. В октябре 1943 г. Бос провозгласил создание Временного правительства свободной Индии, в котором занял все руководящие посты – главы государства, премьер-министра, военного министра и даже министра иностранных дел. Позже он предпочел, чтобы его называли *Нетаджу* (Вождь).

К этому времени во Второй мировой войне произошел коренной перелом на советско-германском фронте. Битва на Курской дуге 5–12 июля 1943 г. завершилась разгромом немецких войск и стала самым масштабным сражением в мировой истории и, по существу, решила исход войны. По словам американских военных историков У. Муррея и А. Миллетта, «...наступило время подведения счетов. После этой битвы стратегическая инициатива перешла в руки советского командования»⁶⁰. В результате Япония уже не вынашивала каких-то крупных военных планов против Индии⁶¹. Задачи, которые ставили перед собой японцы, носили ограниченный характер – занять часть побережья Бенгальского залива около Читтагонга, а также Имфал и Кохиму в Ассаме, чтобы предотвратить ожидаемое контрнаступление британских войск.

В марте 1944 г. японцы начали наступление на Имфал, в котором приняли участие около 6 тыс. солдат ИНА. Бос настаивал на том, чтобы первыми на индийскую землю вступили солдаты его армии⁶². Однако к середине мая наступление японцев захлебнулось, а 3 июня 1944 г. японцы начали отступать. Из 220 тыс. японских солдат, участвовавших в этой кампании, выжило только 130 тыс. Тяжелые потери понесла и Индийская национальная армия во главе с Босом⁶³. Существуют разные

бождения Индии может быть завершена только в рамках большей миссии Японии по освобождению Азии от господства белых...» [Roy M.N. M.N. Roy's Memoirs. – Bombay, 1964. – P. 1–6].

⁶⁰ Williamson, Murrey, Millett Allan. Op. cit. – P. 295–298.

⁶¹ Singh, Mohan. Leaves from My Diary. – Lahore, 1946. – P. 252–271.

⁶² Ibid. – P. 286.

⁶³ Отставной индийский генерал Хабибулла рассказывал автору этой книги в 1964 г., как англо-индийская армия, в ко-

мнения о том, сумела ли ИНА вступить на индийскую землю, о чем так мечтал Бос. В индийском народе было распространено мнение, будто Бос первым поднял флаг независимой Индии на ее земле. Об этом, в частности, говорили индийцы автору книги в Имфале в 1977 г.

В этой же связи представляет интерес письмо Неру Индире Ганди 2 апреля 1946 г. Он пишет, что в ходе поездки в Малайю ему передали два национальных флага ИНА, которые она использовала во время боевых действий. Один из них тогда был установлен на индийской земле в городе Кохима. Оба флага Неру завернул в бумагу, положил в чемодан и привез в Аллахабад. Неру просил дочь доставить эти флаги из Аллахабада в Дели. Несмотря на сложные отношения между Неру и Босом, особенно во время отставки последнего с поста президента Конгресса в 1939 г., Неру сохранил добрые чувства к нему и его семье. Об этом свидетельствует и тот факт, что в декабре 1960 г., будучи премьер-министром страны, он пригласил дочь Боса Аниту погостить у него, когда она приехала в Дели из-за границы⁶⁴.

Жизненная эпопея Боса закончилась 18 августа 1945 г., когда он погиб в авиакатастрофе на острове Тайвань. Но многие индийцы до сих пор верят, что его судьба была иной. Якобы Бос оказался в СССР или Китае либо жил в горах как монах и т. п.⁶⁵. Так или иначе, моральный авторитет Боса в Индии как борца за независимость страны остается очень высоким. Ганди первым назвал Боса «патриотом из всех патриотов», однако считал, что он «был введен в заблуждение». Ганди заявил: «Я не хочу ничьей помощи в освобождении Индии... Я хочу, чтобы Индия сама себя освободила»⁶⁶. В свою очередь, Неру сказал: «Субхас Бос и я были соратниками... Известно, что между нами были разногласия. Но я никогда ни на минуту не сомневался в том, что он был храбрым солдатом в борьбе за свободу»⁶⁷.

торой он участвовал в качестве офицера, «громила японцев и ИНА в бирманских болотах».

⁶⁴ Two alone, Two together... – P. 502, 579.

⁶⁵ Райков А.В. Опаснейший час Индии. – Липецк: Липецкий гос. пед. университет, 1999. – С. 262–274.

⁶⁶ Fischer, Louis. A Week with Gandhi... – P. 26, 29, 58.

⁶⁷ Mukhrjee, Rudrangshu. Two Heroes. Nehru and Bose – Parallel Lives // Frontline. 9 January 2015.

Представляет в этой связи интерес заявление американского священника Джесси Джексона, одного из соратников Мартина Лютера Кинга во время движения афроамериканцев за гражданские права в 1960-е гг., бывшего кандидата от Демократической партии Америки на президентских выборах в 1984 г. и 1988 г., которое он сделал в Колкате 25 февраля 2014 г. Джексон посетил музей Субхаса Чандра Боса и там в присутствии племянницы Боса Кришны сказал следующее. В борьбе Индии за освобождение роль Махатмы Ганди получила широкое признание во всем мире. Однако вклад Боса в это дело оказался недооцененным. Индия добилась свободы в результате как ненасильственной борьбы, так и военного сопротивления чужеземной оккупации. И то и другое сыграло свою роль в достижении Индией независимости от колониального правления. Ганди доказал, что победы в войне могут быть одержаны с минимальным использованием оружия. И этот минимум пришелся на долю Боса. И Ганди, и Бос верили в то, что демократия начинается снизу и должна обеспечить равные права всем⁶⁸.

Популярность Боса и Индийской национальной армии подтвердилась во время суда над тремя офицерами ИНА, захваченными в плен британскими войсками. Им были предъявлены обвинения в измене британской короне и убийствах.

Этот суд проходил с 5 ноября по 31 декабря 1945 г. На нем колониальные власти допустили несколько серьезных политических просчетов. Первый – местом суда стал Красный форт в Старом Дели, который патриотические индийцы считали оплотом независимости страны со времени Великого народного восстания 1857–1859 гг. Второй – отбор для предания суду представителей трех крупнейших религиозных общин Индии – индуса, мусульманина и сикха, что объединило почти все политические партии в защиту обвиняемых. Защиту офицеров ИНА вели видные индийские юристы и политики. Среди них – Неру, который впервые за 25 лет выступил в качестве адвоката. Защита доказывала, что ИНА представляла независимое правительство, и поэтому подсудимые обладают иммунитетом от обвинений в измене колониальной власти. Она утверждала, что главной целью ИНА было завоевание свободы Индии, и что

⁶⁸ The Hindu. 26.04.2014; Л.Б. Алаев, А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова. История Индии. – М.: Дрофа, 2010. – С. 402–404.

не было идеологической связи между ИНА и японским фашизмом. В Дели и других городах прошли массовые демонстрации в защиту ИНА. Ганди также поддержал обвиняемых. Он писал: «Индия восхищается людьми, которых судят»⁶⁹. Суд признал всех трех офицеров ИНА виновными, но вынужден был вынести им мягкие приговоры. Вскоре все они были освобождены.

За этим судом последовало восстание индийцев-моряков Королевского индийского флота в Бомбее и Карачи, а также нескольких экипажей Королевских военно-воздушных сил. 18 февраля матросы-сигнальщики на судне «Тальвар» начали голодную забастовку, протестуя против недоброкачественной еды и дискриминации на расовой почве со стороны британских офицеров. Забастовка распространилась на 22 корабля в бомбейском порту и береговые военные подразделения. Избранный матросами забастовочный комитет потребовал улучшения питания, равной оплаты для британских и индийских моряков, а также освобождения всех пленных ИНА. Забастовка охватила 78 кораблей и 20 тыс. матросов. В их поддержку около 300 тыс. рабочих прекратили работу на заводах и фабриках. В Бомбей были вызваны войска, которые открыли огонь по бастующим. Было убито 228 мирных жителей, более 1000 ранено. Валлабхаи Патель и Джинна убедили матросов в необходимости прекратить забастовку при условии, что против них не будет репрессий. Ганди осудил забастовку, которая, как он сказал, показала индийцам «плохой и недостойный пример»⁷⁰. Восстание моряков оставило глубокий след в общественном сознании индийцев⁷¹.

⁶⁹ TOP, Vol. 6. 1976. – P. 418.

⁷⁰ Ghosh K.K. The Indian National Army // The Second Front of the Indian Independence Movement. – Meerut, 1969. – P. 199, 233–237; см. также: Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom. – New Delhi: PPH, 1984; Райков А.В. Опаснейший час Индии... – С. 252–262; Шаститко П.М., Выхухолов В.В. «Тальвар» поднимает флаг. Рассказ о восстании бомбейских моряков в 1946 г. – М.: Наука, 1982.

⁷¹ О восстании писали поэмы, ставили драмы. Через 20 лет после этого события автору этой книги довелось присутствовать в Калькутте на спектакле «Коллол» («Девятый вал»), посвященном героям этого восстания. Переполненный зал с энтузиазмом воспринимал все происходившее на сцене.

Глава 11. Индия на пути к независимости

Конференция в Симле

14 июня 1945 г. министр по делам Индии Эмери заявил, что Индии будет предоставлена возможность решить вопрос о своем участии в войне с Японией на правах свободной нации, а также о том, что Англия обращается к Конгрессу и Мусульманской лиге с предложением выделить своих представителей для формирования правительства при вице-короле¹. 15 июня 1945 г. Неру вышел на свободу. С 25 июня по 14 июля 1945 г. в Симле по инициативе британских властей состоялась Конференция круглого стола с участием представителей Конгресса (Азада, Ганди и других членов Рабочего комитета партии, к которым позже присоединился Неру), Мусульманской лиги во главе с Джинной, а также представителей сикхов, включая Мастера Тара Сингха (Акали дал) и Шиву Раджа из зарегистрированных каст.

На конференции выявились разногласия между Конгрессом и Мусульманской лигой по вопросу о составе Исполнительного совета (правительства) при вице-короле (всего 14 членов). Джинна требовал, чтобы Конгресс выдвигал кандидатуры только индусов, а все мусульмане должны быть представлены только Лигой. Руководители Конгресса настаивали, что они имеют право предлагать любую кандидатуру, вне зависимости от вероисповедания. Мусульманская лига протестовала против включения в список Конгресса любого мусульманина. По сути, этот конфликт привел к провалу конференции. Эмери писал в этой связи: «Все наши планы разрушились прежде всего из-за неуступчивости Джинны». Ему вторил вице-король Уэйвелл: «Основной причиной провала конференции было несогласие Джинны по вопросу о представительстве мусульман в Исполнительном совете, а также нежелание Конгресса отказаться от требования представлять в нем все общины, в том числе мусульман»².

¹ Азад, Абул Калам. Указ. соч. – С. 162.

² TOP. Vol. V. 1974. – P. 1175, 1236–1237.

Конференция в Симле состоялась после прихода к власти в Англии Лейбористской партии во главе с Клементом Эттли. Это породило у индийцев надежды на быстрое и справедливое решение вопросов, связанных с независимостью Индии. Многие индийцы горячо приветствовали победу лейбористов и смену министра по делам Индии Эмери. Вместо него им стал Петик-Лоуренс. В телеграмме новому премьер-министру Великобритании президент Конгресса Азад писал: «От имени народа Индии сердечно поздравляю народ Великобритании с результатами выборов, которые демонстрируют отказ от старых идей и принятие нового мира»³.

Несмотря на провал конференции в Симле, 19 сентября 1945 г. Эттли выступил с заявлением о намерении британского правительства провести в ближайшее время в Индии выборы в законодательные органы и после консультации с избранными представителями этих органов сформировать Учредительное собрание для выработки конституции Индии. После этих выборов вице-король создаст Исполнительный совет, состоящий из индийцев.

Через три дня Всеиндийский комитет Конгресса принял решение участвовать в этих выборах. Вместе с тем, заявление Эттли было расценено как «неясное, неадекватное и неудовлетворительное». Указывалось на то, что выборы в Центральное законодательное собрание были ограничены узким кругом избирателей. Конгресс также требовал отмены запрета на Конгресс-социалистическую партию, «Форвард блок» и крестьянские организации и настаивал на освобождении всех политических заключенных. Он осудил стремление колониальных властей отложить сроки проведения выборов до конца 1945 г. – начала 1946 г.

В октябре 1945 г. руководство Конгресса издало предвыборный манифест, в котором подчеркивалось, что партия выступает за предоставление равных прав и возможностей всем гражданам Индии, за свободу каждой группы населения жить и развивать свою культуру в рамках единого общего государства,

³ *Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. VII. – P. 11.*

за создание федеральной конституции с предоставлением широкой автономии составным частям Индии⁴.

Эти события свидетельствовали о быстрой утрате власти британской колониальной администрации. Член английского парламента от Лейбористской партии Франк Ричардс, посетивший Индию в начале 1946 г., по возвращении в Лондон сказал Эттли: «Мы должны как можно быстрее уйти из Индии. Если мы не сделаем этого, то нас просто вышвырнут»⁵. Газета «The New York Times» в статье «Революция в Азии против Британии» писала: «Совершенно определенно Индия станет сценой одной из решающих битв в послевоенный период»⁶.

Тогда же британское правительство приняло решение направить в Индию делегацию с целью «ускорить при согласии с индийцами выработку механизма, который позволил бы индийскому народу самому решать свою судьбу»⁷. В делегацию вошли министр по делам Индии Петик-Лоуренс, министр торговли Стаффорд Криппс и первый лорд адмиралтейства А.В. Александер. Делегация прибыла в Индию 23 марта и находилась там до 29 июня 1946 г.

Выборы 1946 г. и Миссия кабинета

На выборах в Центральное законодательное собрание в апреле 1946 г. большинство мест получил Конгресс. Он набрал 59% всех голосов избирателей, из них 91% голосов в общей (индусской курии), и получил 56 мест в Центральном собрании. Мусульманская лига завоевала около 28% всех голосов избирателей (из них 86% голосов в мусульманской курии) и получила 30 мест в собрании. В результате две партии – Конгресс и Мусульманская лига – усилили свои позиции, в то время как ортодоксальные индусские группировки, такие, как Хинду маха-

⁴ *Tendulkar D.G. The Mahatma... Vol. VII. – P. 11–13, 17–18.*

⁵ *The Amrita Bazar Patrika. – Calcutta, 23.02.1946.*

⁶ *The New York Times. – 24.02, 1946.*

⁷ *TOP. Vol. 9. Enclosure to № 8, 1980.*

сабха, а также Юнионистская партия в Панджабе утратили свое влияние.

Подобная же картина сложилась и на выборах в провинциальные собрания. Конгресс получил 55% всех голосов и завоевал в общей сложности 930 мест. Ему удалось получить большинство мест и по мусульманской курии в СЗПП. Все это позволило Конгрессу сформировать правительства в восьми из 11 провинций.

Мусульманская лига завоевала 74% голосов по мусульманской курии и 427 мест в собраниях. В Бенгалии она смогла создать свое правительство. В Панджабе и Синде голоса в мусульманской курии разделились между Мусульманской лигой и региональными партиями.

На выборах 1946 г. Конгресс получил 19 млн голосов избирателей, Мусульманская лига – 4,5 млн, все другие партии, вместе взятые, – 2,6 млн⁸. В целом Конгресс получил почти вдвое больше мест и в четыре раза больше голосов, чем Мусульманская лига. Но выдвинутый ею лозунг создания Пакистана оказался привлекательным для большинства мусульман. Эти выборы 1946 г. стали прелюдией к разделу Индии.

В это время британская делегация, которая получила название «Миссии кабинета», встречалась с губернаторами, князьями, лидерами Конгресса и Мусульманской лиги, другими политическими организациями и группами. В ходе этих переговоров выявились главные разногласия между Конгрессом и Лигой по вопросу о дальнейшей судьбе Индии. Конгресс выступал за единое государство в той или иной форме. Лига настаивала на создании независимого Пакистана. В попытке найти взаимоприемлемое решение в Симле была созвана трехсторонняя конференция с участием британской делегации, руководителей Конгресса и Лиги. Работа конференции продолжалась с 5 до 12 мая. Однако добиться согласованного решения не удалось.

После провала этих переговоров миссия кабинета 16 мая 1946 г. выступила с заявлением, в котором содержались реко-

⁸ *Bhatia, Vinod, Mahajan, Sneh. On the Eve of the Transfer of Power: Congress – Muslim League Interaction // A Centenary History. Vol. III. – P. 683.*

мендации по будущему государственному устройству Индии. Главные из них: создание Индийского Союза, включающего Британскую Индию и княжества, и выборы Учредительного собрания для подготовки конституции страны. В этой связи предлагалось, чтобы провинциальные законодательные собрания косвенным голосованием избрали членов Учредительного собрания (один член Учредительного собрания от одного миллиона избирателей). Предлагалось также пропорциональное представительство в собрании трех главных религиозных общин, которые избраны по куриям: общей (объединяющей всех, кроме мусульман и сикхов), мусульманской и сикхской.

Миссия кабинета рекомендовала разделить провинции на три группы. (А) – провинции с индусским большинством (Соединенные провинции, Центральные провинции, Бихар, Орисса, Мадрас и Бомбей). (В) – северо-западные провинции с мусульманским большинством (Панджаб, СЗПП, Синд и Белуджистан). (С) – северо-восточные провинции с мусульманским большинством в регионе, состоявшем из Бенгалии и Ассама, хотя в последней провинции преобладало индусское население. Провинциям предоставлялось право выхода из Индийского Союза после принятия их конституций и первых выборов на основе этих конституций. В качестве ближайшей задачи предлагалось сформировать Временное правительство в составе признанных лидеров индийских политических партий⁹.

«Несмотря на все зло, причиненное Индии британским правлением, если заявление миссии является правдивым (а я верю, что оно является таковым), – сказал Ганди, – то это означает выполнение обязательства, о котором она объявила, а именно – слезть со спины Индии. В заявлении содержится зерно, которое поможет преобразовать эту страну печали в страну без печали и страданий»¹⁰. Ганди возразил против создания групп из разных провинций, а также подчеркнул необходимость вывода британских вооруженных сил из страны. Президент Конгресса

⁹ The Cabinet Mission Plan for the Constitution of India, 16 May 1946 // The Indian Nationalist Movement – 1885–1947 – Select documents / Ed. by B.N. Pandey... – P. 186–190.

¹⁰ *Wolpert, Stanley*. The New History of India. – New York, Oxford: OUP, 2000. – P. 343.

Азад высказал возражения в связи с рекомендациями разделить провинции на три группы, поскольку это подрывало базовый принцип автономии каждой провинции.

В начале июля 1946 г. Неру стал новым президентом Конгресса и выступил еще более жестко против британских предложений. Он заявил, что Конгресс остается «абсолютно свободным» и «несвязанным» с какой-либо частью плана, а также подчеркнул необходимость усиления роли центральной власти. Что касается создания трех групп провинций, Неру сказал, что существует большая вероятность того, что вообще не будет никаких групп. Поскольку группа «А» может выступить против такого деления, СЗПП может пожелать выйти из группы «В», а Ассам может возразить против вхождения Бенгалии в группу «С»¹¹.

Но еще раньше, 22 мая 1946 г., Джинна заявил, что Миссия кабинета не признала требования мусульман создать суверенное государство Пакистан, что мусульманская культурная, социальная и политическая жизнь может быть поглощена унитарной Индией, в которой индусы занимают доминирующие позиции. Тем не менее, Мусульманская лига приняла предложения Миссии кабинета в целом, поскольку в них была заложена «основа» для создания Пакистана (шесть мусульманских провинций в группах «В» и «С»). Лига дала согласие на участие в Учредительном собрании. Однако выступление Неру, который говорил о том, что вообще не должно быть никаких групп, вызвало полное неприятие со стороны Джинны. Он почувствовал себя «преданным» не только Конгрессом, но и Миссией кабинета¹².

По вопросу о формировании Временного правительства возникли немалые проблемы. Неру предлагал, чтобы правительство состояло из 15 членов: 5 – от Конгресса (все индусы), 4 – от Мусульманской лиги, одного мусульманина (не из Лиги), одного индуса (не из Конгресса), одного от зарегистрированных каст (из Конгресса), одного христианина, одного сикха и одной женщины (от Конгресса). Это предложение не было принято Джинной. Он предлагал следующий состав правительства: 5 членов Лиги, 5 членов Конгресса, один сикх, один христианин (или англо-индеец). Это оказалось неприемлемым для Конгресса.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. – P. 344.

В конечном итоге вице-король Уэйвелл предложил сформировать Временное правительство из 14 человек: 6 – от Конгресса (включая представителя от зарегистрированных каст), 5 – от Мусульманской лиги, одного сикха, одного христианина и одного парса. Предлагалось начать работу правительства 26 июня, если обе партии дадут согласие по его составу. В результате долгих и трудных переговоров по составу правительства Мусульманская лига заявила о своей готовности сотрудничать в этом правительстве, но не оставляет надежду на то, что это в конечном счете приведет к «образованию полностью суверенного Пакистана»¹³.

О характере происходящих в Индии событий вице-король Уэйвелл писал королю Георгу VI следующее. Он подчеркивал, что «Индия еще не в состоянии обходиться без Великобритании и это должно быть доведено более четко до ее безответственных лидеров... До сих пор мы руководим Индией». Уэйвелл считал, что было ошибкой поддерживать тесные связи с Конгрессом, что вызывало глубокое подозрение Мусульманской лиги и стало причиной того, что она внесла вклад в развал Временного правительства. «Ближайшее будущее Индии, – продолжал Уэйвелл, – трудно предсказать с большой уверенностью. У меня на руках довольно больной ребенок – Учредительное собрание, которое очень трудно вырастить и воспитать. Кроме того, еще есть недоношенный младенец – Временное правительство, которое, как ожидается, я должен каким-то образом оживить... Мы, вероятно, сможем обеспечить упорядоченный отход от нашего управления Индией без мятежа или гражданской войны, но это будет исключительно трудно. И никто не может быть уверен в способности индийцев, которые примут от нас власть, создать сильную и процветающую новую Индию... Три месяца тесных контактов (Миссии кабинета) с индийскими политиками явно не способствовали укреплению мнения кого-либо в их политической мудрости или дальновидности»¹⁴.

¹³ A Centenary History... Vol. III. – P. 668–670, 673.

¹⁴ Field Marshal Viscount Wavell to H.M. King George VI. Vicerigal Lodge, Simla, 8 July 1946 // TOP. Vol. VII. Appendix. – P. 1091–1095.

Уэйвелл дал своеобразную, весьма высокомерную характеристику ряда ведущих индийских политиков. Он писал, что Ганди продолжает сохранять большое влияние. Он сосредоточен на одной цели, от которой не отступал в течение последних 40 лет – устранение «ненавистного британского влияния в Индии... Мое недоверие к этому хитрому, недоброжелательному старому политику было весьма глубоким еще до начала конференции в Симле. Оно стало еще глубже после этого. Между прочим, он выглядит более жестким и в лучшем здравьи по сравнению с тем временем, как я впервые увидел его». «Я во многом симпатизирую Джинне, – продолжал Уэйвелл. – Он более прямой, более позитивный и более искренний, чем большинство лидеров Конгресса». Но он также человек «со странным характером, одинокий, несчастный, своевольный, эгоцентричный. Он с огромной решимостью ведет битву, которая, я боюсь, будет проиграна». О Неру Уэйвелл писал, что много раз встречался с ним, и он ему понравился. Неру «искренний, интеллигентный и лично мужественный человек». Но он «неуравновешен... и ему не хватает политического мужества противостоять Ганди, даже когда он знает, что тот не прав». В сопроводительной записке к этому письму вице-король подчеркивал: «Угнетает то, что нужно передать контроль над Индией таким маленьким людям, ментальность большинства которых такая же, как у мелких адвокатов и баниа (торговцев)»¹⁵.

22 июля 1946 г. Уэйвелл направил письма Неру и Джинне по вопросу о формировании правительства. Неру ответил ему вопросом: захотят ли обе партии – Конгресс и Лига – войти в состав предложенного вице-королем правительства. Мусульманская лига дала свой ответ следующим образом, Она отозвала свое решение участвовать во Временном правительстве, а также заявила о готовности прибегнуть к «прямым действиям», чтобы добиться «создания Пакистана, утвердить справедливые права мусульман, защитить их честь и освободиться от нынешнего британского рабства и намечаемого будущего господства высококастовых индусов...». На заседании Рабочего комитета Лиги Джинна сказал, что Лига «прощается с конституционными

¹⁵ A Centenary History... Vol. III. – P. 1990.

методами»¹⁶. В «день прямых действий» 16 августа Лига провела в стране митинги и процессии. В Калькутте они сопровождались индуско-мусульманскими столкновениями, убийствами, поджогами, грабежами и погромами. Этому способствовало то, что премьер правительства Бенгалии и одновременно один из руководителей Лиги Х.Ш. Сухраварди объявил этот день общественным праздником. Полиция бездействовала. В результате было убито около пяти тысяч человек, еще 16 тысяч ранено, 100 тысяч остались без крова. «Великая калькуттская резня» перекинулась на сельские районы Бенгалии, в том числе в дистрикте Ноакхали. Затем межобщинные столкновения распространились на Бихар, Бомбей, Ахмадабад, некоторые города Соединенных провинций. «Великая калькуттская резня» и ее последствия стали поворотной точкой в последний год колониального режима в Индии. Раздел Индии был предreshен.

Временное правительство и «передача власти» ИНДИЙЦАМ

22 августа 1946 г. Уэйвелл попросил Неру сформировать правительство на правах Исполнительного совета при вице-короле. Оно начало действовать с 2 сентября. В его состав вошли 12 человек: Неру (вице-премьер и министр иностранных дел), Валлабхаи Патель, Раджендра Прасад, Асаф Али, Ч. Раджагопалачари, Сарат Чандра Бос, Джон Матхаи, Балдев Сингх, Шафат Ахмед Хан, Джагдживан Рам, Сайед Али Захир и Хормесджи Бхабха. Было заявлено, что два члена-мусульманина войдут в него позже¹⁷.

Такой расклад сил в правительстве вызвал недовольство англичан, поскольку ограничивал их возможности влиять на ход событий. Вице-король писал в Лондон: «Я абсолютно уверен в

¹⁶ *Bhatia, Vinod, Sneh, Mahajan. On the Eve of the Transfer of Power: Congress–Muslim League Interaction // A Centenary History... Vol. III. – P. 688; The Muslim League’s call for a direct action, 29 July 1946 // The Indian Nationalist Movement... – P. 197–198.*

¹⁷ *The Indian Nationalist Movement... – P. 199.*

том, что мы не должны позволить Конгрессу, по существу, монополизировать власть под защитой британского режима. Мы должны продолжать усилия по созданию коалиции»¹⁸. 11 сентября он обратился к Джинне с предложением назначить пять членов Лиги для включения в состав правительства. Уэйвелл заранее проинформировал об этом Неру, который возражал против введения членов Лиги в состав правительства. Но под давлением вице-короля сказал: «Если Вы хотите видеть Джинну, то этого я предотвратить не могу»¹⁹.

Джинна назначил пять членов руководства Лиги для включения в состав правительства: Лиаката Али Хана, И.И. Чундригара, Абдулу Раб Ништара, Гхазанфара Али Хана и Джогендра Натха Мандала. При этом Джинна назвал Временное правительство «Исполнительным советом» (как раньше именовался этот орган при вице-короле). Он также не признавал руководящую роль Неру в нем²⁰.

В результате деятельность правительства была заблокирована из-за противостояния Конгресса и Мусульманской лиги. Когда Неру объявил о дате созыва Учредительного собрания 9 декабря 1946 г., Лига заявила, что не примет участия в его работе²¹. В попытке разрешить эти разногласия британское правительство пригласило Неру и Джинну в Лондон для переговоров. Но они не дали результата. Вернувшись в Индию, Неру заявил: «Мы больше не будем оглядываться на Лондон»²².

9 декабря 1946 г. Учредительное собрание начало свою работу. На нем присутствовало 205 делегатов. Представителей Мусульманской лиги и княжеств не было. Председателем собрания был избран Раджендра Прасад. Собрание приняло предложенную Неру «Резолюцию о целях». В ней, в частности, говорилось: «Учредительное собрание торжественно выражает свою твердую и законную решимость объявить Индию независимой суверенной республикой и выработать для ее будущего управления

¹⁸ A Centenary History... – P. 695.

¹⁹ The Indian Nationalist Movement... – P. 201.

²⁰ Ibid. – P. 201–202.

²¹ Ibid. – P. 205, 206.

²² *Wolpert, Stanley*. The New History of India... – P. 345.

конституцию, в соответствии с которой территории, составляющие ныне Британскую Индию, территории, образующие индийские княжества, и другие части Индии, которые находятся вне Британской Индии и вне княжеств, а также другие территории, которые желают стать частью независимой суверенной Индии, образуют союз, в котором вся власть и полномочия будут принадлежать народу... и в котором будут обеспечены адекватные гарантии меньшинствам, отсталым и племенным районам, угнетенным и другим отсталым классам»²³. Неру неоднократно повторял, что Учредительное собрание должно быть выше групповой и партийной политики и что разумные требования Мусульманской лиги будут внимательно и положительно рассмотрены.

Однако когда 20 января 1947 г. Учредительное собрание вновь приступило к работе в прежнем составе, Мусульманская лига заявила, что выборы в него были незаконными, а потому продолжение его деятельности и все его решения являются недействительными и незаконными. Поэтому собрание должно быть распущено²⁴. Обстановка осложнялась и тем, что в Бенгалии и Бихаре продолжались столкновения на религиозно-общинной почве. Еще с ноября 1946 г. Ганди находился в Бенгалии. Там в дистрикте Ноакхали шли ожесточенные межобщинные столкновения. В этом густонаселенном районе проживало 2,5 млн человек, из них 80% – мусульман. Ганди удалось успокоить людей. Он писал в этой связи: «Эта миссия – самая трудная и сложная в моей жизни... Я готов к любой случайности. Призыв “Сделай или умри!” должен быть испытан здесь. “Сделай” означает, что индусы и мусульмане должны научиться жить вместе в мире и дружбе. Иначе мне следует умереть, в попытке добиться этого»²⁵.

В этой напряженной обстановке премьер-министр Великобритании Эттли заявил 20 февраля 1947 г., что власть будет

²³ A Centenary History... – P. 711.

²⁴ The Muslim League's demand for the dissolution of the Constituent Assembly, 31 January, 1947 // The Indian Nationalist Movement... – P. 207.

²⁵ Fischer, Louis. The Life of Mahatma Gandhi. – London: Jonathan Cape, 1951. – P. 574–585.

передана индийцам не позднее июня 1948 г. Также было объявлено о назначении Луиса Маунтбэттена вице-королем Индии вместо Уэйвелла²⁶.

Маунтбэттен с женой Эдвиной и младшей дочерью Памелой прибыли в Индию 22 марта 1947 г. Нарушив традицию, в соответствии с которой прежний вице-король уезжает из Индии до того, как прибудет новый, Уэйвелл, по просьбе Маунтбэттена задержался ненадолго в Индии, чтобы на месте передать ему дела. Уэйвелл сказал ему: «Мне жаль вас, Дики. Вам поручили неразрешимое дело. Я испытал все возможное, чтобы решить проблему передачи Индии ее народу. Я не вижу света. У меня есть только одно решение – я его называю “Операция сумасшедший дом”. Ее суть – уход британцев, провинция за провинцией, начиная с женщин и детей, затем гражданских лиц, затем армии. Я не вижу другого пути»²⁷.

24 марта Маунтбэттен принес присягу в качестве последнего вице-короля Индии. Перед тем, как начать переговоры с кем-либо из индийских политических деятелей, он проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что его возможности достаточно ограничены. Стоявшую перед ним проблему можно было решить только при участии наиболее выдающихся индийских лидеров. Среди них он обозначил Неру, Ганди, Пателя, Джинну и Лиаката Али Хана. При всех их различиях, они имели нечто общее, что могло облегчить переговоры с каждым из них. Вот как он их охарактеризовал.

Во-первых, все они были зрелыми людьми, которые имели дело друг с другом в течение большей части их жизни. Во-вто-

²⁶ Луис Маунтбэттен (1900–1979) – лорд, адмирал, английский военный и политический деятель. Индийцы отмечали его динамичность, способность вести переговоры с разными, зачастую неуступчивыми политическими партнерами, его умение добиваться цели. Как отмечает историк Раджни Котхари, «Маунтбэттен в кратчайшее время и без колебаний провел хирургическую операцию по разделу Индийского субконтинента» (*Kothari, Rajni. Politics in India. – Boston: Little, 1970. – P. 74*).

²⁷ Admiral of the Fleet the Earl Mauntbatten of Burma. Reflections on the Transfer of Power and Jawaharlal Nehru. The Second Jawaharlal Nehru Memorial Lecture 1968. – Cambridge: the University Press, 1968. – P. 9, 10.

рых, все они были глубоко вовлечены в «искусство агитации» и преданы задаче достижения независимости. В-третьих, все они были профессиональными юристами, воспитанными на британском конституционном праве. В этом смысле они были более британцами, чем сами британцы. В-четвертых, все они мастерски владели английским языком, лучше, чем многие британские политики, за исключением Черчилля. Особенно впечатляла классическая отточенность английского языка у Неру, как письменная, так и разговорная²⁸.

Для всех этих лидеров события финальной стадии колониальной власти представляли кульминацию их борьбы в течение всей их жизни. Отсюда ее конечный исход зависел в немалой степени от их отношений друг с другом. В этой связи вице-король пытался оценить возможности Неру по отношению к каждому из указанных лидеров. Эти оценки представляют несомненный интерес.

Ганди, которому к этому времени было 78 лет, с точки зрения Маунтбэттена уже не находился на передней линии политики. Тем не менее, его личное влияние, особенно на Неру, оставалось очень глубоким и значительным, в том числе в ограничении его действий в отношении Джинны. В то же время на Неру переходила аура Ганди, как избранного им сына. Для Ганди раздел Индии означал ее вивесекцию и конец его стремлений к индуско-мусульманскому единству.

С марта по август 1947 г. Неру как премьер-министр Временного правительства находился в центре событий и был подвержен давлению с разных сторон. Но он с достоинством прошел через эти испытания, хотя в силу природной чувствительности он больше других страдал из-за противоречий в высших политических кругах.

Неру был первым политическим лидером, с которым Маунтбэттен встретился после принесения присяги в качестве вице-короля и с которым почти каждый день решал политические вопросы. Ко времени прибытия Маунтбэттена в Индию положение в стране было крайне напряженным, если не сказать взрывоопасным. В своем первом послании премьер-министру Эттли

²⁸ Ibid. – P. 12.

31 марта 1947 г. Маунтбэттен писал: «Ситуация здесь выглядит безусловно мрачной... На ранней стадии своего пребывания я не вижу достаточных оснований, чтобы добиться согласованного решения будущего Индии. Временное правительство жестко разъединено на религиозно-общинной основе. У каждой партии есть свое решение, и они не демонстрируют ни малейшего намека считаться с мнением других... К тому же вся страна находится в самом дезорганизованном состоянии... Единственный вывод, к которому я был в состоянии прийти, состоит в том, что если я не буду действовать быстро, то могу реально столкнуться с началом гражданской войны»²⁹.

Политическое и экономическое положение в Индии действительно было крайне тяжелым. Возможности воздействия на процессы в Индии у Великобритании были весьма ограниченными. Сама Англия с трудом выходила из завершившейся всего два года назад Второй мировой войны. Она испытывала серьезный финансовый кризис, в стране не хватало продовольствия, которое отпускалось по карточкам. Английское общественное мнение мало интересовало то, что происходило в далекой Индии. У Великобритании почти не оставалось каких-либо серьезных политических, экономических и моральных ресурсов для удержания Индии в составе империи. У британского командования в Индии было всего лишь 11 400 английских солдат и офицеров, и это число постоянно сокращалось³⁰.

Маунтбэттен пришел к выводу, что раздел Индии неизбежен. Наиболее упорно против этого выступал Ганди. У него было несколько встреч с вице-королем, на которых Ганди говорил о традиционной для англичан политике «разделяй и властвуй», подогревавшей враждебность между мусульманами и индусами. Он предупреждал Маунтбэттена о том, что ему придется «пожать» то, что преднамеренно «посеяли» его предшественники. На одной из таких встреч Ганди неожиданно предложил вице-королю ради сохранения единства Индии дать Джинне возможность сформировать правительство из членов Мусульманской

²⁹ TOP. Vol. 10. 1981. – P. 90–94.

³⁰ *Stephens, Ian. Pakistan.* – London: Ernest Benn. 1963. – P. 125.

лиги. Однако это предложение не встретило поддержки у руководства Конгресса³¹.

После этого Ганди фактически отошел от непосредственного участия в обсуждении политических вопросов с англичанами, не желая связывать себя с событиями, которые привели к разделу страны. По просьбе вице-короля он подписал заявление, осуждавшее жестокость и использование силы в политических целях. Джинна присоединился к этому заявлению.

Накануне раздела Индии, который сопровождался насилием и гибелью людей, Ганди писал: «Я должен признать свое банкротство, но не принципа ненасилия. Я уже говорил, что ненасилие, которое практиковалось на протяжении 30 лет, было ненасилием слабых... Индия не имеет опыта ненасилия сильных»³².

Далее события стали развиваться по трагическому сценарию. Встал вопрос о разделе Бенгалии, Панджаба и Ассама. По британскому плану к Пакистану должны были отойти Панджаб, вся Бенгалия и весь Синд. Джинну такое предложение не устроило. Его концепция Пакистана предполагала включение в него территорий Индии, в которых мусульмане составляли большинство, создание двух зон – на северо-западе из четырех провинций – Синда, Белуджистана, СЗПП, Панджаба, и северо-востоке в составе Бенгалии и Ассама.

Раздел Индии

Проблемы раздела Индии и судьбы почти 600 княжеств стали предметом острых дискуссий в руководстве Конгресса, Мусульманской лиги и других партий. В стране усилились беспорядки и насилие, в которые были вовлечены сотни тысяч людей. 24 апреля 1947 г. министр внутренних дел Временного правительства Индии Патель заявил Маунтбэттену: «С тех пор как Вы приехали, обстановка серьезно ухудшилась. Идет гражданская война, а Вы не предпринимаете никаких усилий, чтобы остановить ее. Вы не управляете страной сами и не даете

³¹ A Centenary History... Vol. III. – P. 734.

³² *Tendulkar G.M. The Mahatma...* Vol. 8. – P. 22, 23.

возможности Временному правительству управлять ею. Вам не удастся избежать ответственности за это кровопролитие»³³.

Обсуждение проблемы раздела Индии достигло критической точки. Британское правительство прорабатывало различные варианты. В создавшейся ситуации руководство Конгресса вынуждено было дать согласие на раздел страны, но только при условии раздела Бенгалии и Панджаба на мусульманские и немусульманские части. Это вызвало неоднозначную реакцию в Бенгалии. Часть местных конгрессистов под влиянием Ганди, выступавшего против раздела страны, заявляла о необходимости сохранить культурное и языковое единство этой провинции. Однако Хинду махасабха под руководством влиятельного политического деятеля Шьяма Прасада Мукерджи настойчиво вела дело к разделу Бенгалии на две почти равные части – индусскую и мусульманскую.

Руководитель отделения Мусульманской лиги в Бенгалии и премьер ее правительства Сухраварди возражал против предложенного Конгрессом плана раздела провинции, по которому к Индии отошла бы наиболее развитая ее часть, включая Калькутту, а к Пакистану – преимущественно сельские районы, а также Дакка и Читтагонг. 26 апреля 1947 г. Сухраварди предложил Маунтбэттену сохранить единую Бенгалию. Он выдвинул идею раздела Индии на три, а возможно, даже на четыре независимых государства: Хиндустан, Пакистан, Бангластан и Союз княжеств. Маунтбэттен согласился с таким предложением, заявив, что выступает за сохранение Бенгалии как единого экономического целого. Джинна также поддержал Сухраварди в этом вопросе. С благословения Маунтбэттена Сухраварди стал продвигать идею о независимой Бенгалии, где мусульманское большинство будет жить в гармонии с индусами. Он даже говорил о «великой» независимой Бенгалии, к которой можно было бы присоединить и некоторые дистрикты Бихара, чтобы она стала «частью мира и превзошла любую другую страну таких же размеров». Позже Маунтбэттен писал губернатору Бенгалии Барроузу, что план Сухраварди оставляет дверь открытой для

³³ Patel's Interview with Mountbatten, 24 April 1947 // MP 90 № 90.

единой, но независимой Бенгалии, которая не принадлежала бы ни Пакистану, ни Индии³⁴.

Однако Конгресс усмотрел в идее независимой Бенгалии своеобразный маневр в пользу Мусульманской лиги. В случае ее реализации Лига, используя мусульманское большинство в законодательном собрании провинции, добилась бы ее присоединения к Пакистану. Конгресс же, находившийся в меньшинстве, не смог бы предотвратить такой ход событий. Неру и другие лидеры Конгресса решительно выступили против создания единой независимой Бенгалии.

Если в Бенгалии были две основные религиозные общины – мусульмане и индусы, то в Панджабе присутствовал еще и третий этнический компонент – сикхи. При общем населении в 28,4 млн человек на долю мусульман приходилось 16,2 млн, индусов – 8,2 млн, сикхов – 4 млн. Панджаб состоял из 29 округов, сгруппированных в пять областей. В двух западных областях – Мултане и Равалпинди – мусульмане существенно преобладали – 9 млн против 2 млн немусульман. В области Лахор было 4 млн мусульман и 3 млн индусов и сикхов. Ситуация осложнялась еще и тем, что в этой же области находился Амритсар с сикхской святыней Золотым храмом. В двух остальных областях – Джалландаре и Амбале – преобладали индусы и сикхи (всего 7 млн), а мусульман насчитывалось 3 млн. Мусульманская лига настаивала на том, чтобы весь Панджаб отошел к Пакистану. Конгресс склонялся к разделу Панджаба. Его позиция была поддержана лидерами сикхов. Сикхи оказались перед сложной дилеммой. С одной стороны, они не хотели присоединяться к Пакистану, с другой – любой раздел был бы для них особенно губительным, поскольку они были рассеяны по всей провинции. Поэтому некоторые из сикхских лидеров выступали за создание коалиционного правительства в провинции из представителей мусульман, индусов и сикхов. Однако эта идея не была осуществлена. Дискуссии о разделе Панджаба вызвали вспышки религиозно-общинной розни и насилия. На-

³⁴ Suhrawardy's Interview with Mountbatten, 26 April 1947; MP № 100, Jinnah's Interview with Mountbatten, 26 April 1947 // MP 192, № 98.

чалась настоящая междоусобная война, унесшая тысячи жизней. В итоге план раздела Панджаба по принципу большинства той или иной общины предусмотрел отход 17 дистриктов к мусульманам и 12 – к немусульманам. При этом сикхи оказались разделенными почти поровну.

Были немалые проблемы и с другими провинциями. Так, в СЗПП, где мусульмане составляли абсолютное большинство (индусы и сикхи насчитывали всего 7% населения), правительство возглавлял Конгресс под руководством Хана Сахиба – брата Гаффура Хана, известного как «пограничный Ганди»³⁵. Мусульманская лига начала движение за свержение этого правительства при негласной поддержке английского губернатора провинции. После посещения административного центра СЗПП г. Пешавара Маунтбэттен пришел к выводу о необходимости проведения референдума в СЗПП по вопросу о присоединении к Хиндустану или Пакистану. Конгресс был против такого референдума.

2 мая 1947 г. Маунтбэттен направил правительству Великобритании предварительный проект плана раздела Индии. 8 мая, еще до того, как вице-король получил ответ из Лондона, Ганди предпринял очередной шаг по спасению единства страны. В своем послании Маунтбэттену он заявил: «Британия допустит колоссальную ошибку, если в какой-либо форме примет участие в разделе Индии. Если такой раздел и случится, то пусть он произойдет после ухода британцев и в результате достигнутой договоренности между сторонами... Защита меньшинств может быть гарантирована установлением арбитражного суда в случае различия мнений между сторонами». Ганди предлагал создать Временное правительство на однопартийной основе (целиком из представителей Конгресса или Мусульманской лиги). Он считал также, что раздел Бенгалии и Панджаба является ошибочным и может рассматриваться после ухода англичан. Референдум по СЗПП на этой стадии представляет опасность для общества, поэтому вице-король должен исходить из сложившейся

³⁵ Отделение Конгресса в СЗПП было создано в 1928 г. на основе националистической организации «Пахтун джирга» (*Паничкин Ю.В.* Образование Пакистана и пуштунский вопрос. – М.: Научная книга, 2005. – С. 59).

там ситуации. По поводу княжеств Ганди заявил, что нынешние князья являются марионетками, созданными и поддерживаемыми для сохранения престижа британской власти. Народы этих княжеств должны быть частью независимой Индии, как и народы Британской Индии³⁶.

В свою очередь, Патель обвинил англичан в том, что, «оставаясь нейтральными, но имея власть, они на деле подталкивают к гражданской войне». Он потребовал, чтобы вице-король немедленно передал власть Временному правительству и не вмешивался в дела Индии. По его мнению, это помогло бы «установить мир в течение недели», так как те, кто совершает акты насилия, делают это в условиях, когда нет сильной центральной власти. Без вмешательства третьей силы (то есть англичан) Конгресс и Мусульманская лига безотлагательно разрешат свои разногласия³⁷. Вместе с тем Патель склонялся к разделу Индии. По словам Абул Калам Азада, Патель говорил следующее: «Нравится нам или нет, но в Индии действительно существуют две нации... И не лучше ли откровенная драка, а затем раздел, чем ежедневные ссоры и пререкания»³⁸.

План Маунтбэттена был существенно изменен кабинетом министров Великобритании. 10 мая 1947 г. премьер-министр Эттли предложил рассматривать ситуацию в Индии с учетом того, что западная Индия, Бенгалия и одно из прибрежных княжеств, например, Траванкор, пожелают остаться в Британском содружестве наций, в то время как «остальная Индия решит выйти» из состава этого содружества. Таким образом, речь шла о том, чтобы независимость была предоставлена только той части страны, в которой доминировал Конгресс. Все остальные районы Индии должны были оставаться под прямым или косвенным контролем англичан.

Неру решительно выступил против такого замысла. Он заявил, что этот план угрожает Индии и будущим отношениям между Британией и Индией. По его мнению, Конгресс не мо-

³⁶ Gandhi to Mountbatten, 8 May, 1947 // Collected Works of Mahatma Gandhi (CWMG), Vol. 87.

³⁷ Patel's Statement, 9 May 1947 // TOP. Vol. 10, № 375.

³⁸ Азад А.К. Указ. соч. – С. 266.

жет принять предложения, которые разрушат Индийский Союз, принять «теорию», по которой «провинции становятся независимыми государствами, преемниками предыдущей власти»³⁹. После консультаций с Неру, Пателем, Джинной и Лиакатом Али Ханом англичане были вынуждены пересмотреть свои предложения. Пока шла подготовка к окончательной выработке плана, который позже получил название по имени вице-короля, все заинтересованные стороны продолжали оказывать давление с тем, чтобы добиться наиболее выгодных для себя условий.

Перед отъездом Маунтбэттена в Лондон 18 мая 1947 г. для окончательного принятия решения по плану о разделе Индии Неру от имени руководства партии сообщил ему, что Конгресс категорически выступает против создания независимой Бенгалии. В интервью одной из газет он заявил, что Конгресс согласится на сохранение единой Бенгалии только в том случае, если она останется в составе Индии. В итоге Комитет по делам Индии при кабинете министров Великобритании принял следующее решение по вопросу о Бенгалии: «Вице-король Индии высказал опасение, что в результате последних событий (заявление Неру) перспективы сохранения единства Бенгалии и превращение ее в третий доминион в Индии были серьезно подорваны. Он полагал, что если Пандит Неру принял окончательное решение, то единственным способом избежать раздела Бенгалии был бы отказ г-на Джинны от притязаний на эту провинцию для Пакистана и его согласие на то, что статус Бенгалии может быть таким же, как и статус любого индийского квазинезависимого княжества, состоящего в тесных отношениях с правительствами одного или другого доминиона. Если окажется невозможным избежать раздела провинции, будущее Восточной Бенгалии видится очень трудным, поскольку совершенно очевидно, что она является нежизнеспособной единицей»⁴⁰.

А Ганди по-прежнему продолжал выступать против раздела страны. «Задача Британской власти, – писал он, – не изменять

³⁹ Note by Pandit Nehru, 11 May, 1947 // TOP. Vol. 10, № 406.

⁴⁰ Secret Cabinet, Extract from I.B. (47) 28th Meeting (London), 28 May, 1947 // MP 24.

карту Индии. Все, что нужно сделать англичанам, – это уйти из Индии, по возможности соблюдая порядок, но в любом случае – уйти в срок или раньше, может быть, даже и в условиях хаоса»⁴¹.

Джинна, в свою очередь, вдруг потребовал создания коридора через весь Хиндустан для соединения западной и восточной частей будущего Пакистана, а Сухраварди продолжал вести переговоры с советниками вице-короля о создании независимой Бенгалии. Неру вновь без колебаний выступил против этих идей, чтобы у англичан не оставалось никаких сомнений в отношении позиции Конгресса.

Настал решающий час. Вернувшись из Англии 31 мая, Маунтбэттен представил план раздела Индии на совещании с индийскими лидерами «большой семерки»: Неру, Пателем, Крипалани – от Конгресса, Джинной, Лиакатом и Ништаром – от Мусульманской лиги, Балдев Сингхом – от сикхов. Индийские лидеры выразили согласие с компромиссным планом передачи власти. В состав Пакистана должны были войти Синд, Белуджистан, западная часть Панджаба, населенная преимущественно мусульманами, СЗПП, Восточная Бенгалия с мусульманским большинством, дистрикт Силхет провинции Ассам. Все остальные провинции Индии должны были оставаться в составе Индийского Союза.

3 июня 1947 г. «План Маунтбэттена» был обнародован. Он предусматривал предоставление статуса доминиона одному или двум правительствам-преемникам. Правительство Великобритании заявило, что оно не имеет намерения пытаться создать какую-то совершенную конституцию для Индии. Это является делом самих индийцев. В плане нет ничего, что могло бы препятствовать переговорам между общинами по вопросу о единой Индии. В плане отмечалось, что конституция, которая будет подготовлена существующим Учредительным собранием, не будет применяться к частям страны, неготовым принять ее. Они могут созвать свои отдельные Учредительные собрания, состоящие из представителей тех районов, которые решили не

⁴¹ Ibid.

участвовать в нынешнем Учредительном собрании, для подготовки их конституций. После этого станет возможным определить администрацию или администрации, которым должны быть переданы властные полномочия. Индийские Учредительные собрания сами примут решение относительно их дальнейшего участия в составе Британского содружества наций⁴².

После опубликования «Плана Маунтбэттена» Неру обратился по радио к нации. Он сказал: «В течение поколений мы мечтали и боролись за свободную, независимую единую Индию. Предложения для некоторых частей страны отделиться от Индии... вызывают у нас боль. И, тем не менее, я уверен, что наше нынешнее решение является верным... Давайте встретим будущее не с легковесным оптимизмом, беззаботностью или слабостью, а с уверенностью и твердой верой в Индию»⁴³.

Ганди встретил новость о разделе Индии с большой горечью. Он считал, что раздел страны до установления в ней мира будет фатальным. Тем не менее, он говорил, что, принимая «План Маунтбэттена», Рабочий комитет Конгресса подчинился не силе оружия, а силе обстоятельств. Он был вынужден согласиться с отделением некоторых частей от Индийского Союза⁴⁴. В этой же связи Хинду махасабха заявила, что план раздела Индии свидетельствует о «триумфе руководства Мусульманской лиги над невнятным планом высшего командования Конгресса». Она также особо отметила, что Индия едина и неделима и в ней не будет мира до тех пор, пока отделившиеся районы не

⁴² Statement of 3 June 1947 // TOP, Vol. XI, № 45; Partition Plans, April–May 1947: (a) Alan Campbell – Johnson’s account of the first plan, 14 April 1947; (b) Lord Ismay’s account, 2–19 May 1947; (c) Jawaharlal Nehru to Lord Mauntbatten, 1 May 1947; (d) V.P.Menon to Vallabhai Patel, 10 May 1947; (e) The Final Plan, 3 June 1947 // The Indian Nationalist Movement... – P. 211–217; Заявление английского правительства от 3 июня 1947 г. // *Азад Абул Калам*. Указ. соч. – С. 341–347.

⁴³ Jawaharlal Nehru’s Speech, 3 June 1947 // The Indian Nationalist Movement... – P. 218.

⁴⁴ *Tendulkar D.G. The Mahatma. Vol. 8.* – P. 4; см.: *Черешнева Л.А.* Радуга над Красным фортом: раздел колониальной Индии в 1947 г. – М.: Вост. лит., 2012. – С. 1–391.

будут возвращены в Индийский Союз и не станут его неотъемлемой частью.

4 июня 1947 г., вице-король объявил 15 августа 1947 г. Днем независимости Индии и Пакистана. На заседании Всеиндийского комитета Конгресса 14–15 июня прошло бурное обсуждение предстоящего раздела страны. Неру призвал конгрессистов поддержать план раздела: «Раздел лучше, чем убийство невинных граждан». Патель продолжил в том же духе, сказав, что вне зависимости от Конгресса Пакистан уже реализуется в еще не разделенных Бенгалии и Панджабе. Поэтому лучше признать Пакистан, чем продолжать то разрушение, которое происходит в Индии»⁴⁵. В результате ВИКК принял постановление о том, что «План Маунтбэттена» приведет к отходу некоторых частей от Индии, но в существующих условиях Конгресс вынужден принять его.

После объявления «Плана Маунтбэттена» в крупных княжествах Хайдарабад и Траванкор началась подготовка к провозглашению их независимости. Диван (премьер-министр) Траванкора Рамасвами Айяр объявил, что это княжество станет независимым 15 августа 1947 г.

Неру, Патель и Крипалани встретились с Маунтбэттенем и заявили ему, что независимость княжеств абсолютно неприемлема, поскольку они никогда до этого не были таковыми. При этом Неру сказал, что правители княжеств не могут решать вопрос об участии княжеств в работе Учредительного собрания без согласия их народа. Он эмоционально добавил: «Я поддерживаю восстание во всех княжествах, правители которых выступят против нас». Маунтбэттен на это ответил, что «некоторые правители уже поняли, в чем дело, а другие быстро начинают понимать»⁴⁶.

14–15 июня Всеиндийский комитет Конгресса принял решение по вопросу о княжествах. Он заявил, что британские

⁴⁵ Pyarelal (Pyarelal Nayyar). Mahatma Gandhi: The Last Phase. – Ahmedabad: Navajivan, 1998. – Vol. 2. – P. 255.

⁴⁶ Nehru, Patel and Kripalani's Interview with Mauntbatten, 10 June, 1947 // MP № 193.

полномочия и обязательства (paramountcy-сюзеренитет) в княжествах прекратятся с передачей власти индийцам. ВИКК не признает право княжеств на независимость в изоляции от основной Индии⁴⁷.

«Поразительно, что князья, которые были фактически рабами британцев, – заявил Ганди, – отвергают почетное место в Индийском Союзе и хотят быть независимыми. Индийский Союз не враждебен по отношению к ним. Но сегодня, когда рычаги управления перешли в руки народа, он ревностно будет защищать благополучие всей Индии... Князья должны читать знаки своей судьбы на стене»⁴⁸.

Однако Джинна заявил, что «каждое княжество было суверенным государством», поэтому именно они должны решать – присоединиться им к действующему Учредительному собранию или не делать этого (из 389 членов Учредительного собрания 93 должны были представлять княжества, но они не вошли в его состав). По мнению Джинны, княжества свободны сами решать, какой путь им избрать. Они могут вступить в такие отношения с Хиндустаном или Пакистаном, какие сочтут нужными. Они могут оставаться независимыми⁴⁹. Очевидно, что Джинна стремился не допустить усиления Индийского Союза (Хиндустана) за счет присоединения к нему княжеств. Их население составляло 93 млн человек, или 24% всего населения колониальной Индии (по переписи 1941 г.). Большая часть княжеств находилась в пределах границ будущего Индийского Союза. При этом в некоторых из них правителями были князья-мусульмане, а большинство населения составляли индусы (Хайдарабад, Джунагадх, Бхопал). В Кашмире ситуация была иной – правителем был индус, махараджа Хари Сингх, в то время как большинство населения составляли мусульмане (около 80%). В конечном итоге Маунтбэттен выступил в поддержку

⁴⁷ *Das M.N. India wins Independence // A Centenary History... Vol. III. – P. 777.*

⁴⁸ *Tendulkar D.G. The Mahatma... Vol. 8. – P. 16.*

⁴⁹ *Das M.N. India wins Independence // A Centenary History. Vol. III. – P. 779.*

Неру по вопросу о княжествах, и при его активном содействии большинство из них было присоединено к Индийскому Союзу еще до 15 августа 1947 г. Под руководством Пателя, отвечавшего во Временном правительстве за дела княжеств, была проведена работа по присоединению княжеств к Индийскому Союзу. Правители только трех из них – Хайдарабада, Джунагадха и Кашмира – не согласились сразу войти в Союз, что осложнило ситуацию как для Индии, так и для них.

Почти одновременно было законодательно оформлено присоединение к Пакистану преимущественно мусульманских частей Бенгалии, Панджаба, а также Синда, Белуджистана, СЗПП и ассамского дистрикта Силхет к Пакистану. Но все это произошло далеко не гладко.

До завершения всех этих мероприятий 18 июля 1947 г. в Англии был принят Закон о независимости Индии. На следующий день вице-король объявил о создании двух отдельных переходных правительств – для Индии и для Пакистана. Но предстояла еще одна особенно сложная работа – демаркация границы между Индией и Пакистаном в Бенгалии и Панджабе. С этой целью была сформирована специальная комиссия во главе с английским судьей Сирилом Рэдклиффом. Он никогда ранее не бывал в Индии, что, как считали некоторые, было его главным достоинством, поскольку он мог быть объективным при решении этой проблемы. Рэдклифф прибыл в Индию в конце июля 1947 г. Ему помогли две группы из четырех индийских судей в каждой из провинций, назначенных по партийной принадлежности. Но поскольку они постоянно конфликтовали между собой, Рэдклифф, по существу, был вынужден отказаться от их услуг. Окончательное решение возлагалось на него. Пограничной комиссии предстояло провести демаркационную линию на территориях в 175 тыс. кв. миль, где проживало около 90 млн человек, между районами с преобладающим большинством мусульман и большинством немусульман. Окончательным сроком завершения этой работы было установлено 15 августа 1947 г.

В Панджабе главную проблему представил крупнейший город Лахор, в котором проживало 600 тыс. мусульман и 500 тыс.

индусов и сикхов. Индусы и сикхи считали, что Лахор отойдет к Индии. Мусульмане, однако, полагали, что вся Лахорская область будет передана Пакистану. Но по решению комиссии Рэдклиффа, 38% территории Панджаба, вместе с Амритсаром, и 45% населения должны были отойти к Индии, остальная часть, включая Лахор, – к Пакистану. И хотя вплоть до 15 августа это решение считалось секретным, в Панджабе начались религиозно-общинные столкновения. Надежды на мирный переход населения, принадлежащего к меньшинствам, в районы, населенные их большинством, оказались несостоятельными. В конце июня вице-король и Совет по разделу страны создали пограничные силы из 55 тыс. человек с участием британских офицеров под командованием генерала Т.У. Риса для обеспечения порядка при переходе населения из одного района в другой. Но и этих сил оказалось недостаточно, чтобы предотвратить жестокие столкновения между общинами, которые происходили в каждой деревне и каждом городе. В июле 1947 г. в СЗПП был проведен референдум. Большинство участвовавших в нем проголосовали за Пакистан.

В Калькутте складывалась не менее опасная ситуация. Тем более что там не было крупных воинских соединений для поддержания мира и порядка. 9 августа в Калькутту приехал Ганди. Он планировал направиться далее в Ноакхали, где ранее ему удалось остановить межобщинное кровопролитное столкновение. Калькутта жила предчувствием трагедии. Мусульмане и индусы буквально уговорили Ганди остаться в городе, чтобы помочь предотвратить столкновения на религиозной почве. Ему удалось это сделать.

Накануне Дня независимости Индии, 14 августа, Ганди заявил: «С завтрашнего дня мы освободимся от гнета британского правления. Сегодня в полночь Индия будет разделена. Поэтому завтра будет днем радости и днем печали. Все это накладывает на нас огромный груз ответственности... Давайте позволим всем мусульманам, которые были вынуждены покинуть свои дома, вернуться обратно. Если два миллиона индусов и мусульман обнажат кинжалы друг против друга в Калькутте, <...> если пла-

мя общинной резни охватит всю страну, то разве сможет выжить наша только что родившаяся свобода?»⁵⁰.

В это же время в Пенджабе сотни тысяч людей были убиты в межобщинных столкновениях и миллионы покинули дома, чтобы спасти свою жизнь, Бенгалия и Калькутта избежали этой участи. Маунтбэттен написал Ганди: «В Пенджабе, несмотря на присутствие 55 тыс. солдат, произошли огромные волнения. В Бенгалии армия состояла только из одного человека, и там не было волнений... Разрешите мне выразить восхищение этой армией». Один из руководителей Конгресса Ч. Раджагопалачари сказал тогда: «Ганди добился многого, но не было ничего столь же замечательного, как его победа над злом в Калькутте»⁵¹.

Индия подошла к порогу независимости через море страданий, связанных с разделом страны. Индийский субконтинент был разделен на Республику Индия и Исламскую Республику Пакистан.

Канун независимости

Доставшееся правительству Неру колониальное наследство требовало радикальных перемен. Прежде всего создания нового аппарата управления и правосудия, который отвечал бы новым задачам независимой Индии. Важной частью колониального аппарата была весьма эффективная бюрократическая машина во главе с Индийской гражданской службой (ИГС). Ее опыт управления (поддержание правопорядка, сбор налогов, осуществление правосудия и т. п.) был использован после независимости при создании Индийской административной и других служб.

В колониальный период было положено начало созданию нового среднего класса, на который власть могла опираться и править страной. Большое значение имело внедрение английского языка в школах и колледжах. Фактически именно этот класс, а скорее сравнительно небольшая по размерам социаль-

⁵⁰ *Pyarelal (Pyarelal Nayyar). Mahatma Gandhi... Vol. 2. – P. 368.*

⁵¹ *Tendulkar D.G. The Mahatma... Vol. 8. – P. 111.*

ная группа выдвинула лозунг независимости Индии, а после ее завоевания взяла в свои руки управление ею.

Колонизаторы создали в Индии современные транспорт, связь и другие элементы инфраструктуры, что было необходимо для эксплуатации и извлечения ресурсов из страны.

Однако общее состояние экономики определялось тем, что сельское хозяйство пребывало в состоянии застоя, а фактически деградировало. В деревне (83% населения) господствовало полунатуральное хозяйство, обремененное полуфеодальными отношениями⁵². Производство сельскохозяйственных продуктов не успевало за ростом населения (хотя он не превышал и 1% в год). Продолжалось разорение традиционного домашнего производства в результате индустриализации. Таким образом, «цивилизаторская миссия» (или «бремя белого человека» по Р. Киплингу) затронула лишь поверхность огромной людской массы, проживающей в основном в деревнях.

В промышленности преобладали мелкотоварные сектора экономики. Фабрично-заводские рабочие, а также рабочие на транспорте, предприятиях связи и строительстве насчитывали около 4 млн человек. Их положение было крайне тяжелым. Во время Второй мировой войны происходил достаточно активный рост индийского предпринимательства. В 1943 г. две трети крупнейших фабричных предприятий находились под контролем индийского капитала⁵³.

Социальная обстановка в последние десятилетия колониальной власти была весьма напряженной, особенно в деревне. Крестьянство выдвигало требования резкого снижения арендной платы и земельного налога, ликвидации принудительного труда и феодальных поборов. Издольщики и сельскохозяйственные рабочие вели активную борьбу за улучшение своего по-

⁵² *Растяжников В.Г.* Аграрная революция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. – М., Наука, 1973. – С. 109; *Растяжников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Советская, Узбекистан, Казахстан. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 74.

⁵³ *Левковский А.И.* Особенности развития капитализма в Индии. – М: Изд. вост. лит., 1963. – С. 326–329, 347–359.

ложения, особенно в Бенгалии. Самым мощным было движение издольщиков в этой провинции⁵⁴. В городах усилилась борьба рабочих за их права. Движения крестьян и забастовки рабочих стали заметным явлением общественной жизни в канун независимости и последующие годы⁵⁵.

Главный результат колониального правления состоял в том, что огромная масса населения Индии жила в бедности. Доход на душу населения накануне независимости, по существу, оставался таким же, как и в 1900 г. Он более чем в 10 раз уступал аналогичному показателю в Англии. Особенно тяжелым было положение в деревне, где реальный доход на каждого работника сократился на 30–40% по сравнению с 1900 г.⁵⁶ Более 80% жителей страны были неграмотными. Современное здравоохранение для большинства населения фактически отсутствовало. К середине 1940-х годов глубина и масштабность социально-экономических проблем в Индии достигли критического уровня. Все эти проблемы достались на долю независимой Индии и ее первого правительства во главе с Неру.

⁵⁴ Классовая борьба в современной индийской деревне (1947–1965) / Отв. ред. Котовский Г.Г. – М.: Наука, 1969. – С. 8, 9, 10–12.

⁵⁵ Гордон Л.А., Егорова М.Н. Рабочий класс независимой Индии. – М.: Наука, 1968. – С. 183–197.

⁵⁶ Левковский А.И. Указ. соч. – С. 367.

Глава 12. Как закладывались основы независимой Индии

Неру о будущем Индии

В ночь с 14 на 15 августа¹ 1947 г. президент Индийского национального конгресса Джавахарлал Неру, выступая перед Учредительным собранием, заявил: «Много лет назад мы встретились с судьбой, теперь настало время выполнить наши обещания... Наше будущее будет непростым и нелегким... Служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают. Оно означает ликвидацию нищеты и невежества, болезней, неравенства возможностей... И поэтому мы должны работать, трудиться, много трудиться, чтобы воплотить наши мечты в действительность. Эти мечты нужны Индии и всему миру, так как все страны и народы сегодня настолько зависят друг от друга, что не могут даже представить свою жизнь в изоляции»².

Затем члены Учредительного собрания поклялись посвятить себя «служению Индии и ее народу, чтобы эта древняя земля заняла свое законное и почетное место в мире и внесла свой весомый добровольный вклад в укрепление мира на земле и благополучие человечества»³. После принятия клятвы председатель собрания Раджендра Прасад объявил, что Учредительное собрание приняло на себя полномочия управлять Индией. Затем была одобрена резолюция, в соответствии с которой Луис Маунтбэттен приглашался стать генерал-губернатором – конституционным главой доминиона Индия. Вслед за этим главный

¹ Вице-король Маунтбэттен назначил 15 августа датой «передачи власти» индийцам. Однако астрологи сочли этот день несчастливым для такого рода мероприятий. В то же время 14 августа было объявлено ими как вполне благоприятный день. По предложению Неру это противоречие было разрешено тем, что «передача власти» началась вечером 14 августа и завершилась в полночь, когда закончился один день и начался другой.

² Congress Varnika... – P. 105.

³ Ibid.

судья Индии принял присягу генерал-губернатора, а тот, в свою очередь, утвердил Джавахарлала Неру в должности премьер-министра страны.

В своем обращении к Учредительному собранию Маунтбэттен, в частности сказал: «С сегодняшнего дня я являюсь конституционным генерал-губернатором и хотел бы просить считать меня одним из вас, как человека, полностью посвятившего себя защите интересов Индии». Маунтбэттен особо отметил вклад Ганди в достижение независимости: «В этот исторический час мы не должны забывать все то, что Индия должна Махатме Ганди – архитектору ее свободы при помощи ненасилия»⁴. Маунтбэттен оставался генерал-губернатором до 21 июня 1948 г., когда его сменил на этом посту Чакраварти Раджагопалачари. Первым генерал-губернатором Пакистана стал М.А. Джинна, провозглашенный «Великим вождем» («Каид-и-Азам»).

Торжественные мероприятия по передаче власти не смягчили межобщинных столкновений, которые к этому времени вышли из-под контроля. Раздел страны повлек за собой невиданные жертвы и страдания. Переселение сотен тысяч людей из Индии в Пакистан и, наоборот – из Пакистана в Индию сопровождалось гибелью огромного числа людей, поджогами, грабежами, насильственными обращениями в иную религию. Неру назвал это «кризисом индийской души», «человеческим землетрясением». Он писал: «Свобода пришла к нам, и она пришла с минимумом насилия. Но сразу же после ее достижения мы были вынуждены плыть по океану крови и слез. И хуже, чем кровь и слезы, был стыд и позор, который сопутствовал им. Куда подевались наши ценности и нравственные нормы, куда подевалась наша древняя культура, наш гуманизм и духовность и все то, что Индия защищала в прошлом? Темная ночь вдруг опустилась на эту землю, и безумие овладело людьми. Страх и ненависть ослепили наш ум, и все ограничения цивилизации были выброшены прочь. Ужас громоздился на ужасе, и мы почувствовали внезапную опустошенность при виде жестокого варварства человеческих существ. Свет, казалось, совсем исчез. Но нет, он еще иногда мелькал в яростной буре. Мы горевали по умершим и умирающим и по

⁴ *Das M.N. India wins Independence... – P. 799.*

тем, для которых страдания были больше, чем смерть. Но мы еще сильнее горевали по Индии, нашей общей матери, ради свободы которой мы трудились долгие годы»⁵.

Панджаб, где беспорядки продолжались уже в течение нескольких дней, оказался на грани полного коллапса общественной жизни – там начались массовые столкновения между мусульманами, индусами и сикхами. Главнокомандующий бывшей армией Британской Индии, а с 15 августа – индийской и пакистанской армиями Клод Окинлек 16 августа доложил генерал-губернатору Маунтбэттену, что Индия находится в состоянии гражданской войны. На следующий день Неру вылетел в Панджаб для встречи с премьер-министром Пакистана Лиакат Али Ханом. Они вместе обратились к народу с призывом к миру. Однако это не помогло. Столкновения продолжились с еще большей жестокостью. 23 августа поезд с сикхами-мигрантами был атакован мусульманами из Ферозпура. Было убито 25 и ранено 100 человек. В Кветте (провинция Белуджистан) между сторонниками Мусульманской лиги и пуштунами начались столкновения, которые переросли в схватки и тех и других с индусами⁶. Подобные же события происходили и в других районах. 24 августа Неру снова прибыл в Панджаб. Однако, несмотря на его усилия, столкновения продолжались, и к концу августа они охватили почти весь Панджаб. В них погибали сотни людей. По пути в неизвестное будущее многие умирали от голода и истощения.

В Калькутте в конце августа начались столкновения между индусами и мусульманами. Туда вновь приехал Ганди и начал голодовку протеста против межобщинного безумия. 4 сентября лидеры обеих общин подписали клятву, что они положат конец столкновениям. Только после этого Ганди прервал голодовку с намерением выехать в Панджаб, чтобы умиротворить и там враждующих людей. Но по пути он задержался в Дели, где также начались массовые религиозно-общинные столкновения, сопровождавшиеся большими жертвами.

После провозглашения независимости Индии Маунтбэттен принял участие в проходах в Бомбее 5000 английских солдат

⁵ Congress Varnika... – P. 96.

⁶ *Tunzelmann, Alex von. Indian Summer...* – P. 215, 217.

и офицеров в Англию, а затем отправился на отдых в Симлу. По пути его личный поезд был остановлен, и все 100 пассажиров-мусульман были убиты, за исключением личного слуги генерал-губернатора, который успел спрятаться под лавкой.

Проводивший демаркацию границ между Индийским Союзом и Пакистаном судья Рэдклифф 17 августа улетел в Лондон. До этого он написал своему приемному сыну: «Никто в Индии не проникнется любовью ко мне за решение по Панджабу и Бенгалии. Около 80 млн человек, имеющих повод для недовольства мной, начнут разыскивать меня. Я не хочу, чтобы им удалось это сделать». Впоследствии Рэдклифф сжег все документы, относящиеся к разделу⁷.

Современники трагедии раздела Британской Индии, а затем историки и литераторы расходятся в оценках числа жертв во время религиозно-общинных столкновений. Наиболее часто повторяемая цифра – один миллион убитых в период раздела. Индийский историк Гьянендра Панде приводит эту оценку как некую среднюю между минимальной в 200 тыс. человек и максимальной в два миллиона⁸. Кроме данных об убитых в этой междоусобной бойне, есть и другие цифры, не менее важные для понимания масштабов этой человеческой трагедии. Так же, как и в случае с числом убитых, нет и, наверное, не могло быть сколько-нибудь точного числа беженцев из одного доминиона в другой в течение 1947 г. и 1948 г. Называют цифры в десять, двенадцать и даже пятнадцать миллионов. Но все они не имеют документального подтверждения, а дают лишь общее представление о трагедии библейского масштаба. По некоторым оценкам, около семи миллионов индийских мусульман мигрировали в Пакистан⁹.

⁷ *Butalia, Urvashi*. The Other Side of Silence: Voices from the Partition of India. – Delhi: Viking, 1998. – P. 65.

⁸ *Pandey, Gyanendra*. Remembering Partition: Violence, Nationalism and History in India. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 88–91 // Цит. по: *Tunzelmann, Alex von*. Op. cit. – P. 214.

⁹ *Lateef, Shahida*. Muslim Women in India: Political and Private Realities. – New Delhi: Zed Book, 1990. – P. 7.

Примечательно в этой связи заявление губернатора Западного Панджаба Френсиса Мьюди о получаемых им донесениях о числе убитых. Он вспоминал: «Я должен был игнорировать любой доклад о беспорядках, если в нем не было указаний на то, что было убито, по крайней мере, тысяча человек. А если это было так, то я просил предоставить мне еще один доклад, подтверждающий это. Но я не помню ни одного случая, когда я был бы в состоянии сделать что-либо»¹⁰. Ужасающие масштабы гибели и страданий людей дали основание Раджагопалачари написать: «Если бы вице-король не передал власть (что он и сделал), то вообще не было бы никакой власти, которую можно было бы передать»¹¹.

В Дели трагическая драма разыгрывалась на глазах правительства. Тысячи мусульман-переселенцев прибывали в город и оставались в нем в поисках убежища. Они располагались во временных лагерях, мечетях, на мусульманских кладбищах, возле домов известных мусульман, в том числе двух министров правительства – Абул Калам Азада и Рафи Ахмед Кидваи. Вместе со многими делийскими мусульманами они держали путь на запад – в Пакистан. А навстречу им из Пакистана в Дели шли тысячи и тысячи индусов. В разных районах города вспыхивали кровавые столкновения. Полиция получила приказ стрелять на поражение при возникновении беспорядков. Город был парализован, транспорт, телефон и телеграф не работали. Среди убитых и пострадавших больше было мусульман. Мечети подвергались нападениям и осквернениям. Ганди осудил все это как «позорное пятно на индуизме и сикхизме»¹². В это же время в Синде были подвергнуты нападениям и осквернению индусские храмы.

В конце сентября Маунтбэттен, Неру и Патель (вице-премьер и министр внутренних дел) вылетели в Панджаб, чтобы лично оценить масштабы миграции. Около Ферозпура они из самолета увидели караван переселенцев и, пролетев 50 миль, не

¹⁰ *Roberts, Andrew*. Eminent Churchillians. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994. – P. 127 // Цит. по: *Tunzelmann Alex von*. Op. cit. – P. 229.

¹¹ *Ziegler, Philip*. Mauntbatten Revisited. – Austin: University of Texas, 1955. – P. 22.

¹² *Fisher, Louis*. The Life of Mahatma Gandhi... – P. 520.

нашли его конца. Переселенцы медленно передвигались на арбах, запряженных волами, или шли пешком, неся на спине детей, стариков, больных. Над караваном кружили стервятники в ожидании очередной смерти людей, что постоянно и происходило. Страдания и муки не объединяли людей из разных общин, а еще больше отдаляли их друг от друга. Хрупкий мир рушился на глазах и уступал место жестокой бойне.

В условиях огромного напряжения и неопределенности в стране и обществе в руководстве Конгресса стали проявляться признаки серьезных противоречий и даже раскола. И, прежде всего, между Неру и Пателем. Последний считал, что либеральное отношение Неру к мусульманам вредно для страны, так как оно могло подорвать ее национальную безопасность. Он также не разделял негативного мнения Неру о РСС, члены которого, по мнению Пателя, были «любящими свою страну» патриотами. РСС в день провозглашения независимости Индии объявил о трауре «в связи с разрушением священной неделимости *Бхарат-маты* (Матери-Индии)». В первом номере его еженедельника *Organiser* еще 3 июля 1947 г. была опубликована статья Ш.П. Мукерджи «Индусы никогда не примирятся с разделом Индии»¹³.

В руководстве Конгресса даже обсуждали вопрос о целесообразности его раскола на две части – правую, которую возглавил бы Патель, и левую во главе с Неру. После того, как президент Конгресса Дж.Б. Крипалани подал в отставку в знак протеста против обострившихся отношений между Индией и Пакистаном, Пателю удалось провести на этот пост Пуршоттама Дас Тандона, который открыто выступал с позиций ортодоксального индуизма в поддержку жесткой линии в отношении Пакистана. Но несмотря на различия в подходах к некоторым проблемам, а также в стиле работы и темпераменте, оба лидера Конгресса – и Неру, и Патель – подчеркивали, что они чаще дополняют друг друга, чем противостоят. Патель выразил это в одной фразе: «Наше сочетание нерушимо, и в этом наша сила»¹⁴. Большую роль в смягчении разногласий между Неру и Пателем

¹³ *Baxter, Craig*. Op. cit. – P. 37.

¹⁴ Цит. по: *Brown, Judith*. *Nehru: A Political Life*. – New Haven and London: Yale University Press, 2003. – P. 174.

сыграл Ганди. 11 января 1948 г. он заявил, что лучше «распустить» Конгресс, который стал «местом коррупции» и «властного политиканства». На следующий день Ганди объявил голодовку в знак протеста против религиозно-общинных столкновений. Он также требовал, чтобы правительство передало Пакистану причитающиеся ему 550 млн рупий (около 30 млн фунтов стерлингов). Оно не делало этого в связи с конфликтом по вопросу о Кашмире. Но когда Неру и Патель вместе посетили голодавшего Ганди, этот вопрос был решен в пользу передачи денег¹⁵. Тогда же произошло и сближение позиций Неру и Пателя по другим проблемам. Позже Маунтбэттен говорил, что противоречия между Неру и Пателем были преувеличены. В конечном итоге, в условиях огромного напряжения, они продемонстрировали эффективное рабочее партнерство.

Убийство Ганди

На вечерней молитве в доме Бирлы в Дели, где Ганди жил последние пять месяцев, он обратился к собравшимся сотням людей со словами: «Смерть была бы для меня прекрасным избавлением от такого состояния, когда мне пришлось бы быть беспомощным свидетелем разрушения Индии, индуизма, сикхизма и ислама... Пусть моя голодовка пробудит сознание, а не умертвит его»¹⁶. Неру, Патель, другие члены правительства собирались у постели голодающего Ганди, просили его прекратить голодовку. На это Ганди отвечал: «Моя жизнь в руках Бога». В то же время у дома Бирлы собирались и иные люди. Они выкрикивали: «Пусть Ганди умрет!».

18 января представители индульской и сикхской общин заверили Неру, что жизнь и имущество мусульман, их религиозные святыни будут сохранены. Неру сообщил об этом Ганди, и только после этого он прекратил голодовку. Через два дня во время очередной коллективной молитвы возле дома Бирлы, недалеко от Ганди, взорвалась бомба. Он не пострадал, но при этом сказал: «Если бы кто-то выстрелил в меня в упор, и я встретил бы

¹⁵ CWMG. Vol. 90. – P. 550–556.

¹⁶ *Wolpert, Stanley. A New History of India... – P. 335.*

его пулю с улыбкой, повторяя имя бога Рамы в моем сердце, то я заслужил бы поздравления». Патель настаивал на предоставлении Ганди охраны. Тот отказался, сказав: «Бог – единственный мой защитник»¹⁷.

30 января Ганди, как всегда, отправился на вечернюю молитву в саду дома Бирлы, где собралось около 500 человек. Ганди продвигался в людском коридоре почтительно склонившихся людей к месту, с которого он обычно обращался с молитвой. В это время из толпы выступил молодой человек, сложил руки в традиционном индусском приветствии, а затем вытащил пистолет Беретта и выстрелил в грудь Ганди три раза. Ганди успел только произнести «О Рама». Почти тут же в толпе собравшихся нашелся врач. Но он уже был не нужен. Мохандас Карамчанд Ганди был мертв.

После смерти Ганди Неру обратился к нации по радио. «Свет ушел из нашей жизни, – сказал Неру. – Но я не прав, так как тот свет, который освещал нашу страну, не был обычным светом... И через тысячу лет мы будем видеть его в Индии и во всем мире, поскольку он представляет собой живую, вечную истину. Он напоминает нам о правильном пути, предохраняет нас от ошибок и ведет нашу древнюю страну к свободе». Индийцы, продолжал Неру, должны избавиться от яда, который разлился среди них и привел к смерти Ганди. Они должны отринуть насилие и объединиться¹⁸.

Суд приговорил убийцу Ганди Натурама Годсе к смертной казни. В речи на суде он пытался оправдать свой поступок тем, что Ганди «постоянно и настойчиво потворствовал мусульманам», что «завершилось его последней голодовкой в их пользу. Это привело меня к выводу, – сказал он, – что с Ганди нужно немедленно покончить»¹⁹.

¹⁷ *Birla G.D.* In the Shadow of the Mahatma. A Personal Memoir. – Bombay, Calcutta, Madras: Orient Longmans Ltd., 1953. – P. 324–325.

¹⁸ Nehru's broadcast, 30 January, 1948 // SWJN. Vol. 5. – P. 35–35; *Tendulkar D.G.* The Mahatma... Vol. VIII. – P. 288.

¹⁹ *Payne, Robert.* The Life and Death of Mahatma Gandhi. – New York: E.P. Dutton and Co., 1966. – P. 637–641 // Цит. по: *Guha, Ramachandra.* India after Gandhi. The History of the World's Largest Democracy. – New Delhi: Picador, 2007. – P. 22.

Неру и Маунтбэттен

Как писал Маунтбэттен, Неру как первый премьер-министр независимой Индии вполне естественно взял на себя ответственность за ее внешнюю политику. Патель сконцентрировал свое внимание на укреплении страны изнутри. Таким образом, оба лидера дополняли друг друга²⁰. Сила Джинны в условиях переходного периода состояла в том, что без его согласия невозможно было решить основные проблемы страны, главным образом ее раздела. И Неру в полной мере понимал это. Что касается Лиаката Али Хана, заместителя Джинны в Мусульманской лиге и заместителя Неру в хрупком Временном правительстве, то он был значительно менее жестким по сравнению с Джинной и одновременно его компетентным и лояльным последователем. Он был человеком, с которым Неру мог установить более плодотворные отношения на интеллектуальном уровне, чем с Джинной.

Таким образом, все эти главные действующие лица выступали на одной сцене с Неру. Сам Неру был многосторонней личностью, в которой соединялись основные черты каждого из участников политической драмы. Неру был истинным учеником Ганди с точки зрения моральных личных качеств. У него были известная жесткость, так характерная для Пателя, отстраненность, как у Джинны, и самообладание Лиаката. В то же время, по словам Маунтбэттена, индивидуальность Неру не была простой суммой характеристик остальных лидеров. Он обладал редким качеством – внутренним взглядом художника и мудростью философа²¹.

В свою очередь, Неру не испытывал проблем в общении с Маунтбэттенем, поскольку оба говорили на языке одной культуры – английской. Этому дружескому общению способствовала супруга Маунтбэттена Эдвина. По свидетельству многих близких к Неру людей, Джавахарлал и Эдвина испытывали взаимное влечение друг к другу. Сама Эдвина происходила из богатой еврейской семьи. Она была независимым человеком, исповедовавшим свободу мысли, выступала против любых проявлений расизма, поддерживала левые движения в Англии в

²⁰ Ibid. – P. 13, 14.

²¹ Ibid. – P. 14, 15.

1920-е годы. Как и Неру, она читала огромное количество книг. Их взаимная личная симпатия и привязанность вызывали множество разговоров и кривотолков в политических кругах. Некоторые были склонны видеть в этом политические мотивы и осуждали Неру. Луис Маунтбэттен вел себя в высшей степени достойно, не давая повода упрекнуть его в каких-либо подозрениях на связь Эдвина с Неру²².

Несмотря на обширные контакты Неру с разными людьми, в его политической деятельности, в личном плане он оставался весьма одиноким, замкнутым человеком. Круг его близких людей был очень узок. Он был занят бесконечной политической деятельностью в лучшие свои годы, из них почти десять лет провел за стенами тюрем. Представляет интерес мнение современников Джавахарлала Неру о его подходах к проблемам личной и общественной жизни. Так, известная политическая и общественная деятельница Индии Аруна Асаф Али (1909–1996) писала, что в отличие от Ганди, Неру подчеркивал важность личной жизни и выражал несогласие по этому вопросу с ним. «Лично я, – писал он, – нахожу такой подход неестественным и шокирующим. И если Ганди прав, тогда я преступник на грани слабоумия и нервной прострации». Как отмечает Аруна Асаф Али, у Неру не было «слишком много личной жизни». Он был занят бесконечной политической деятельностью в лучшие свои годы, из них много лет провел за стенами тюрем. Сам Неру писал: «Возможно, у меня есть неясное сожаление о том, что я пропустил в жизни. Я совершенно не обращал внимание на личную жизнь»²³.

На прощальном банкете по случаю отъезда Маунтбэттенов из Индии в июле 1948 г. Неру сначала выразил благодарность уже бывшему вице-королю и генерал-губернатору Индии, а затем особо обратился к Эдвине. Он сказал: «Боги или волшебная сказка наделили Вас красотой и высшей интеллигентностью, грацией, очарованием и жизненной силой. Это великие дары,

²² Подр. см.: *Tunzelmann, Alex von. Indian Summer. The Secret History of the End of an Empire.* – New York: Henry Holt and Company LLC, 2007.

²³ *Ali, Aruna Asaf. Private Face of a Public Figure. A Study of Jawaharlal Nehru.* – New Delhi: Radiant Publishers, 1989. – P. 20.

и та, кто обладает ими, является истинной леди, где бы она ни была. Но тем, у кого есть это, будет дано еще больше, и они дают вам нечто, что встречается еще реже, чем эти дары. Это – гуманное отношение, любовь к человечеству, стремление служить тем, кто мучается и страдает от горя. И это поразительное сочетание таких качеств проявляется в яркой личности и в целебном прикосновении»²⁴.

Проблема княжеств

Ко времени раздела Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан только три княжества из почти 600 не были присоединены к Индии – Хайдарабад, Джамму и Кашмир и Джуннагадх. Все остальные еще раньше согласились или вынуждены были согласиться войти в состав Индийского Союза. Это произошло в результате жесткой и одновременно гибкой политики Валлабхая Пателя, который во Временном правительстве был ответственным за решение этой проблемы. В этом ему активно помогал В.П. Менон – секретарь департамента по интеграции штатов.

Князья примирились с присоединением к Индийскому Союзу под давлением населения княжеств, которое надеялось на перемены к лучшему в составе Индийского Союза, поскольку многие князья отличались жестокостью по отношению к своим подданным. Кроме того, князья фактически «отдавали» то, чем на самом деле не обладали, так как по договорам с Великобританией власть в княжествах фактически принадлежала последней, особенно в вопросах внешних сношений, обороны и связей с соседними территориями. За это князья получали солидные государственные пенсии, а также сохраняли важные привилегии, подчеркивавшие их высокое положение²⁵.

²⁴ Цит. по: *Ali, Tariq. An Indian Dynasty: The Story of the Nehru-Gandhi Family.* – New York: G.P. Putnam's Sons, 1985. – P. 96.

²⁵ В 1964 г. во время поездки в г. Талчер в штате Орисса автора книги познакомили с человеком, который назвал себя «королем». Он разъезжал в роскошном мерседесе с персональным номером, на котором было выбито: «Махараджа Талчера». Однако местные власти не очень признавали его княжеское

В княжестве Джунагадх на полуострове Катхиавар мусульманский правитель – наваб попытался присоединить его к Пакистану. Однако индийское правительство подвергло княжество экономической блокаде, вооружило «освободительную армию» из мигрантов-индусов и взяло княжество под свой контроль в октябре 1947 г. На референдуме в феврале 1948 г. население Джунагадха подтвердило его присоединение к Индийскому Союзу.

С самым крупным княжеством Хайдарабад, равным по площади Великобритании, с населением более 17 млн человек (89% индусы, остальные мусульмане) ситуация была более сложной. Низам Хайдарабада отказался присоединиться к Индийскому Союзу²⁶. Однако он был вынужден подписать с правительством Индии 26 ноября 1947 г. временное соглашение о сохранении на определенных условиях прежнего статуса на один год. По соглашению низам не имел права внешних сношений, численность его войска была ограничена 7000 человек. Кроме того, положение низама усугублялось тем, что в одном из районов княжества – Теленгане – еще с 1946 г. продолжалось крестьянское восстание, охватившее около 300 деревень. Руководившее восстанием Великое собрание Андхра требовало передачи земли крестьянам и упразднения власти низама. Войска низама жестоко расправлялись с восставшими крестьянами. Правительство Индийского Союза предъявило низаму ультиматум, в котором потребовало разрешить ввод индийских войск для наведения правопорядка. Низам отказался это сделать. 13 сентября 1948 г. индийская армия вошла на территорию княжества и через четыре дня заняла его. В этих условиях низам был вынужден согласиться на присоединение к Индийскому Союзу.

достоинство. Они даже не дали ему возможности выступить на состоявшемся там собрании, хотя и пригласили в президиум. Некоторые из местных руководителей говорили о нем, как об «угнетателе и эксплуататоре».

²⁶ Lord Mauntbatten's address to the Constituent Assembly of India, 15 August 1947 // The Indian Nationalist Movement... – P. 246–247.

Проблема княжества Джамму и Кашмир, три четверти из четырех миллионов населения которого составляли мусульмане, оказалась еще более сложной. Правитель княжества махараджа Хари Сингх принадлежал к индусскому клану догра-раджпутов из Джамму. Он управлял Кашмиром при помощи чиновников из числа кашмирских брахманов-пандитов. Наиболее известным из них был клан Неру–Кауля. Еще в 1932 г. 27-летний Шейх Мухаммед Абдулла (прозванный позже «Львом Кашмира») основал партию Мусульманская конференция Джамму и Кашмира, которая потребовала своей доли в управлении штатом. Когда индусы и сикхи присоединились к этой партии, она получила новое название – Национальная конференция Джамму и Кашмира. В мае 1946 г. Национальная конференция возглавила движение «Прочь из Кашмира». Оно было направлено против махараджи Хари Сингха. Абдулла был арестован. Махараджа решил не входить ни в один из доминионов в надежде, что его княжество останется независимым. В то же время он, конечно, понимал, что его надежды на независимость будут менее реальными в случае присоединения к мусульманскому Пакистану.

В конце августа – начале сентября 1947 г. на юго-западе Кашмира, в Пунче, началось движение мусульманских крестьян против помещиков-индусов. Оно было поддержано пуштунскими племенами из СЗПП, которые двинулись в поход на Сринагар. Махараджа Хари Сингх расценил эти действия как попытку Пакистана низложить его. Он обратился к индийскому правительству за помощью. Шейх Абдулла был освобожден из тюрьмы для проведения переговоров в Дели о судьбе Кашмира с Неру, которого он хорошо знал. 26 октября 1947 г. Хари Сингх формально заявил о присоединении своего княжества к Индии и попросил оказать ему военную помощь в защите столицы княжества г. Сринагар. На следующий день в Сринагар из Дели по воздуху был переброшен сикхский батальон. Сринагар был спасен. Однако генерал-губернатор Пакистана Джинна попытался ввести в действие пакистанскую армию. На это британский командующий пакистанской армией генерал Грейси сказал, что он не может отдать приказ войскам вступить в бой против вооруженных сил другого британского доминиона, то есть Индийского Союза, без согласия фельдмаршала Окинле-

ка, главнокомандующего как индийскими, так и пакистанскими войсками. В свою очередь, Окинлек прилетел из Дели в Лахор 28 октября. Он заявил Джинне, что если тот будет настаивать на направлении регулярной пакистанской армии в Кашмир, который «законно присоединился к Индии», то это «автоматически и немедленно» повлечет за собой отзыв всех британских офицеров из пакистанской армии²⁷. В то же время генерал-губернатор Маунтбэттен настоял на том, чтобы согласие на присоединение Кашмира к Индии было обусловлено проведением плебисцита (с учетом мусульманского большинства в княжестве). Неру и его правительство согласились с этим.

До конца 1947 г. число вооруженных пуштунов в Кашмире увеличилось почти до 30 тыс., и они, по существу, стали армией созданного тогда правительства Азад Кашмира (Свободного Кашмира), которое контролировало около четверти территории Кашмира. Азад Кашмир со столицей в Музсафарабаде присоединился к Пакистану.

Плебисцит в Кашмире так и не был проведен. Неру настаивал на том, чтобы условием плебисцита стал предварительный отвод Пакистаном «захватчиков»-пуштунов из Кашмира. Однако Джинна соглашался только на одновременный вывод вооруженных сил индийского доминиона и племен. Между тем, шейх Абдулла стал премьером Кашмира, что укрепило позиции индийского правительства в этом районе.

31 декабря 1947 г. правительство Индийского Союза передало кашмирский вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Для его решения была создана комиссия ООН из трех членов по согласованию с Индией и Пакистаном. В нее вошли представители Колумбии, Бельгии и США. В результате деятельности комиссии боевые действия в Кашмире были прекращены, а с 1 января 1949 г. установлено перемирие. Между двумя частями Кашмира была проведена разделительная линия контроля, или «линия прекращения огня». Под контролем Пакистана оказались северо-западные районы бывшего княжест-

²⁷ *Wolpert, Stanley. A New History of India... – P. 354.*

ва – 40% его территории и 27% населения²⁸. В феврале 1954 г. Учредительное собрание контролируемой Индией части Кашмира приняло решение о вхождении княжества на правах штата в Индийский Союз.

Вошедшие в состав Индийского Союза княжества были поэтапно интегрированы в систему управления страны. Князья в крупных княжествах были назначены *раджпрамукхами*, то есть правителями, исполняющими функции губернаторов в бывших княжествах. Мелкие княжества образовали группы провинций, также во главе с *раджпрамукхами*. На этой основе были созданы Саураштра (из княжеств полуострова Катхиавар), Раджастхан (из княжеств Раджпутаны), Пепсу (княжества Патиалы и Восточного Панджаба), Мадхья-Бхарат (княжества Гвалиор и Индор). Такие княжества, как Барода и Куч-Бихар, влились в соседние провинции (соответственно в Бомбей и Западную Бенгалию). Другие княжества сохранялись как самостоятельные административные единицы (Бхопал и Трипура). Остальные объединялись в союзы (Химачал-Прадеш, Виндхья-Прадеш). Все эти новые административные образования были подчинены центральному правительству²⁹.

Неру – первый премьер-министр Индии

Ко времени достижения Индией независимости Конгресс был ведущей политической силой в центре и в регионах (штатах). Авторитет, завоеванный им в годы национально-освободительного движения во главе с М.К. Ганди и Джавахарлалом Неру, предопределил, что именно представители Конгресса возглавили правительство независимой Индии.

Неру пригласил в правительство представителей разных политических взглядов и направлений. От правых группиро-

²⁸ Ibid. – Р. 354; *Шаумян Т.Л.* Кашмирская проблема: новые подходы и перспективы // Международный конгресс востоковедов. Труды. Том 3. – М., 2007. – С. 1105–1107.

²⁹ *Menon V.P.* The Story of the Integration of Indian States. – Bombay: Orient Longmans, 1956. – Р. 96.

вок – Шьяма Прасада Мукерджи, от организации зарегистрированных каст – Бхим Рао Амбедкара и позже (1952 г.) от социалистов – Джаяпракаш Нараяна. Первые два согласились принять участие в работе кабинета министров. Нараян отказался, заявив, что не заинтересован в этом, поскольку не уверен, что правительство предпримет все необходимые меры для продвижения к социализму. Он писал Неру: «Мы все, без сомнения, хотим создать новое общество, в котором нет эксплуатации, в котором существует социальное и экономическое равенство, свобода и благополучие для всех. Более того, эти цели должны быть достигнуты не в далеком будущем, а в возможно кратчайшие сроки». Нараян также отмечал, что он всегда находился под влиянием Ганди и вновь «открывает» его как самого крупного мыслителя эпохи. Поэтому он полагал, что гандисты и социалисты должны работать вместе на благо простого народа. Нараян оценил предложение Неру участвовать в работе правительства как «смелый шаг», поскольку Конгресс не нуждался в коалиции, располагая необходимым большинством в парламенте.

После отказа войти в правительство, Нараян направил Неру проект «Программы-минимум по национальному возрождению», в которой предложил следующее: внести изменения в конституцию, чтобы расчистить путь для социальных преобразований; провести административные реформы, включая децентрализацию политической власти; осуществить перераспределение земли для устранения экономического неравенства и эксплуатации, отдавая при этом предпочтение сельскохозяйственным рабочим и безземельным крестьянам; ликвидировать все формы помещичьего землевладения; создать в деревнях в качестве обязательной меры кооперативные хозяйства; осуществить национализацию банков и страховых компаний, угольных шахт и т. п.³⁰. Впоследствии эти идеи легли в основу программы, возглавленной Нараяном Народно-социалистической партии.

³⁰ *Narayan, Jayaprakash. Socialism, Sarvodaya and Democracy. – Bombay, Calcutta: Asia Publishing House, 1964. – P. 79–87.*

Глава 13. Неру о путях развития Индии

Конституция Индии

Первым главным шагом на пути развития независимой Индии стало принятие ее конституции. Концепция Конституции Республики Индия была изложена в «Резолюции о целях», предложенной Неру и одобренной Учредительным собранием 31 января 1947 г. В ней говорилось, что Индия должна стать суверенной республикой и объединить территории Британской Индии и территории княжеств, не входивших в ее состав. Объединение должно произойти на добровольной основе, степень автономии всех территорий определит конституция. Народу Индии, от лица которого будет осуществляться управление страной, должны быть обеспечены и гарантированы социальная, экономическая и политическая справедливость; равенство статуса, возможностей и прав; свобода выражения мнений, вероисповедания, культов. Необходимые гарантии должны распространяться на меньшинства, районы, населенные отсталыми племенами, на угнетенные и отсталые классы. Должна быть обеспечена территориальная целостность будущей республики. «Резолюция о целях» оказала большое влияние на разработку, обсуждение и принятие конституции¹. До выработки и принятия конституции независимой Индии и избрания новых органов законодательной власти функции парламента страны должны осуществлять Учредительное собрание.

После обретения Индией независимости Учредительное собрание продолжило свою работу над конституцией. В собрании существовали различные точки зрения на будущее Индии и высказывались разные предложения по вопросам устройства страны. Так, Учредительное собрание отклонило предложение о президентской республике в пользу парламентской формы правления. Не получила в нем поддержки идея провозглашения Индии теократическим индусским государством, на чем настаива-

¹ The Indian Nationalist Movement... – P. 206–207.

вали идеологи индусского национализма. Некоторые депутаты высказывались против введения всеобщего избирательного права, мотивируя это тем, что основная масса населения была неграмотной и нищей. Но это предложение не получило поддержки. Также были отклонены предложения ввести образовательный ценз и предоставить избирательное право только мужчинам. Серьезные разногласия возникли при обсуждении вопроса о форме государственного устройства. В Учредительном собрании было немало сторонников сильного централизованного государства. Тяжелые последствия раздела Британской Индии порождали опасения, сможет ли федерация обеспечить целостность страны. С другой стороны, раздавались голоса в пользу децентрализации и за максимальную автономию для регионов. В конечном итоге возобладало мнение, что федерация необходима, но при этом нужна сильная центральная власть, способная противостоять центробежным тенденциям и обеспечить политическую, социальную и экономическую интеграцию страны.

В январе 1948 г. был опубликован проект конституции. Восемь месяцев отводилось на его обсуждение общественностью страны. С 15 ноября 1948 г. по 17 октября 1949 г. проект обсуждался в Учредительном собрании, статья за статьей. Всего было внесено 7635 предложений и поправок. 26 ноября 1949 г. она была принята Учредительным собранием. Таким образом, на выработку и принятие конституции ушло почти три года. После введения в действие Конституции Индии 26 января 1950 г. были отменены Акт английского парламента о независимости Индии 1947 г. и Акт об управлении Индией 1935 г.²

Конституция Республики Индия была выработана индийцами с учетом опыта многих стран и специфических индийских исторических и социально-культурных особенностей. Никогда ранее территории, образующие современную Индию, не представляли собой единого социально-экономического и политического пространства, живущего по одним законам и объединяющего различные этносы, религии и культуры. Обсуждение конституции проходило в условиях открытости, жестких дискуссий и столкновений, борьбы разных мнений. Так родилась

² Конституция Индии. – М.: ИЛ, 1956. – Ст. 395.

уникальная в своем роде конституция, по форме и содержанию во многом отличная от всех до сих пор имевшихся основных законов³.

Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, призванную обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов, равенства положений и возможностей, укрепление среди всех граждан братства, достоинство личности и единство нации. В отличие от федераций, образованных на основе добровольного соглашения, заключенного суверенными государствами для управления некоторыми делами в общих интересах, вхождение в Индийский Союз бывших провинций Британской Индии было обязательным, а княжеств – добровольным, хотя добровольность в историческом контексте второй половины 1940-х годов носила весьма условный характер.

³ Индийский социолог А. Бетей, высоко оценив принятие основного закона страны, заметил однако, что «конституция может указывать направление, в котором мы должны двигаться. Но как далеко мы сможем продвинуться и с какой скоростью, решит социальная структура». (*Beteille Andre. Constitutional Morality // EPW. October 4, 2008. – P. 35–42*); Историк Рамчандра Гуха сравнил процесс выработки Конституции Индии с принятой почти в то же время (в ноябре 1946 г.) Конституцией Японии (вступила в силу в мае 1947 г.). В феврале 1946 г. 24 американца (16 из них военные), пишет Гуха, собрались в Токио. Через неделю они подготовили проект конституции, который был переведен на японский язык и затем обсужден в парламенте Японии. При этом любая поправка подлежала одобрению американцами (*Guha R. India after Gandhi. – P. 122, 123*; см. также *Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян. История Японии: XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – С. 245–259*; *Emmerson, John K. Arms, Yen and Power. The Japanese Dilemma. – Tokio: Charles E. Tuttle Co., 1976. – P. 40–50*). Из более поздних основных законов отметим Конституцию Российской Федерации, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Она была выработана группой специалистов и политиков в период с начала октября 1993 г., но не обсуждалась в представительном законодательном органе – учредительном собрании или парламенте.

Конституция Индии предусмотрела сильный центр и пользующиеся реальной автономией штаты. Полномочия центра и штатов были четко разграничены. В основу деления Индии на штаты были положены административные границы, исторически сложившиеся еще в период английского господства, а также соображения политической целесообразности. Во время выработки конституции не могли быть полностью учтены языковые, культурные, социальные и другие интересы многочисленных народов, населяющих различные регионы. Именно поэтому создатели конституции предоставили широкие полномочия центральным властям по реорганизации штатов и упростили процедуру, связанные с их решением.

Конституция вступила в силу 26 января 1950 г. и на многие годы вперед определила главный вектор развития Индии по демократическому пути, заложила основу системы управления на принципах федерализма. В центре и в штатах устанавливалась парламентская форма правления. Главой исполнительной власти в центре де-юре был президент, в штатах – губернаторы, которые в обычное время действовали по совету кабинетов министров. Фактически же премьер-министр в центре и главные министры в штатах являлись главами исполнительной власти.

На основе конституции правительство во главе с Неру осуществило коренную реорганизацию всей системы политического устройства страны. В результате произошло распределение полномочий между центром и штатами, были улажены многие спорные вопросы между отдельными штатами, которые были созданы на месте бывших провинций колониальной Индии и княжеств.

После интеграции княжеств в состав Индийского Союза на передний план вышла проблема управления страной, сохранения и укрепления ее единства, без чего невозможно было приступить к решению других проблем. В 1950-е годы в Индии возобладала идея реорганизации штатов на лингвистической основе. Несмотря на объективную необходимость централизации экономической и политической власти в стране, невозможно было игнорировать тенденцию к децентрализации и регионализму. В 1954 г. правительством Неру была создана спе-

циальная комиссия, в соответствии с рекомендациями которой в 1956 г. была принята поправка к конституции – закон о реорганизации штатов. На основании этого закона было образовано 14 штатов на языковой основе, а также пять союзных территорий под непосредственным управлением центра⁴. Их создание явилось результатом активной борьбы народов Индии за национально-языковую автономию, в которой принимали участие демократические силы, принадлежавшие к разным политическим партиям.

Некоторые положения конституции Индии не распространялись на Джамму и Кашмир. В соответствии со статьей 370, ряд полномочий (введение чрезвычайного положения, назначение и смещение губернатора и некоторые другие) центр может осуществить только с согласия правительства этого штата. Остаточные полномочия принадлежат Джамму и Кашмиру, а не центральным властям, как это предусмотрено в отношении других штатов⁵. Штаты на деле стали полноправными субъектами Индийского Союза. Однако реорганизация штатов 1956 г. не смогла полностью удовлетворить их требования. Продолжались движения за пересмотр границ между соседними штатами на лингвистической основе.

В индийском полиэтническом обществе проблема отношений и взаимодействия разных этносов и языков была и остается одной из наиболее сложных. Этот вопрос бурно обсуждался еще в Учредительном собрании. В дискуссии участвовали Ганди, Неру, Патель и другие деятели Конгресса. Было предложено рассмотреть несколько языков в качестве общего языка для страны: английского, хинди, хиндустани, урду, бенгали, телугу и санскрита. В сложных условиях тогдашней исторической и политической обстановки в стране Учредительному собранию удалось добиться консенсуса по этому вопросу. Была принята статья 343 конституции Индии, в которой записано: «Официальным языком Союза является хинди в письме деванагари... Английский язык продолжает применяться для всех официаль-

⁴ The Constitution (Seventh Amendment) Act, 1956.

⁵ Правовое регулирование национальных отношений. – М., 1980. – С. 18.

ных целей Союза, для которых он использовался до введения в действие конституции». Особо указывалось на необходимость содействовать развитию языка хинди, в то время как для использования английского языка сначала был установлен 15-летний срок. Потом его продлевали в 1967 г. и 1976 г., но использование английского языка не только не сократилось, но и значительно расширилось, особенно с усилением процесса глобализации. В Верховном суде Индии и в Высоких судах штатов, а также для актов, законопроектов и т. п. до сих пор используется только английский язык. В конституции было перечислено основных 14 языков (включая хинди). По мере социально-экономического и политического развития штатов и союзных территорий принимались поправки к конституции о включении в это приложение других языков. В 2008 г. их было уже 22⁶.

Борьба за создание национально-языковых штатов способствовала углублению процесса демократизации, отвечала задачам развития отдельных народов и тогда объективно вела к упрочению единства страны, поскольку выбивала почву из-под ног экстремистски настроенных националистов.

Тем не менее, правительству Неру приходилось сталкиваться с многими проблемами и трудностями, связанными, в частности, с установлением границ между штатами, разделом водных ресурсов и т. д. В начале 1960-х годов в ряде районов страны отмечались выступления за пересмотр межштатовских границ, против хинди как языка межнационального общения, за автономию малых народностей и племен и т. п. Причины подобных требований были вызваны не столько стремлением к национально-языковой автономии, сколько активизацией религиозно-общинных сил. На конференции по вопросам единства Индии в сентябре 1961 г., под председательством Неру, отмечалось, что реорганизация штатов по языковому принципу привела к стабилизации положения в регионах и способствовала укреплению единства страны⁷.

⁶ The Constitution of India. 2000, articles 344 (1), 350A and 351.

⁷ *Гхос, Аджой Кумар*. Статьи и речи. – М., 1962. – С. 296, 301.

Одним из основных итогов развития независимой Индии на ее первом этапе стало укрепление страны как целостного единого государства. Важная роль в этом принадлежала демократическим силам, в первую очередь Конгрессу и его правительству во главе с Неру. Создание индийской федерации, налаживание отношений между центром и штатами было абсолютно новым опытом государственного строительства Индии. За чрезвычайно короткий исторический период было немало сделано для консолидации нации и демократизации общественной жизни. Неудивительно, что на этом пути встретились большие трудности, особенно если принять во внимание огромное многообразие языковых, религиозных, кастовых факторов, неравномерность социально-экономического и культурного развития отдельных районов страны.

Однако в стране действовали партии и группировки, которые не были удовлетворены разделом Индии и ее последующим развитием как многоконфессионального и полиэтнического государства. Упорными противниками его строительства на федеративной основе выступили правые, консервативные силы. Так, представители Хинду махасабхи еще в период подготовки конституции возражали против того, чтобы штатам были даны сколько-нибудь значительные полномочия, поскольку это якобы повлечет за собой «балканизацию» страны. Лидер другой религиозно-общинной организации Раштрия сваямсевак сангх М.С. Голвалкар заявлял (декабрь 1953 г.), что реорганизация на лингвистической основе приведет в конечном счете к дезинтеграции Индии как самостоятельного государства. Впоследствии тот же Голвалкар в книге «Гроздь мыслей» выступил с критикой как федеративного устройства, так и реорганизации штатов по национально-языковому признаку. Он даже пытался доказать, что Индия находится на грани распада из-за того, что ее государственное устройство основано на федерализме⁸. Консервативная религиозно-общинная партия Бхаратия джана сангх также отвергала реорганизацию штатов по языковому признаку. Она заявляла, что будет стремиться к изменению

⁸ *Golwalkar M.S. Bunch of Thoughts.* – Bangalore: Jagrana Prakashan, 1966 – P. 133–135, 212–214.

Конституции Индии с целью добиться установления унитарной формы правления. Против образования лингвистических штатов выступала и Народно-социалистическая партия во главе с Дж.П. Нараяном, который ратовал за унитарное, централизованное государство⁹.

Противники реорганизации административно-политической системы Индии на этнолингвистической основе были и внутри Индийского национального конгресса. Однако их влияние падало по мере укрепления экономической и политической независимости страны, роста национальных и демократических движений. Поэтому они оказались в меньшинстве в правящей партии и не смогли воспрепятствовать процессу национального строительства в Индии. В этом состояла большая заслуга Неру.

После достижения независимости на территории Индии оставались еще два рудимента европейского колониального господства: это португальские колонии в Гоа и два анклава на гуджаратском побережье – Даман и Диу, а также французские поселения в Пондишери и Чандернагаре. В 1954 г. в соответствии с договоренностью, достигнутой с Францией, территория Пондишери стала частью Индии и получила в 1956 г. статус союзной территории, а Чандернагар был включен в состав штата Западная Бенгалия. Но правительство Португалии долгое время отказывалось расставаться со своими колониальными владениями. Однако правительство Неру проявило волю и решимость в этом вопросе. В итоге в 1961 г. индийские войска заняли Гоа, и португальские территории были включены в состав Индии на правах союзной территории Гоа, Даман, Диу, из которой в 1987 г. выделился самостоятельный штат Гоа, а Даман и Диу остались союзной территорией.

При всей значимости решения этноязыковых проблем, главным для индийского государства оставалось сохранение территориальной целостности и единства страны. Важным принципом индийской конституции было то, что штаты не обладают правом отделения от Индии. Принятая в 1963 г. поправка к конституции усилила это положение, подчеркнув, что любые

⁹ *Bharatiya Jana Sangh. Election Manifesto.* – New Delhi, 1957. – P. 1; *Janata.* – Bombay, 12.02.1956.

действия, выступления, а также создание партий, организаций и ассоциаций, деятельность которых направлена на отделение от Союза, считаются антиконституционными со всеми вытекающими из этого последствиями. Опасность сепаратистских настроений и движений в Индии существовала с момента ее образования. Однако ни одна попытка отделения от Индии не увенчалась успехом. В случае возникновения угрозы единству страны центральные власти располагали целым набором конституционных мер для борьбы с ней.

С учетом общей отсталости экономики и неравномерности развития штатов правительство Неру оказалось в сложном положении при определении первоочередности регионального развития. Особенно если принять во внимание давление со стороны штатов, каждый из которых ревностно относился к финансовым средствам, выделяемым центром другим штатам на те или иные проекты. В этом смысле правительства штатов играли роль своеобразных групп давления, добивавшихся финансово-экономических льгот. Даже между конгрессистскими властями штатов и правительством Конгресса в центре неоднократно возникали серьезные противоречия по различным вопросам социально-экономического развития. Правительство Уттар-Прадеша, например, неоднократно заявляло о своих разногласиях с правительством Конгресса в центре, не одобряло его политику в сфере экономики и выступало против осуществления пятилетних планов¹⁰.

Были немалые проблемы в отношениях между центром и правительствами Конгресса и в других штатах. Так, во время пребывания Конгресса у власти в Западной Бенгалии за первые 20 лет независимости в отношениях между центром и этим штатом неоднократно возникали немалые трудности. И это несмотря на то, что между Неру и главным министром штата Б.Ч. Роем существовали отношения личной дружбы и глубокого взаимопонимания. Проблемы и трудности были во многом связаны с ограниченными экономическими возможностями индийского государства в начальный период независимого разви-

¹⁰ *Ганди, Индира*. Статьи, речи, интервью. – М.: Прогресс, 1975. – С. 415.

тия после раздела единой Бенгалии на две части – индийскую и пакистанскую. Экономика штата оказалась в кризисном состоянии, транспортные и хозяйственные контакты были нарушены. Миллионы беженцев из Восточного Пакистана обернулись тяжелым бременем для всей экономической жизни Западной Бенгалии.

Большую роль в отношениях между центром и штатами играли организации Конгресса в центре и на местах. Следует отметить, что помимо постов премьер-министра, министра иностранных дел и председателя Плановой комиссии, Неру также входил в состав руководства Конгресса и был президентом партии в 1951–1954 гг. Правительства Конгресса и организации этой партии в штатах не могли не принимать во внимание особенности социально-экономического и политического развития на местах. Конгрессистским властям в регионах, например, в той же Западной Бенгалии, приходилось учитывать наличие радикальных тенденций в бенгальском обществе, рост влияния левых сил, в том числе коммунистов.

Когда вскоре после завоевания независимости страны компартия Индии объявила о борьбе с «буржуазным» правительством Неру, тысячи коммунистов были превентивно арестованы и посажены в тюрьмы. Это вызвало протесты и возражения не только в Индии, но и за рубежом. Так, член Лейбористской партии профессор Рэджинальд Соренсен выразил Неру, с которым он был знаком еще по совместной работе в Индийской лиге Великобритании, свою озабоченность подобным поворотом событий. На это Неру ответил, что деятельность правительства в отношении личной и гражданской свободы «причинила мне боль». Но, объяснял он, поддержание правопорядка было прерогативой преимущественно местных властей. «Центральному правительству трудно вмешиваться в конкретные дела, о которых провинциальные правительства могут судить значительно лучше». А дальше он уже более определенно и жестко писал: «В подобных ситуациях обычные представления о гражданских свободах мало применимы... Должны использоваться специальные правила», поскольку за этим «скрывается определенная политика саботажа... преднамеренная попытка посеять хаос

в стране...». Но тут же Неру добавил: «Я лично не испытываю враждебных чувств к коммунизму и коммунистам... и считаю некоторых из них своими друзьями»¹¹.

Неру придавал большое значение развитию федеральной структуры управления. Этой цели служила реализация положений конституции о распределении полномочий между центром и штатами. Он уделял большое внимание регулярным контактам с руководством правительств штатов. Об этом, в частности, свидетельствовала практика направления Неру всем главным министрам писем по основным вопросам внутренней и внешней политики.

Построение общества «всеобщего благоденствия»

После раздела Индии на Индийский Союз и Пакистан вся единая экономическая система, включая транспортную сеть и ирригационные сооружения, оказалась разорванной. Появились новые вопросы, связанные с миллионами беженцев. Индийский Союз испытывал нехватку продовольствия, а также сырья для ведущей текстильной промышленности. В 1949 г. объем промышленного производства составлял 60–70% от уровня, достигнутого во Второй мировой войне. Резко выросла безработица. В 1947–1950 гг. Индия была вынуждена ежегодно ввозить более 10 млн тонн зерна¹². Перед правительством стоял вопрос, насколько оно сможет на практике осуществить социалистические идеи, которых придерживался Неру и некоторые другие руководители Конгресса. В Индии социалистические идеи (мы используем этот термин только для обозначения круга идей, так или иначе имеющих отношение к этому направлению общественной мысли) в их разных формах были широко распространены в общественно-политических кругах. За годы национально-освободительной борьбы идея социальной

¹¹ Nehru to Sorensen, July 10, 1948 // SWJN (2), Vol. 7. – P. 587, 588.

¹² Котовский Г.Г. Индия в новейшее время // Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. – М.: Мысль, 1979. – С. 489–491.

справедливости пропитала общественное сознание индийцев. Почти все политические силы использовали ее в своих целях, поскольку она отвечала интересам большинства населения, состоявшего из бедных и беднейших слоев. В свою очередь, советский социализм выглядел достаточно привлекательным в глазах индийской политической элиты. Этому способствовали поддержка Советским Союзом национально-освободительных движений колониальных народов, его успехи в ликвидации нищеты и неграмотности, быстрая индустриализация, победа над фашизмом в Великой Отечественной войне, достижения в ряде сфер науки, техники и производства.

Джавахарлал Неру писал, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал Неру, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни¹³.

Ранее, в 1930-х годах, Неру заявлял, что его целью является «бесклассовое общество, обеспечивающее всем равную экономическую справедливость и возможности», а все, что препятствует этому, «придется устранить – если возможно, мягко, а в случае необходимости и насильственными средствами». Но под влиянием Ганди и «издержек» советского социализма он практически отошел от идеи использования силы. «Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом, – писал Неру. – ...Мне не нравится догматизм, отношение к трудам Карла Маркса или каким-либо другим книгам как к непогрешимому священному писанию, регламентация жизни и травля инакомыслящих, составляющие, видимо, характерную черту современного коммунизма. Мне не нравится также многое из того, что произошло в России, и особенно чрезмерное применение насилия в обычной обстановке, и все же я все больше склоняюсь к коммунистической философии»¹⁴. Неру тогда считал, что социализм обладает

¹³ *Nehru, Jawaharlal. India Today and Tomorrow. – New Delhi: Indian Council for Cultural Relations, 1959. – P. 5.*

¹⁴ *Неру, Джавахарлал. Автобиография... – С. 576, 615.*

огромным потенциалом и привлекательностью. Он писал, что успех или провал социальных экспериментов в России не имеет прямого отношения к теории Маркса. Возможно, хотя и весьма мало вероятно, что стечение неблагоприятных обстоятельств сорвет эти эксперименты. Но эти великие социальные сдвиги не утратят своего значения. «При всем моем инстинктивном отвращении ко многому из того, что произошло там, я считаю, что именно они сулят наибольшую надежду миру». Однако в том, что касается Индии, оптимизм Неру был более сдержанным. «Если говорить об Индии, – писал он, – то коммунизм и социализм, по-видимому, являются здесь делом далекого будущего, если только влияние внешних событий не ускорит темп нашей жизни. Нам приходится иметь дело не с коммунизмом, а с коммунализмом (на один слог больше!), то есть с религиозно-общинной рознью»¹⁵.

Социалистическая идея для Индии выражалась в социальной справедливости и равенстве, на основе которых, как говорил Неру, можно «покончить с нищетой, массовой безработицей, деградацией и угнетением индийского народа». Он полагал, что Индия «выработает свои собственные методы и может приспособить идею социализма к гению народа»¹⁶.

Помимо социалистической, в Индии были и другие альтернативные идеи ее развития. Справа их выдвигали партии, которые выступали за создание институтов и механизмов частного предпринимательства, за отказ от лозунгов и программ, ориентированных на достижение социальной справедливости. Влиятельная консервативная группировка в Конгрессе во главе с заместителем премьер-министра и министром внутренних дел Пателем решительно выступила против реализации на практике социалистических идей Неру. В партии сложилось своеобразное двоевластие. Однако после смерти Пателя в 1950 г. среди консерваторов не нашлось лидера, который мог бы противостоять авторитету Неру. И, тем не менее, он был вынужден учитывать возможности и интересы этой группировки, общую рас-

¹⁵ Там же. – С. 617.

¹⁶ *Nehru, Jawaharlal. India and the World.* – London: G.Allen & Unwin Ltd., 1936. – P. 27, 28.

становку общественных и политических сил в стране, идти на компромиссы в своей практической деятельности.

Противоречия между Неру и Пателем вновь вышли на поверхность политической жизни более чем через полвека после завоевания независимости страны. Дискуссия о роли этих двух лидеров и отношениях между ними особенно остро разгорелась во время кампании по выборам в нижнюю палату парламента весной 2014 г. В ней противостояли Конгресс и БДП. Руководство Конгресса заявляло, что Патель был лояльным конгрессистом и у него не было неразрешимых противоречий с Неру. Более того, оба уважали друг друга, и если в чем-то не соглашались, то не по принципиальным вопросам политики, а о том, как и какими способами решать сложные проблемы страны в первые года ее независимости.

В свою очередь, кандидат в премьер-министры от БДП Нарендра Моди утверждал, что у Пателя были глубокие расхождения с Неру по вопросу о будущем развитии Индии, которая пошла бы по иному пути, если бы премьер-министром был Патель. Естественно, что через 64 года после смерти Пателя и 50 лет после смерти Неру эта дискуссия имела сугубо политический характер. БДП стремилась создать образ Пателя как исторической фигуры, не только противостоящей Неру, но и придерживавшейся тех же ценностей, что и эта партия. По мнению лидеров БДП, это могло бы привлечь дополнительные голоса избирателей на выборах в парламент. В этой же связи в штате Гуджарат, где главным министром был Моди, стали сооружать гигантскую статую Пателя. Это объяснялось тем, что Патель недостаточно широко представлен в общественном сознании, в то время как Конгресс постоянно использует имена Неру, Индиры Ганди и ее сына Раджива Ганди в пропаганде достижений династии Неру–Ганди¹⁷.

В эту дискуссию о роли Пателя и Неру свою лепту внес и возможный кандидат в премьер-министры от Конгресса Рахул Ганди. Однако, по мнению некоторых политических обозревателей, он недостаточно хорошо знал суть этой проблемы¹⁸.

¹⁷ The Hindu. – 01.11.2013.

¹⁸ The Hindu. – 04.11.2013.

В 1947 г. Конгресс принял решение, предусматривавшее создание демократической системы с экономической структурой, которая могла бы обеспечить условия для быстрого развития производства, но не допускала появления частных монополий и концентрации богатства¹⁹. В принятой Конгрессом в 1948 г. по инициативе Неру резолюции по промышленной политике была заложена основа смешанной экономики, в которой при стратегическом контроле со стороны государства частному сектору отводилась заметная роль. Государственные предприятия должны создаваться в тех сферах, где частные компании не могут адекватно удовлетворять нужды населения страны. В результате, за государством были зарезервированы важнейшие отрасли тяжелой промышленности и машиностроения, включая черную металлургию, угольную и нефтяную промышленность, производство вооружений и атомной энергии, железные дороги. Тогда же был национализирован Резервный банк Индии, усилен контроль за деятельностью частных банков. На образованный таким образом государственный сектор в 1948 г. пришлось 6% промышленного производства страны.

В следующем году Конгресс провозгласил в качестве своей цели построение общества «всеобщего благоденствия», основанного на равенстве политических, экономических и социальных возможностей. Важной частью дальнейшего экономического развития Индии стало планирование. При этом был использован опыт Советского Союза. Конгресс заявил, что будет осуществлять планирование главных направлений жизни страны, что базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством.

На этой основе был разработан первый пятилетний план (1951/52–1955/56), который выдвигал достаточно скромные цели. Конкретные мероприятия по их реализации были предложены совещательным советом по планированию, который в

¹⁹ Rao, Ramana M.V. A Short History of Indian National Congress. – New Delhi, 1959 – P. 255.

1950 г. был преобразован в Плановую комиссию под председательством премьер-министра. В декабре 1952 г. Неру обратился к главным министрам штатов с письмом, в котором разъяснял значение пятилетнего плана для развития страны и укрепления ее единства. Он писал: «В основе плана лежит концепция единства Индии и мощных кооперативных усилий всех ее народов. Следует постоянно подчеркивать взаимосвязь одной части Индии с другой. Если мы будем придерживаться такого подхода, то тем самым поведем борьбу с главной болезнью или слабостью Индии – разделительными тенденциями и узкими, местническими взглядами, которые стоят на пути нашей деятельности. Чем больше мы думаем о сбалансированной картине всей, целой Индии,... тем меньше у нас шансов уйти в сторону и попасть на кривые дорожки провинциализма, коммунализма, кастеизма и других разрушительных и разъединительных тенденций»²⁰. Через два месяца он снова напомнил главным министрам о начатом «мощном предприятии», которое имеет историческое значение. «Построить эту страну и разрешить проблемы нищеты и безработицы демократическим путем в таких огромных масштабах – это то, что не было сделано нигде»²¹. В этой же связи Плановая комиссия заявила: «В плановой экономике различия между государственным и частным секторами состоят лишь в акцентах. Оба сектора должны действовать как части одного организма»²². Неру полагал, что государственный и частный секторы экономики могут плодотворно сосуществовать и сотрудничать в Индии, которая нуждается в ускоренном развитии. В 1954 г. он сказал: «Вполне очевидно, что в такой неразвитой стране, как наша, мы не сможем продвигаться вперед без инициативы со стороны государства, без расширения государственного сектора <...> без контроля над частным сектором в определенных сферах. Очень важно, чтобы частный сектор

²⁰ Nehru to Chief Ministers, 22 Dec., 1952, LCM, Vol. 3. – P. 203–206.

²¹ Nehru to Chief Ministers, 3 March, 1953, LCM, Vol. 3. – P. 252–255.

²² The First Five Year Plan. – New Delhi: Planning Commission, Government of India, 1958. – P. 9.

действовал в условиях широкого стратегического контроля, но при полной свободе и инициативе. Частный сектор является частью плана...»²³.

Главное внимание в первом пятилетнем плане было уделено аграрному сектору. Ставилась задача увеличить производство продовольствия и соответственно сократить импорт зерна. Около двух третей всех расходов планировалось выделить на сельское хозяйство, ирригацию, производство электроэнергии, транспорт и связь. На развитие промышленности предусматривалось израсходовать всего около 10%. За эти пять лет валовой национальный продукт вырос на 18%, что послужило основанием для дальнейшего планирования развития страны.

С учетом напряженной социально-политической ситуации в стране правительство Неру сделало еще один шаг вперед в социализации экономики и утверждении принципов справедливости и равенства в обществе. Оно подчеркивало необходимость установления социализма мирным путем, без насилия и диктатуры, на основе демократии. Эти поиски привели Неру к концепции среднего пути, которая нашла свое выражение в теории и практике смешанной экономики. Он полагал, что в такой слаборазвитой стране, как Индия, нельзя добиться прогресса без государственного сектора и контроля над частным сектором в наиболее важных сферах. В 1955 г. Конгресс принял программу построения «Общества социалистического образца». В ней говорилось о продолжении планирования экономики и курса на индустриализацию страны при главенствующей роли государственного сектора²⁴. В программе говорилось следующее: «Планирование должно осуществляться с целью построения общества социалистического образца, в котором главные средства производства находятся в общественной собственности или под контролем общества, где производство непрерывно растет и существует справедливое распределение национального богатства»²⁵.

²³ Ibid. – P. 209.

²⁴ *Brown, Judith M. Nehru. A Political Life.* – P. 236–243.

²⁵ Цит. по: *Ghose, Sankar. Socialism and Communism in India.* – Calcutta: Allied Publishers. – P. 205.

Позже Неру многократно разъяснял свою позицию о необходимости строительства общества «социалистического образца» в Индии. В 1956 г. он писал, что в промышленно развитых странах капитализм достиг монополистической стадии, используя новейшие технологии для того, чтобы усилить свою власть до такой степени, что это может стать в будущем опасным для общества. Индия выбрала разумный курс, имея в виду это обстоятельство. В то же время она позволяла частному предпринимательству развиваться в тех сферах, которые не являются стратегически важными. При этом Неру особо подчеркивал, что не существует конфликта между социализмом и демократией, а есть конфликт между демократией и экономической структурой, результатом чего может быть отсутствие «экономической демократии»²⁶.

Идея о роли государства в экономическом и социальном развитии была связана не только с предыдущим опытом Неру в вопросах выбора социально-экономического и политического курса, но, прежде всего, с последствиями колониальной эксплуатации Индии, а также с разрушительными результатами Второй мировой войны. В этом отношении Неру не был одиноким в своей вере в то, что только у государства имеются ресурсы и власть, чтобы планировать и управлять стратегией крупных социально-экономических реформ. Это было частью широкого интеллектуального консенсуса в середине XX в., особенно в вопросах послевоенной реконструкции и управления молодыми национальными экономикami после имперского правления. В самой Индии существовала значительная поддержка такого подхода, в том числе со стороны крупного бизнеса, который признавал роль государства в создании жизненно важной инфраструктуры для обеспечения экономических реформ, включая индустриализацию²⁷.

Конечно, Неру приходилось быть прагматичным и принимать во внимание индийскую реальность, а также учитывать

²⁶ Nehru to Chief Ministers, 14 April 1955, 16 January 1956, LCM, Vol. 4. – P. 155, 337.

²⁷ *Brown, Judith.* Nehru. A Political Life. – New Haven and London: Yale University Press, 2003. – P. 239.

мнение оппозиции внутри Конгресса, которая придерживалась консервативных взглядов. В 1958 г. он заявил: «Я не хочу установления государственного социализма экстремального типа, при котором государство является всемогущим и управляет практически всем. Государство имеет большую политическую власть... Поэтому я должен придерживаться децентрализации экономической власти. Я вовсе не являюсь догматиком. Мы должны учиться на нашем собственном опыте и продвигаться по нашему собственному пути... Моя идея социализма состоит в том, что каждый человек в государстве должен иметь равные возможности для развития»²⁸.

Парламентская демократия и социализм в Индии

Выступая в декабре 1957 г. на семинаре по парламентской демократии, Неру подчеркнул, что выбор парламентской формы правления был неслучайным. Он связан с тем, что эта форма государственного управления дает возможность мирного решения проблем. Это метод дискуссий и аргументаций, а также принятие решений, с которыми некоторые (меньшинство) могут не соглашаться. При этом меньшинство играет очень значительную роль. Естественно, что большинство имеет возможность принимать свои решения, но оно не может игнорировать мнение меньшинства²⁹.

²⁸ Цит. по: Ibid. – Р. 206. Об общественно-политических взглядах Неру см. также: *А.И. Чичеров. Джавахарлал Неру и независимая Индия.* – М.: Наука, 1990; *О.В. Мафтышин. Политические взгляды Неру.* – М.: Наука, 1981; *Р.А. Ульяновский. Вступительная статья к книге Дж. Неру. «Взгляд на всемирную историю».* Т. I. – М.: Прогресс, 1981; *Р.А. Ульяновский. Политические портреты борцов за национальную независимость.* – М.: 1980; *Э.Н. Комаров. Джавахарлал Неру: социально-политические воззрения и историческая роль // Мировоззрение Джавахарлала Неру.* – М.: Гл. редакция вост. лит., 1973.

²⁹ *Nehru. J. Democracy and the Changing World. From Inaugural Address at the Seminar on Parliamentary Democracy. New Delhi. Dec 6, 1957 // Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. – Delhi: Publication Division, GOI, August 1964. – P. 69–72.*

Один из главных вопросов состоял в том, насколько эффективно парламентская демократия может решать проблемы, возникающие в ходе развития страны. В том числе в чрезвычайных ситуациях, как, например, во время войны. В этом случае парламент продолжает действовать, но с определенными ограничениями. Неру полагал, что парламентская демократия не связана с частным предпринимательством. Аргументы о государственном секторе, несовместимости социализма с частной собственностью все больше теряют свое значение. Так, в Европе есть много стран, которые весьма продвинулись по пути к социализму. При этом Неру не говорит о коммунистических странах, а о тех, которые можно назвать парламентскими социальными демократическими странами. «Не существует конфликта между социализмом и парламентской демократией», пишет он. Более того, постепенно нарастает конфликт между идеей парламентской демократии и полномасштабным частным предпринимательством. Парламентская демократия, по его мнению, означала постепенное расширение числа участников голосования на выборах. На этот путь многие страны встали совсем недавно. Результаты всеобщего голосования в Индии начали проявляться в полной мере только начале 1960-х гг. При этом стало очевидно, что политические перемены сами по себе недостаточны. Неру утверждает, что «от политической демократии мы продвигаемся вперед к концепции экономической демократии. Прежде всего, это означает, что нужно трудиться для достижения определенного благосостояния для всех. Во-вторых, нужно стремиться к достижению определенной степени равенства возможностей в экономической сфере. Каждая страна, коммунистическая, некоммунистическая или антикоммунистическая, движется по этому пути»³⁰.

Политическую демократию вряд ли можно создать без массового образования, полагал Неру. В развитых и иных странах полнокровная политическая демократия стала возможной только после того, как образование распространилось в массах в результате экономической революции. Но в большинстве азиатских стран, и, конечно, в Индии, был совершен огромный

³⁰ Там же. – С. 70.

прыжок к политической демократии без создания условий для того, чтобы ответить на те требования, которые выдвигает политически сознательный электорат. «В этом суть проблемы всех азиатских стран, – писал Неру. – Вся наша политическая жизнь, по существу, связана с тем, насколько быстро мы сможем построить мост через пропасть между требованиями людей и их реализацией. Если политическая структура не сможет сделать этого, то это означает, что она устарела. И может прекратить свое существование»³¹.

Одна из важных проблем, стоящих перед обществом, связана с тем, что мир движется к все большей централизации (глобализации), но «мы должны следить за тем, отмечает Неру, чтобы эта централизация не ограничила и не убила свободу». Вопрос состоит в том, чтобы решить проблему централизации и национальной свободы. Он полагал, что парламентская демократия способна сделать это более успешно, чем другие формы правления, которые ведут к авторитаризму. Поэтому Неру выступает против диктатуры. В целом, по его мнению, парламентская система правления, несмотря на все связанные с ней проблемы, имеет то достоинство, что она способна адаптироваться к меняющимся условиям жизни³².

Развивая тему демократии, Неру писал в 1962 г., что обычно под демократией подразумевают только политическую демократию, предоставление каждому права голоса. Это важно и полезно, но этого очень мало, если это право сопровождается голодом и голодной смертью. Поэтому, для того чтобы обеспечить полную демократию, а не только политическую, нужно создать экономическую демократию. Она должна дать возможность огромному числу людей пользоваться благами демократии и получить более или менее равные шансы на прогресс. Политическая демократия неизбежно должна вести к экономической демократии. Даже в развитых капиталистических странах тенденция к экономической демократии вполне очевидна. По его мнению, скандинавские страны, возможно наиболее развитые

³¹ Там же. – С. 71.

³² Там же. – С. 72.

в Европе, опирались на экономическую демократию³³. А это не что иное, как тенденция к развитию той или иной формы социализма.

Неру считал, что Индия нуждается в промышленной революции. В Европе наука и технологии помогли совершить такую революцию и обеспечить производство богатства. Очевидно, что без модернизации методов производства Индия не сможет производить достаточно, чтобы избавиться от нищеты. Объясняя сложившуюся ситуацию в Индии в начале 1960-х годов, Неру говорил, что правительство решило использовать научные методы в планировании. В первом пятилетнем плане было «немного социализма, во втором – несколько больше, в третьем – еще больше». Но по существу, не социализм, а научное планирование заложило основу прогресса в будущем. Такое планирование способствует развитию производства, а социализм проявляется в том, как планируется равноправное распределение продукта. «Мы не хотим, чтобы доходы от роста производства в Индии попадали в карманы лишь немногих людей, – писал Неру. – Понятно, что все люди не равны в своих способностях и возможностях. Но каждому должен быть предоставлен равный шанс на работу и развитие. В любом случае, не может быть оправдания для существующего в Индии огромного неравенства в доходах. В широком смысле целью правительства Индии является установление государства благоденствия в обществе социалистического образца, где не было бы колоссального разрыва в доходах, и которое предлагало бы равные возможности для всех»³⁴.

Говоря о практическом подходе к решению этой проблемы, Неру полагал, что Индия будет продвигаться вперед «по особому пути демократии с большой долей социализма – не доктринарного социализма, а практического, прагматического социализма, который будет соответствовать индийским идеалам и индийским запросам»³⁵. «Мы намеренно поставили в качестве нашей цели создание общества социалистического

³³ Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. – Delhi: Publication Division, GOI, August 1964. – P. 150.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же – С. 152.

образца, – подчеркивал Неру. – Лично я считаю, что жадное к стяжательству общество, которое является основой капитализма, более не соответствует нынешним временам. Мы должны создать более высокий порядок, который соответствовал бы современным тенденциям и условиям, основанный не столько на конкуренции, сколько на значительно более тесном сотрудничестве». «Мы приняли социализм в качестве нашей цели не только потому, что он кажется нам верным и плодотворным, но потому, что нет иного пути для решения наших экономических проблем»... «Проблема, которая стоит перед нами, состоит в том, чтобы в конечном счете изменить образ мысли и деятельности сотен миллионов людей, и сделать это с их согласия демократическим путем»³⁶.

Неру постоянно обращался к теме единства и целостности Индии. Именно в этом контексте он рассматривал вопросы ее прошлого и будущего. Одним из них был ответ на вопрос: что такое Индия? В нем он находил подтверждение исторического единства страны. Неру писал, что самое раннее начало истории Индии наполняет его восторгом. Это было прошлое активного и жизнеутверждающего народа, ищущего и стремящегося к свободному поиску. И даже в ранний период истории страны были основания считать ее зрелой и толерантной цивилизацией. Принимая жизнь с ее радостью и невзгодами, народ Индии всегда был в поиске конечной и универсальной истины. Он создал великолепный язык санскрит, и при его помощи – искусства и архитектуру. Он также послал энергичный импульс в другие страны. Он создал Упанишады, Гиту и Будду.

Санскрит был не только инструментом высоких мыслей и одной из лучших литератур, писал Неру. Этот язык также стал объединяющим началом для Индии, несмотря на ее политические разделения. Рамаяна и Махабхарата стали частью ткани жизни миллионов людей во всех поколениях в течение тысячелетий. Неру часто спрашивал себя – если бы индийцы забыли Будду, Упанишады и великие эпические произведения, кем бы они стали тогда? Они были бы лишены корней и утратили бы

³⁶ Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. – Delhi: Publication Division, GOI, August 1964. – P. 5.

основные характерные черты, которые связаны с ними в течение всех прошедших веков. Индия перестала бы быть Индией³⁷. Однако постепенно настало время возрождения, замечает Неру. Мысль утратила свою свежесть и стала застойной. Жизненность и энергия молодости уступили место темной эпохе, широкий взгляд на мир сузился, стал ограниченным и потерялся в разделении на касты, в узких социальных обычаях и церемониях. Но, несмотря на это, Индия сохранила способность впитывать в себя потоки людей и никогда не забывала того, что оживляло ее в дни ее молодости. Впоследствии на Индию оказали мощное влияние приход ислама и мусульманские нашествия. Затем последовали западные колониальные державы, которые принесли с собой новый тип подчинения и новый колониализм, пишет Неру. В то же время они дали импульс новым идеям и индустриальной цивилизации. Этот период завершился после долгой борьбы независимостью Индии. И Индия встретила будущее со всем бременем прошлого и неясными, противоречивыми мечтами о будущем. Перемены важны, но преемственность также необходима. Будущее должно быть построено на фундаменте, заложенном в прошлом и настоящем. Отринуть прошлое и полностью разорвать с ним означает вырвать свои корни, утратить жизненные соки и засохнуть. Неру обращался к Ганди, который прочно опирался на богатые традиции индийского народа, и в то же время действовал как революционер. Ганди был верен истине и использованию мирных методов. И все это он создал на фундаменте прошлого, одновременно обращаясь к будущему.

Неру писал, что, ислам принес с собой в Индию конфликт. С одной стороны, это способствовало тому, что индусское общество еще более замкнулось в себе. С другой, ислам принес глоток свежего воздуха и свежих идей. Но мусульмане принесли с собой и свою закрытую систему. В результате в средневековый период Индия встретила с огромной проблемой – как развивать отношения между этими двумя закрытыми системами. Такие мудрые правители, как Акбар, понимали, что единственная надежда на будущее состоит в установлении некоей гармонии

³⁷ Ibid. – P. 1–7.

между ними. В Индии постепенно начал выработываться синтез этих двух религий, а также христианства.

Но в это время в Индию пришло западное влияние (колониализм) с новой промышленной цивилизацией, а также языком, литературой и западным образом жизни. Со временем это привело к развитию «нового национализма», который «неизбежно» стал выступать против колониализма, за независимость Индии. Среди тех индийцев, которые пытались найти синтез между старой Индией и новым (западным) влиянием были Раммохан Рай, а за ним Вивекананда, который стремился соединить «жизненную энергию старой индийской мысли» с современностью. Последующие политические и культурные движения нашли свое выражение в деятельности Ганди и Рабиндраната Тагора. Единственный путь, открытый для индийцев, состоит в том, чтобы принимать мир таким, как он есть, и развивать терпимость между всеми. Каждая страна должна быть открыта для того, чтобы развиваться по своему собственному пути, участь у других, но не подвергаясь их давлению. По существу, это требует нового ментального подхода. Панчашила, или Пять принципов, по мнению Неру, предлагают такой подход. Помимо этого, в Индии, как и повсюду в мире, существуют национализм и стремление к социальной справедливости. Они оказывают огромное влияние на массы.

Неру писал, что, кроме политической истории, существуют и другие ее формы, такие, как социальная история, и они имеют большее значение, чем политическая. По его мнению, западные историки, особенно британцы, рассматривали историю Индии таким образом, как будто «прошедшие тысячи лет были своеобразной подготовкой к грядущему британскому господству в ней». Отсюда и реакция на это в самой Индии. Оба направления исторических исследований – империалистическое и националистическое – искажают историю. «Подгонка» истории под заранее выработанную концепцию приводит к игнорированию некоторых важных фактов, которые не отвечают этой концепции³⁸.

³⁸ Ibid. – P. 177–178.

Говоря о «философии истории», Неру рассматривал ее как процесс, который ведет человека к «более высоким» ступеням прогресса. Он писал, что «будучи очарованным» научной и технологической цивилизацией, созданной в Европе, он «постепенно подошел к такому пониманию, что эта цивилизация остановилась в развитии. Он начал искать нечто более глубокое, чем физический аспект цивилизации и понял, что более заинтересован в том, что говорили Платон или Будда, в том, что не ограничено временем. «Я задаю себе вопрос, – спрашивал Неру, – если нынешняя история выполнила свое предназначение в том, что касается науки и технологии, то движется ли она к более высоким формам человеческого существования». Выступая перед участниками Азиатского исторического конгресса в декабре 1961 г. Неру подчеркнул, что «неотложной задачей историков является устранение тех искажений истории, которые произошли в результате деятельности европейцев. Хотя некоторые из них являются прекрасными историками, их подход, тем не менее, базировался на том, что Европа является центром мира, что, естественно, влияет на их оценку истории азиатских стран»³⁹.

Через несколько дней, в выступлении на праздновании столетия Археологической службы Индии и Международной конференции археологов Азии, Неру развил эти мысли. В Индии, отметил он, «прошлое окружает нас везде» (например, старые развалины в Дели). При этом говорят, что индийцы не являются, в отличие от китайцев и арабов, людьми, «озабоченными историей». Но у индийцев есть глубокие корни в далеком прошлом. И их чувство истории выражается в мифах, эпических поэмах, в архитектуре. И, возможно, этот способ проявления историчности является более мощным по воздействию на умы огромной массы людей. В его детстве, вспоминал Неру, в учебниках индийская история делилась на три периода: древний – очень краткая глава; средневековый, или мусульманский период – более крупная глава; и британский период – глава, составлявшая главную часть учебника. «Я никогда не мог понять или принять такое разделение Индии на индусскую Индию и

³⁹ Ibid. – P. 179.

мусульманскую Индию, – говорил Неру. – Это ненаучный подход. Получается, что все прошедшие тысячелетия индийской истории были всего лишь своеобразной прелюдией к финальному превращению индийской истории в британское правление» <...> «Разумеется, что британское господство в истории Индии было важной частью ее истории, которое повлияло на нее и сблизило ее с современным миром. Тем не менее, мы получим более верную перспективу индийской истории, если обратимся к древним источникам, которые говорят о делах народа и великих людях Истории. Это дает нам лучшее представление о том, как развивался наш народ». Неру обращался и к современной «механической цивилизации», которая имела «великолепные достижения». И, тем не менее, он «часто сомневался» в том, что многие из этих достижений имели очень важное значение для прогресса человечества. «Эта цивилизация делает человека, который попадает под ее влияние, все более и более незначительным. Поэтому взгляд в прошлое дает нам определенную глубину ощущений и понимания⁴⁰. Обращаясь к архитектуре как продукту эпохи, Неру говорил, что не может отделить ее от социальных условий, целей и идеалов того времени, которому она принадлежит. Он полагал, что архитектура Индии за последние 200–300 лет до прихода англичан переживала период застоя, что отражало застойный характер индийского ума и индийских условий. «Фактически британцы пришли в Индию потому, что мы находились в таком состоянии. Общество, которое прекращает идти вперед, неизбежно становится слабым. Эта слабость оказывает влияние на разные формы творческой активности»⁴¹. В Индии, продолжал Неру, мы крепко придерживаемся традиций. Но традиция, которая сковывает ум и тело человека, не может считаться хорошей. Обращаясь в этой связи к новым веяниям в архитектуре в 1950-е годы, он говорил, что горячо приветствует архитектурный эксперимент, осуществленный в Чандигархе французским архитектором Ле Корбюзье.

⁴⁰ Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. – Delhi: Publication Division, GOI, August 1964. – P. 180–181.

⁴¹ Ibid. – P. 175–176.

«Это бьет вас по голове и заставляет думать, вырабатывать новые идеи. Индия во многом нуждается в том, чтобы ее били по голове, чтобы она думала». Продолжая эту мысль, Неру писал: «Более всего я люблю творческий подход к тому, что сделано нашими предшественниками. Нужно думать по-новому о свете и воздухе, земле и воде и о человеке. Мы, наверное, не построили бы сегодня Тадж Махал, даже если бы обладали такой возможностью. Он не сочетается с современным обществом» <...> «В конечном счете красивым является то, что отвечает социальным функциям»⁴².

Социально-экономическая политика

После достаточно успешного первого пятилетнего плана во втором пятилетнем плане (1956/57–1960/61) правительством Неру была поставлена задача значительно ускорить экономический рост, добиться быстрой индустриализации с акцентом на создание базовой тяжелой промышленности, увеличить занятость, сократить неравенство в доходах и богатстве. Предполагалось увеличить на 25% валовой национальный продукт и производство продовольствия. Но выполнение плана натолкнулось на непредвиденные трудности. Наводнения и засуха в 1956–1957 гг. нанесли большой ущерб сельскому хозяйству, которое было основой экономики Индии. В целом поставленные планом задачи не были выполнены, в том числе и в социальной сфере – безработица не сократилась, положение населения практически не улучшилось.

В последующие два года Конгресс разработал концепцию «демократического социализма», которая была утверждена на сессии партии в г. Бхубанешваре в январе 1964 г. – последней с участием Неру. Конгресс провозгласил главной задачей ликвидацию бедности, быстрое экономическое развитие, активный рост промышленного и сельскохозяйственного производства, использование планирования и государственного регулирования экономики. Подчеркивалась необходимость сокращения

⁴² Ibid.

неравенства в доходах и богатстве. Подтверждалась задача укрепления стратегической роли государственного сектора в промышленности, особенно тяжелой индустрии. Одновременно отмечалось большое значение частного сектора, его важная роль в стратегии национального планового развития. В области аграрных отношений на первый план выдвигалась задача ликвидации посредников, введения максимума («потолка») землевладений, создания кооперативной сельской экономики, основанной на деревенской общине и добровольных ассоциациях⁴³.

Программные документы правительства Неру 1950–1960-х годов подчеркивали важнейшую роль государства в строительстве национальной экономики. Фактически это была политика государственного капитализма, которая стала решающим фактором экономического развития Индии в этот период. К середине 1960-х годов в государственном секторе были созданы основные предприятия тяжелой индустрии – черной и цветной металлургии, нефтехимии, тяжелого машиностроения, производства строительных материалов и электроэнергетики. Общий объем промышленного производства в 1948–1964 гг. вырос в 2,5 раза. При этом доля государственного сектора в валовой промышленной продукции составляла всего 18%. Ограничивая деятельность частного капитала в отдельных отраслях экономики, государство одновременно обеспечивало заметное расширение частного предпринимательства, особенно крупного капитала. Так, с 1956 г. по 1966 г. 70 крупнейших корпораций получили более половины всей государственной помощи, выделенной частному сектору.

Достижения в индустриализации страны оказали положительное влияние на ситуацию в сельском хозяйстве. Проведение аграрных реформ (хотя и ограниченных по своим масштабам и социально-экономической значимости) также способствовало капиталистическим преобразованиям в аграрной сфере. «Земельные реформы были абсолютно необходимы, – писал Неру, – и мы стремились к этому и работали для этого на про-

⁴³ *Malavia K.D.* Democracy and Socialism. Draft Resolution for the 68th Session of the Indian National Congress at Bhubaneshwar. – New Delhi, 1964. – P. 1–7.

тяжении жизни целых поколений. Мы должны их эффективно провести, преодолевая помехи и препятствия. Если кто-либо станет на пути этих преобразований, мы будем вынуждены убрать их с нашего пути. Другого выхода нет, ибо миллионы людей ждут и ждали этого многие десятилетия»⁴⁴.

В 1950-е годы в каждом штате был выработан и принят закон об аграрной реформе. Но он касался только тех районов, в которых существовала феодально-помещичья система заминдари, и не затрагивал помещичьи землевладения в районах райатвари, которые занимали более половины всех обрабатываемых земель в стране. В результате реформ помещики потеряли около 60% принадлежавших им земель, но сохранили за собой усадьбы, приусадебные земли, скот и другое имущество. В свою очередь, крестьяне-арендаторы, скорее их верхняя прослойка, приобрели статус землевладельцев, аналогичный тому, что было в районах райатвари. Арендаторы выиграли от аграрных реформ прежде всего потому, что с них перестали взимать различные феодальные поборы. Но в целом их положение существенно не изменилось. Аграрные реформы проходили в острой политической борьбе между крестьянами и помещиками, а также с представителями власти, которые были тесно связаны с хозяевами земли. В ходе реформ был остро поставлен вопрос о «потолке» (максимуме) земельных владений, решение которого стало одной из главных задач в эти годы. Этот вопрос затрагивал всех крупных землевладельцев и крестьянскую верхушку. К середине 1960-х годов законы о «потолке» землевладения были приняты в большинстве штатов. Но их реализация проходила весьма медленно. К 1967 г. было выявлено всего 2,3 млн акров земель, превышающих установленный законом максимум землевладения, в то время как у крупных землевладельцев оставалось более 100 млн акров⁴⁵.

Одним из главных достижений аграрных реформ стало устранение феодально-иерархического землевладения, кото-

⁴⁴ Nehru Speaks. – New Delhi: Congress Forum for Socialist Action, 1972. – P. 34.

⁴⁵ Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. – М.: Мысль, 1973. – С. 524–526.

рое до этого охватывало более половины частновладельческих земель в Британской Индии. Такая структура земельной собственности и паразитарного класса посредников-рентополучателей не имела аналогов в развивающихся странах. В результате развития аграрных отношений за годы колониального владычества в Индии сложились районы, где между заминдаром-помещиком и крестьянами, обрабатывающими землю, находились до 50 слоев паразитарных рентополучателей, деливших между собой взимаемую с крестьян земельную ренту. В ходе аграрных реформ заминдары и посредники вели жесткую борьбу за сохранение своих прав на сдаваемую ими в аренду землю. Это привело к массовому сгону крестьян-арендаторов с обрабатываемой ими земли⁴⁶.

И, тем не менее, в результате аграрных реформ положение основной массы крестьянства несколько улучшилось. Были созданы условия для дальнейших преобразований в аграрной сфере. С 1951 г. по 1965 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла на 65%. Однако за это же время население страны увеличилось примерно на 125 млн человек. Поэтому аграрная сфера не могла полностью обеспечить потребности страны в продовольствии и некоторых видах сельскохозяйственного сырья. Тем не менее, главным достижением было то, что удалось избежать хронического голода, который был частью колониального хозяйствования в стране.

Участие больших масс деревенской бедноты в проведении аграрных реформ оказало огромное влияние на их настроения, способствовало пробуждению их общественного и политического сознания. В ряде мест, например в Теленгане (Хайдарабад), это сопровождалось насильственным захватом помещичьих земель бедными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. К концу 1948 г. таким способом было перераспределено более 1 млн акров земель. На подавление восстания были брошены войска. Под руководством компартии Индии восстание переросло в вооруженную партизанскую войну.

⁴⁶ *Растянищikov В.Г.* Земельная реформа в Индии // *Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание.* – М.: ИВ РАН., 2005. – С. 315–317.

В противовес насильственным захватам земель в то же время начались мирные движения *бхудан* (дарение земли) и *грамдан* (дарение деревни), суть которых состояла в добровольном пожертвовании земли крупными землевладельцами для ее раздачи безземельным и малоземельным крестьянам. Правительство Неру оказывало им заметную финансовую поддержку. Во главе этих движений стоял последователь Ганди Ачарья Виноба Бхаве. Движения *бхудан* и *грамдан* оказались малоэффективными и постепенно сошли на нет, несмотря на поддержку правительства Неру.

Аграрная реформа существенно расширила слой землевладельцев (как собственников земли, так и арендаторов с правом защищенной законом аренды). Вместе с тем, господствующий класс страны заблокировал перераспределение земли в пользу неимущего и малоимущего населения деревни. Самую массовую социальную опору Конгресса в деревне образовали среднесостоятельные и зажиточные землевладельцы, составлявшие меньшинство населения деревни⁴⁷. За 15 лет государству удалось освоить 7,5 миллиона акров целинных и залежных земель, построить большое число ирригационных сооружений, вдвое увеличить площадь орошаемых земель, оказать помощь в развитии кредитной, сбытовой и потребительской кооперации в деревне.

⁴⁷ Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Указ. соч. – С. 78–79.

Глава 14. Политическая борьба в Индии

После убийства Ганди бывшим активистом шовинистической религиозно-общинной организации РСС положение в стране серьезно осложнилось. Правительство Неру запретило деятельность этой организации. Оно заявило, что декларируемые РСС цели по физическому, духовному и нравственному развитию индусов, воспитанию среди них чувства братства, любви и служения обществу расходятся с практической деятельностью этой организации. Утверждалось также, что «вредная деятельность» РСС связана с культом насилия, что привело ко многим жертвам. Последней из них стал Махатма Ганди. В феврале 1948 г. был арестован президент РСС Голвалкар и около 20 тыс. ее членов. Хотя правительство Индии не смогло доказать прямого участия РСС и Хинду Махасабхи в убийстве, почти все участники судебного процесса по этому делу, включая В.Д. Саваркара, были связаны с этими двумя организациями. Многие из них были арестованы, однако уже через полгода выпущены из тюрем¹.

¹ Подробно см. *Noorani A.G. Into the Sunset // Frontline. – September 12–25, 2009*; В книге «Моя жизнь. Моя страна» Л.К. Адвани, один из лидеров Бхаратия джаната парти, отмечает, что сразу же по получении известия об убийстве Ганди глава РСС Голвалкар направил телеграммы премьер-министру Дж. Неру, заместителю премьер-министра Сардару Пателю и сыну М.К. Ганди – Девдасу Ганди. В них он выразил скорбь по поводу «жестокого и фатального нападения на великого человека». В тот же день Голвалкар послал телеграммы всем отделениям РСС с инструкцией объявить 13-дневный траур, как того требует индусский обычай, чтобы почтить «трагическую смерть глубоочтимого Махатмы». На следующий же день после убийства Ганди Голвалкар в письме Неру осудил преступление, совершенное Гудсе (*Advani L.K. My Country. My Life. – New Delhi: Rupa and Co., 2008. – P. 71–75*). Представляет интерес и такой факт. По данным историка Р. Манчандры, уже в наше время ежегодно 15 ноября, в день казни Натурама Гудсе, его почитатели собираются в Пуне, чтобы перед урной с его прахом, а также картой неразделенной Индии принести клятву добиться отмены вивисекции родины (*Manchandra, Rita. Beyond Partition // EPW. – August 16, 2008. – P. 27*).

Деятельность Хинду махасабхи была серьезно ограничена властями, однако ее руководитель Мукерджи продолжал оставаться в составе кабинета министров первого правительства Неру. Находившиеся на свободе члены руководства Хинду Махасабхи приняли решение «приостановить» политическую деятельность и сосредоточиться на «конструктивной работе» – решении социальных, культурных и религиозных проблем во имя «создания мощного и хорошо организованного индусского общества в независимой Индии». Но уже через полгода руководство Хинду Махасабхи стало думать о ее воссоздании на новой основе. Мукерджи предложил, чтобы Махасабха изменила свой общинно-религиозный облик, открыла двери для членства в ней представителей всех конфессий и сменила свое название. Большинство членов Рабочего комитета Хинду Махасабхи выступило против этого. Мукерджи вынужден был уйти в отставку с поста президента партии. Таким образом, Хинду махасабха вновь подтвердила свою исключительную приверженность индуизму. Ее новый президент, Бхопаткар, привел новые аргументы в пользу этого. Он писал: «Если Пакистан может быть мусульманским государством, Палестина – еврейским государством, Англия или США – христианскими государствами, я не вижу причин, почему Индия не может быть индусским государством»².

В 1950 г. Неру и премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан подписали пакт, по которому Индия и Пакистан обязались защищать права меньшинств (соответственно индусов и мусульман) в обеих странах, содействовать возвращению беженцев к местам их прежнего проживания. Но, по существу, не поддерживать меньшинства (в случае с Индией – индусов). Мукерджи выступил против пакта. Он заявил, что Индия не может быть безучастной при нарушении гражданских прав индусов в Пакистане, и покинул кабинет министров Неру.

Через год из правительства Неру вышел министр юстиции, лидер зарегистрированных каст Б.Р. Амбедкар. Причиной разрыва с Конгрессом он назвал отказ правящей партии поддерживать его законопроект по секуляризации частного индусского

² *Baxter, Craig. Op. cit. – P. 27.*

права, что предусматривало предоставление права собственности женщинам. Под давлением консервативных сил в Конгрессе и вне его Неру не был готов пойти на столь глубокие преобразования в обществе. После этого Амбедкар превратился в критика политики Конгресса по ряду вопросов, особенно в отношении зарегистрированных каст. Это привело его к созданию Республиканской партии Индии, главной целью которой стала защита интересов этих угнетенных слоев.

После ухода из правительства Мукерджи создал в 1951 г. новую партию – Бхаратия джана сангх (Индийский народный союз – Бхаратия Джана сангх, БДС), предтечами которой были Хинду махасабха и РСС. Руководство последнего приняло непосредственное участие в создании БДС, президентом которого был избран Мукерджи. В речи на первом съезде партии он говорил о необходимости борьбы с «диктатурой» Конгресса, которую должен возглавить Бхаратия джана сангх. Мукерджи заявил, что БДС открыт для всех граждан Индии вне зависимости от касты, вероисповедания или общины, для всех, кто лояльно относится к своей родине. Эта часть заявления Мукерджи – представителя умеренного крыла во вновь образованной партии, вызвала острую дискуссию в БДС и РСС. Лидер РСС Голвалкар заявил следующее. «Конгресс расколол страну на две части. Коммунисты разделят ее на десять частей. Единственной целью РСС является собирание сил для сплочения страны от Кашмира до Канья Кумари... Мусульмане тихо выжидают, чтобы принести нам беды. Еще слишком рано строить нашу политику, полагаясь на их лояльность...» Ему вторил генеральный секретарь РСС Бхаяджи Дани: «Только индусы являются лояльными гражданами Бхарата (Индии), поскольку именно они наследовали все, что есть в этой стране с незапамятных времен – национальность, язык, историю и религию, которые неразрывно связаны с этой землей»³.

Правительство Неру выступило против религиозно-общинной идеологии БДС. В письме Мукерджи Неру писал: «Если и

³ Ibid. – P. 52; См. подр.: *Jaffrelot, Christophe*. The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s. – New Delhi: Penguin India, 1999.

существует какая-либо по-настоящему религиозно-общинная организация в Индии, то это БДС. Он целиком и полностью является реакционной организацией. Все реакционные люди в Индии – и я говорю это намеренно – князья и *джагирдары* (феодалы-землевладельцы), которые, по моему мнению, представляют поистине регрессивные классы, выступают в поддержку Джана сангха. Они финансируют его»⁴. Неру характеризовал эту партию как «незаконнорожденное дитя РСС»⁵.

Помимо глубоких разногласий с правительством Неру по вопросам внутренней политики, БДС выступал против линии Неру на широкое вовлечение страны в мировую политику, против активного участия Индии в движении неприсоединения. БДС был против сотрудничества с СССР и КНР. Руководители БДС активно выступали за развитие связей с Западом. Вместе с тем, они критически следили за отношениями между США и Пакистаном.

Неру и Конгресс

После завоевания независимости, ведущую роль в котором сыграл Конгресс, возник вопрос – каким должно быть его предназначение в новой Индии. Ведь ранее такого опыта не было. Конгресс боролся за независимость, но не правил страной. Неру полагал, что в независимой Индии решающая роль должна принадлежать государству – в управлении, социальных вопросах, экономике, образовании. Тем не менее, Конгрессу отводилась важная роль в определении стратегических контуров политики. Неру считал, что в условиях демократии Конгресс должен стать механизмом политической организации и мобилизации. Если Ганди накануне независимости предлагал распустить Конгресс в качестве политического органа и создать новую «аполитическую» организацию для проведения социальной, «конструктивной» работы, то Неру придерживался иного мнения. Он исходил

⁴ Nehru on Communalism. – New Delhi: Sampradyikta Virodhi Committee, 1965. – P. 223–224.

⁵ Цит. по: Noorani A.G. Power Drive // Frontline. – April 11–24, 2009.

из того, что партия должна взять на себя политическую ответственность за деятельность правительства, а легитимность правительства должна зависеть от влияния и престижа Конгресса. Партии предстояло выполнять уникальную роль по строительству новой Индии, особенно по сохранению и укреплению ее единства. По его мнению, Конгресс должен был действовать не только на выборах, но и на постоянной основе, чтобы способствовать реализации на практике решений парламента, законодательных собраний в штатах, местных органов и доводить их до народа. Но это не означало вмешательства Конгресса в деятельность этих органов. При этом Неру подчеркивал, что Конгресс должен завоевать доверие и уважение людей своим настойчивым и «жертвенным служением»⁶.

Такой подход, по существу, мог означать, что Конгресс должен быть инструментом, который позволял бы государству доносить до всех людей в стране идеи, планы и решения правительства и помогать в их исполнении на местах (в отличие от колониального правительства, которое не представляло народ и осуществляло свою власть, не приходя в непосредственный контакт с людьми).

Такое несколько идеальное представление о роли партии наталкивалось на конкретные реалии политической жизни – слабость конгрессистских организаций во многих районах, противоречия и разногласия в их руководстве вплоть до открытой борьбы между отдельными группировками в партии, в том числе на религиозной и кастовой основе (например, в Уттар-Прадеше и Западной Бенгалии). В Панджабе разногласия в конгрессистской организации привели в 1951 г. к такому положению, когда Неру был вынужден заставить главного министра Бхаргаву уйти в отставку. В штате было введено президентское правление (впервые в истории Индии).

Насущная необходимость укрепления Конгресса как инструмента влияния и мобилизации масс в пользу его правительства привела к тому, что в 1951 г. Неру стал президентом партии. Он сменил на этом посту консерватора Пуршоттама Даса Тандона,

⁶ Nehru Speech at Congress Session. Kalyani, 23 January 1954 // SWJN (2). Vol. 24. – P. 372.

который пользовался ограниченным влиянием в стране, почти не выходящим за пределы его родного штата Уттар-Прадеша. К тому же в этом крупнейшем штате конгрессистская организация была, по словам Неру, худшей в Индии⁷. К началу 1950-х годов Неру еще более усилил свои позиции в правительстве и Конгрессе. В том числе и потому, что в декабре 1950 г. от тяжелой болезни (рак желудка) скончался его постоянный оппонент в партии и заместитель премьер-министра Валлабхаи Патель, которому было 76 лет. В том же 1950 г. еще один потенциальный соперник Неру 72-летний Чакраварти Раджагопалачари (1878–1972) был вынужден менее чем через два года покинуть упраздненный пост генерал-губернатора Индии. Президентом страны стал Раджендра Прасад (1884–1963).

И если в самом Конгрессе практически не было политических деятелей, равных по влиянию Неру, то вне его постепенно нарастала оппозиция – как слева, так и справа. Хотя в 1950-е годы она не выглядела столь значительной. Так или иначе, на первых всеобщих выборах (1951–1952) в парламент и законодательные собрания всех штатов, которые проводились с участием всех мужчин и женщин старше 21 года, Конгрессу предстояло подтвердить легитимность своего пребывания у власти. Неру придавал этим выборам большое значение. Он сам подготовил проект предвыборного манифеста партии, который был одобрен Всеиндийским комитетом Конгресса. Его главная идея состояла в том, что политическая свобода должна быть преобразована в социально-экономическую свободу при помощи планирования, трудового законодательства, улучшения в образовании и здравоохранении, а также особом внимании к уязвимым слоям населения, включая низшие касты и женщин. В манифесте подтверждалось, что Индия является светским государством, все ее граждане имеют равные права и обязанности, государство должно уделять особое внимание защите прав меньшинств⁸. Неру лично принял самое активное участие

⁷ Nehru to Krishna Menon. 15 June, 1949 // SWJN (2). Vol. 11. – P. 153–154.

⁸ Congress 1951 election manifesto // SWJN (2). Vol. 16, ii. – P. 3–13.

в подборе большого количества кандидатов партии на выборах. Эта работа вызвала у него немало разочарований, так как многие из представленных ему кандидатов были весьма далеки от высоких идеалов, необходимых «для служения» Индии. Они всеми способами стремились к власти, «обливая друг друга грязью» и т. п. Неру жаловался своему доверенному лицу, главному министру Уттар-Прадеша Г.Б. Панту, что «электоральный бизнес» подрывает его «веру в индийский гуманизм». Он никогда не представлял, «как много наших людей может опускаться так низко»⁹.

Приняв непосредственное участие в предвыборной борьбе, Неру в течение десяти недель объехал почти всю Индию. Он использовал все возможные средства передвижения – самолет, поезд, автомашину, пароход, и выступил, по некоторым данным, перед 35 млн избирателей. Его усилия не пропали даром. К избирательным урнам пришли более 80 млн человек при явке 46% всего электората. На этих выборах Индия заявила о себе как крупнейшая демократия в мире. И это несмотря на все предыдущие заявления британских властей, что она не готова к демократии, что демократия якобы не имела корней в индийской культуре и общественной жизни.

Парламентские выборы. Победа Конгресса

Ведущая роль Конгресса в национально-освободительном движении преопределила то, что именно его лидер Неру стал первым премьер-министром независимой Индии. Легитимность пребывания ИНК у власти была подтверждена в 1952 г. на первых всеобщих выборах (одновременно в парламент и законодательные собрания всех штатов). Конгресс подтвердил свое право на руководство страной. Он победил не только в центре, но и во всех штатах. На выборах в нижнюю палату парламента Конгресс получил 45% голосов избирателей и 364 депутатских мандата из 489.

На второе место с большим отставанием вышла Коммунистическая партия Индии (КПИ), которая вместе с союзниками

⁹ Nehru to G.V. Pant, 25 October, 1951, LCM. Vol. 2. – P. 519.

получила около 6,3% голосов избирателей и 16 мест в парламенте (без независимых). Еще три партии – Народно-социалистическая партия (НСП), Крестьянско-рабочая народная партия и Социалистическая партия – также прошли в парламент, где они объединились вокруг НСП и с 16% голосов избирателей получили 22 депутатских мандата. Созданной незадолго до выборов партии Бхаратия джана сангх с трудом удалось набрать необходимые для прохождения в парламент 3% голосов и завоевать три мандата в нем. В результате этих выборов четыре партии – Конгресс, КПИ, НСП и БДС были зарегистрированы как общеиндийские (национальные) партии. Они получили свои избирательные символы, которые действовали на территории всей Индии¹⁰.

Коммунисты смогли завоевать значительное число голосов на выборах в законодательные собрания таких штатов, как Керала, Западная Бенгалия и Андхра-Прадеш, где у них были свои организации еще в период борьбы за независимость. Тогда КПИ, действуя открыто после выхода из подполья в 1942 г., сумела стать заметной силой в политической жизни страны. Однако в условиях, сложившихся после 15 августа 1947 г., компартия, из-за преобладания в ее руководстве левосектантских и догматических взглядов, не смогла быстро осмыслить сложившуюся ситуацию. В течение последующих трех лет она, как отмечалось впоследствии в документах КПИ, проводила «ошибочную линию авантюризма». На II съезде КПИ (март 1948 г.) и после него руководство партии допустило ряд левосектантских ошибок, что нанесло ей большой ущерб, ослабило позиции коммунистов и затруднило их сотрудничество с другими демократическими силами. II съезд КПИ пришел к выводу, что провозглашение независимости Индии не положило конец британскому господству, а лишь изменило его форму, что индийской буржуазии была дана доля государственной власти, чтобы она «утопила национально-демократическую революцию в крови»¹¹. На съезде

¹⁰ INC. The Fourth General Election, 1967. A Statistical Analysis. – New Delhi, 1967. – P. 62–73.

¹¹ Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII, 1948–1950. – New Delhi: PPH, 1976. – P. 40.

было заявлено, что индийская буржуазия и ее партия Индийский национальный конгресс перестали играть прогрессивную роль и начали сотрудничать с империализмом. Поэтому революционная борьба на этом этапе означала прямое выступление против правительства Конгресса, за отстранение его от власти¹².

В документах II съезда КПИ фактически утверждалось, что в стране существует революционная ситуация. Механически сравнивая положение в своей стране с ситуацией в России в 1917 г., тогдашнее руководство КПИ пришло к выводу, что Индия к тому времени «уже прошла этап Февральской буржуазно-демократической революции, но еще не вступила в этап Великой Октябрьской социалистической революции», поскольку КПИ «еще не в состоянии немедленно выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата» в результате сложившихся условий в стране. Однако говорилось, что в ходе борьбы может открыться прямая дорога к диктатуре пролетариата. На основе этого ошибочного и субъективистского анализа положения в стране и соотношения классовых и политических сил в Индии после августа 1947 г. КПИ начала осуществлять тактическую линию, которая нанесла огромный ущерб коммунистическому и рабочему движению, подорвала влияние партии в массах. Как указывал впоследствии генеральный секретарь КПИ Аджой Гхош, «левосектантская политика, тактика и лозунги вместе с бюрократическими методами их применения... внесли разброд и замешательство в партийные организации, что, в свою очередь, привело к затяжному и глубокому кризису внутри партии и фактически демобилизовало ее на долгий период времени»¹³.

Выводы II съезда КПИ о необходимости свержения правительства Индии дали последнему повод для обвинения ее в подготовке вооруженного восстания. Деятельность ряда организаций компартии была запрещена, многие члены партии были арестованы. Особенно пострадала западнобенгальская организация КПИ, которая была объявлена вне закона, а тысячи членов партии были брошены в тюрьмы. Все учреждения

¹² CPI. Guidelines of the History of the Communist Party of India. – New Delhi: PPH, 1974. – P. 77, 78.

¹³ Правда. – М., 21.10.51.

компартии в Западной Бенгалии были закрыты, прекратился выпуск газеты «Свадхината» («Независимость»). Оставшиеся на свободе руководители и члены партии ушли в подполье. Всего в Индии было арестовано 25 тыс. членов партии и сочувствующих ей, 50 тыс. находилось под судом и следствием. В этот период КПИ оказалась во многом оторванной от масс, ее влияние резко упало. Число членов партии сократилось с 89 тыс. во время II съезда КПИ до 20 тыс. к 1951 г.¹⁴ Таким образом, сама жизнь наглядно показала глубокую ошибочность линии II съезда КПИ. Поэтому сравнительно скоро в партии начались поиски путей преодоления левосектантского подхода. Это был сложный, мучительный и длительный процесс, в ходе которого происходило постепенное освобождение от груза ошибок 1948 г.¹⁵

Отход от левосектантской линии II съезда КПИ и, в частности, участие в выборах способствовали расширению влияния компартии в массах. Новый курс дал положительные результаты уже на первых всеобщих выборах 1952 г., в ходе которых за кандидатов КПИ в парламент проголосовало около 3,5 млн человек¹⁶.

Результаты последующих выборов показали, что в то время как позиции Конгресса крепили, левые силы, из-за их разобщенности и ограниченного влияния в массах, не могли стать реальной альтернативой правящей партии, которая под руководством Неру значительно упрочила свои позиции. Если до первых всеобщих выборов Конгресс находился еще в стадии становления, когда между отдельными группировками в нем шла борьба за лидерство, то в последующий период произошло значительное усиление этой партии, что свидетельствовало о консолидации ее влияния в результате проведения аграрных реформ и других

¹⁴ Documents of the History of the Vol. V11. – P. X, X14.

¹⁵ И только в 1956 г. компартия пришла к выводу, что индийская национальная буржуазия не исчерпала своих прогрессивных потенций. Это открыло перед КПИ возможность сотрудничества с патриотическими силами индийской буржуазии, которые выступали за развитие страны по пути демократии и прогресса.

¹⁶ INC. The Fourth General Elections... – P. 64–65.

общедемократических преобразований. В этом была немалая заслуга Неру.

На вторых всеобщих выборах в 1957 г. Конгресс во главе с Неру еще больше укрепил свои позиции в стране, набрав 47,8% голосов избирателей и получив 361 депутатский мандат в народной палате парламента. На второе место опять вышла компартия Индии (8,9% голосов и 27 мест). На третьем месте оказалась Народно-социалистическая партия, объединившаяся в конце 1952 г. с Социалистической и Крестьянско-рабочей партиями. Она получила 10,4% голосов избирателей и 19 мест в парламенте. Партия БДС смогла несколько улучшить свои позиции среди избирателей (5,9% голосов), но провела в парламент лишь четырех депутатов¹⁷. Успех Конгресса на этих выборах был во многом связан с преобразованиями в аграрной сфере и промышленности, что отвечало интересам большинства населения.

Особенностью политической ситуации, сложившейся после выборов 1957 г., была победа левых сил во главе с компартией в Керале, которые сформировали свое правительство. Это был первый такой опыт в Индии. После успеха на выборах в Керале Политбюро ЦК КПИ заявило, что левое правительство будет осуществлять свою деятельность в рамках Конституции Индии¹⁸. В своей программе правительство в Керале подчеркнуло, что оно в основном согласно с главными целями, изложенными во втором пятилетнем плане Индии, который предусматривал ускоренную индустриализацию с акцентом на развитие базовых отраслей промышленности; значительное расширение занятости; сокращение неравенства в доходах и богатстве и более равное распределение экономической власти. Правительство выступило также с требованием увеличить финансовые средства, выделяемые центром для Кералы, предусмотреть строительство в штате промышленных предприятий.

Объясняя смысл и значение программы правительства в Керале, главный министр штата Э.М.Ш. Намбудурипад подчеркивал, что она является программой коммунистов и неком-

¹⁷ Ibid. – P. 66–73, 88–91.

¹⁸ New Age. – Delhi, 31.03.1957.

мунистов, программой каждого истинного патриота страны¹⁹. Придавая большое значение проведению аграрных реформ и реорганизации административного аппарата, правительство в Керале исходило из того, что его успех или неудача имеют общенациональное значение, поскольку за «керальским экспериментом» пристально следили представители разных социальных групп и классов во всех штатах Индии.

Сформирование правительства в Керале во главе с коммунистами и его деятельность были своеобразным вызовом Конгрессу, располагавшему властью в центре и во всех других штатах Индии. И хотя это левое правительство было демократически избранным и действовало в рамках конституции страны, некоторые руководители Конгресса рассматривали его как угрозу монопольной власти Конгресса, поскольку такая тенденция могла распространиться и на другие штаты.

Индира Ганди вступает в политику

В 1950-е годы Индира Ганди стала активно участвовать в политической жизни страны. Круг ее интересов и обязанностей как помощника и близкого к Неру человека стал все более широким и значимым. Прежде всего это касалось ее роли «первой леди», организатора и участника официальных приемов и встреч Неру с иностранными государственными деятелями. И. Ганди, как правило, сопровождала отца в его зарубежных поездках, в том числе на конференцию стран Азии и Африки в Бандунге в 1955 г. В 1953 г. она одна, без Неру, поехала в Советский Союз, где встретила теплый прием. Во внутренней политике она также начала занимать видное место. Исподволь И. Ганди превращалась в самостоятельную политическую величину. Всем было ясно, что она является доверенным лицом Неру. Знающие люди говорили: «Попасть к Неру трудно. Идите и расскажите о своих проблемах Индире». Да и сам премьер-министр нередко отсылал местных политических лидеров к дочери, а иной раз советовал им обговорить тот или иной вопрос в деталях именно с ней.

¹⁹ *Namboodiripad E.M.S. Kerala. Problems and Possibilities.* – New Delhi, 1957. – P. 68.

В окружении Неру заговорили о том, что он готовит ее к самой высокой политической миссии²⁰.

В январе 1959 г. И. Ганди была избрана президентом Конгресса. Неру занял внешне отстраненную позицию по этому вопросу. Некоторые утверждали, что выдвижение на этот пост Индиры означает победу левых сил в Конгрессе. На это Неру отвечал, что он не рассматривает этот вопрос категориями «левый-правый», а полагает, что в избрании Индиры президентом Конгресса сказалось желание членов партии избавиться от рутины старого руководства и привлечь в Конгресс молодежь. Сама И. Ганди стала выступать с заявлениями по крупным политическим проблемам. Она говорила о необходимости проведения крупных аграрных реформ, введения ограничений на размеры землевладений, создания кооперативов. По вопросам экономической справедливости и проблеме равенства она подчеркивала: «Мы принимаем социализм только как эффективный инструмент. В Индии слово «социализм» означает всего лишь обобщенное выражение требований народа как можно больше производить и максимально справедливо распределять в условиях демократии»²¹.

В своем первом выступлении в качестве президента Конгресса И. Ганди заявила, что предпримет «особые усилия», чтобы вернуть Конгресс к власти в Керале. Она развернула широкую кампанию по устранению левого правительства в этом штате. При этом, вопреки прежней политике Конгресса, И. Ганди пошла на сотрудничество с такими религиозно-общинными партиями, как Мусульманская лига и Керальский конгресс, опиравшийся на христиан. В данном случае вопросы идеологии для нее были вторичными. Главное – добиться поставленной цели. Ее прагматизм восторжествовал над идеологией. Она поставила задачу и должна была ее осуществить. Неру был более осторожен в этом вопросе. Он исходил из того, что левое правительство было законно избрано демократическим путем и его отстранение от власти, как и сотрудничест-

²⁰ Vasudev, Uma. Indira Gandhi. Revolution in Restraint. – Delhi, Bombay, etc.: Vikas Publishing House Pvt Ltd, 1974. – P. 257, 258.

²¹ Vasudev, Uma. Op. cit. – P. 267.

во Конгресса с религиозно-общинными силами могли вызвать осложнения на общеиндийской политической сцене не в пользу правящей партии²².

Разные подходы Неру и И. Ганди к проблеме власти в Керале сфокусировались в таком эпизоде. Один из корреспондентов задал Неру вопрос: «Вы хотите бороться с коммунистами или сместить их правительство в Керале?» На это Неру ответил: «Сместить? Как? Что вы имеете в виду? Они тоже были избраны». Тут же вмешалась Индира Ганди: «Папа, что Вы говорите! Вы говорите как премьер-министр, а я как президент Конгресса намерена бороться с ними и сбросить их правительство»²³.

И она добилась этого. 31 июля 1959 г. в Керале было введено президентское правление, а правительство и законодательное собрание были распущены после 28 месяцев пребывания у власти. После внеочередных выборов в законодательное собрание Кералы в феврале 1960 г. Конгресс в союзе с Мусульманской лигой и другими партиями вернулся к власти. Индира Ганди торжествовала победу.

В любом случае решение о введении чрезвычайного положения в Керале и роспуске законодательного собрания штата в конечном итоге было принято в центре правительством Неру. Это решение оказалось для него нелегким. По существу, оно

²² Во время выступления Неру перед высшими чиновниками МИД Индии в январе 1963 г. секретарь по иностранным делам И.Д. Гундевия задал ему вопрос: «Что может произойти с государственными службами Индии, если коммунисты выиграют на выборах и завтра придут к власти в центре – в Нью Дели?» Далее Гундевия пишет: «Неру задумался над моим вопросом, оглядел комнату, а затем сказал: “Коммунисты, коммунисты, коммунисты, почему все вы так озадачены коммунистами и коммунизмом? Что такого коммунисты могут сделать, чего мы не можем сделать и не делаем для страны? Почему вы думаете, что коммунисты могут когда-либо прийти к власти в центре?” После долгой паузы он сказал, произнося слова медленно и очень подчеркнуто: “Опасность для Индии, обращаю ваше внимание на это, исходит не от коммунизма, а от правого индуистского коммунизма”» (*Gundevia Y.D. Outside the Archives. – New Delhi: Sangam Books, 1984. – P. 209–210.*)

²³ *Vasudev, Uma. Op. cit. – P. 276.*

шло вразрез с общим подходом Неру к развитию демократии в стране, при которой могли действовать разные политические силы и группировки. Как писал биограф Неру Сарвепалли Гопал, роспуск коммунистического правительства подорвал его репутацию и ослабил влияние в долгосрочной перспективе, особенно среди представителей левого крыла, и «вообще среди думающих людей». Это влияние помогало Неру проводить свою линию в руководстве Конгресса, несмотря на сопротивление консервативных сил. В эпизоде с отставкой левого правительства в Керале Неру позволил вовлечь себя в действия, которые противоречили его взглядам и его общему политическому стилю. В последующие годы это затруднило его работу по проведению социально-экономических реформ²⁴.

Как показали последующие события, победа Конгресса в Керале была недолгой. Осторожность Неру и глубокое понимание ситуации в стране в целом, столь присущее ему, оказались оправданными. Миф о победе Конгресса в Керале был развеян уже результатами тех же выборов 1960 г. в законодательное собрание этого штата. На них левые получили на 1200 тыс. голосов избирателей больше, чем в 1957 г., хотя и на несколько депутатских мандатов меньше, чем Конгресс и его новые союзники. А на парламентских выборах в 1962 г. левые партии набрали 55% голосов и завоевали 10 из 18 депутатских мандатов в парламенте. После выборов в законодательное собрание Кералы, проведенных в том же 1962 г., коалиция Конгресса с Мусульманской лигой распалась, и ее правительство вынуждено было уйти в отставку. Очередная попытка Конгресса сформировать свое правительство в Керале в 1964 г. вновь провалилась²⁵. На досрочных выборах в 1965 г. коммунисты получили больше мест, чем Конгресс, но ни одна из партий не смогла добиться

²⁴ *Gopal, Sarvepalli. Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. 3. 1956–1964. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. – P. 53–74.*

²⁵ *Mathur D.B., Mohan, Lal Sharma and Basu, Deo Sharma. Kerala. Politics of Polarisation // State Politics in India / Ed. by Iqbal Narain. – New Delhi: Meenakshi Prekashan, 1976. – P. 184, 185.*

преобладания в законодательном собрании. Поэтому было введено президентское правление²⁶.

Примечательно, что против политики Индиры Ганди в отношении возглавляемого коммунистами правительства в Керале высказывался и ее муж, член парламента Фероз Ганди (1912–1960). Он считал, что она отошла от левых позиций, а также поставил под сомнение конституционность ее действий²⁷.

Впрочем, и в личном плане в их отношениях появились трещины. Об этом можно судить по такому эпизоду. 20 июня 1954 г. Индира решила изменить проект завещания ее отца, который касался Фероза. В проекте содержалась такая фраза: «Моя дочь и единственный ребенок Индира Приядаршани, замужем за Ферозом Ганди, является моим единственным наследником, и я завещаю ей всю принадлежащую мне собственность, активы и имущество». Индира хотела исключить слова «замужем за Ферозом Ганди». Она обратилась к помощнику Неру М.О.Матхаи за советом. Он ответил, что она является единственным человеком, который может сказать об этом отцу. Вместе с тем, Матхаи добавил, что слова «замужем за Ферозом Ганди» являются излишними. Но нет нужды беспокоиться об этом, поскольку «Ваша позиция крепче, чем у женщин Кералы в матриархальной системе. Там, если жена хочет избавиться от мужа, ей достаточно выставить его сандалии за дверь». Индира улыбнулась и на этом разговор закончился. Завещание было подписано Неру на следующий день²⁸.

Правые партии наращивают влияние

На выборах 1962 г. в парламент Конгресс удержал свои позиции в центре, получив 45% голосов избирателей и 361 место в народной палате парламента из 494. Компартия Индии вновь

²⁶ Регинин/Чичеров А.И. Индийский национальный конгресс. Очерки идеологии и политики. – М.: Наука, 1978. – С. 94.

²⁷ См.: Юрлова Е.С. Женщины Индии. Традиции и современность. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 390–420.

²⁸ Mathai M.O. My Days with Nehru. – New Delhi: Vikas Publishing House, PVT LTD, 1978. – P. 198–199.

осталась на втором месте, получив 10% голосов и 29 мест. Сократила свое влияние Народно-социалистическая партия (6,8% голосов и 19 мест). Вместе с тем, заметно выросло влияние правых сил. Созданная в 1959 г. консервативная партия Сватантра (Независимая) во главе с вышедшим из Конгресса Ч. Раджагопалачари получила 7,9% голосов и 18 мест в народной палате. Существенно усилил свои позиции Бхаратия джана сангх (6,4% голосов и 14 мест)²⁹.

При разобщенной оппозиции и мажоритарной системе голосования Конгресс получал существенно больше мест в парламенте, чем поданных за него голосов избирателей. Однако на выборах в законодательные собрания штатов на его долю приходилось заметно меньше голосов избирателей и депутатских мандатов. Это свидетельствовало о том, что Конгресс продолжал сохранять свои позиции в центре, в то время как оппозиция стала заметно консолидироваться на региональном уровне. К тому же правительство Конгресса во главе с Неру начало испытывать заметное давление не только слева, но и справа. Сватантра пользовалась влиянием среди представителей крупного бизнеса, помещиков и князей, что обеспечивало ей финансовую поддержку. Однако ее слабостью было ограниченное влияние в деревне.

Более влиятельную силу среди правых партий представлял Бхаратия джана сангх – хорошо организованный и глубоко укорененный в индийской политике. Еще на выборах 1952 г. он выступил под лозунгом «единой страны, единой нации, единой культуры». Джана сангх заявлял, что раздел Индии не решил ни одной из ее проблем, а, наоборот, породил много новых. Он соглашался с тем, что «идея теократического государства является чуждой для Индии, но секуляризм опасен, так как представляет собой эвфимизм политики поощрения мусульман». Джана сангх достаточно туманно говорил о предлагаемой им альтернативе теократии и секуляризму как некоему «среднему пути» между этими двумя идеологиями. Экономический блок программы этой партии был обозначен лишь в самых общих чер-

²⁹ INC. The Fourth General Elections. A Statistical Analysis. – New Delhi, 1967. – P. 62–73, 88–91.

тах – поддержка земельных реформ, но так, чтобы «не оттолкнуть» помещиков. В заявлении о промышленной политике указывалось на необходимость развития государственного сектора, особенно в отраслях, связанных с обороной страны. Одновременно Джана сангх декларировал своей целью поощрение частного предпринимательства. Особенно подчеркивалось значение индийской культуры и языка хинди. В области внешней политики содержалось требование интеграции всего Кашмира (включая Азад Кашмир) в состав Индийского Союза.

Глава 15. Внешняя политика Неру

После достижения независимости Индия начала активно участвовать в международной деятельности. Особая роль в этом принадлежала Джавахарлалу Неру, который еще в качестве вице-премьера и министра иностранных дел Временного правительства инициировал шаги по установлению дипломатических отношений с рядом ведущих стран. В 1946 г. такие отношения были установлены с Китаем, Советским Союзом, США, в 1947 г. – с Францией, Бельгией, Швецией и другими странами. Индия почти сразу вошла в мировое сообщество как крупный его участник и постепенно начала наращивать свое международное влияние. После двухвекового колониального господства она должна была утвердить себя в качестве независимого государства, способного существенно влиять на международные дела, и уже в первое десятилетие независимости немало сделала в этом направлении.

Естественно, что первые усилия в области внешней политики были направлены на решение проблем, оставшихся после раздела Индии. В 1950 г. начался массовый исход индусов из Восточного Пакистана в Калькутту, который привел к кровопролитным столкновениям между индусами и мусульманами. За этим последовали жестокие нападения мусульман на индусов в Восточном Пакистане.

Эта проблема стала главным вопросом на встрече Неру с премьер-министром Пакистана Лиакатом Али Ханом в Дели в апреле 1950 г. Оба лидера стремились снизить накал религиозно-общинных столкновений. Лиакат Али Хан даже заявил, что Пакистан является «обычным демократическим государством, как Англия», а термин «исламское государство» относится только к обычному мусульманскому праву. 8 апреля 1950 г. Неру и Лиакат Али Хан подписали соглашение, в котором подтвердили решимость обоих правительств обеспечить безопасность меньшинств и реальное равенство их прав в обеих странах¹.

¹ Nehru to B.C. Roy. April 4, 1950 // SWJN (2). – P. 171; Nehru to Krishna Menon, April 8, 1950 // SWJN (2). – P. 178.

26 апреля того же года Неру вместе с Индирой и Ферозом Ганди отправился в Пакистан. В аэропорту Карачи его встречал весь кабинет министров страны во главе с Лиакатом Али Ханом. Неру предложил ему подписать декларацию о том, что ни при каком развитии событий обе страны не прибегнут к войне для разрешения противоречий, прежде всего, по кашмирскому вопросу. Лиакат ответил ему, что Пакистан предпочитает, чтобы обе страны согласились на арбитраж. Во время встречи двух премьеров обсуждались разные темы – эвакуация беженцев, торговля, раздел вод реки Инд и его притоков. Лиакат Али Хан пытался поднять вопрос о Кашмире. На это Неру сказал, что этот вопрос является предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН. Дружественная встреча обоих премьер-министров закончилась безрезультатно в том, что касалось проблемы Кашмира².

Вместе с тем Неру не поехал в Нью-Йорк, чтобы принять участие в обсуждении кашмирской проблемы в ООН, и отказался вести переговоры по этой теме с американским адмиралом Честером Нимицем, который был назначен СБ ООН в качестве арбитра по Кашмиру. После этого СБ ООН предложил на роль арбитра Оуэна Диксона, судью Высокого суда Австралии, который в мае 1950 г. прибыл в Дели и встречался с Неру, а затем вылетел в Карачи и после этого – в Кашмир³. Однако кашмирская проблема «завязла» надолго из-за неуступчивости Неру и Лиаката Али Хана, а после убийства последнего в 1950 г., жесткого подхода и последующих руководителей Пакистана к этому вопросу. Ситуация в самом Кашмире также не благоприятствовала этому. В течение последующих десятилетий вплоть до XXI в. кашмирская проблема продолжала оставаться одним из главных раздражителей в отношениях между Индией и Пакистаном. При этом участие внешних сил (США, Китая, СССР), заинтересованных в сохранении и укреплении их вли-

² Nehru to Liaquat Ali, February 17, 1950 // SWJN (2). – P. 40–41; Liaquat to Nehru, February 18, 1950 // Ibid. – P. 45.

³ Nehru to Abdullah, April 6, 1950 // Ibid. – P. 205; Nehru to Ghulam Muhammad, May 30, 1950 // Ibid. – P. 205.

яния в этом стратегически важном районе, не смогло изменить ситуацию в сторону разрешения этой проблемы.

Содружество наций и ООН

Временное правительство во главе с Неру еще в 1946 г. испытало сильное давление со стороны британских властей, которые настаивали на присоединении Индии к Британскому содружеству наций с королем-императором Великобритании в качестве главы государства. Но Индия выбрала свой путь как независимая республика. Неру не мог пойти даже на символическую власть прежней метрополии над ее бывшей колонией, хотя и не желал разрывать связи как с Великобританией, так и тем более с ее бывшими колониями, входившими в Британское содружество наций⁴.

После долгих переговоров в течение более трех лет на встрече премьер-министров стран Британского содружества наций в Лондоне 28 апреля 1949 г. была подписана Лондонская декларация о том, что Республика Индия примет британского суверена в качестве символа свободной ассоциации независимых государств, то есть главы Содружества. Таким образом, по инициативе Индии в Содружество могли входить не только государства, находящиеся «под английской короной», но и республики, а также государства с монархическим устройством, независимые от британской монархии. В большинстве случаев все они – 54 государства – были бывшими колониями Великобритании. 16 членов Содружества признавали короля Великобритании как главу их государств. 33 члена были республиками, а еще 5 – монархиями.

В Лондонской декларации говорилось: «Правительство Индии... заявило и подтвердило желание продолжать ее полное членство в Содружестве наций и ее согласие принять Короля в качестве символа свободной ассоциации независимых государств, главы Содружества». Эта формула была принята в ка-

⁴ *Гопал, Сарвенали.* Джавахарлал Неру. Биография. Т. 2. 1947–1956. – М.: Прогресс, 1990. – С. 38–47.

честве прецедента для всех других стран. При этом Британское содружество было переименовано в Содружество наций⁵.

В своей деятельности Содружество выдвигало следующие цели: развитие демократии, совершенствование управления, защита прав человека, гендерное равенство и более справедливое распределение благ глобализации⁶. Фактически оно было сугубо консультативным органом, собиравшимся один раз в два года, решения которого не были обязательны для его членов. Содружество было представлено в ООН его секретариатом в качестве наблюдателя.

В октябре 1945 г. Индия приняла участие в Учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Но еще раньше, 5 мая 1945 г., там же, в Сан-Франциско, глава индийской делегации Рамасвами Мудалияр заявил о претензиях Индии на место в Совете Безопасности ООН. Он сказал, что Индия имеет на это право с учетом размеров ее территории, населения, экономического и промышленного потенциала, а также ее вклада в победу союзных сил во Второй мировой войне. Однако эти претензии Индии были отклонены, прежде всего, потому, что она не была независимым государством. После формирования Временного правительства Индии в 1946 г. вице-король Уэйвелл и Ганди договорились направить представительную индийскую делегацию во главе с Виджайей Лакшми Пандит для участия в первой Генеральной Ассамблее ООН. Ганди высказал пожелание, чтобы она добилась включения в повестку дня ООН протеста Индии против дискриминации индийцев в Южной Африке. «Ганди представлял себе ООН, – пишет Пандит, – как место, где дружба между нациями укреплялась, где дискуссии и дебаты проводились на самом высоком уровне и где правда и нравственность торжествовали»⁷. Однако она не скрывала своего разочарования тем, что усилия

⁵ The London Declaration of the Commonwealth Prime Ministers, April 28, 1949 // *The Modern Law Review*. – 1949. – 12 (3). – P. 351–354.

⁶ *Aso Rock*. Commonwealth Declaration. Commonwealth Secretariat. 8 December 2003 // www.thecommonwealth.org/

⁷ *Pandit, Vijaya Lakshmi*. *Op. cit.* – P. 206.

ООН не были направлены на защиту большинства населения на Земле, страдающего от голода и лишений. Само функционирование ООН, включая огромные расходы на «бесчисленные приемы, коктейли» и т. п., вызывало многочисленные вопросы у представителей развивающихся стран. Как отмечала Пандит, «невозможно было не думать о том, что эти деньги могли бы быть потрачены на лучшие цели, если был бы сохранен тот идеализм, который привел к рождению ООН»⁸.

В середине 1950-х годов вопрос о постоянном членстве Индии в СБ был поставлен генеральным секретарем ООН Трюгве Ли. Тогда же появилась идея о принятии в качестве постоянного члена Совета Безопасности Китайской Народной Республики (КНР). Западные страны выступили против этого. В то время Неру начал развивать отношения с Китаем и Советским Союзом. К тому же он был разочарован позицией ООН по кашмирскому вопросу. Все это привело к тому, что КНР получила место постоянного члена в Совете Безопасности, в то время как Индия осталась вне СБ ООН. В 1963 г. была принята поправка к Хартии ООН, в соответствии с которой произошло расширение состава СБ за счет непостоянных членов⁹.

В течение более 60 лет Индия принимала активное участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих операциях в Корее, Конго, в секторе Газа (Палестина), Египте, Новой Гвинее (Западный Ириан), на Кипре, в бывшей Югославии, Мозамбике, Сомали и других странах. Как и многие другие страны, Индия возлагала большие надежды на ООН как на коллективный орган, главной задачей которого должно быть предотвращение столкновений и войн и укрепление мира. Тем более что ООН была создана сразу после окончания кровопролитной Второй мировой войны. Как позже с сожалением говорила премьер-

⁸ Ibid. – P. 218.

⁹ *Nambiar, Vijay K. Permanent Representative of India to the UN. An Essay on India's Case for a Permanent Seat in the UN Security Council // 6th Asian Security Conference on United Nations, Multilateralism and International Security. January 27–29, 2004, New Delhi.*

министр Индии Индира Ганди, год создания ООН был также годом, когда впервые было использовано ядерное оружие¹⁰.

Энтузиазм Индии в отношении ООН постепенно стал сменяться сомнениями в ее эффективности как инструмента мира. В сентябре 1963 г. Неру заявил в индийском парламенте в связи с войной во Вьетнаме, что такие важнейшие вопросы, как разоружение, вряд ли могут быть разрешены Генеральной Ассамблеей ООН. Реальный прогресс достигается большими странами, а именно: США и СССР¹¹. В том же 1963 г. Неру сказал: структура ООН не представляет должным образом Объединенные нации. Она отражает ситуацию, которая сложилась после Второй мировой войны. Нужно что-то сделать для того, чтобы привести ООН в соответствие с условиями, сложившимися в нынешнем мире. Это требует изменения Хартии ООН». Он выступил с критикой в адрес ООН, в частности, по вопросу о праве постоянных членов Совета Безопасности на вето. «И тем не менее, – подчеркнул Неру, – само существование ООН является огромным вкладом в дело мира во всем мире... И трудно представить себе мир без ООН»¹².

Корейская война (1950–1953)

Одним из первых выступлений Индии на мировой арене было ее посредничество в ходе Корейской войны, которая стала рубежным событием, приведшим к холодной войне. Еще до начала этой войны в июне 1950 г., Неру придерживался принципиально иной позиции в международных отношениях по сравнению с той, которую занимала Америка, с одной стороны, и Советский Союз, с другой. Он подчеркивал важность политики нейтралитета как эффективного средства для сохранения и укрепления мира. Выступая 8 марта 1949 г. в Учредительном собрании Индии, он говорил: «Наша политика будет продолжена

¹⁰ *Gandhi, Indira. Selected Speeches and Writings. Vol. III. – P. 704.*

¹¹ *Jawaharlal Nehru's Speeches. March 1963–May 1964. – New Delhi, 1968. – Vol. V. – P. 201.*

¹² *Ibid. – P. 204–205, 207.*

с целью не только держаться в стороне от силовых группировок, но и стремиться сделать возможным дружественное сотрудничество... Если каким-то образом мы присоединимся к одной силовой группировке, то, возможно, с определенной точки зрения, добьемся какого-то положительного результата. Но у меня нет и тени сомнения, что с более широких позиций, и не только Индии, но и мира во всем мире, это причинит вред... Поэтому тем более необходимо, чтобы Индия не связывала себя ни с одной из силовых группировок, которые по разным причинам боятся войны и готовятся к ней»¹³.

На Ялтинской конференции лидеров антигитлеровской коалиции (Сталин, Рузвельт, Черчилль) в феврале 1945 г. СССР взял на себя обязательство начать войну с Японией через три месяца после завершения войны в Европе. 9 августа 1945 г. Советский Союз начал боевые действия против японской Квантунской армии в Маньчжурии и Корее. 25 августа Красная армия разоружила вооруженные силы Японии на территории Северной Кореи и полностью освободила Корейский полуостров от японского господства. 9 сентября 1945 г. США высадили десант в Корее. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур объявил о переходе всей власти в Южной Корее в его руки. До конца 1947 г. СССР и США предпринимали попытки договориться о создании Временного правительства единой Кореи. Однако они не увенчались успехом. В августе 1948 г. в одностороннем порядке было провозглашено образование Республики Корея (РК), президентом которой стал Ли Сын Ман. США и их союзники признали это государство. 8 сентября 1948 г. была образована Корейская Народно-Демократическая Республика во главе с председателем кабинета министров Ким Ир Сенем. СССР, а затем и другие социалистические страны признали КНДР¹⁴.

В 1948 г. при помощи США в РК были созданы вооруженные силы (300 тыс. человек). После вывода советских войск в

¹³ *Nehru, Jawaharlal. Independence and After. – New York: The John Day Company, 1949 – P. 241–243.*

¹⁴ *Денисов В.И. Корея // История Востока. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 903–909.*

октябре 1948 г. почти все вооружение было передано Корейской народной армии. В начале 1950 г. обострилась обстановка в районе 38-й параллели, разделявшей полуостров на Север и Юг. Начались вооруженные столкновения. 25 июня 1950 г. войска КНДР нанесли удар по армии РК, овладели Сеулом и продвинулись до порта Пусан на юге Корейского полуострова. В тот же день СБ ООН по инициативе США принял резолюцию, обвинявшую КНДР в нарушении мира. 7 июля 1950 г. СБ ООН одобрил резолюцию о направлении войск ООН (всего 16 государств) в Корею под командованием военного представителя США. В сентябре 1950 г. США высадили воинский контингент в 50 тыс. солдат в районе Инчхона и взяли Сеул. Армия КНДР была почти полностью разгромлена¹⁵.

После начала корейской войны правительство Неру поддержало резолюцию СБ ООН, осуждающую КНДР за вторжение на территорию РК. В письме главным министрам штатов Индии 2 июля 1950 г. Неру писал: «Нет сомнений, что правительство Северной Кореи совершило масштабную агрессию в Южной Корее»¹⁶. Однако вскоре Неру изменил свою позицию по Корее. К этому его побудило то, что США связывали конфликт в Корее с проблемами Формозы (Тайваня) и Индо-Китая. Неру выступал за присоединение Формозы к КНР и за уход Франции из Индо-Китая. С этой целью он разработал план, в соответствии с которым переговоры по вопросу о Корее должны проходить с участием СССР, а КНР должна занять место постоянного члена СБ ООН вместо Формозы. Как писал госсекретарь США Дин Ачесон, главная идея этого плана состояла в том, чтобы Америка поддержала вступление КНР в СБ ООН, а после этого «русские и китайские коммунисты» поддержали бы перемирие и отвод северокорейских войск за 38-ю параллель, а также воссоздание единой и независимой Кореи. США отклонили план Неру¹⁷.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Nehru, Jawaharlal*. Letters to Chief Ministers, 1950–1952. Vol. 2, 2 July 1950. – New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1986. – P. 120.

¹⁷ *Acheson, Dean*. Present at the Creation. My Years in the State Department. – New York: W.W. Norton & Company, Inc., 1969. – P. 419.

13 июля Неру направил личные письма Сталину и Ачесону, в которых предложил локализовать конфликт в Корее и ускорить мирное урегулирование, а также предоставить КНР место в СБ ООН вместо Формозы. После этого США, СССР и Китай с помощью и при сотрудничестве других миролюбивых стран, включая Индию, могли бы создать основу для окончания конфликта и полного решения корейской проблемы. 17 июля посол Индии в США В.Л.Пандит передала Ачесону послание Неру, в котором был подтвержден этот план, а также говорилось, что Москва ищет выход из создавшегося положения в Корее. Ачесон, с согласия президента США Трумэна, отклонил этот план, в том числе и потому, что он был связан с предоставлением КНР места в СБ ООН. А между тем уже в августе 1950 г. США удвоили число вооруженных сил в Корее¹⁸.

Однако Индия продолжала играть роль посредника в корейском конфликте при помощи индийского посла в Китае К.М. Паниккара, а также своих дипломатических представителей в СССР и США. На начальном этапе развития конфликта в Корее Чжоу Эньлай заявил индийскому послу, что КНР хочет решить дело мирными средствами, с чем Индия была согласна. Однако, после того как американские войска заняли Инчхон, Чжоу Эньлай сказал Паниккару 3 октября 1950 г., что если войска США пересекут 38-ю параллель, то Китай вступит в войну. Америка проигнорировала это предупреждение. В свою очередь, СССР призвал к перемирию, выводу всех иностранных войск и созданию коалиционного правительства в Корее, которое действовало бы до проведения национальных выборов¹⁹.

В октябре 1950 г. войска под командованием Макартура двинулись на север от 38-й параллели. 9 октября американские самолеты, якобы из-за «навигационной ошибки», нанесли удар по советскому аэродрому, расположенному в сотне километров от корейско-советской границы (после американцы выразили сожаление в связи с этим и предложили возместить причиненный ущерб). В ноябре американские войска вышли к пограничной реке Ялуцзян, разделявшей Корею и Китай. Китайские войска

¹⁸ Ibid. – P. 420, 421.

¹⁹ Ibid. – P. 452, 453.

начали контрнаступление. Американская армия понесла большие потери. Ситуация стала критической. Руководство США даже рассматривало возможность обращения к КНР и СССР с предложением о достижении перемирия, в том числе и при посредстве индийцев. Однако в конечном итоге оно отказалось от такого шага²⁰.

Тем временем генерал Макартур доложил в центр, что американской армии противостоят 268 тыс. китайских солдат, а в районе реки Ялуцзян сосредоточены, как минимум, еще 550 тысяч. Кроме того, Китай насчитывает еще около 4 млн вооруженных резервистов. На это военное командование США ответило, что главной задачей является сохранение американских войск. Как отмечал Ачесон, в начале декабря 1950 г. ситуация в Корее становилась все более мрачной. Он полагал, что за достижение перемирия придется заплатить очень высокую цену: как минимум отвод американских войск за 38-ю параллель и, что более вероятно, – вывод этих войск вообще из Кореи. Среди американских военных высказывалось мнение, что ситуация может стать еще более сложной, если СССР и КНР начнут использовать авиацию. В сложившихся условиях президент США Трумэн 13 декабря 1950 г. объявил о введении в Америке режима национальной безопасности, который предусматривал рост вооружений и ряд мер в экономической сфере, в том числе контроль за ценами и зарплатами. А в Корее Макартур настаивал, что ему придется выводить войска, если не будет достигнуто перемирие, или начаты авиационные налеты на Китай. Он также требовал военных подкреплений и рассмотрения возможности использования атомного оружия. Кризис достиг своего пика²¹.

Тем временем СССР и КНР потребовали в СБ ООН осудить американскую агрессию в Китае и Формозе. Проект этой резолюции был отклонен США и их союзниками.

В первые дни Корейской войны США провели в Совете Безопасности ООН резолюцию, которая позволила им легитимизировать использование американских войск в этой войне. Америке удалось сделать это, поскольку в то время СССР бой-

²⁰ Ibid. – P. 466, 468, 473.

²¹ Ibid. – P. 475–477, 481, 485.

котировал заседания СБ, на которых председательствовал представитель Формозы. Он занимал место недавно образованной Китайской народной республики. Отсутствие представителя Советского Союза в СБ ООН привело к тому, что он не использовал право вето по резолюции об участии войск США в Корее.

На основании этой резолюции было создано так называемое Командование ООН в Корее. В результате командующий размещенными в Корее американскими войсками одновременно стал и командующим войсками ООН. Совместно с союзниками США в Корейской войне была образована коалиция. Командование ООН, во главе которого стояли сменяющие друг друга американские генералы, не было подконтрольно и не подчинялось ни Военно-штабному комитету ООН, ни какому-либо другому органу этой организации.

На первом этапе Корейской войны американские и южнокорейские войска захватили столицу Северной Кореи Пхеньян и вплотную подошли к китайской границе. С этого времени началось участие в войне войск КНР. Но уже к ноябрю 1950 г. войска коалиции были отброшены далеко на юг. Северокорейские и китайские войска заняли Сеул.

Командующий войсками ООН, а фактически войсками США и Южной Кореи, генерал Макартур доложил американскому руководству, что отныне идет «необъявленная война с коммунистическим режимом Китая». По его оценке, в Северной Корее находилось 200 тысяч китайских солдат. С этого момента, по выражению президента США Д. Эйзенхауэра, война в Корее превратилась в «масштабные качели». Инициатива переходила то к одной, то другой стороне. Так, Сеул трижды оказывался в руках северокорейских и китайских войск. По американским оценкам, к концу 1952 г. общие потери армии США составили 21 тысячу убитыми, 91 тысячу ранеными и 13 тысяч пропавшими без вести²².

²² *Eisenhower, Dwight*. The White House Years. Mandate for Change, 1953–1956. – New York: Doubleday & Company, 1963. – P. 171–191; см.: *Киссинджер, Генри*. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1994. – С. 426–442; *Денисов В.И.* Корея // История Востока. Т. 6. Восток в новейший период... – С. 903–930.

Оценивая ситуацию в Корее, Неру отмечал, что американская армия имела новейшие вооружения, в то время как ее противники располагали примитивным оружием. Но это не стало большим преимуществом для армий коалиции во главе с США²³.

Во время корейской войны Неру писал главным министрам штатов: «Я верю в то, что политика, которую мы проводим, продемонстрировала свою правоту как для Индии, так и для народов во всем мире. Я думаю, что она предотвратила или помогла предотвратить распространение корейской войны... тот простой факт, что как наши друзья, так и критики неизбежно смотрят в сторону Индии, чтобы она предприняла шаги для выхода из нынешнего тупика, свидетельствует о достоинствах индийской внешней политики»²⁴.

Мысль Неру о возможности распространения корейской войны не была далека от истины. Как писал позже в 1963 г. президент США Эйзенхауэр, в случае перехода войск коалиции во главе с США к крупному наступлению в корейской войне, она должна была бы выйти за пределы Кореи и начать бомбардировки китайских аэродромов в Маньчжурии, заблокировать побережье Китая и предпринять другие подобные меры. Для того, чтобы снизить расходы на проведение таких наступательных операций, было очевидно, что «нам пришлось бы использовать атомное оружие». Такое предложение внес генерал Макартур. «Если бы мы решили предпринять новое мощное наступление, <...> главным было бы использование атомного оружия... Мое ощущение было и остается, – продолжал Эйзенхауэр, – что для США было бы невозможным обеспечивать их военные обязательства во всем мире, <...> если бы мы не обладали атомным оружием и волей использовать его, когда необходимо». Он также отмечал, что не последней проблемой в этом случае была бы возможность вступления Советского Союза в войну. В атомной войне китайские коммунисты смогли бы сделать очень немного. «Но мы знали, что Советы имели значительное количество

²³ *Nehru, Jawaharlal. Background of India's Foreign Policy // Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V, March 1963–May 1964. – New Delhi: Publication Division, GOI, 1968. – P. 186.*

²⁴ *Nehru, Jawaharlal. Letters to Chief Ministers, 1950–1952. Vol. 2... Letter of 21 April 1951. – P. 374.*

атомного оружия, и полагали, что вскоре они взорвут и водородное устройство. Из всех целей возможной советской бомбардировки я был более всего озабочен защитой японских мирных городов»²⁵. Последнее замечание президента США выглядело весьма цинично после использования Америкой атомного оружия против мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г.

В отсутствии прогресса на переговорах о перемирии в 1953 г. правительство США поспешило «дать понять коммунистическим властям, что Америка намерена решительно, без предупреждений, использовать *любое* (курсив мой – Ф.Ю.) оружие и при этом не несло бы ответственности за то, что военные действия могут выйти за пределы Корейского полуострова. Об этом США «осторожно сообщили Индии и другим странам. Мы были уверены, что это дойдет до ушей советских и китайских коммунистов»²⁶.

В середине 1951 г. начались мирные переговоры, которые завершились подписанием 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии в Корее. Оно предусматривало созыв международной конференции по урегулированию ситуации в стране. Посвященное этому совещание открылось в апреле 1954 г. в Женеве. В нем приняли участие министры иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании, Франции, КНДР и РК, а также 12 государств-участников коалиции ООН во главе с США. Южная Корея воспрепятствовала участию в совещании Индии. В итоге эти переговоры закончились безрезультатно. Мирный договор не был заключен. Такое положение сохранилось до настоящего времени (2014 г.). Война причинила огромный ущерб населению как Южной, так и Северной Корее. Около 4 000 000 корейцев-военных и гражданских лиц было убито, ранено и пропало без вести²⁷. По другим оценкам, общее число погибших в войне, включая мирных жителей, составило 2 800 000 человек.

²⁵ *Eisenhower, Dwight.* Op. cit. – P. 179, 180.

²⁶ *Ibid.* – P. 181.

²⁷ *Денисов В.И.* Корея // История Востока. Т. 6. Восток в новейший период... – С. 910.

Из них: северных корейцев 1 316 579 человек, южных корейцев – 595 000, китайцев – 500 000, американцев – 33 000²⁸.

Переговоры о перемирии в Корее шли параллельно с переговорами о судьбе военнопленных на основе предложений, представленных Индией осенью 1952 г. Назначенная СБ ООН Комиссия нейтральных стран по репатриации военных во главе с Индией и включавшая также Канаду, Швецию, Польшу и Чехословакию, предлагала военнопленным высказать свои пожелания по репатриации. США не были довольны выбором Индии в качестве председателя этой комиссии. Об этом прямо заявил один из старших американских дипломатов: «Мы, конечно, не можем отстранить Индию с этого поста, но мы не слишком рады такому выбору, поскольку Индия слишком часто полагала необходимым быть «более нейтральной к китайским коммунистам, чем к войскам ООН. А президент Южной Кореи Ли Сын Ман был еще более враждебно настроен по отношению к Индии. В этой связи командующий войсками ООН генерал Марк Кларк писал в Вашингтон: «Ли решительно заявляет, что Индия не нейтральна. Поэтому он возражает против присутствия индийских вооруженных сил на его суверенной земле»²⁹.

В мае 1953 г. госсекретарь США Джон Фостер Даллес посетил Дели в ходе своей первой поездки на Средний Восток и в Южную Азию. Во время встречи с Неру Даллес попросил его направить в Корею войска, чтобы взять под ответственность военнопленных, которые не хотели возвращаться в свои страны. Неру дал согласие, но заявил о необходимости активизировать усилия по достижению перемирия, чтобы конфликт не разрастался дальше³⁰.

4 июня 1953 г. северокорейцы и китайцы согласились на передачу военнопленных индийцам для проработки вопроса об их репатриации. Однако еще до этого Ли Сын Ман распорядился выпустить 40 тысяч северокорейцев из лагерей военнопленных.

²⁸ http://www.answers.com/Q/How_many_people_died_in_the_Korean_War_all_together/

²⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1952–1954, Vol. XV. – P. 831–832, 1008.

³⁰ Ibid. – P. 115–117, 119–121.

В этой связи он заявил: «Если индийские вооруженные силы (тысяча и более человек) придут в Корею, чтобы охранять этих ребят, с целью помочь коммунистическим промывателям мозгов допрашивать их с пристрастием и индокринировать их в течение двух-трех месяцев, побуждая их отправиться обратно в Северную Корею, то после этого корейский народ не выпустит их». Несмотря на жесткий ответ Эйзенхауэра 19 июня, Ли Сын Ман продолжал упорствовать: он не допустит ни одного индийского солдата на территорию Республики Корея³¹. Неру, считавший Ли Сын Мана «реакционным анахронизмом», полагал, что США должны занять более твердую позицию в отношении президента Южной Кореи³².

Неру назначил генерала К.С. Тимаия командующим индийским контингентом из шести тысяч военных и поставил ему задачу соблюдать строгий нейтралитет в отношении военнопленных. Под охрану контингента было передано 22 600 китайских и северокорейских военнопленных, а также 359 военнопленных из войск коалиции (236 южнокорейцев, 22 американца, один англичанин).

Задача по «сканированию» военнопленных оказалась весьма нелегкой. Во время интервью на них оказывалось давление с двух сторон – как наблюдателей из Северной Кореи и Китая, так и Южной Кореи и США. Многие военнопленные вообще отказывались участвовать в интервью. В результате подавляющее большинство военнопленных северных корейцев, а также китайцев отказались вернуться на родину. Все военнопленные из войск коалиции предпочли остаться в Северной Корее. Однако реальная репатриация военных проходила очень медленно. Индийцы решили закончить свое участие в этом процессе и передать оставшихся военнопленных командованию коалиции. Неру возложил вину за это на коалицию, которая организовала дело таким образом, что военнопленные не являлись на интервью³³.

³¹ Ibid. – P. 1197.

³² *Nehru, Jawaharlal. Letters to the Chief Ministers 1952–1954. Vol. 3. Letter of 2 July 1953...* – P. 324.

³³ Ibid. Letters of 15 November, 31 December 1953, and of 18 January 1954. – P. 436, 470–471, 484–485.

Под нажимом Ли Сын Мана Даллес выступил против участия Индии в международной конференции по политическому будущему Кореи. Так или иначе, мир между двумя сторонами не был заключен. И через десятилетия, в начале XXI века, отношения между КНДР и Республикой Корея определялись не полноформатным договором, а всего лишь военным перемирием³⁴.

Несмотря на все издержки, участие Индии в процессе урегулирования в Корею показало, что ее политика нейтралитета может быть успешной. В результате проводимой Неру внешней политики Индия постепенно становилась признанным фактором в международных делах, отражавшим устремления и чая-

³⁴ *Жебин А.З.* Кто виноват? // Азия и Африка сегодня. – 2011, № 11. – С. 51–57. Бывший аналитик ЦРУ, а затем старший научный сотрудник Колумбийского университета Сю Май Терри пишет в статье «Корея единая и свободная. Почему объединение полуострова в конце концов не будет уж таким плохим делом», что Корея была единой с 668 г., когда династия Силла объединила три корейских королевства, вплоть до 1945 г., «когда СССР и США разъединили Корею по 38-й параллели». Терри ставит вопрос об объединении Кореи. В этой связи она полагает, что США и Южная Корея должны предпринять дипломатические инициативы с целью подготовки к «неожиданному развалу» КНДР. Для этого Вашингтон и Сеул должны расширить свое совместное военное планирование путем выработки всеобъемлющей политической, дипломатической, экономической и легальной стратегии, направленной на объединение. Должны быть выработаны совместные военные планы, которые могут быть задействованы в случае конфликта с Северной Кореей или нестабильностью в ней. Для этой цели США могли бы поделиться с Южной Кореей их опытом «государственного строительства» в Германии, Японии, Косово, Ираке и Афганистане. Терри считает, что окончательным шагом в процессе объединения Республики Корея с КНДР мог бы стать трехсторонний диалог между США, Южной Кореей и Японией, который «должен быть расширен с тем, чтобы включить в него КНР и, возможно, Россию». О диалоге с Северной Кореей речь не идет [Terry, Sue Mi. A Korea Whole and Free. Why Unifying the Peninsula Won't Be so Bad After All // Foreign Affairs. – July/August, 2014 – P. 153–162].

ния не только ее народа, но и других стран, освободившихся от колониального гнета.

Индийская дипломатия и Движение неприсоединения

После определенного успеха в Корее Неру предпринял меры по развитию и укреплению роли Индии в качестве нейтрального государства. Во время визита в Шри Ланку он в речи 28 августа 1954 г. впервые использовал термин «неприсоединение» вместо «нейтралитета», объясняя это тем, что новый термин предполагает более активный подход к внешней политике³⁵.

Следующим шагом Неру по укреплению позиций Индии стало активное участие в Женевской конференции по Индокитаю. Не являясь формальным участником конференции, Индия играла заметную роль в ее работе. В итоге она, вместе с Канадой и Польшей, вошла в состав Международных контрольных комиссий, перед которыми была поставлена задача следить за выполнением Женевских соглашений. Эти соглашения положили конец длившейся с 1945 г. войне Франции против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Тогда же Индия выступила со своим планом урегулирования в Индокитае, который, однако, был отвергнут США³⁶.

В противовес Женевским соглашениям США инициировали создание в Маниле в сентябре 1954 г. коллективного пакта по безопасности для Юго-Восточной Азии, который получил название Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). В организацию вошли США, Великобритания, Франция, Австрия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан. Включение последнего вызвало серьезные возражения Индии.

Неру расценил создание СЕАТО как «вредное для Азии и для дела мира»... «Обычай Запада нести “бремя белого челове-

³⁵ *Jackson, Richard L.* The Non-Aligned, the UN, and the Superpowers. – New York: Praeger, 1983. – P. 6.

³⁶ *Sardesai D.R.* Indian Foreign Policy in Cambodia, Laos, and Vietnam, 1947–1964. – Berkeley, CA: University of California Press, 1968. – P. 32–46.

ка” на Востоке до сих пор остается – писал он, – хотя условия в мире и Азии в огромной степени изменились»³⁷.

Вслед за провозглашением Китайской народной республики 1 октября 1949 г. перед Индией встал вопрос о признании этого государства. После дискуссий в руководстве Индии между Неру и заместителем премьер-министра Валлабхаи Пателем, который считал, что не следует торопиться с признанием КНР, а сделать это совместно с другими странами – членами ООН и Британского содружества, правительство Индии объявило 30 декабря 1949 г. о признании Китайской народной республики. Неру заявил о необходимости мирного сотрудничества с новым китайским правительством. Более того, Индия стала активно выступать за предоставление КНР места в ООН. При этом она исходила из того, что сотрудничающий с ней Китай станет стабилизирующим фактором в Азии.

Между тем уже в 1950 г. в индийско-китайских отношениях возникли проблемы в связи с Тибетом, который правительство КНР рассматривало как неотъемлемую часть Китая, а саму тибетскую проблему – как его внутреннее дело. В Тибет были введены китайские войска. В индийском руководстве возникла дискуссия о том, как отнестись к такой ситуации в Тибете. В конечном итоге возобладала точка зрения Неру, который считал, что события в Тибете могут быть разрешены мирным путем, поэтому целесообразно признать Тибет частью Китая. При этом учитывался пакистанский фактор. По мнению Неру, Пакистан был заинтересован в ухудшении индийско-китайских отношений.

В декабре 1953 г. в Пекине начались переговоры между представителями Индии и Китая, которые завершились подписанием 29 апреля 1954 г. Соглашения между Индией и КНР о торговле и связях с Тибетским районом Китая³⁸.

Это соглашение имело значение не только для отношений между Индией и Китаем, но и для будущего развития междуна-

³⁷ Letter of 15 September 1954 // SWJN, Vol. 4. – P. 48

³⁸ Шаумян Т.Л. Соглашение между Индией и Китаем 1954 г.: из истории подписания // Принципы Панча шила в современном мире / Отв. ред. Т.Л. Шаумян. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 14–26.

родных отношений в Азии и мире, поскольку в нем были сформулированы основные принципы мирного сосуществования разных стран и народов. Они получили выражение в пяти нравственных добродетелей буддизма (Панча шила): взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. В июне 1954 г. эти принципы были подтверждены в индийско-китайском заявлении, подписанном Джавахарлалом Неру и премьер-министром Государственного совета Китая Чжоу Эньлаем во время его визита в Дели³⁹.

С этого времени начался новый период в отношениях между двумя странами, который лучше всего характеризовался лозунгом «*хинди-чини бхай-бхай*» (индийцы и китайцы – братья). Однако это продолжалось сравнительно недолго – до 1955 г., когда возникли противоречия на индийско-китайской границе.

В октябре того же года Неру посетил с визитом Китай, где ему был оказан теплый прием. Но уже тогда в отношениях между Индией и Китаем проявилась новая проблема – пограничная. На китайских картах район Ладакха в северном Кашмире и часть индийского Северо-Восточного пограничного агентства (NEFA) были обозначены как принадлежащие Китаю. Чжоу Эньлай объяснил Неру, что это старые карты, которые еще не были пересмотрены. Такой ответ китайского премьера тогда удовлетворил Неру.

На пути из Китая в Индию Неру посетил четыре государства Индокитая. На него большое впечатление произвел лидер Северного Вьетнама Хо Ши Мин, и совсем иное – руководители Южного Вьетнама⁴⁰.

³⁹ *Ивашенцов Г.А.* Жизненная сила. «Панча шила» // Принципы Панча шила в современном мире... – С. 4–13; см. также: Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Trade and Intercourse between Tibet Region of China and India // Там же. Приложение 1. – С. 89–92.

⁴⁰ *Nehru, Jawaharlal.* Letter of 15 November 1954. – Vol. 4. – P. 71–89

Внешняя политика Индии формировалась под огромным влиянием внутренних факторов. Они были связаны с решением масштабных задач строительства независимой страны, в первую очередь с ликвидацией массовой бедности и неграмотности, созданием промышленной и аграрной инфраструктуры, обеспечивающей поступательное развитие Индии. Во внешней сфере это были поиски и определение достойного места страны в мире после окончания Второй мировой войны и крушения мировой системы колониализма, что обеспечило бы Индии благоприятные внешние условия для устойчивого стабильного развития.

Освобождение от колониализма создало условия для появления Движения неприсоединения (ДН). Еще в 1946 г. Неру говорил о решимости Индии «держаться в стороне от блоков или группировок, заключающих союзы друг против друга, которые в прошлом приводили к мировым войнам и которые могут вновь повлечь катастрофы в еще более широких масштабах». Он также предупреждал: как только «иностранные дела выходят из-под вашего контроля и попадают под контроль кого-то другого, в такой же степени и в таких же масштабах вы теряете независимость» <...> Поэтому, – продолжал Неру, – мы и впредь будем считать принципом нашей политики необходимость держаться в стороне от союзов, но стараться создавать возможности для дружественного сотрудничества. «Наш подход ко всему миру зиждется на дружественной основе»⁴¹.

На Конференции по отношениям между странами Азии (март 1947 г., Дели), в которой приняли участие представители советских республик Средней Азии, Неру заявил, что Индия будет сотрудничать со всеми странами и народами в укреплении дела мира, свободы и демократии. Эти принципы внешней политики неоднократно подтверждались как самим Неру, так и другими руководителями Индии.

Созданию Движения неприсоединения предшествовали события, связанные с освобождением от пут колониализма большого числа государств Азии и Африки, укреплением их независимости, стремлением этих молодых государств к объединению. Крупным шагом в этом направлении было проведение в апреле

⁴¹ *Ганди, Индира.* Мир, сотрудничество, неприсоединение. – М.: Прогресс, 1985. – С. 191.

1955 г. Бандунгской конференции, в которой приняли участие 29 стран Азии и Африки. Выступая в индийском парламенте по итогам этой конференции, Неру сказал, что в Бандунге был осужден колониализм в общепринятом смысле, то есть господство одного народа над другим. Вместе с тем Бандунгская конференция обсудила и другие важные темы, такие, как проблемы зависимых народов, экономическое и культурное сотрудничество между ними, вопросы борьбы за мир и сотрудничество между странами⁴².

К началу 1960-х годов холодная война вступила в активную стадию. Не случайно, что на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960 г.) Неру, Кваме Нкрума (Гана), Гамаль Абдель Насер (Египет), Сукарно (Индонезия) и Иосип Броз Тито (Югославия) совместно внесли резолюцию, призывающую США и СССР «найти решение нерешенных проблем». Позже в ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Это стало началом появления в ООН, а затем и в мировом сообществе новой силы, которая позже оформилась в Движение неприсоединения.

В сентябре 1961 г. в Белграде, Югославия, состоялась первая конференция Движения неприсоединения, в которой участвовали 25 государств. Одним из главных организаторов этой конференции была Индия. Белградская декларация ДН выступила в поддержку деколонизации, против расового неравенства, за мир и разоружение, по существу – за неучастие в холодной войне. Декларация потребовала устранить наследие колониализма и империализма – экономическое неравенство между странами, указала на растущий разрыв в уровне жизни немногих богатых стран и большинства развивающихся государств. Страны – учредители ДН также заявили о необходимости расширения членства Совета Безопасности ООН.

В итоге первое правительство Индии во главе с Неру выработало принципиально новую концепцию позитивного нейтралитета, фундаментом которого стало неприсоединение Индии к двум противостоящим мировым блокам, возглавляемым СССР и США. Индия заявила о неприсоединении в качестве ключе-

⁴² *Haksar P.N.* India's Foreign Policy and Its Problems. – New Delhi, 1989. – P. 214–217.

вого элемента своей внешней политики. Это означало, что она не будет вступать в военные блоки или тесно сближаться с тем или иным лагерем в начавшейся холодной войне. Однако неприсоединение Индии не означало ее отстранения от мировых дел. Наоборот, имелось в виду, что она должна активно участвовать в мировой политике, выступая в важной роли лидера Азии и всех неприсоединившихся стран. В эти годы Индия проявила себя как борец против колониализма и империализма, за мир, стабильность и мирные перемены. По мнению Неру, Запад был прямо связан с колониализмом и империализмом. Кроме того, социалистические идеи Неру входили в известное противоречие с капитализмом. Однако он не мог не учитывать, что Запад, прежде всего США, располагал большими экономическими и военными ресурсами, а также одобрительно относился к усилиям Индии в развитии демократии.

СССР имел определенное преимущество в глазах Индии, поскольку не был связан с наследием колониализма и империализма. Он выдвигал идеи, которые были во многом созвучны с представлениями многих индийцев о направлении развития их страны в 1950–1960-е годы. СССР не рассматривался ими как угроза и, более того, мог выступать как противовес Западу, а позже и Китаю.

Проводимая Индией политика неприсоединения вызывала симпатии в ряде стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Это, в частности, нашло свое проявление в том, что Индия стала в 1954 г. председателем Международной контрольной комиссии по Вьетнаму. Однако в последующие годы она во многом утратила интерес к Юго-Восточной Азии. Внимание Индии в 1960–1980-х годах было приковано к проблемам в ее ближайшем окружении – вооруженному конфликту с Китаем в 1962 г., военным конфликтам с Пакистаном, непростым отношениям с Шри Ланкой. С другой стороны, многие государства ЮВА оказались в политической орбите США, что затрудняло развитие их отношений с неприсоединившейся Индией, которая к тому же нередко выступала на стороне СССР. Кроме того, политическая система многих азиатских стран тяготела к авторитаризму, в то время как Индия стремилась развиваться по демократическому пути.

Индия и Советский Союз

Индия и СССР установили дипломатические отношения еще в то время, когда Индия не была независимым государством. Этому предшествовали события, которые объективно привели к такому результату. Как отмечалось, в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско состоялась конференция, которая положила начало созданию Организации Объединенных Наций. Индия была одним из членов-основателей ООН и приняла участие в этой конференции. Индийская делегация, состав которой определил вице-король Индии Уэйвелл, состояла из сторонников британской власти. В знак протеста против этого сестра Неру Виджая Лакшми Пандит, которая в это время находилась в США с частным визитом по приглашению президента Рузвельта, возглавила другую делегацию Индии. Хотя эта делегация не добилась официального признания, она привлекла внимание общественности к позиции Индии. Участвовавший в работе конференции министр иностранных дел СССР В.М. Молотов нанес визит В.Л. Пандит и в своем выступлении на конференции заявил, что именно ее делегация представляет индийский народ, а официальные делегаты были всего лишь рупором Британии и их не стоило воспринимать серьезно. Его примеру последовали представители Франции, Филиппин, ряда других стран. Хотя США не высказались в пользу официального признания этой делегации, президент Гарри Трумэн пригласил Пандит на беседу в Белом доме⁴³.

После формирования временного правительства Индии в начале сентября 1946 г. Неру в качестве вице-премьера Исполнительного совета при вице-короле Индии и министра иностранных дел (члена этого совета по международным делам) выступил 7 сентября того же года с первым заявлением, определившим основные направления внешней политики Индии. Он сказал, что Индия будет стремиться к тому, чтобы находиться вне «силовой групповой политики», не присоединяться ни к одной группе против другой, что приводило в прошлом к мировым войнам и снова может привести к катастрофам еще боль-

⁴³ *Pandit, Vijaya Lakshmi. Op. cit. – P. 194–197.*

шего масштаба. «Мы считаем, – заявил он, – что мир и свобода неделимы, и отрицание свободы где-либо обязательно будет угрожать свободе в других местах, и приведет к конфликтам и войнам. Несмотря на соперничество, ненависть и внутренние конфликты, мир движется в направлении более тесного сотрудничества и построения мирового сообщества. Свободная Индия будет трудиться во имя этого Единого Мира, мира, в котором народы будут свободно сотрудничать, и ни один класс или группа не будут эксплуатировать другие»⁴⁴.

Неру также подчеркнул, что, несмотря на историческое прошлое, свободная Индия будет поддерживать дружеские отношения с Британией и другими странами Британского содружества наций. Он обратился с приветствием к народу Соединенных Штатов Америки, отметив, что судьба предоставила ему возможность играть большую роль в международных делах, и выразил надежду, что это будет использовано в интересах мира и свободы человека. Неру приветствовал Советский Союз как «еще одну великую страну современного мира... которая несет огромную ответственность за формирование мировой политики... СССР является нашим соседом в Азии, и мы, естественно, должны осуществить много общих задач». Неру особо упомянул Китай – «мощную страну с мощным прошлым, нашим соседом», указав, что «Китай был другом Индии в течение веков», и выразил надежду, что «эта дружба будет развиваться и крепнуть»⁴⁵.

Осенью 1946 г. В.Л. Пандит уже официально возглавила делегацию Индии на первом заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 25 октября 1946 г. Молотов выступил в поддержку независимости Индии на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он сказал: «Хотя Индия является членом ООН, и поэтому, в соответствии с Хартией ООН, ее отношения с Великобританией должны основываться на суверенном равенстве, разве вы не слышали здесь на Генеральной Ассамблее призывы Индии поддержать ее и помочь ей? Настало время, чтобы справедливые требования Индии были признаны». Реагируя на это

⁴⁴ *Nehru, Jawaharlal. India's Foreign Policy... – P. 2.*

⁴⁵ *Ibid. – P. 2–3.*

заявление Молотова, Пандит подчеркнула: «Мы приветствуем заявление Вячеслава Молотова по Индии. Оно является знаком понимания и дружбы между нашими странами. Это была очень смелая речь»⁴⁶.

14 ноября 1946 г. Неру послал письмо Пандит, в котором сформулировал основные направления внешней политики Индии в отношении великих держав. Он писал: «... наш общий подход состоит в том, чтобы избегать излишнего вовлечения в деятельность определенных групп, а две главные такие группы в нынешнем мире хорошо известны. С одной стороны, можно убедительно доказывать, что наш крен в сторону России будет раздражать США и их сателлитов. С другой стороны, всегда существует опасность, что мы можем сами стать сателлитами англо-американской группы, которыми мы действительно в большой степени были в прошлом. Нам следует придерживаться среднего курса не просто из соображений целесообразности, но также потому, что считаем это верным курсом. Если Россия помогает и поддерживает нас, будет правильно выразить ей нашу признательность и наше дружеское отношение. Не делать этого из-за боязни обидеть Америку или Англию... было бы совершенно непродуктивно и неправильно по отношению к самим себе. Я не хочу, чтобы ты или наша делегация стали сторонниками российского лагеря, – продолжал Неру. – Но я еще меньше хочу, чтобы вы крутились вокруг группы Британского содружества... Одно совершенно ясно – в нашей внешней политике мы не должны быть привязаны к британской политике и должны избегать того, чтобы она оказывала слишком большое влияние на нас. В то же время мы не должны явно идти на разрыв отношений с ними, хотя, разумеется, по любым конкретным вопросам у нас есть полное право порвать с ними, если мы почувствуем, что это нужно сделать ...Лично я думаю, что в этой всемирной борьбе перетягивания каната в целом больше смы-

⁴⁶ UN General Assembly, Official Records, Second Part, First Session, Plenary Meeting, 25 October 1946. – P. 732 // Цит. по: *Mohanty, Arun. Pages from the History of Establishment of Diplomatic Relations between India and Russia – Eurasian Report /A Journal of Eurasian Foundation. –New Delhi, Vol. 1, № 2, Summer 2007. – P. 14.*

сла быть на стороне России, но, конечно, не всегда... Мы должны поддерживать дружественные отношения как с Россией, так и с Америкой»⁴⁷.

23 марта – 2 апреля 1947 г., буквально за несколько дней до установления дипломатических отношений с Советским Союзом, в Дели состоялась первая Конференция по отношениям в Азии. В ней СССР был представлен республиками Средней Азии. На конференции Неру особо подчеркнул: «Мы хотим стоять на собственных ногах и сотрудничать со всеми, кто хочет сотрудничать с нами. Мы не хотим быть игрушками в чужих руках»⁴⁸.

Менее чем через месяц после формирования Временного правительства Неру заявил, что, поскольку Индия не имела прямых дипломатических контактов с СССР, он полагал необходимым изучить возможность их установления. По его поручению В.К. Кришна Менон, сподвижник Неру и впоследствии министр обороны в его правительстве, встретился 28 сентября 1946 г. с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым на Парижской мирной конференции. Кришна Менон передал Молотову письмо Неру, в котором он писал: «Мы искренне желаем развивать дружественные отношения с Советским Союзом и обменяться дипломатическими и иными представителями с Вашей страной. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет взаимовыгодным и послужит интересам мира и прогресса во всем мире»⁴⁹. Через несколько дней, в начале октября 1946 г., советское правительство сообщило Неру о готовности установить дружественные отношения с Индией. Тогда же, в октябре, член индийской делегации на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке К.П.Ш. Менон получил указание

⁴⁷ Nehru to Mrs Pandit, 14 November 1946 // SWJN. Second Series.. – New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1984–1981. – (Vol. 1–11), Vol. I. – P. 539.

⁴⁸ Asian Relation Organisation. Asian Relations, being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference.. – New Delhi, 1948. – P. 24, 24.

⁴⁹ *Ватс, Бхагат*. Интриги против Индии.. – М. 1971. – С. 125.

из Дели провести переговоры с Молотовым об установлении дипломатических отношений между обеими странами⁵⁰.

В ноябре 1946 г. Неру информировал Учредительное собрание Индии, что СССР заявил о своей готовности установить дипломатические отношения с Индией. Между тем британские власти пытались заблокировать это, вплоть до того, что установили слежку за перепиской Кришны Менона и К.П.Ш. Менона с Неру⁵¹. При этом они ссылались на то, что Временное правительство не имеет полномочий на подобные действия, поскольку это является прерогативой британских властей. В связи с намечавшейся (но не состоявшейся) поездкой К.П.Ш. Менона в Москву для переговоров по вопросу о дипломатических отношениях верховному комиссару (послу) Великобритании в Москве было дано указание затормозить этот процесс, пока ситуация в Индии не прояснится⁵².

В дальнейшем Неру неоднократно публично заявлял о стремлении Индии установить дипломатические отношения с СССР. Так, в январе 1947 г., выступая на приеме в честь советской делегации на Индийском научном конгрессе, он выразил надежду, что «в ближайшем будущем наши две страны смогут обменяться дипломатическими представителями и после этого будет открыта дверь во многих благотворных областях человеческой деятельности»⁵³.

Окончательные переговоры об установлении дипломатических отношений между Индией и СССР были проведены в Китае между генеральным агентом Индии в Китае К.П.Ш. Меноном и послом Советского Союза в этой стране А.А. Петровым. Тем самым удалось избежать вмешательства английского правительства в процесс установления этих отношений. 13 апреля 1947 г. Временное правительство Индии заявило: «Же-

⁵⁰ *Menon, Kumara Padmanabha Sivasankara. Memories and Musings. – Bombay: Allied, 1979. – P. 222.*

⁵¹ *Mohanty, Arun. Op. cit. – P. 13.*

⁵² *Горюшко Г.Б. Из истории установления советско-индийских дипломатических отношений // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 3. – С. 33.*

⁵³ *The Statesman. 08.01.1947 // Цит. по: Mohanty, Arun. Op. cit. – P. 15.*

лая установить и далее развивать дружественные отношения между Индией и СССР, правительство Индии и правительство СССР решили обменяться дипломатическими миссиями на уровне посольств». Аналогичное заявление было сделано в Советском Союзе⁵⁴.

Таким образом, установление дипломатических отношений завершилось в очень короткий срок – чуть более полугода. И это несмотря на то, что Индия не обрела к тому времени независимость, и несмотря на то, что английское правительство всячески противилось этому. Большое значение этого шага было подчеркнуто назначением первым послом Индии в СССР Виджай Лакшми Пандит, которая прибыла в Москву 5 августа 1947 г., еще до провозглашения независимости Индии. Она писала в этой связи: «Мы были взволнованы и наполнены чувством гордости за то, что Индия открывала первую дипломатическую миссию за рубежом. Наши отношения с миром только начинались. В Лондоне еще с британских дней у нас была миссия, но первый индийский верховный комиссар в Британии Кришна Менон был назначен после 15 августа 1947 г. Посольство Индии в Вашингтоне было также открыто после этой даты»⁵⁵.

Первый посол Советского Союза в Индии К.В. Новиков приступил к работе в октябре 1947 г. Он не занимал столь высокого места в советской иерархии, как Асаф Али или В.Л. Пандит в индийской. Он был профессиональным дипломатом, заведующим Вторым европейским отделом НКВД⁵⁶. Но главное – поль-

⁵⁴ См.: Юнелъ А.И. Гл. V. СССР и Индия на завершающем этапе борьбы Индии за независимость (1945–1947) // СССР и Индия. – М.: Гл. редакция вост. лит-ры, 1987. – С. 117–133.

⁵⁵ Позже В.Л. Пандит писала, что Неру хотел направить ее послом в Вашингтон, но Абул Калам Азад настоял на том, чтобы назначить на этот пост Асафа Али – члена Рабочего комитета Конгресса. После этого Пандит, которая вообще не стремилась работать за рубежом, так как была министром в правительстве Уттар-Прадеш и членом Учредительного собрания Индии, согласилась стать послом в СССР (*Pandit, Vijaya Lakshmi*. Op. cit. – P. 227, 235).

⁵⁶ Подробнее см.: Шустов В. Посол Кирил Васильевич Новиков // Международная жизнь. – М., 2002. – № 4.

зовался доверием высшего руководства СССР. Об этом говорит тот факт, что, наряду с В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским, К.В. Новиков готовил материалы для переписки И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У.С. Черчиллем во время Второй мировой войны⁵⁷. После смерти Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева он был смнен на посту посла Индии в июне 1953 г., пробыв в этой стране около 6 лет, и вернулся в МИД в качестве заведующего Отделом стран Юго-Восточной Азии.

Примечательно, что верительные грамоты посла Пандит были подписаны королем Георгом VI, поскольку именно он оставался главой Британской Индии до 15 августа 1947 г. Характерно и то, что в первом индийском посольстве в Москве все дипломаты, за исключением Пандит, не принимали участия в борьбе за независимость, а были чиновниками Индийской гражданской службы, созданной Британией для управления Индией. Несмотря на все проблемы, в том числе бытовые, которые индийское посольство испытывало в Москве, Пандит отмечала, что «русские обращались ко мне с большим уважением и не отдавали особого предпочтения в связи с тем, что я женщина, что мне было приятно. Это не был период дружбы, а время “расцементирования” отношений последнего периода войны». Пандит поясняла дальше: «Поскольку Индия еще только вырабатывала свою внешнюю политику, в то время не было каких-то особых проблем между Советским Союзом и нами. Передо мной не было поставлено каких-либо конкретных задач, и моя работа имела ограниченный характер»⁵⁸.

Во время работы Пандит в СССР она была назначена главой индийской делегации на сессии ООН в сентябре 1947 г. В ходе дискуссий в Совете Безопасности ООН СССР занял позицию поддержки Индии по очень важному для нее кашмирскому вопросу. Советский Союз использовал свое право вето, заблокировав принятие резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Противоположную позицию заняли США, которые тем

⁵⁷ Печатнов В. Как Сталин и Молотов писали Черчиллю. По документам сталинского архива // Время новостей. – 01.09.2009.

⁵⁸ *Pandit, Vijaya Lakshmi*. Op. cit. – P. 237–238.

самым выступили на стороне Пакистана. Как писала Пандит, симпатии СССР были в пользу Индии. «Политика не основана на гуманизме, – продолжала она, – страны голосуют за или против тех или иных проблем, преследуя свои собственные интересы. Но характер и выбор времени для такого голосования важны, так как помощь, оказанная в психологически важный момент, укрепляет отношения. Это относится к Индии и Советскому Союзу»⁵⁹.

Позже, во время одной из своих поездок из Москвы в Дели, Пандит говорила с Неру о своем желании продолжать работу в Москве. Неру согласился с этим. Но через три месяца, 1 апреля 1949 г., она получила назначение послом в США. По всей вероятности, это было связано с намеченным первым визитом Неру в США, где предстояли сложные переговоры, в том числе по кашмирскому вопросу. Пандит должна была участвовать в подготовке визита, который начался 11 октября 1949 г.

В своих мемуарах Пандит писала, что в Москве «все время были проблемы и мало сотрудничества со стороны русских (советских) чиновников, но это было вызовом, и мне нравилось быть там, несмотря ни на что». Пандит была разочарована тем, что ее не принял Сталин. В то же время она отмечала, что тогда он не встречался с дипломатами, причиной чего было его нездоровье. Первой такой встречей Сталина была беседа с послом США во время берлинского кризиса 1949 г. Пандит отмечала, что во время ее пребывания в Москве (август 1947 г. – март 1949 г.) по приглашению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей СССР посетила хорошо известная в Индии супружеская пара индийских коммунистов. Они были приняты Сталиным⁶⁰.

⁵⁹ Ibid. – P. 244.

⁶⁰ Ibid. – P. 240, 244, 245, 248. См. также: *Горошко Г.Б.* К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Индией // *Индия 1988. Ежегодник.* – М.: Наука, 1990. – С. 264–279. Как рассказывала автору этой книги вдова генерального секретаря ЦК компартии Индии Аджоя Гхоша (1909–1962) Литто Гхош (в течение многих лет одна из секретарей Индийско–советского культурного общества), она с мужем действительно встречалась в то время со Сталиным. На встрече присутствовала дочь Сталина Светлана.

Советский Союз быстро отреагировал на провозглашение независимости Индии. В сентябре 1947 г. член Политбюро ЦК КПСС А.А. Жданов в одной из речей назвал Индию в числе таких стран, как Египет и Сирия, которые не принадлежали ни к социалистическому, ни к капиталистическому блоку. После первых лет взаимной «притирки», когда СССР и Индия только «нащупывали» реальные сферы взаимодействия в условиях сложной международной обстановки после Второй мировой войны, СССР стал подавать Индии серьезные знаки дружбы и сотрудничества. 14 января 1950 г. Сталин принял посла Индии С. Радхакришнана. В феврале 1953 г. он встретился с новым индийским послом К.П.Ш. Меноном, который подробно написал об этом в книге «Летающая тройка»⁶¹.

Отношения между Индией и Америкой

В период колониализма политические отношения между Британской Индией и США, по существу, отсутствовали. Фактически единственным связующим звеном были американские миссионеры, которых в Индии насчитывалось несколько тысяч, существенно меньше, чем в Китае. Для Индии Америка была малознакомой страной. В начале 1940-х годов там проживало всего 2400 индийцев, в основном сикхов-фермеров, которые эмигрировали в Калифорнию⁶². Американское представление об Индии во многом формировалось голливудскими фильмами о британском владычестве, повестями и поэмами Редьярда Киплинга. Некоторый интерес у американцев вызывала деятельность Ганди с его ненасильственными кампаниями против британского правления.

В свою очередь, часть образованных индийцев рассматривала США как страну, в которой господствовал бытовой материализм, преступность и расовая дискриминация чернокожих. Джавахарлал Неру считал Америку расистским и империали-

⁶¹ *Menon K.P.S. The Flying Troika.* – London: Oxford University Press, 1963. – P. 26–33.

⁶² *Isaaks, Harold. Scratches on Our Mind. White Plains.* – New York: M.E. Sharpe, 1980. – P. 265–285.

стическим государством. В 1928 г. он писал: «Именно Соединенные Штаты представляют собой самое хорошее поле для изучения экономического империализма»⁶³. Негативное впечатление у индийцев об Америке складывалось и в результате жесткой иммиграционной политики властей США. Так, Рабиндранат Тагор сократил свою поездку с лекциями в США, поскольку был оскорблен поведением иммиграционного чиновника⁶⁴.

Участие Америки во Второй мировой войне заметно повысило значение Британской Индии для нее. США стали рассматривать ее как опорную базу для поддержки Китая против японцев и как потенциальный источник людских и материальных ресурсов для союзников. Дуайт Д. Эйзенхауэр, тогда бригадный генерал и помощник начальника отдела военного планирования, писал: «Мы должны удержать Россию в этой войне, а также не упустить Индию!!! Тогда мы сможем сокрушить Германию при содействии Англии»⁶⁵.

Во время войны Рузвельт предложил Черчиллю в марте 1942 г. сформировать в Индии временное правительство доминиона, что, по его мнению, способствовало бы «большей лояльности индийцев в отношении Британской империи и подчеркнуло бы опасность японского господства при сохранении преимущества мирной эволюции, в отличие от хаотичной революции». При этом Рузвельт дипломатично заметил: «Ради бога, не вовлекайте меня во все это, хотя я и хотел бы быть полезным. Строго говоря, это не мое дело, за исключением того, что оно является неотъемлемой частью успешной борьбы, которую мы вместе ведем»⁶⁶.

⁶³ *Clymer, Kenton. Jawaharlal Nehru and the United States, the Preindependence Years // Diplomatic History 14 (Spring 1990). – P. 147.*

⁶⁴ *Hess, Gary. America Encounters India, 1941–1947. – Baltimore: John Hopkins, 1971. – P. 14.*

⁶⁵ Цит. по: *Venkataramani M.S. and Shrivastava B.K. Quit India. The American Response to the 1942 Struggle. – New Delhi: Vikas, 1979. – P. 53–54.*

⁶⁶ *Roosevelt to Churchill, 10 March 1942 // Foreign Relations of the United States (FRUS), 1942. Vol. I. – P. 615–616.*

Тогда же, в 1942 г., американцы создали отдельное командование (Китай–Бирма–Индия) со штабом в Нью-Дели во главе с генералом Джозефом Стилуэллом. Его задача состояла в оказании военно-технической помощи армии Чан Кайши. Подразделения командования были сосредоточены в восточной Индии, где было построено большое число аэродромов. Это вызывало недовольство бенгальцев, поскольку под это строительство у них отнимали плодородную землю и таким образом лишали людей главного источника существования⁶⁷. За время войны в Индии побывало около 250 тыс. американских солдат. Все это создавало впечатление у индийцев, что США поддерживали британцев, а не их национально-освободительную борьбу. Учитывая это, госдепартамент США посчитал необходимым выступить с заявлением о том, что американские войска не вовлекаются в индийские внутренние дела, а находятся в Индии только для того, чтобы вести борьбу со странами оси⁶⁸.

Америка отстраненно относилась к борьбе индийцев за независимость, поскольку опасалась внести раскол в отношения со своим союзником Англией. Во время «Августовской революции» 1942 г. США отказались поддержать индийцев и оказывать давление на Великобританию, чтобы она пошла на уступки Индии по вопросу о предоставлении ей независимости. Об этом свидетельствовали публикации в американской прессе, которая поддержала подавление англичанами движения «Прочь из Индии»⁶⁹.

Тем не менее, американцы установили контакты с ведущими лидерами индийского освободительного движения, в том числе Неру. В течение почти всей войны в Индии работали личные представители президента США Ф.Д. Рузвельта и их миссии. Не случайно, что в декабре 1944 г. В.Л. Пандит посетила США с частным визитом, чтобы принять участие в Конференции друзей Индии, среди которых была известная писательница Перл

⁶⁷ *Fischer, Louis*. A Week with Gandhi... – P. 24.

⁶⁸ *Hess, Gary*. Op. cit. – P. 82.

⁶⁹ Об отношении США к Индии в тот период см.: *Лунев С.И.* Индия и США. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1987. – С. 9–12.

Бак. Ее поездку организовал с благословения государственного департамента США командующий ВВС США генерал Стратемейер. Пандит много ездила по Америке, выступая на собраниях и митингах с призывами предоставить Индии независимость. В этой связи исполняющий обязанности госсекретаря США Джозеф Гру заявил, что Америка «будет рада внести свой вклад в соответствующей форме в удовлетворительное решение этой проблемы. Мы поддерживаем, – сказал он, – тесные дружеские связи, как с Британией, так и с индийским народом»⁷⁰.

15 марта 1945 г., за месяц до смерти, Рузвельт проявил озабоченность положением дел на Востоке. Он говорил, что там «правит небольшая кучка белых людей, и народы Востока возмущаются этим. Наша задача, – сказал он советнику госдепа Чарлзу Тоссигу, – должна состоять в том, чтобы помочь им достичь независимости. 1100 миллионов потенциальных врагов опасны. Черчилль не понимает этого»⁷¹. После смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. отношения США с Индией оставались весьма сложными. В октябре 1945 г. президент США Гарри Трумэн выступил с заявлением в поддержку самоопределения всех колониальных народов. Неру приветствовал это, но высказал определенное «разочарование» тем, как на деле Америка защищает независимость этих народов⁷².

Отношения между индийцами и Америкой во время Второй мировой войны во многом предопределили их характер в последующие годы. Хотя после войны состояние индийско-американских отношений было весьма неясным, индийцы подавали американцам сигналы о готовности активизировать связи с ними. Одним из таких сигналов было назначение Г.Ш. Баджпай генеральным секретарем МИД Индии. До этого он был генеральным агентом Индии в США, которого направил в Британское посольство в Вашингтоне вице-король Индии Линлитгоу.

⁷⁰ *Pandit, Vijaya Lakshmi*. Op.cit. – P. 186–187; Text of Grew's 29 January 1945 press conference remarks // FRUS, 1945, Vol. VI. – P. 249.

⁷¹ Memorandum of conversation with Roosevelt, 15 March 1945 // FRUS, 1942. Vol. I. – P. 121–125.

⁷² Nehru Interview with the press, 28 October 1945 // SWJN, Vol. 14. – P. 457–458.

Многие индийцы рассматривали его как английскую марионетку. Однако по возвращении в Индию Баджнаи занял пост генерального секретаря по международным делам, подчинявшегося только Неру как министру иностранных дел.

Первый индийский посол в США был назначен в конце 1946 г. Им стал один из руководящих деятелей Конгресса Асаф Али. Неру следующим образом определил его задачи: «США – великая страна, и мы хотим дружить с ней по многим причинам. И все-таки я хотел бы вполне определенно сказать, что мы не намерены подчиняться кому-либо... У нас на руках много хороших карт и нам нет никакой необходимости выглядеть просителями перед любой страной»⁷³.

Когда Асаф Али нанес первый протокольный визит госсекретарю Джорджу Маршаллу 26 февраля 1947 г., он, тем не менее, говорил о необходимости оказания американцами помощи Индии. Он также заявил, что Индия могла бы быть «бастионом мира против великого северного соседа, который сейчас отбрасывает свою тень на два континента – Азию и Европу» (вполне очевидно, что имелся в виду Советский Союз)⁷⁴.

В октябре и ноябре 1949 г. Неру по приглашению президента Трумэна находился с визитом в США. В течение трех недель он путешествовал по Америке – от Атлантического до Тихоокеанского побережья, встречался со многими политическими и общественными деятелями, выступал на многочисленных митингах. Однако в беседах с руководством США Неру не нашел понимания по ряду крупных вопросов. Главным из них было положение в Кашмире.

Проблема Кашмира стала предметом серьезных разногласий между Индией и США. В январе 1948 г. СБ ООН по инициативе США и Великобритании принял резолюцию о создании

⁷³ Nehru letter to Asaf Ali, 21 December, 1946 // SWJN, 2nd Series. Vol. I. – New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1984. – P. 556; Формально посольство Индии в США было открыто после провозглашения независимости Индийского союза.

⁷⁴ Memorandum of call by India's Appointed Ambassador Asaf Ali on Secretary Marshall, 26 February 1947 // FRUS, 1947, Vol. III. – P. 147–149.

Комиссии ООН по Индии и Пакистану. Комиссия пыталась добиться соглашения между обеими странами по вопросу о проведении плебисцита по Кашмиру. Главное разногласие было в том, кто будет контролировать Кашмир во время плебисцита. Проблема зашла в тупик. Между тем на территории Кашмира продолжались военные действия. 1 января 1949 г. под эгидой ООН в Кашмире была установлена линия прекращения огня, но не было достигнуто соглашение по проведению плебисцита. Таким образом, Кашмир был поделен на две части – индийскую ($3/5$ территории) и пакистанскую ($2/5$ территории). Индия продолжала настаивать, что Джамму и Кашмир является ее неотъемлемой частью, а контроль (оккупация) Пакистаном северных и северо-западных районов бывшего княжества является незаконным. Пакистан считал вопрос нерешенным и требовал проведения плебисцита под международным контролем⁷⁵. 15 августа 1949 г. Неру заявил послу США Лою Хендерсону, что он «устал от моралистических советов со стороны США... А по Кашмиру он не уступит и дюйма и будет твердо стоять на этой позиции даже, если Кашмир, Индия и весь мир развалится на части»⁷⁶. Еще до поездки в США в том же году Неру отклонил предложение Трумэна быть посредником по вопросу о плебисците⁷⁷.

В такой обстановке визит Неру в США не мог привести к прорыву в индийско-американских отношениях. К тому же американские руководители встретили в лице Неру трудного и неуступчивого партнера. Сам Неру был во многом разочарован своими собеседниками, их демонстрацией богатства, отсутствием хорошего вкуса и культуры. В частности, тем, что на его обеде с бизнесменами хозяева объявили, что представители принимающих его компаний обладают капиталом более чем в

⁷⁵ См.: Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы // Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч. – С. 155–176.

⁷⁶ Embassy New Delhi to State Department, 15 August, 1949 // FRUS, 1949, Vol. VI. – P. 1732.

⁷⁷ State Department to New Delhi, 25 August 1949, and 5 September 1949 // FRUS, 1947, Vol. III. – P. 1733–34, 1736–38.

20 млрд долларов. Его также поразило, что беседа за ужином в Белом доме носила далеко не актуальный характер: главной темой разговора Трумэна и вице-президента США Эбена Баркли были достоинства виски-бурбон, производимого в штате Кентукки⁷⁸.

Конечно, не эти детали определяли позицию Неру в отношении США. Его не устраивало то, что США проявляли особое внимание к Пакистану. После того, как американцы оказали исключительно теплый прием премьер-министру Пакистана Лиакат Али Хану всего лишь через несколько месяцев после поездки Неру в Америку, Неру писал сестре В.Л. Пандит: «Американцы или слишком наивны, или им явно не хватает интеллекта. У них одна и та же стандартная процедура и для Неру, и для Шаха Ирана, и для Лиаката Али Хана... Очень похоже, что они явно стремятся усилить Пакистан, и, если так можно выразиться, ослабить Индию. Меня просто поражает, насколько примитивно политическое мышление у американцев!.. Весьма удивляет отсутствие у них понимания ситуации в Азии»⁷⁹.

Роль Пакистана в кашмирской проблеме усиливала напряженность между Индией и США. Делая ставку на Пакистан, американцы в то же время надеялись, что Индия выступит на их стороне против СССР. В декабре 1950 г. в обзоре госдепартамента США об американской политике в Южной Азии подчеркивалось, что вместе с Китаем, оказавшимся под властью коммунистов, Советский Союз охватывает весь периметр Индийского субконтинента. Индия стала «ключевым государством» в некоммунистической Азии с учетом ее относительно значительной мощи, стабильности и влияния. Выражалась надежда, что Индия «добровольно согласится сотрудничать с США и близкими им по духу странами в противостоянии коммунизму»⁸⁰. Состоявшиеся в апреле 1951 г. в Нью-Дели индийско-амери-

⁷⁸ *Pandit, Vijaya Lakshmi. Op. cit. – P. 252–253.*

⁷⁹ *Letters from Nehru to Mrs Pandit, 10 and 29 May 1950 // Цит. по: Гонал С. Указ. соч. Т. 2. – С. 56.*

⁸⁰ *Department of State policy Statement on India, 1 December 1950 // FRUS, 1950, Vol. V. – P. 1476–80.*

канские переговоры, в которых принял участие Неру, вновь выявили серьезные разногласия по крупным вопросам, связанным с войной в Корее, отношением к Советскому Союзу и КНР, а также по Кашмиру. Посол США Хендерсон писал в этой связи, что между Америкой и Индией существует фундаментальное различие относительно агрессивных намерений международно-го коммунизма⁸¹.

В этот период США рассматривали Южную Азию как регион второстепенной важности с военной точки зрения. Но Пакистан представлял для них определенную ценность как территория, на которой могли бы базироваться американские самолеты в случае войны с Советским Союзом. Америка отдавала предпочтение прозападной внешней политике Пакистана, а не нейтралистской линии Индии. Пакистан, в свою очередь, считал отношения с США одним из главных приоритетов его внешней политики⁸². В январе 1951 г. президент Трумэн одобрил документ Национального совета безопасности, который определил политику США в отношении Южной Азии. Этот документ стал частью «холодной войны». В нем говорилось, что если Индия окажется на стороне коммунистов, то «практически вся Азия будет потеряна» для США. Документ предусматривал проведение более активной американской политики в районе Южной Азии, в том числе осуществление экономических программ, поставку вооружений и улучшение индийско-пакистанских отношений⁸³.

После победы на выборах в конце 1952 г. новый президент США республиканец Дуайт Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса секретарем государственного департамента.

⁸¹ *McGhee*. *Envoy to the Middle World*. – New York: Harper & Row, 1983. – P. 293–295.

⁸² *Kux, Dennis*. *The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies*. Woodrow Wilson Center Press, Washington, D.C. – Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 2001. – P. 34.

⁸³ Draft statement proposed by the National Security Council on South Asia, 22 January 1951 // FRUS, 1951, Vol. VI. – P. 1650–1653.

Во время предвыборной кампании Эйзенхауэр обещал проводить более жесткую политику по сдерживанию СССР и его союзников. Даллес был подходящей фигурой для осуществления такой стратегии. Он был известным юристом, советником по внешней политике кандидата в президенты Томаса Дьюи, членом делегаций США в ООН. Отец и дед Даллеса были пресвитерианскими священниками, причем дед был миссионером в Британской Индии. Даллес лично не посещал Южную Азию, но был знаком с ней по книге своего деда Джона Уэлша Даллеса «Жизнь в Индии», в которой воспевались достоинства британского колониального правления. Одной из книг, которую Даллес прочитал до того, как стал госсекретарем США, была книга Джавахарлала Неру «Взгляд на всемирную историю». Социалистические взгляды агностика Неру вряд ли могли произвести положительное впечатление на глубоко религиозного антикоммуниста Даллеса⁸⁴.

В мае 1953 г. Даллес впервые посетил Индию и Пакистан. В Индии он провел переговоры с Неру, на которых обсуждались вопросы, связанные с КНР, войной в Корее, более широкие проблемы «холодной войны». Беседы с Неру подтвердили скептицизм Даллеса относительно нейтралистской позиции индийского премьер-министра. По вопросу о возможной военной помощи США Пакистану Даллес сказал Неру, что у США нет ближайших планов, которые привели бы к военному сотрудничеству с Пакистаном, что могло бы рассматриваться как «не нейтральный подход в отношении Индии»⁸⁵.

После Индии Даллес полетел в Карачи. В отличие от индийцев, пакистанцы говорили с Даллесом на одном политическом языке. Генерал-губернатор Пакистана Гулам Мохаммед, премьер-министр Мухаммед Али Богра, командующий пакистанской армией генерал Мухаммад Айюб Хан во время бесед с Даллесом подчеркивали свою приверженность борьбе с коммунизмом и стремление сотрудничать с США. Наибольшее впечатление на

⁸⁴ *Kux, Dennis*. *The United States and Pakistan 1947–2000*. – P. 51, 52.

⁸⁵ Dulles' report of his May 22, 1953, meetings with Nehru // FRUS, 1954–54, Vol. 9. – P. 119–121.

Даллеса произвел Айюб Хан, который со свойственной ему прямотой сказал, что США «не должны бояться открыто помогать тем странам, которые выразили готовность и даже желание сотрудничать с ними». Айюб Хан представил Даллесу копию его стратегической оценки ситуации в Пакистане. Этот документ был выдержан в традициях «Большой игры» XIX в. между Британией и Россией. В нем говорилось об угрозе массированного советского вторжения через горные перевалы в Центральной Азии с целью достичь теплых вод Аравийского моря. Айюб Хан также заявил, что Пакистан располагает большими людскими ресурсами и возможностью размещения военных баз и готов сотрудничать с США. Что касается Индии, он заверил, что «если Пакистан укрепитя при американской экономической и военной помощи, то это приведет к отказу Индии от ее непримиримой политики в Кашмире»⁸⁶.

В феврале 1953 г. Пакистан обратился к США с просьбой о предоставлении ему военной помощи. Буквально через два дня он получил положительный ответ. Тогда же Эйзенхауэр написал Неру: «...если наша помощь любой стране, включая Пакистан, будет неправильно использована и направлена против другого государства в агрессивных целях, я немедленно приму необходимые меры в соответствии с моими конституционными полномочиями как в рамках ООН, так и вне ее, чтобы остановить такую агрессию». Текст письма был опубликован в печати⁸⁷.

После ряда последующих переговоров на разных уровнях 14 января 1954 г. США приняли принципиальное решение оказать военную помощь Пакистану. При этом Эйзенхауэр потребовал, чтобы были использованы все возможные публичные и личные средства для того, чтобы «ослабить эффект нашей

⁸⁶ "Assesment of the Soviet Threat to Pakistan and the Armed Forces Needed to Meet This Threat", memorandum dated December 1952, presented to Dulles by Ayub Khan, May 23, 1953, Pakistan 1953 folder, SoA (...) Office Files, DSR, NA; Memorandum of May 23, 1953, meeting between Dulles and Gen. Ayub Khan // FRUS, 1952–54, Vol. 9, pt. 1. – P. 132–34.

⁸⁷ The New York Times. February 26, 1954 // Цит. по: *Kux, Dennis. The United States and Pakistan 1947–2000.* – P. 63.

акции для Индии». Все это оказало большое влияние на отношения между США, Индией и Пакистаном на последующие десятилетия⁸⁸. Решение США предоставить военную помощь Пакистану вызвало острую реакцию в Индии. Письмо Эйзенхауэра Неру не смягчило отношения Дели к происходившему. После этих событий американцы полагали, что результатом может стать «усиление различий в американо-индийских отношениях и, возможно, более дружественные отношения между Индией и Советским Союзом, хотя, по всей вероятности, это вряд ли приведет к большим изменениям в индийской внешней политике»⁸⁹.

По оценке американских разведывательных служб, результатом военного сотрудничества США с Пакистаном мог бы стать «некоторый рост напряженности в индийско-американских отношениях. Однако вряд ли между США и Индией может возникнуть открытый разрыв только в результате этого... Если Пакистан материально усилится благодаря американской помощи, Индия также будет изыскивать возможности наращивать свои силы. В любом случае, чрезвычайно маловероятно, что Индия существенно сблизится с советским блоком»⁹⁰.

США объясняли индийцам, что их военное сотрудничество с Пакистаном не направлено против Индии. Однако Неру резко отрицательно реагировал на это, поскольку раньше Пакистан не пользовался сколько-нибудь заметной внешней поддержкой. Неру писал: «За Пакистаном будет стоять великая и мощная держава – США. По существу, предоставление военной помощи Пакистану является недружественным актом по отношению к Индии»⁹¹. Ход событий, в том числе и в индийско-американских отношениях, подталкивал Индию в сторону Советского

⁸⁸ Memorandum of January 14, 1954, Meeting (of Dulles) with the President // FRUS, 1954–54, Vol. 9. – P. 453–54.

⁸⁹ National Security Council Document 5409, “United States Policy Toward South Asia”, 19 February 1954 // FRUS, 1952–54, Vol. IX. – P. 1091–92.

⁹⁰ National Intelligence Estimate, “Prospects for Northern Tier and Consequences”, 22 June 1954 // FRUS, 1952–54, Vol. IX. – P. 516–20.

⁹¹ SWJN, Vol. 3. – P. 472.

Союза. Впоследствии Индия постоянно балансировала между США и СССР. Условия холодной войны были для этого вполне благоприятны.

В те годы в Индии сложилась трудная ситуация с обеспечением населения продовольствием. Индийцы были вынуждены обратиться к США за помощью. В 1951 г. США поставили продовольствие в Индию на 104 млн долларов. В 1954 г. в Америке был принят Закон 480 (Public Law 480 – PL 480), который позволил ей продавать избытки продовольствия за индийские рупии. Однако реальная поставка продовольствия в Индию была приостановлена из-за сложных отношений между этими странами. И тем не менее по американо-индийскому соглашению (август 1956 г.) в Индию в течение трех лет было поставлено 5 млн тонн зерна на сумму 360 млн долларов.

Во время очередного визита Даллеса в Индию в 1956 г. он вновь заявил, что военная помощь США Пакистану не направлена против Индии. В декабре 1956 г. Неру совершил вторую поездку в США. Его встречи с избранным на второй срок президентом Эйзенхауэром были более плодотворными, чем беседы с Трумэном в 1949 г. В беседах с Эйзенхауэром, продолжавшихся в общей сложности около 14 часов, затрагивался широкий круг международных проблем, в том числе нейтралитет Индии и индийско-пакистанские отношения. Как отмечал президент США, Неру сказал, что ни одна из проблем в этих отношениях не является неразрешимой. Однако наиболее трудной он назвал кашмирскую проблему. Неру и Эйзенхауэр придерживались разных взглядов в отношении КНР и Пакистана. Неру выступал за то, чтобы Китай был принят в СБ ООН, а Эйзенхауэр считал, что было еще рано говорить об этом. Неру занял жесткую позицию в отношении Пакистана, назвал раздел Индии огромной ошибкой и повторял, что народ Кашмира хочет быть в составе Индии⁹².

Вместе с тем, проблемы обеспечения Индии продовольствием вновь вынудили ее обратиться за помощью к Америке.

⁹² *Eisenhower, Dwight D. The White House Years. A Personal Account. Waging Peace 1956–1961. – New York: Doubleday&Co, 1965. – P. 106–114.*

В 1960 г. Эйзенхауэр и министр сельского хозяйства Индии С.К. Патил подписали в соответствии с законом США (PL 480) соглашение на поставку в Индию 12 млн тонн пшеницы в течение четырех лет на общую сумму в 1 276 млн долларов. Имелась в виду продажа зерна за индийские рупии, которые американцы могли тратить только в Индии. В эти же годы США выделили около 500 млн долларов на программу Всемирного банка по строительству плотин, других ирригационных сооружений в связи с соглашением между Индией и Пакистаном о разделе вод бассейна реки Инд⁹³.

В эти годы регион Южной Азии стал рассматриваться Америкой как важный фронт холодной войны. Возможное соперничество между Индией и Китаем расценивалось США как борьба между демократической и тоталитарной моделью развития. Поэтому руководство США пришло к выводу, что, несмотря на частую оппозицию Индии США по ряду вопросов, «риски безопасности США от слабой и уязвимой Индии будут большими, чем риски от стабильной и влиятельной Индии... Сильная Индия будет успешным примером альтернативы коммунизму в азиатских условиях и будет содействовать постепенному развитию инструментов для укрепления ее внешней безопасности против экспансии коммунистического Китая в Южную и Юго-Восточную Азию»⁹⁴.

Тогда же Эйзенхауэр назвал военное соглашение с Пакистаном (1954 г.) «наверное, самым худшим из планов и решений, которые мы когда-либо могли сделать. Это была ужасная ошибка, но сейчас мы, похоже, безнадежно вовлечены в это»⁹⁵. Действительно, к тому времени Пакистан входил в Организацию центрального договора – СЕНТО (Багдадского пакта). О целях этого пакта и участии в нем Пакистана президент Айюб Хан писал следующее: суть проблемы состояла во «враждебном

⁹³ *Kux, Dennis*. Enstranged Democracies, India and the United States. – P. 150.

⁹⁴ Statement of Policy toward South Asia, NSC 5701, 10 January 1957. P. 36 // Цит. по: *Kux, Dennis*. Op. cit. – P. 154.

⁹⁵ Ibid.

отношении Индии к нам. Мы должны были искать союзников, чтобы обеспечить свою безопасность... Американская заинтересованность в этом пакте была хорошо известна – они хотели создать противодействие коммунизму на Среднем Востоке»⁹⁶. В 1959 г. США подписали с Пакистаном договор об обороне. В этот период Пакистан дал согласие США на использование аэродрома в Пешаваре для разведывательных полетов над советской территорией самолетов У-2. База в Пешаваре также давала США возможность электронного мониторинга советских ракетных испытаний и была важной частью цепи электронно-прослушивающих станций, при помощи которых Америка вела наблюдение за испытаниями ракет в СССР.

⁹⁶ *Ayub Khan M. Friends Not Masters. A Political Autobiography.* – New York: OUP, 1967. – P. 154, 155.

Глава 16. Неру между США и СССР

Индийско-советское сотрудничество

Во внешней политике Индии Неру приходилось учитывать отношения с прежней метрополией, Англией, но прежде всего противостояние между США и СССР. Это было сложной задачей. Относительно Советского Союза Неру писал в июне 1948 г.: «Мы хотим дружбы с Россией и сотрудничества с ней во многих областях, но мы народ чувствительный, нам очень не нравится, когда нас ругают и унижают. Русская политика, казалось, исходит из того, будто ничего существенного в Индии не произошло и будто мы по-прежнему следуем в фарватере англичан. Конечно, все это нелепо, а такая политика неизбежно ведет к ошибкам»¹.

В сентябре 1948 г. Советский Союз сделал попытку внести перемены в отношения с Индией, предложив оказать ей поддержку в вопросе о судьбе Кашмира и Хайдарабата. Но это ни к чему не привело, писал биограф Неру Сарвепалли Гопал. Индия не просила такой помощи. Однако просто отсутствие враждебности и обязательство сохранять нейтралитет в случае конфликта не устраивали Советский Союз. А Неру не собирался идти на большее. Советское правительство не так уж ошибалось, не доверяя Индии, так как в то время ее нейтралитет явно благоприятствовал западным державам. Неру признавал это, и именно по его указанию Великобритания и США получили заверения, что при том положении в мире, которое было тогда, Индия ни в коем случае не будет блокироваться с Советским Союзом ни в военное, ни в мирное время².

Заметное тяготение Неру к западным державам, его связь с Содружеством и плохие отношения с Советским Союзом спо-

¹ Неру – Кришне Менону, 26 июня 1948 г. // Цит. по: Гопал, Сарвепалли. Джавахарлал Неру. Биография. Т. 2. 1947–1956. – М.: Прогресс, 1990. – С. 37.

² Записки Неру от 11 и 12 сентября 1948 г. // Гопал, Сарвепалли. Указ. соч. Т. 2. – С. 37.

способствовали росту авторитета Индии в глазах Соединенных Штатов. Эти усилия Индии были одобрительно встречены в Америке³. Как отмечалось, президент Трумэн пригласил Неру в 1949 г. посетить США. Но его беседы с Трумэном и другими государственными деятелями Америки выявили разногласия между обеими странами по многим ключевым вопросам, в том числе положению в Кашмире и отношению к Китаю после образования Китайской Народной Республики (КНР). Индия намеревалась признать КНР, США занимали по этим вопросам отличную от Индии позицию. Что касалось поставок так необходимого Индии продовольствия из США, то эта проблема не получила своего положительного решения, хотя американский рынок был затоварен зерном.

По мнению Неру, правительству США нужна была его покорность по всем вопросам, и ни на каких иных условиях оно не хотело помогать Индии. «Меня там радушно встретили, я весьма признателен за это и прямо выразил свою признательность, – писал Неру. – Но от меня ждали большего, чем выражение признательности и доброй воли, а этого я дать не мог»⁴. После этого визита Неру в США отношения между Индией и Америкой не улучшились, а стали более напряженными из-за позиции американцев по кашмирскому вопросу. Неру отклонил их предложение об арбитраже по Кашмиру и выразил недовольство давлением извне тем, что США, Великобритания и другие западные страны поощряли Пакистан в этом вопросе⁵.

В этих условиях Неру счел возможным рассмотреть вопрос о сотрудничестве с Советским Союзом со всей «осторожностью» и не заходить слишком далеко, всякий раз присматриваясь к тому, какую реакцию это будет вызывать в США на каждом этапе. В письме главным министрам штатов Неру писал: «Сегодня мы имеем дело с мощной советской группой государств, образующих монолитный блок, который проводит не только единую внутреннюю экономическую политику, но и общую

³ *Гопал, Сарвеналли.* Указ. соч. Т. 2. – С. 47, 48.

⁴ Неру – С. Радхакришнану, 6 февраля 1950 г. // *Гопал, Сарвеналли.* Указ. соч. Т. 2. – С. 53.

⁵ *Гопал, Сарвеналли.* Указ. соч. Т. 2. – С. 55, 56.

внешнюю политику. Будучи экспансионистской, эта политика склонна породить конфликты с другими государствами... С другой стороны, соперничающая группа в своем подходе, теоретически являющемся демократическим, все больше и больше опирается на реакционные и милитаристские элементы в различных странах, особенно в Азии. По логике событий, она опирается на остатки колониального господства»⁶.

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. произошло заметное улучшение в отношениях между Советским Союзом и Индией. В августе 1953 г. председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков в речи на заседании Верховного совета особо остановился на отношениях между Советским Союзом и Индией. Он сказал, что позиция такой огромной страны, как Индия, имеет большое значение для укрепления мира на Востоке. Индия внесла значительный вклад в усилия миролюбивых стран, направленных на окончание войны в Корее. Отношения с Индией укрепляются, развиваются культурные и экономические связи. Маленков выразил надежду, что отношения между Индией и Советским Союзом будут развиваться и крепнуть, ключом к этому послужит дружественное сотрудничество⁷.

Посол Индии в СССР К.П.Ш. Менон писал, что это был первый случай, когда столь дружественное заявление в отношении Индии, а по существу, и любого некоммунистического государства, было сделано таким видным деятелем Советского Союза. Речь Маленкова, отмечал Менон, в целом была впечатляющим заявлением по вопросам советской внешней политики, одновременно твердым и сдержанным, достойным и ясным, эмоциональным и исполненным государственной мудрости⁸.

После этого были предприняты конкретные шаги по развитию индийско-советских связей. В декабре 1953 г. было подписано первое торговое соглашение между обеими странами. В том же 1953 г. состоялся неофициальный визит в Советский Союз дочери Неру Индиры Ганди. Крупным шагом в дальнейшем развитии индийско-советских отношений стал визит Неру

⁶ Там же. – С. 56, 57, 96.

⁷ Правда. – 9 августа 1953 г.

⁸ *Menon K.P.S. The Flying Troika...* – P. 58–59.

в Советский Союз 7–24 июня 1955 г. и переговоры с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным. Помимо этих встреч, Неру в сопровождении И. Ганди совершил поездку по Советскому Союзу, посетив, помимо Российской Федерации, Грузию, Украину, Туркмению, Казахстан, Узбекистан. Он встречался с рабочими, колхозниками, деятелями культуры, школьниками. В речи на приеме в Кремле Неру сказал: «У нас нет врагов в мире, мы хотим дружить со всеми... Россия – великая страна, а величие налагает ответственность. Несомненно, Россия употребит свою силу с чувством ответственности за укрепление мира»⁹.

Выступая на массовом митинге на стадионе в Москве, Неру заявил: «Мы приехали сюда, чтобы передать народу вашей великой страны привет и добрые пожелания индийского народа и, возвращаясь, увозим с собой дружеские чувства и добрые пожелания нашей стране и нашему народу. Мы приехали к вам не в качестве неосведомленных чужестранцев, многие из нас уже давно с глубоким интересом следили за великими переменами и свершениями в вашей стране... Великие достижения Советского Союза произвели на меня глубокое впечатление. Я видел, как эта громадная страна преобразуется благодаря трудолюбию ее народа и его великому стремлению улучшить условия своей жизни». Неру говорил также о задачах и планах по построению демократического общества в Индии: «Мы верим в демократию, равенство и отмену привилегий, – сказал он, – и ставим перед собой задачу создать в нашей стране мирным путем социалистическое по своему характеру общество. Какую бы форму это общество или демократия ни приняли, они должны открыть доступ к знанию и обеспечить равные возможности для всех»¹⁰.

Представляет интерес, что проект Совместного заявления, подписанного по результатам советско-индийских переговоров в Москве, был подготовлен индийской стороной. Советские дипломаты предложили некоторые дополнения к этому заяв-

⁹ Менон К.П.Ш. Джавахарлал Неру в Советском Союзе // Индия. К 100-летию со дня рождения. Джавахарлал Неру (1889–1989). Ежеквартальный иллюстрированный журнал посольства Республики Индия в СССР. – М., 1989. – С. 32–35.

¹⁰ Там же. – С. 36.

лению (несколько нерешительно, отметил посол Менон), но сняли их после того, как индийцы объяснили причины их возражений. Советский Союз предлагал совместно осудить политику создания военных блоков и заявить, что обе страны не примут участия в каких-либо коалициях или действиях, направленных против одной из них. Индийская сторона пояснила, что такая формулировка может рассматриваться как своеобразный «негативный военный альянс» Индии и СССР. В итоге совместное заявление, как пишет Менон, было составлено полностью в индийском духе, как по стилю, так и по существу¹¹. Этот эпизод свидетельствовал о том, что советская сторона внимательно относилась к индийским идеям и предложениям по вопросам внешней политики, что создало хороший прецедент на будущее.

В ноябре 1955 г. Хрущев и Булганин нанесли ответный визит в Индию. Помимо переговоров с Неру, они совершили путешествие по стране, посетив множество городов: Дели, Джайпур, Бомбей, Пуну, Калькутту, Бангалор, Мадрас, а также штаты Кералу, Пенджаб, Кашмир. Везде им был оказан самый теплый прием. На массовом митинге в Калькутте на встрече с советскими лидерами собралось около трех миллионов человек, в Дели – более полумиллиона. В чем причина такого взрыва энтузиазма? – задавал вопрос посол Менон, который сопровождал советских руководителей в поездке по Индии. И сам ответил на него: прежде всего в том, что народ Индии видел в Советском Союзе друга, такого друга, который не требовал от него ничего, кроме дружбы. В этом отношении, продолжал Менон, Советский Союз отличался от США. Они также были другом, но довольно ревнивым другом, почти что властным любовником, который был готов прижать Индию к своему сердцу стальными обручами. Но Индия не была готова броситься в эти стальные объятия. Оскорбленные США повернулись в сторону Пакистана, набросили на него свою мантию и соблазнили его предложениями военной помощи. Действительно, в день приезда советских лидеров в Индию правительство США объявило о своей готовности выделить 20 млн долларов на строительство аэродромов в Пакистане. Более того, западные державы завле-

¹¹ *Menon K.P.S. The Flying Troika... – P. 119.*

кли Пакистан в такие организации, как СЕАТО и Багдадский пакт. Индия отказалась присоединиться к ним... И это создало ощущение в Индии, что ее окружают. В такой ситуации вполне естественно для Индии радоваться тому, что у нее есть другие друзья, мощные, но менее требовательные. Их единственная забота состоит в том, чтобы Индия продолжала идти по пути нейтралитета, который она сама определила для себя¹².

Суть политики Советского Союза по отношению к Индии и другим развивающимся странам была сформулирована в 1956 г. на XX съезде КПСС. Речь шла о мирном сосуществовании, дружбе и сотрудничестве стран с различными социальными и политическими системами. Таким образом создавалась огромная зона мира, состоявшая из социалистических и миролюбивых несоциалистических стран в Европе и на Востоке. СССР заявил о своей поддержке народов стран Востока, выступавших за мир и отказавшихся присоединиться к военным пактам, и о том, что он готов помочь этим странам в их индустриальном развитии на условиях равенства и взаимной выгоды¹³.

После восстановления разрушенного войной народного хозяйства СССР во второй половине 1950-х годов уже располагал определенными возможностями реально оказывать помощь странам, вступившим на путь независимого развития. Это касалось и Индии, крупнейшей несоциалистической страны, экономически более развитой, чем другие государства Азии, освободившиеся от колониального господства. Советский Союз смог оказать значительное влияние на развитие базовых отраслей промышленности Индии, что существенно снизило ее зависимость от Запада. Это наглядно выявилось в переговорах и строительстве первого крупного советско-индийского предприятия – металлургического завода в Бхилаи (штат Мадхья-Прадеш). СССР оперативно и быстро решил вопрос об условиях этого проекта и начал строительство в 1955 г., в то время как западные страны затягивали с решением подобных во-

¹² Ibid. – P. 131–132.

¹³ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1956.

просов и даже отказывались от них. При этом советские условия были более благоприятными, чем западные. Так, по Бхилайскому металлургическому заводу СССР согласился на погашение кредита на строительство в течение 12 лет после его окончания из расчета 2,5% годовых, с выплатой в индийских рупиях или индийских товарах. Западные же страны предлагали кредиты на более жестких условиях – 4,5–6,3% годовых в конвертируемой валюте и на более короткий срок. Кроме того, СССР предпочитал оказывать помощь в строительстве предприятий государственного сектора экономики, в то время как Запад шел на это крайне неохотно. В случае с другим металлургическим заводом в Бокаро Советский Союз предложил свою помощь в его строительстве после того, как длительные переговоры Индии с США по этому вопросу окончились безрезультатно. СССР также содействовал Индии в экономическом планировании и подготовке индийских инженеров для работы на предприятиях советско-индийского сотрудничества. В целом с 1955 г. до конца 1960-х годов СССР предоставил Индии кредиты на общую сумму в 1,5 млрд долларов и помог построить десятки крупных предприятий в ключевых сферах ее экономики – металлургии, энергетике, машиностроении, нефтехимии.

Торговля между Советским Союзом и Индией также росла большими темпами. Если в 1953 г. товарооборот между обеими странами составлял всего 1,6 млн долларов, то в 1958 г. он достиг почти 100 млн долларов. Советские товары в этом году составили 2,5% всего импорта Индии, ее экспорт в СССР 4,2% ее общего экспорта. К 1965 г. эти цифры выросли до 6% и 11,5% соответственно. Индия стала самым крупным некоммунистическим торговым партнером СССР. С годами поменялась и номенклатура товаров. Если вначале Советский Союз покупал в основном традиционные индийские товары (чай, ткани, кожи и т. п.), то позже к ним добавились готовые изделия и полуфабрикаты. Вместе с тем, было немало проблем, связанных с тем, что некоторые товары не имели должного спроса на международном рынке и поэтому должны были продаваться только в СССР. Кроме того, окончательный расчет в двусторонней торговле производился в рупиях, что, безусловно, облегчало положение

Индии при ее ограниченных валютных ресурсах, но затрудняло действия СССР в этой же связи. И, тем не менее, рост торговли между обеими странами был, несомненно, важным фактором в развитии советско-индийского сотрудничества¹⁴.

Если в 1950-х годах большую часть вооружений Индия покупала у Великобритании, то с начала 1960-х годов она начала приобретать их у других стран – Советского Союза, США, Канады, Франции и Австралии. В 1960 г. она закупила 24 транспортных самолета ИЛ-21 у СССР, и с этого времени началось активное военно-техническое сотрудничество между обеими странами. В 1961 г. Индия приобрела партию советских вертолетов, а в 1962 г. подписала с СССР соглашение на поставку партии истребителей МиГ-21 и его производство на заводе в Индии. За этим последовали поставки из СССР другой военной техники – ракетных установок земля–воздух, танков, подводных лодок. По некоторым данным, к концу 1960-х годов Индия получила из СССР вооружений и военного оборудования на общую сумму в 700 млн долларов¹⁵.

Суэцкий кризис и события в Венгрии

Индия заняла независимую позицию по вопросу о Суэцком кризисе 1956 г., результаты которого, по существу, подвели черту под господством колониализма в мире. Этому предшествовало создание Багдадского пакта, в состав которого входили расположенные по соседству с Индией Ирак, Иран, а главное – Пакистан. Индийцы стали выражать опасения, что поставки американских вооружений в Пакистан могут привести к его военному превосходству над Индией. К тому же на заседании стран Багдадского пакта в Карачи в марте 1956 г. было принято решение о скорейшем урегулировании кашмирского вопроса. Все это вызывало закономерные возражения Индии. Как отмечалось, визит в 1956 г. в Индию госсекретаря США

¹⁴ *Stein, Arthur*. India and the Soviet Union: the Nehru Era. – Chicago: University of Chicago Press, 1969. – P. 297.

¹⁵ *Bannerjee, Jyotirmoy*. India in Soviet Global Strategy. – Calcutta: South Asia Books, 1977. – P. 157.

Дж.Ф. Даллеса и его встреча с Неру дали основания индийцам полагать, что США занимают пропакистанскую позицию. С одной стороны, Даллес говорил, что Америка не допустит нападения Пакистана на Индию, с другой – на встрече с Неру он сказал, что вскоре пакистанская армия по численности сравняется с индийской, а ее вооружение будет качественно выше. Тогда же, в марте 1956 г., член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян в ходе визита в Индию информировал Неру: в правительстве Пакистана ему сообщили, что целью военных пактов с участием Пакистана является укрепление его военной мощи против Индии и Афганистана¹⁶.

За полгода до начала Суэцкого кризиса, в декабре 1955 г., США и Великобритания сделали предложение правительству Египта о строительстве высотной Асуанской плотины в Верхнем Ниле (более 110 м в высоту и почти 5 км в длину). Такая плотина была жизненно необходима Египту. Она должна была регулировать поступление воды в долину Нила, защитить население от ежегодных разливов реки. Как показало дальнейшее развитие событий, одной из целей предложенного Египту строительства плотины было сделать его зависимым от Запада (так же, как открытие Суэцкого канала в 1869 г. позволило Западу экономически контролировать Египет).

В июне 1956 г. в Каир прибыл новый советский министр иностранных дел Дмитрий Трофимович Шепилов с предложением финансирования и строительства Асуанской плотины. А 19 июля того же года госсекретарь США Даллес заявил, что Вашингтон пришел к выводу, что плотина находится вне пределов экономических возможностей Египта. Помощь не будет оказана¹⁷. В этой связи Даллес сказал, что решение относительно Асуанской плотины было «шахматным ходом, какого дипло-

¹⁶ *Тотал, Сарвеналли*. Указ. соч. Т. 2. – С. 269.

¹⁷ *Киссинджер, Генри*. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 477. Любопытна хронология событий, имевших место непосредственно перед принятием такого решения. 16 мая 1956 г. Насер объявил об установлении дипломатических отношений с КНР и непризнании правительства Чан Кай-Ши, что было прямым вызовом США. Характерна в этой связи настойчивость Индии в признании Китая, несмотря на возражения США.

матия США не делала в течение долгого времени». Президент Египта Насер, утверждал он, «попал в адскую ситуацию, которая при любом способе разрешения может быть использована на благо Америки. Если он теперь обратится к русским, а те скажут «нет», это подорвет всю сеть советских подачек во всем мире... Если Советы согласятся дать Насеру его плотину, тогда мы найдем способ объяснить странам-сателлитам, что их жизненные условия скудные потому, что Советский Союз вбухивает миллионы в Египет»¹⁸.

Через неделю после заявления Даллеса, 26 июля 1956 г., Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Великобритания и Франция выступили с протестом против такого решения. Они потребовали установления международного контроля над каналом. Разразился Суэцкий кризис. Фактически речь шла не только о Суэцком канале, а о влиянии на Ближнем и Среднем Востоке. Именно тогда администрация президента Эйзенхауэра разработала концепцию «Северного пояса наций», получившего воплощение в создании Багдадского пакта. Целью этого пакта было «сдерживание» СССР вдоль его южных границ. На деле многих участников пакта меньше интересовала «советская экспансия», чем отношения в регионе. Сирия отказалась участвовать в пакте. Ирак, столица которого, Багдад, была штаб-квартирой пакта в течение двух лет, был больше озабочен проблемами арабского радикализма, чем угрозой со стороны Советского Союза. Пакистан видел главную для себя опасность в Индии¹⁹. Индия, которая не входила в Багдадский пакт, рассматривала его как угрозу своей безопасности прежде всего потому, что в нем был представлен Пакистан.

Великобритания и Франция предложили созвать в Лондоне конференцию 24 пользователей канала для разрешения кризиса. США поддержали их. Индия выступила на ней с компромиссными предложениями, которые, исходя из египетского суверенитета над каналом, предусматривали предоставление ежегодных отчетов в ООН египетскими властями канала, созда-

¹⁸ *Kyle, Keith. Suez. New York: St. Martin's Press, 1991. – P. 85, 130 // Цит. по: Киссинджер, Генри. Указ. соч. – С. 477.*

¹⁹ *Киссинджер, Генри. Указ. соч. – С. 474–475.*

ние ассоциации стран-пользователей канала с совещательными функциями и заключение соглашения об урегулировании спорных вопросов в соответствии с уставом ООН²⁰. Однако предложения Индии не были приняты. Организаторы конференции настаивали на жестких мерах против Египта.

10 сентября Насер отверг решения этой конференции. Вопрос был вынесен на рассмотрение ООН. В частных консультациях между египетскими, британскими и французскими представителями была достигнута договоренность о принципах судоходства по каналу. Они включали создание египетского оперативного совета управляющих каналом и международного надзорного совета его пользователей. 13 октября эти принципы были единогласно одобрены Советом Безопасности ООН, но меры по их воплощению в жизнь были заблокированы СССР, наложившим вето.

После этого, как пишет Киссинджер, Великобритания и Франция разработали «очевидную до смешного стратегему». В соответствии с ней Израиль должен войти на территорию Египта и продвинуться к Суэцкому каналу. Затем Великобритания и Франция стали бы настаивать на том, чтобы Египет и Израиль отошли на 10 миль от канала. В случае отказа Египта, что заранее имелось в виду, Великобритания и Франция оккупировали бы зону канала. Этот маневр был «чересчур прозрачен и чересчур циничен», замечает Киссинджер. Обе эти страны поставили под сомнение свои претензии на статус великих держав, поскольку обращались к помощи Израиля, который выглядел бы как «орудие империализма»²¹.

29 октября 1956 г. Израиль вторгся в Синай. На следующий день Великобритания и Франция потребовали, чтобы Израиль и Египет отошли от канала, до которого израильские войска еще не дошли, и пригрозили ввести свои войска в Египет. Однако через сутки после наступления Израиля США поставили в СБ ООН на голосование резолюцию, требующую от Израиля отойти за установленную линию перемирия. Президент Эйзенхауэр

²⁰ Телеграмма Кришны Менона из Лондона Неру, 29 сентября 1956 // *Топал, Сарвенали*. Указ. соч. Т. 2. – С. 278.

²¹ *Киссинджер, Генри*. Указ. соч. – С. 487.

жестко отреагировал на эти события: «Мы полагаем, что эти действия предприняты ошибочно, ибо не принимаем использование силы в качестве мудрого и надлежащего способа урегулирования международных споров»²².

Вторжение Израиля, а затем Великобритании и Франции в Египет вызвало решительный протест Индии. Неру заявил: «Это попытка повернуть историю вспять...» Он призвал США вмешаться в это дело: «Не могу представить себе худшей формы агрессии. Если агрессия будет продолжаться и окажется успешной, вера в международные цели ООН пропадет и нас снова станет преследовать призрак колониализма... На карту поставлено будущее отношений между Европой и Азией. Как бы мы ни добивались мира, он невозможен, если допустить политику завоеваний»²³.

Не менее определенным и решительным было послание Неру по тому же поводу премьер-министру Великобритании Антони Идену. Он писал: «Нам кажется, что это явная агрессия и нарушение устава ООН. У нас в Индии и, полагаю, во многих странах Азии на это смотрят как на возврат к прошлому мрачному периоду истории, когда западные державы навязывали странам Азии свои решения силой оружия... В этом случае наши симпатии не могут не быть всецело на стороне Египта...»²⁴.

В противостоянии между Израилем, Великобританией, Францией и Египтом Индия выступила в защиту последнего. Она направила ему лекарства и медицинское оборудование, а главное, послала туда лоцманов из калькуттского порта, поскольку Великобритания и Франция отзывали своих лоцманов из Порт-Саида, считая, что это парализует судоходство по Суэцкому каналу. Индия также отказалась присоединиться к так называемому Клубу пользователей канала. Это оказало большое влияние на позицию ряда стран Африки, которые оставались

²² Там же. – С. 488.

²³ Неру Даллесу, 31 октября 1956 г. // *Гопал, Сарвеналли*. Указ. соч. Т. 2. – С. 279.

²⁴ Неру – Идену, 1 ноября 1956 г. // *Гопал, Сарвеналли*. Указ. соч. Т. 2. – С. 280.

еще в колониальном подчинении. Позже Индия, с согласия Египта, вошла в состав миротворческих войск ООН²⁵.

2 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН потребовала положить конец военным действиям в зоне канала. В первый и единственный раз США голосовали вместе с Советским Союзом против своих ближайших союзников. Но Англия, Франция и Израиль игнорировали призыв вывести их войска с египетской территории. 5 ноября Советский Союз обратился к руководителям США, а также Великобритании, Франции и Израиля с призывом прекратить агрессию против Египта. СССР заявил о готовности сотрудничать с ним, в том числе предоставлением своих военно-морских и военно-воздушных сил²⁶.

7 ноября 1956 г. британские и французские войска прекратили огонь. Суэцкий кризис закончился. Но его последствия были долговременными. Кризис продемонстрировал, во-первых, что эпоха колониализма безвозвратно завершилась. Во-вторых, что Великобритания и Франция перестали быть державами, сопоставимыми по своей мощи с США и Советским Союзом. В-третьих, Америка заявила о своей новой лидирующей глобальной роли, о том, что ее «жизненно важные интересы» распространяются на весь земной шар, охватывая оба полушария и каждый из континентов»²⁷. В-четвертых, развивающиеся страны, в первую очередь Индия, четко осознали свои возможности реально влиять на ход мировых событий.

Что касается США, то уже 29 ноября 1956 г. они заявили в связи со встречей руководителей Багдадского пакта – Ирака, Ирана, Пакистана и Турции, что «угроза территориальной целостности или политической независимости странам – членам пакта будет рассматриваться Америкой со всей серьезностью»²⁸. Таким образом, США недвусмысленно объявили, что они берут на себя роль защитника государств, входивших в этот пакт.

²⁵ *Pandit, Vijaya Lakshmi. Op. cit. – P. 295–297.*

²⁶ *Трухановский В.Г. Антони Иден. – М.: Международные отношения, 1983 – С. 384–388.*

²⁷ Цит. по: *Киссинджер, Генри. Указ. соч. – С. 495.*

²⁸ Там же.

Такое заявление, конечно, не могло не насторожить индийское правительство.

Тоссекретарь США Дин Ачесон писал в 1969 г., что, несмотря «на колоссальные ошибки, допущенные всеми сторонами, вовлеченными в египетско-суэцкий кризис 1956 г., сегодня трудно представить, как Соединенные Штаты могли бы сделать больше, чем они сделали для того, чтобы разрешить англо-египетские проблемы. Попытка Насера выступать в роли мужской Клеопатры, играя между двумя сверхдержавами и британским упорством, цеплявшимся за остатки империи, должна была неизбежно привести к столкновению, в котором мы, однако, не потеряли доверия всех»²⁹.

Суэцкий кризис, видимо, не случайно совпал с событиями в Венгрии 23 октября – 10 ноября 1956 г., в ходе которых состоялись массовые выступления венгров против существовавшего тогда режима. Начались масштабные столкновения. В Венгрию были введены советские войска. Выступления были подавлены. В результате погибло много людей³⁰.

Индия заняла выжидательную позицию. Неру отказался поддержать требование США по рассмотрению этого вопроса в ООН. В поручении послу Индии в СССР К.П.Ш. Менону Неру предложил запросить полную информацию у советского правительства. «Дальнейшее осложнение конфликта между русскими и венграми, – писал он, – грозит серьезными последствиями

²⁹ *Acheson, Dean. Present at the Creation. My Years in the State Department. – New York: W.W. Norton & Company, 1969. – P. 567; О Суэцком кризисе см. также: Медведко Л.И., Медведко С.Л. Восток – дело близкое. Иерусалим – святое. – М.: Грифон, 2009. – С. 105–127; Представляют интерес оценки президента США Д. Эйзенхауэра событий, предшествовавших Суэцкому кризису. См.: *Eisenhower Dwight D. The White House Years. Mandate for Change. 1953–1956. – P. 150–159, 427.**

³⁰ По данным политолога Олега Филимонова, погибло около 2500 венгров, из них около 1000 человек в столкновениях с советскими войсками, а остальные «во внутривенгерском гражданском конфликте». Советские войска потеряли 720 человек убитыми (*Филимонов Олег. Мифы о восстании. К 50-летию юбилею венгерских событий 1956 года // Полит.ру. – 4 марта 2010 г.*).

и будет использоваться для того, чтобы отвлечь внимание от обстановки на Среднем Востоке». После того, как представитель Индии в ООН Кришна Менон воздержался при голосовании за резолюцию, осуждающую СССР за применение силы, Неру публично поддержал его. Однако в личной телеграмме Кришне Менону он писал: «...факт остается фактом: крупные контингенты советских войск подавили националистическое восстание, нанесли повстанцам большие потери убитыми и причинили страдания народу. События развиваются быстро, и времени на консультации нет. Вообще говоря, по-видимому, лучше воздерживаться от голосования, когда есть возражения, и вносить поправки в резолюции, но не голосовать против них»³¹.

Интересна точка зрения американцев на эти события. Вот как описывал их Киссинджер. «24 октября уличные демонстрации превратились в полномасштабную революцию. Советские танки, поспешно ввязавшиеся в драку, поджигались, а правительственные здания оказались в осаде...» «Когда венгерские студенты и рабочие сражались на улицах с советскими танками, Вашингтон хранил молчание». Вместе с тем радиостанция Свободная Европа, которая финансировалась американским правительством, призывала 30 октября: «Министерство обороны и министерство внутренних дел все еще находятся в коммунистических руках. Борцы за свободу, дайте отпор режиму! Не вешайте оружие на стену!». Госсекретарь США Джон Фостер Даллес заявил, что любая восточноевропейская страна, которая разорвет отношения с Москвой, сможет рассчитывать на американскую помощь. Он также сказал, что США не исходили из скрытых мотивов, желая независимости странам-сателлитам и не рассматривали их как потенциальных военных союзников³². Но это было совсем не так.

Даллес не хотел сказать то, о чем знал, поскольку был одним из участников событий в Венгрии. Не знал об этом Неру, так как истинные сведения об этих событиях стали известны лишь через несколько десятилетий спустя после того, как были рассекречены архивные документы о них. Об этом пишет американский журналист и исследователь Тим Винер в объемном

³¹ Цит. по: *Гопал, Сарвепалли*. Указ. соч. Т. 2. – С. 285–287.

³² *Киссинджер, Генри*. Указ. соч. – С. 502–503.

труде в 700 страниц «Наследие пепла. История ЦРУ». Эта работа опирается на 50 000 документов, главным образом из архивов самого ЦРУ, а также сотен интервью с бывшими сотрудниками этого агентства, включая 10 директоров ЦРУ.

Оценивая ситуацию в американо-советских отношениях в те годы, Винер пишет, что после смерти Сталина 5 марта 1953 г. президент США Д. Эйзенхауэр сказал: «все так называемые эксперты кричали о том, что случится, когда Сталин умрет, и что мы как нация должны делать. Ну, хорошо, он умер. Теперь вы можете тщетно перевернуть все файлы в нашем правительстве в поисках каких-либо планов. У нас их нет. Мы даже не уверены в том, означает ли его смерть что-то иное, чем то, что было раньше». Винер отмечает, что смерть Сталина усилила страхи Америки относительно намерений СССР. «У Сталина никогда не было ни плана мирового господства, ни средств для того, чтобы провести его в жизнь. Его преемник Н. Хрущев вспоминал, что Сталин «дрожал» и «трясся» при мысли о глобальном столкновении с Америкой. Он боялся войны. Сталин никогда не делал что-либо, что могло бы спровоцировать войну с США. Он осознавал свою слабость»³³. Это и понятно. За десятилетие после окончания Великой Отечественной войны СССР далеко еще не полностью восстановил народное хозяйство. Этому препятствовали и огромные людские потери в 27 млн человек, в то время как США только окрепли в этой «хорошей» войне (как называли ее многие американцы), при потерях в ней около 400 тыс. человек.

От сотрудничества с СССР в годы Второй мировой войны Америка быстро перешла к конфронтации с ним. В США развернули антикоммунистическую деятельность сенатор Джозеф Маккарти и конгрессмен Ричард Никсон. Популярность Г. Трумэна, который стал президентом страны после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г., стремительно падала. И он поменял свои взгляды на Советский Союз, который превратился для него в мировое зло. 22 марта 1947 г. Трумэн заявил, что мир окажется перед угрозой коммунизма, если Америка не станет бороться с

³³ *Weiner, Tim. Legacy of Ashes. The History of CIA. – N.Y.: Doubleday, 2007. – P. 73.*

ним. С этой целью Трумэн создал новую систему для «ведения холодной войны», подписав 26 июля 1947 г. Акт о социальной безопасности. В соответствии с ним 18 сентября 1947 г. были организованы Национальный совет безопасности (НСБ) во главе с президентом США, а также Центральное разведывательное управление (ЦРУ). 14 декабря того же года НСБ издал секретный приказ, который обязывал ЦРУ «проводить тайные психологические операции, направленные на противодействие советской деятельности»³⁴.

После того как Конгресс одобрил План Маршалла на общую сумму в 13,7 млрд долларов на пять лет, 5% от этого фонда – 685 млн долларов были выделены для ЦРУ на ведение работы за рубежом. Эти секретные фонды стали основой для проведения тайных операций. Среди главных организаторов Плана Маршалла были Джордж Фрост Кеннан (известный своей «длинной телеграммой» о сдерживании СССР) и Джеймс Форрестол, министр обороны США, прославившийся своим антикоммунизмом. В качестве консультанта выступал Ален Даллес, впоследствии директор ЦРУ. 4 мая 1948 г. Кеннан разослал секретный документ ограниченному числу руководителей США, в котором заявил о начале «организованной политической борьбы» и призвал к созданию новой секретной службы для ведения тайных операций за рубежом. Он уточнил, что план Маршалла, Доктрина Трумэна и тайные операции ЦРУ являются неотъемлемыми частями «великой стратегии борьбы» против Сталина. Деньги для ЦРУ из Плана Маршалла пойдут на финансирование сети фальшивых организаций – разного рода общественных комитетов и советов во главе с «выдающимися гражданами». Эти организации будут рекрутировать иностранных агентов – эмигрантов из Восточной Европы, беженцев из России. Эти иностранцы под контролем ЦРУ будут создавать подпольные политические группы в «свободных странах Европы». Эти группы «будут переносить пламя всеобщего освободительного движения за железный занавес. А если холодная

³⁴ Ibid. – P. 22, 25.

война станет горячей, США будут иметь «боевую силу на линии фронта»³⁵.

Планы Кеннана получили одобрение руководства США. Национальный совет безопасности 18 июня 1948 г. издал секретную директиву 10/2 для проведения тайных операций против Советского Союза по всему миру. Главным инструментом для этого стала особая организация внутри ЦРУ. Ее руководитель должен был докладывать напрямую министру обороны и госсекретарю США. В свою очередь, Госдепартамент поставил задачу «распространения слухов, подкупа, организации некоммунистических фронтов», а министерство обороны требовало создания «партизанских движений..., подпольных армий..., осуществления саботажа и убийств» (Об этом говорилось в докладе Национального совета безопасности, который был раскритикован в 2003 г.). Руководителем тайных операций 1 сентября 1948 г. был назначен Франк Уиснер. За время президентства Трумэна (1948–1952) была проведена 81 крупная тайная операция (в Берлине, Греции, Италии, Франции и других странах). Частью этой деятельности стало создание Радио Свободная Европа как мощного орудия политической борьбы за железным занавесом. Это радио вышло в эфир в 1952 г. Руководило его деятельностью ЦРУ, хотя для прикрытия в состав его совета директоров входили генерал Д. Эйзенхауэр, председатель совета директоров журналов Time, Life и Fortune Генри Люс и другие. Алан Даллес стал основателем Национального комитета за свободную Европу – одного из множества таких организаций в США, финансируемых ЦРУ³⁶.

К середине 1950-х годов на Радио Свободная Европа работали более трех тысяч человек, эмигрировавших из России и других восточноевропейских стран – дикторов, журналистов, технических специалистов. Его бюджет составлял 100 млн долларов в год. Передачи велись на восьми языках до 19 часов в день. В июне 1956 г. А. Даллес принял решение начать передачу по этому радио секретной речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, копия которой была получена через «израильских

³⁵ Ibid. – P. 28, 29.

³⁶ Ibid. – P. 25, 28, 29, 31, 33, 36.

контактов». Передача этой речи велась в течение многих дней. «Результат последовал немедленно. 28 июня 1956 г. польские рабочие восстали против их коммунистических правителей». Они разрушили маяки, которые глушили передачи Радио Свободная Европа, требовали повысить заработную плату. Эти события в Польше подвигли Национальный совет безопасности США заняться поиском «трещин в контроле Советского Союза над восточноевропейскими странами». Вице-президент США Р. Никсон высказал мнение, что «в американских интересах было бы хорошо, если Советы нанесли бы удар по другому своему сателлиту, такому, как Венгрия, чтобы еще более подчинить ее своему влиянию. Это даст возможность проводить глобальную антикоммунистическую пропаганду». В развитие этой идеи государственный секретарь США Джон Фостер Даллес получил одобрение президента Эйзенхауэра на усиление работы «по спонтанному усилению недовольства в захваченных СССР странах». В свою очередь, директор ЦРУ и его брат Аллен Даллес сказал, что работа Радио Свободная Европа будет дополнена направлением воздушных шаров на Восток через железный занавес. Они будут распространять листовки и «медали свободы» (алюминиевые значки с изображением «Колокола свободы») ³⁷.

ЦРУ начало активную работу в отношении Египта и Венгрии. Заместитель А. Даллеса по тайным операциям Уиснер направился в Лондон, где обсуждал с одним из руководителей британской разведки сэром Патриком Дином планы по свержению лидера Египта Насера. Вначале, после прихода Насера к власти, ЦРУ поддерживало его, передало ему миллионы долларов, построило для него мощную радиостанцию, обещало ему военную и экономическую помощь. Но оказалось, что Насера было трудно «купить». Он начал продавать СССР хлопок в обмен на оружие. А затем национализировал наследие колониализма – Суэцкий канал. Как пишет Винер, британцы предложили Уиснеру убить Насера. На это президент США Эйзенхауэр сказал, что использование таких методов будет «абсолютно неверным». После этого ЦРУ придерживалось линии на проведение долговременной кампании по подрыву позиций руководства Египта.

³⁷ Ibid. – P. 26–128.

Ко времени встречи американского и британского руководителей тайных операций, последние уже разрабатывали конкретный план по ликвидации правительства Египта и захвата Суэцкого канала силой, совместно с Францией и Израилем. Президент Эйзенхауэр решил иначе. Он сказал, что в то время «главная проблема, которая требовала своего решения – это Венгрия». НСБ США потребовал от ЦРУ поддерживать «восстание в Венгрии». В свою очередь, руководство ЦРУ информировало Белый дом, что оно создаст подпольную политическую и полувоенную организацию при содействии Римской католической церкви, крестьянских союзов, нанятых агентов и иммиграционных групп. С этой целью были созданы тайные склады оружия по всей Европе. Во время восстания в Венгрии ЦРУ использовало Радио Свободная Европа в том числе и для того, чтобы давать конкретные советы венграм. Такие, например, как: «саботируйте железные дороги, рвите телефонные линии, вооружайте партизан, подрывайте советские танки» под лозунгом «Свобода или смерть»³⁸.

28 октября 1956 г. во главе венгерского правительства встал исключенный из правящей партии Имре Надь. Он заявил, что в течение 72 часов сформирует коалиционное правительство, разорвет связи с Москвой, объявит Венгрию нейтральным государством и обратится к ООН и США за помощью. А. Даллес посчитал это недостаточным. Он сказал президенту США, что возглавить Венгрию должен кардинал Миндженти, который недавно был освобожден из-под домашнего ареста. Радио Свободная Европа в этой связи заявило: «Возрожденная Венгрия и посланный богом лидер встретились в эти часы». Как замечает Винер, ЦРУ ложно обвинило И. Надя в том, что он предатель, лжец и убийца. Три радиоканала (из Франкфурга, Вены и Афин) вели психологическую войну, требовали «посылать русских на виселицы»³⁹.

1 ноября 1956 г. А. Даллес доложил Эйзенхауэру на заседании НСБ о ситуации в Венгрии. «То, что произошло там, было чудом, – сказал он. – Вооруженная сила не могла быть эффек-

³⁸ Ibid. – P. 128–129.

³⁹ Ibid. – P. 130.

тивно использована там из-за общественного мнения. Но около 80% солдат венгерской армии перешли на сторону восставших и обеспечили их оружием». Однако, как пишет тот же Винер, А. Даллес был неправ. Восставшие не имели какого-либо оружия. Венгерская армия не перешла на их сторону. Она ожидала, с какой стороны подует ветер из Москвы. Уильям Колби, один из руководителей филиала ЦРУ в Риме, а впоследствии директор ЦРУ в Вашингтоне, сказал Уиснеру относительно уроков деятельности этой организации в Венгрии следующее: «Нужно все делать так, чтобы не вовлекать США в мировую войну с Советским Союзом»⁴⁰. В свою очередь, Кеннан писал в 1972 г. о «преждевременном восстании в Венгрии»⁴¹.

4 ноября 1956 г. Индия воздержалась при голосовании в ООН резолюции об отводе советских войск из Венгрии. 9 ноября Неру сказал, что венгерский кризис является внутренним делом этой страны. В тот же день Кришна Менон проголосовал в ООН против резолюции, требовавшей отвода советских войск из Венгрии⁴².

Но после подавления восстания в Венгрии Неру, выступая в индийском парламенте 19 ноября 1956 г., заявил, что, в конце концов, венгерский народ добьется своего и что события подорвали престиж Советского Союза не только в глазах несоединившихся стран, но также в глазах поддерживающих его стран и правительств, в том числе и народа самого Советского Союза⁴³.

22 ноября Неру направил Булганину, Яношу Кадару (председателю временного ЦК Венгерской социалистической рабочей партии) и Иосипу Броз Тито (президенту Югославии) письма, в которых предлагал поддержать индийскую резолюцию в ООН с просьбой к правительству Венгрии принять наблюдате-

⁴⁰ Ibid. – P. 131–132.

⁴¹ *Kennan, George F. Memoirs 1950–1963.* – New York: Pantheon Books, 1972. – P. 240–241.

⁴² Facts on Files, XVI. 7–13 November 1956. – P. 377 // *Kux, Dennis. India and the United States: Estranged Democracies. 1941–1991.* – Washington, DC: National Defense University Press, 1992. – P. 139–140.

⁴³ *Гопал, Сарвепалли.* Указ. соч. Т. 2. – С. 290.

лей ООН или хотя бы генсека ООН Хаммаршельда. Венгрия ответила отказом. 8 января 1957 г. США потребовали срочного созыва пленарной сессии ООН, на которой выдвинули резолюцию по ситуации в Венгрии, вызвавшую серьезные возражения Советского Союза. Индия воздержалась от голосования. Месяц спустя Москва ответила тем, что на заседании Совета Безопасности ООН СССР воздержался от голосования по резолюции о Кашмире, которая была неприемлема для Индии⁴⁴.

Противоречия в треугольнике США– Индия–Пакистан

Определенное улучшение отношений между Индией и США в конце 1950-х – начале 1960-х гг. способствовало укреплению доверия между Неру и американскими руководителями. Показательным в этом отношении был визит президента США Д. Эйзенхауэра в Индию в декабре 1959 г. Там его ожидал теплый прием, как в официальных кругах, так и среди индийской общественности. На аэродроме в Нью-Дели его встречали все высшие руководители Индии – Неру, президент страны Р. Прасад, вице-президент С. Радхакришнан, президент правящей партии ИНК У.Н. Дхебар, Индира Ганди.

На встрече Эйзенхауэра с Неру обсуждался широкий круг международных проблем Азии, Европы и Африки. Неру выразил озабоченность ужесточением китайской позиции по пограничным вопросам. Наибольшее внимание было уделено индийско-пакистанским отношениям, в том числе кашмирскому вопросу. Эйзенхауэр говорил о трудностях Америки, связанных, с одной стороны, с поставками вооружений Пакистану, а с другой – стремлением не вызвать озабоченность Индии в этой связи. Он подчеркнул, что США никогда не позволят Пакистану использовать американское оружие против Индии⁴⁵. Неру проявил готовность подписать индийско-пакистанскую декларацию о неиспользовании Индией и Пакистаном силы

⁴⁴ Там же. – С. 292, 293.

⁴⁵ *Kux, Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies... – P. 166; *Gopal, Sarvepalli*. Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. 3. – P. 104.

или военных действий для разрешения существующих между ними проблем. Если Пакистан даст такие заверения, сказал Неру, Индия будет меньше озабочена поставками американских вооружений Пакистану. Эйзенхауэр дал указание послу США в Пакистане обсудить этот вопрос с президентом Айюб Ханом. Однако последний отклонил это предложение. Его аргументация: в случае его принятия пакистанцы сказали бы, что он отдает индийцам Кашмир «на серебряном блюде». Он был не против декларации о ненападении, но только в том случае, если будет одновременно подписано соглашение о принципах решения кашмирской проблемы. Айюб Хан полагал, что предложение Неру о ненападении является уловкой, чтобы уйти от решения проблемы Кашмира⁴⁶.

Накануне поездки в Индию Эйзенхауэр посетил Пакистан. После этого американцы приняли решение о поставке Пакистану сверхзвукового военного самолета F-104. Это была цена, которую США заплатили за предоставление им авиабазы в Пешаваре, несмотря на неизбежные последствия в их отношениях с Индией. 1 мая 1960 г. американский разведывательный самолет У-2 с пилотом Гари Пауэрсом, вылетевшим из Пешавара, был сбит над территорией Советского Союза. В это время шла подготовка к встрече в верхах в Париже по разоружению четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции – и ответного визита Эйзенхауэра в Советский Союз после поездки Н.С. Хрущева в Америку в 1959 г. Эпизод с У-2 разрушил эти планы. Американцы были вынуждены признать ответственность за полет У-2. Встреча в верхах была сорвана, визит Эйзенхауэра в Советский Союз отменен. Хрущев публично заявил: «...если какому-либо американскому самолету будет позволено использовать Пешавар как базу для операций против Советского Союза, то мы немедленно ответим на это»⁴⁷.

В связи с полетом У-2 Эйзенхауэр позже писал: «Я был единственным руководителем в США, который постоянно ут-

⁴⁶ Embassy Karachi Telegram to the State Department, December 23, 1959 // FRUS, 1958–60, Vol. 15. – P. 197–201.

⁴⁷ *Beschloss, Michael*. Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair. – New York: Harper and Row, 1986. – P. 60.

верждал, что, если даже один самолет упадет на советской территории, волнения, вплоть до паники, охватят весь мир... Тем не менее, я полностью поддержал эту программу. За четыре года использования У-2 была собрана критически важная для США информация»⁴⁸.

События вокруг полета У-2 показали, что союзнические отношения Пакистана с США были сопряжены с рисками. Айюб Хан стал предпринимать шаги, чтобы снять напряжение в отношениях с СССР. В этой связи характерно его заявление о том, что США «выглядят как нескладная, неуклюжая, медленная колесница»⁴⁹.

После решения США предоставить реактивные военные самолеты Пакистану Индия обратилась с просьбой к Америке о продаже 29 транспортных самолетов (Fairchild C-119). США дали положительный ответ, исходя из целесообразности усиления ВВС Индии против Китая. В мае 1960 г. индийцы попросили США продать им ракеты (Sidewinder missiles), которые Америка обещала поставить Пакистану. США отказали им в этой просьбе, то есть фактически показали, что они отдают предпочтение Пакистану. В письме послу США в Индии государственный департамент сообщал: «Став нашим единомышленным союзником, Пакистан принял на себя ответственность и риски, предоставил нам свою территорию для серии проектов, чрезвычайно важных для нашей национальной безопасности... Важным фактом является то, что если мы хотим сохранить нашу взаимную систему безопасности, то должны показать Пакистану, что военное соглашение с нами против коммунистического блока дает ему существенные выгоды»⁵⁰.

⁴⁸ *Eisenhower, Dwight D.* The White House Years. A Personal Account. Waging Peace 1956–1961. – New York: Doubleday & Co, 1965. – P. 546–547.

⁴⁹ *Kux, Dennis.* The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. – Washington DC: National Defense University Press, 2001. – P. 113. Об истории создания У-2 см.: *Сычев Василий.* Леди пилота Пауэрса. США спешут легендарные самолеты разведки У-2. – Наука и техника / Lenta.ru. 08.03.2014.

⁵⁰ Letter to Ambassador Ellsworth Bunker from Assistant Secretary G. Lewis Jones, 13 July 1960 // Цит.по: *Kux, Dennis.* India and the United States: Estranged Democracies... – P. 169.

С учетом всего этого Индия обратилась к Советскому Союзу с просьбой о поставке вооружений. США всячески препятствовали этому. Но сами они не хотели продавать современное оружие Индии, чтобы не поставить в трудное положение своего союзника Пакистан.

Пришедшая к власти в январе 1961 г. администрация США во главе с президентом Джоном Ф. Кеннеди активизировала действия по развитию связей с Индией, но с учетом существовавших отношений с Пакистаном. Американцы приняли решение оказывать содействие Индии в размере 1 млрд долларов ежегодно в течение пяти лет, начиная с 1962 г., включая помощь продовольствием, а также направлением нескольких сотен волонтеров Корпуса мира, которые занимались проблемами развития деревни, что должно было содействовать росту популярности США в Индии. В США также вновь рассматривался вопрос о строительстве металлургического завода в Бокаро стоимостью около 900 млн долларов. Однако в конечном счете руководство США отказалось от этой идеи. И тогда СССР предложил свои услуги. С его помощью в середине 1960-х годов в Бокаро началось строительство металлургического комбината проектной мощностью 4 млн тонн стали.

Тогда же, в начале 1960-х годов, состоялись американо-индийские переговоры о строительстве атомной электростанции в Тарапуре около Бомбея. Объем финансирования со стороны Америки составил 80 млн долларов. К маю 1963 г. проект был одобрен обеими сторонами. При этом Индия согласилась использовать только американский обогащенный уран для ее работы⁵¹.

В мае 1961 г. вице-президент США Линдон Джонсон посетил Индию и Пакистан. Он доложил президенту Кеннеди о том, что руководство Индии благожелательно настроено в отношении США. «Это должно быть использовано, – писал он, – не для того, чтобы надеяться на вовлечение Индии в нашу сферу,

⁵¹ Задуманная как образец американской высокотехнологичной помощи, АЭС в Тарапуре стала объектом острых американо-индийских противоречий после того, как в 1974 г. Индия произвела взрыв ядерного устройства. США наложили на нее санкции и прекратили поставки обогащенного урана более чем на 30 лет.

что может быть ненужным, как и невозможным, но, главным образом, в надежде укрепить при Джавахарлале Неру индийско-американскую дружбу, которая выстоит при любой перемене власти в Индии»⁵².

Тогда же Джонсон нанес визит в Пакистан. Он высоко отозвался о президенте Айюб Хане, назвав его «самым впечатляющим и, по-своему, самым отзывчивым из руководителей государств», которые он посетил во время поездки. Джонсон рекомендовал, чтобы США нашли способы модернизировать пакистанские вооруженные силы. По его мнению, Айюб Хан «хочет решить кашмирскую проблему с целью высвободить пакистанские и индийские войска для того, чтобы сдерживать Китай, а не друг друга»⁵³.

В июле 1961 г. Айюб Хан прибыл в США с первым официальным визитом. Кеннеди уделил ему повышенное внимание. В ходе переговоров была достигнута договоренность об оказании Пакистану экономической помощи на сумму 500 млн долларов. В отношении Индии Айюб Хан сказал, что если США окажут ей военную помощь, то это «вынудит его страну выйти из пактов и альянсов». На это Кеннеди ответил, что у США нет намерений оказывать такую помощь Индии, и «если он вообще будет думать об этом, то посоветуется прежде всего с президентом Айюбом»⁵⁴. Американский дипломат и исследователь отношений между США и Пакистаном, США и Индией Деннис Кукс писал: «Неудивительно, что, когда Кеннеди не посоветовался с Айюбом перед тем, как дать оружие Индии в ноябре 1962 г., это глубоко обидело президента Пакистана»⁵⁵.

⁵² Memorandum from Vice-President Johnson to President Kennedy, 23 May 1961 «Mission to Southeast Asia, India and Pakistan» // *Kux, Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies... – P. 190.

⁵³ *Kux, Dennis*. The United States and Pakistan 1947–2000... – P. 118.

⁵⁴ Memorandum of conversation between President and Ayub, July 11, 1961 // FRUS, 1961–63, Vol. 19. – P. 74.

⁵⁵ *Kux, Dennis*. The United States and Pakistan 1947–2000... – P. 123.

Во время китайско-индийского вооруженного конфликта 1962 г. США положительно отозвались на просьбу Индии во главе с Неру о военной помощи. В свою очередь, Москва, занятая кубинским кризисом, посоветовала Нью-Дели принять китайские предложения о переговорах по пограничной проблеме. Она также информировала индийцев, что поставки МиГ-21 Индии временно приостановлены. Большинство неприсоединившихся стран, кроме Египта и Югославии, заняли выжидательную позицию. Американская помощь Индии вызвала негативную реакцию в Пакистане. Но Вашингтон надеялся, что Пакистан не предпримет враждебных действий в отношении Индии. Кеннеди писал Айюб Хану, что военная помощь Америки Индии предназначена для «немедленных задач» и «для использования только против китайцев». Однако Айюб Хан решительно выступил против американских поставок вооружений в Индию. Он хотел использовать ее трудности в этой войне. Индия терпела военное поражение и была ослаблена. Президент Пакистана также настаивал на том, чтобы США оказали давление на Индию в решении кашмирской проблемы⁵⁶.

После убийства Кеннеди в ноябре 1963 г. новый президент США Л. Джонсон продолжил прежнюю политику США в отношении Южной Азии. По вопросу о военных поставках в Индию США, как и прежде, занимали сдержанную позицию. Политика Америки по этому вопросу получила выражение в докладе госсекретаря Д. Раска президенту Джонсону «О шагах по оказанию военной помощи Индии и Пакистану». 11 декабря 1963 г. Раск писал: «Если мы и можем продвигаться вперед, хотя и спотыкаясь в каждой из этих стран <...> наши предложения по военному сотрудничеству с Индией и Пакистаном помогут достижению наших стратегических целей по сдерживанию коммунистического давления на этот регион без того, чтобы вносить напряжение в наши отношения с каждой из этих стран»⁵⁷.

⁵⁶ Ibid. – P. 131; *Kux, Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies... – P. 205.

⁵⁷ Цит. по: *Kux, Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies... – P. 229.

О планах американцев по поводу их дальнейших отношений к связке Индия–Пакистан свидетельствовала записка заместителя помощника президента США по национальной безопасности Джорджа Банди. Он писал 24 февраля 1964 г.: «Индия как крупнейшее и потенциально самое мощное некоммунистическое азиатское государство представляет собой главный приз в Азии. Мы уже инвестировали 4,7 млрд долларов в долгосрочное экономическое строительство этой демократической страны. Но наша политико-военная линия никогда не соответствовала нашим экономическим инвестициям, частично потому что Пакистан хитроумно подписал с нами договоры об участии в двух альянсах, чтобы добиться новых гарантий против Индии. В результате Пакистан получил около 700 млн долларов военной помощи, которая фактически целиком ушла на его оборону против Индии... Мы можем и должны защищать Пакистан от Индии, но мы не можем позволить, чтобы наши связи с Пакистаном или наше предпочтение Айюба, а не Неру, стояли на пути сильной американской политики в отношении Индии. Это позволило бы хвосту вилять собакой, что именно пакистанцы и стремятся делать»⁵⁸.

В то время в США витали в воздухе идеи о том, что Индия может возглавить антикитайский и антикоммунистический союз. Но они не были подкреплены оказанием Индии крупной военной и экономической помощи. Поэтому надежды на мощный рывок в индийско-американском сотрудничестве быстро угасли. Для Индии во главе с Неру более ценными оказались ее политика неприсоединения и развитие связей с СССР. Об этом периоде посол США в Индии Ч. Боулс писал президенту Джонсону: «В 1963–1964 гг., после индийско-китайской войны, когда мы оказали ограниченную помощь Индии, мы отвергли просьбу о модернизации ее обороны на сумму около 75 млн долларов ежегодно из-за опасения нарушить наши отношения с Пакистаном. В ответ на эту помощь индийцы были готовы: 1) согласиться не покупать оружие у коммунистических стран; 2) заключить соглашение с Пакистаном о поддержании равного соотношения вооруженных сил; 3) сотрудничать с нами на политической ос-

⁵⁸ Frontline. – May 12–25, 2001.

нове для установления большей стабильности в Азии и Юго-Восточной Азии. И только в августе 1964 г., когда стало ясно, что мы не готовы предоставить эту помощь, Индия повернулась к Советскому Союзу как главному источнику вооружений»⁵⁹.

Но этот поворот произошел уже после смерти Неру и был вызван во многом тем, что Америка не пошла на широкое сотрудничество с Индией в начале 1960-х гг., в том числе и по таким болезненным для нее вопросам, как отношения США с Пакистаном и по Кашмирской проблеме.

Индия, США и Советский Союз

Политика Индии в Южной Азии определялась как ее отношениями со странами региона, в первую очередь с Пакистаном, так и с Советским Союзом, Китаем и США. Динамика этих отношений менялась в зависимости от ситуации в Южной Азии и за ее пределами.

Принципиально важными для Индии были ее отношения с Пакистаном, осложненные множеством проблем, порожденных разделом Индийского субконтинента на два государства. К тому же Кашмир превратился в источник крупных конфликтов в 1947 г., 1965 г. и впоследствии. С 1955 г. до начала 1960-х годов Советский Союз постоянно был на стороне Индии и против Пакистана по кашмирскому вопросу, блокируя принятие резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Противоположную позицию занимали США, которые выступали на стороне Пакистана.

Немалое влияние на характер политики Индии в 1950–1960-е годы оказало активное сотрудничество Америки с Пакистаном. В 1954 г. США и Пакистан заключили договор о взаимной помощи в обороне, по которому предусматривалась поставка Пакистану вооружения на 171 млн долларов. Тогда же США брали на себя обязательство вооружить 4 пакистанских пехотных дивизии, 1,5 бронетанковых дивизии, поставить 6 эскадрилий сверхзвуковых самолетов и 12 кораблей военно-морского фло-

⁵⁹ Ibid.

та. В октябре 1954 г. США приняли решение предоставить Пакистану экономическую помощь на 105,9 млн долл⁶⁰. По оценке американских разведывательных служб, результатом военного сотрудничества США с Пакистаном могло бы стать «некоторое усиление напряженности в индийско-американских отношениях. Однако вряд ли между Америкой и Индией может возникнуть открытый разрыв только в результате этого... Если Пакистан усилится благодаря американской помощи, Индия также будет изыскивать возможности наращивать свои силы. В любом случае, чрезвычайно маловероятно, что Индия существенно сблизится с советским блоком»⁶¹.

Несмотря на объяснения США, что их военное сотрудничество с Пакистаном не направлено против Индии, Неру резко отрицательно реагировал на эти события. Его не столько беспокоило количество вооружений, сколько то, что «Пакистан определенно встанет в ряды западных держав и превратится в регион холодной войны в настоящем и, возможно, реальной войны в будущем». Выступая в парламенте 1 марта 1954 г., Неру заявил, что военная помощь США Пакистану представляет собой вмешательство в дела Южной Азии и окажет прямое влияние на кашмирский вопрос⁶². Действительно, Индия упорно отказывалась вести переговоры о проведении плебисцита в Кашмире. Ее позиция по этому вопросу состояла в том, что народ Кашмира высказался в пользу Индии, избрав в 1954 г. законодательное собрание в этом штате.

Неру тогда говорил: «Фактически Пакистан превращается в колонию США...» Америка полагает, что, проводя такую политику, она полностью охватила так называемый нейтралитет Индии с флангов и теперь вынудит ее стать на колени. Этого не случится, что бы ни произошло в будущем. «Первым результатом всего этого будет исключительная неприязнь Индии по

⁶⁰ *Kux, Dennis. The United States and Pakistan 1947–2000... – P. 69.*

⁶¹ National Intelligence Estimate, “Prospects for Northern Tier and Consequences”, 22 June 1954 // FRUS, 1952–54, Vol. IX. – P. 516–20.

⁶² SWJN, Vol. 3. – P. 472, 503.

отношению к Соединенным Штатам. Ну а наши отношения останутся натянутыми»⁶³. Такой ход событий, в том числе и в индийско-американских отношениях, подталкивал Индию в сторону Советского Союза.

В июне 1962 г. США выступили в ООН в поддержку резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Советский Союз наложил вето на эту резолюцию. Помимо этой поддержки Индии, Советский Союз выступил на ее стороне и по вопросу о Гоа, которая к тому времени еще оставалась португальской колонией, несмотря на то, что Индия добивалась включения ее в состав Индийского Союза. Португалия упорно отказывалась передать Гоа Индии, а Вашингтон поддерживал Португалию в этой связи, учитывая, что она была членом НАТО. В декабре 1961 г. индийские войска вошли в Гоа. США осудили в ООН использование Индией силы, хотя португальцы практически не оказали сопротивления.

Выступая на семинаре Индийского совета по Африке по вопросу о португальских колониях 20 октября 1961 г., Неру остановился на теме будущего присоединения Гоа к Индии. Он рассматривал этот вопрос в контексте борьбы с остатками колониализма на планете. По его мнению, в историческом плане колониализм изжил себя. Но в политическом он продолжает причинять много зла. Нынешняя Португалия была одной из крупнейших колониальных империй. Сейчас она в сравнении с другими европейскими странами является отсталой страной в социальном, экономическом и политическом плане. Но она продолжает держаться за остатки своей империи. Колониализм, в том числе португальский, продолжал Неру, не может рассматриваться в изоляции от процессов, происходящих в мире, в том числе холодной войны. Поскольку Португалия является частью таких военных альянсов, как НАТО, она пользуется поддержкой некоторых крупных стран. Колониализм как система

⁶³ Письмо Неру к Паниккару, 12 ноября 1953 г. // *Гопал, Сарвепалли. Указ. соч. Т. 2. – С. 177.*

должен полностью закончить свое существование, не оставив и следа, кроме дурной памяти о нем⁶⁴.

Что касается Гоа, говорил дальше Неру, то эта колония является лишь точкой на карте Индии. Тем не менее, и за 14 лет после независимости она оставалась черным пятном в стране, не только потому, что была колонией, но к тому же плохой колонией. Кроме того, с точки зрения безопасности, Индия не могла больше терпеть присутствие иностранной военной базы на ее территории. Если смотреть на эту проблему более широко, с учетом португальских колониальных владений, то нужно учитывать, что в Анголе и Мозамбике идет борьба против португальского колониализма. То же самое можно сказать о борьбе народов и других колоний в Африке – в Конго, Северной Родезии, Южно-Африканском Союзе. Весь мир должен помочь им в этой борьбе⁶⁵.

⁶⁴ *Nehru, Jawaharlal*. From Speech at the Seminar on Problems of Portuguese Colonies, organized by the Indian Council for Africa, New Delhi, October 20, 1961 // *Jawaharlal Nehru's Speeches*. September 1957–April 1963. Vol. 4. – Delhi:Publication Division. GOI, 1964. – P. 365–369.

⁶⁵ *Ibid*.

Глава 17. Индийско-китайский конфликт 1962 г.

В октябре-ноябре 1962 г. разразился индийско-китайский вооруженный конфликт. Он не только повлиял на последующие отношения между Индией и Китаем, но и вовлек в орбиту дипломатических, политических и военных действий США, Пакистан, а также СССР. Хотя сам конфликт возник, вроде бы, неожиданно, но условия для него были подготовлены еще во второй половине 1950-х годов. До этого Индия и Китай, казалось, вели дело к установлению прочных отношений дружбы и сотрудничества. Однако в 1959 г. на индийско-китайской границе произошли вооруженные столкновения. Поводом стал обострившийся диспут о границе между двумя странами. Последовавшее в том же 1959 г. бегство Далай-ламы из Тибета в Индию усилило напряжение между двумя странами.

В начале ноября 1962 г. китайские войска сломали оборону индийцев на северо-востоке и взяли под контроль 40 000 кв. миль территории, которую они считали китайской. В этих условиях Неру направил Кеннеди просьбу прислать две эскадрильи бомбардировщиков В-47 с американскими пилотами. Пока Кеннеди рассматривал эту просьбу, в Бенгальский залив был направлен авианосец «Энтерпрайз»¹.

¹ Hoffman, Steven A. *India and the China Crisis*. – Berkeley: University of California Press, 1990. – P. 97–98. После индийско-китайской войны 1962 г. в США рассматривалась возможность использования ядерного оружия в случае, если Китай во второй раз начнет войну против Индии. Это нашло отражение в рассекреченных американских документах. В беседе президента США Джона Кеннеди с министром обороны Робертом Макнамарой последний сказал: «До того, как мы примем на себя какое-то определенное обязательство защищать Индию против Китая, мы должны признать: чтобы выполнить это обязательство, если произойдет какая-то массивная китайская атака, мы должны будем использовать ядерное оружие. Любая серьезная атака Китая на любую часть этого региона потребует использования Америкой ядерного оружия, и это предпочтительнее ввода большого количества американских солдат». На это Кеннеди ответил: «Мы должны защитить Индию, и поэтому мы защитим Индию», если она подвергнется нападению (*Giridharadas, Anand*.

Руководство США не успело принять решение о бомбардировщиках, так как 22 ноября 1962 г. китайцы в одностороннем порядке прекратили военные действия и отвели свои войска на 20 км к северу от линии Мак Магона (по их версии) на востоке, а также в Ладакхе. Их армия оставила почти всю завоеванную территорию на северо-востоке, но сохранила присутствие в стратегически важном Аксай Чине на северо-западе. Таким образом, Китай доказал свое военное преимущество, а Индия потерпела поражение².

Как начался конфликт

И через полвека после завершения индийско-китайского вооруженного конфликта пограничная проблема между сторонами оставалась нерешенной. Итоги войны по-прежнему будоражили общественное сознание. Не случайно, что за эти десятилетия было опубликовано немало книг и статей, анализирующих события 1962 г. Дополнительным импульсом к возобновлению интереса к этой теме стало снятие китайцами грифа секретности с документов, связанных с этой войной и всем периодом отношений между Китаем и Индией с 1949 по 1965 г. Эти документы не были опубликованы в Индии³.

В документе от 20 июля 1962 г., за три месяца до начала военных действий, говорилось о встрече в Женеве между заместителем министра иностранных дел КНР Чанг Ханьфу и индийским послом в Китае Ратаном Кумаром Неру. Китайский представитель подчеркнул, что «пограничная проблема является очень серьезной. И если Индия не выведет свои войска (с китайской территории), она должна будет нести ответственность за это». Провал этих переговоров в Женеве, а также переговоров между министром иностранных дел КНР Чек И и министром обороны

63 Tapes Reveal Kennedy and Aids Discussed Nuclear Arms in a China-India Clash // The New York Times. – August 26, 2005).

² Мукимджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. 60-е годы – начало 70-х годов. – М., 1974.

³ The Hindu. – 19.10.2012.

Индии В.К. Кришной Меноном, рассматривался китайцами как поворотный пункт в отношениях между обеими странами.

Первые пограничная проблема в отношениях двух стран появилась в 1959 г. В апреле 1960 г. Чжоу Эньлай прибыл в Дели, чтобы разрешить ее. Он выдвинул для этого «весьма разумные предложения». Они предусматривали признание линии Мак Магона на востоке и сохранение статус-кво на западе в Аксай Чине. Но эти предложения были отвергнуты Неру⁴.

Единственным результатом этих переговоров было решение о создании двух групп экспертов – индийской и китайской – для изучения исторических, административных и иных предпосылок, предшествовавших возникновению пограничной проблемы. Индийскую группу возглавили Джагат Мехта и Сарвепалли Гопал. По мнению индийского историка и политического обозревателя А.Г. Нурани, китайский доклад по этому вопросу был «весьма поверхностным», а индийский доклад был «нечестным». Он вольно интерпретировал предложение Великобритании Китаю в ноте от 4 марта 1899 г., в которой предлагалось проведение пограничной линии на Западе. В соответствии с ней большая часть Аксай Чина оставалась у Китая. (Эта граница позже была подтверждена китайско-пакистанским пограничным соглашением от 2 марта 1963 г.)

В соответствии с официальными индийскими картами, вся граница на западном и восточном секторах была обозначена как «неопределенная». Однако в 1954 г. «Неру пересмотрел» эти карты. Как пишет Нурани, Неру, «как всегда, был противоречив. Он хотел разрешить проблему. Но не хотел компромисса». В июле 1960 г. он направил в Китай с этой целью Р.К. Неру, который был одним из самых успешных индийских посланцев в Китае, а впоследствии генеральным секретарем МИД Индии (1960–1963). 13 июля 1960 г. Р.К. Неру обсуждал пограничную проблему с китайским премьером Чжоу Эньлаем.

По возвращении в Дели Р.К. Неру доложил премьер-министру Неру о переговорах с Чжоу Эньлаем. Позднее Р.К. Неру писал, что китайский премьер указал на то, что Китай не при-

⁴ Noorani A.G. Maps and Borders // Frontline. – October 24, 2008.

знает линию Мак Магона на востоке как таковую. Он предлагал принять ее как часть пакетного соглашения. Он сказал, что существуют исторические разногласия в отношении линии Мак Магона, но несмотря на это Китай «готов обсудить это без предварительных условий». Он также заявил, что Китай воздерживается от публичной критики Индии и не хочет обострения противоречий⁵.

Р.К. Неру подчеркивал, что Джавахарлал Неру был преисполнен решимости сохранить мир. Но требовалась «дополнительная предосторожность, после того как Китай оккупировал Тибет. Поскольку Индия не могла позволить себе иметь враждебного соседа на двух фронтах (западном и восточном), то мирные, дружеские отношения с Китаем отвечали ее фундаментальным интересам».

Таким образом, принципиальные позиции руководства Индии и Китая по существу были близки. Возникал вопрос – почему же на деле, в реальной политике развитие пошло по иному руслу? Р.К. Неру считал, что обе стороны допустили ошибки. Чиновники в Министерстве иностранных дел Индии полагали, что соглашение по Тибету должно быть связано с решением индийско-китайской пограничной проблемы. Эта точка зрения не была принята правительством Джавахарлала Неру. Было решено, что следует потребовать от китайцев изменить их карты и одновременно предпринять меры по обеспечению суверенитета Индии в Аксай Чине в соответствии с индийскими картами. Но по ряду причин этого сделать не удалось. Одна из них – китайцы строили дорогу в Аксай Чине. Однако, как отмечает Р.К. Неру, «мы сами не были уверены, что эта территория принадлежит нам, и думали, что откажемся от таких притязаний на нее как части удовлетворяющего нас решения пограничной проблемы. Нельзя сказать, что китайцы не проявляли стремления достичь соглашения. С этой целью они сделали несколько конструктивных предложений. Но продолжали вылазки на эту территорию и предъявляли претензии, которые, очевидно, имели целью усилить переговорные позиции, а также для давления

⁵ *Noorani A.G. A Nehru's dissent // Frontline. – June 30–July 13, 2012.*

на общественное мнение в Индии. В этих условиях Неру считал невозможным инициировать переговоры. Постепенно, шаг за шагом, ситуация достигла уровня широкомасштабной враждебности в отношениях обеих стран»⁶.

В Индии, по мнению Р.К. Неру, существовали разные точки зрения на пограничную проблему. Одни считали необходимым порвать связи с Китаем, признать Тайвань, отказаться от признания Индией Тибета как части Китая и обратиться за помощью к США против Китая. Вторые полагали, что Индия должна «открыть дверь для отношений с Китаем» и вступить с ним в переговоры. Третьи, представлявшие позицию индийского правительства, придерживались мнения, что «дверь для отношений с Китаем нужно держать открытой», но не следует предпринимать каких-либо дальнейших шагов для нормализации отношений с ним.

Между тем, С. Гопал после исследования индийско-китайской пограничной проблемы заявил Дж. Неру в ноябре 1959 г., что «индийские требования в отношении Аксай Чина являются более основательными, чем китайские». Это, по мнению Нурани, объясняет, почему Неру, который еще в августе-сентябре 1959 г. признавал, что Аксай Чин является спорной территорией, изменил свою точку зрения по этому вопросу и стал настаивать на суверенном праве Индии на эту территорию⁷.

В свою очередь, Р.К. Неру в начале 1961 г. сказал премьер-министру, что Индия постепенно движется к столкновению с Китаем, не подготовившись к этому соответствующим образом. Поэтому в ее интересах было предотвратить создание направленного против нее союза между Китаем и Пакистаном. Кроме того, Р.К. Неру полагал, что преобладающая в МИД'е точка зрения, будто негативное отношение Индии к Китаю могло бы встретить полную поддержку США и СССР в силу их собственных противоречий с Китаем, была «слишком оптимистичной». Его предложение состояло в том, чтобы вести мирные, спокойные переговоры с китайскими лидерами на дипломатическом уровне с целью найти решение проблемы. Или, по крайней мере,

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

заморозить дебаты по этому вопросу в парламенте, где китайцы обвинялись в экспансии и агрессии, когда на деле они воздерживались от этого.

После поездки Р.К. Неру в Китай в июле 1961 г., в ходе которой он снова встретился с Чжоу Эньлаем, китайские лидеры проявили желание снизить растущее напряжение между обеими странами. Они выдвинули некоторые предварительные предложения: признание суверенитета Индии над Южным Ладакхом и Северо-Восточным пограничным Агентством (NEFA). Со своей стороны, Индия должна признать их претензии на Аксай Чин. Китайцы также будут готовы признать индийские «договорные права» в Бутане и Сиккиме. Они дали понять, что могут признать суверенитет Индии над Джамму и Кашмиром. Их намерение состояло в том, чтобы продолжить мирные переговоры вместо обмена жесткими нотами и остановить дальнейшие передвижения войск впредь до решения пограничной проблемы. Китайцы также сказали, что Пакистан предпринимает некоторые шаги к сближению с КНР, но они (китайцы) придают большее значение решению проблем с Индией.

Далее Р.К. Неру подчеркивал, что «давление общественного мнения было столь велико, что премьер-министр Неру не только отказался вести переговоры с Китаем как непродуктивные, но и принял решение проводить наступательную политику, к которой Индия не была готова». Р.К. Неру указывал на то, что такая политика приведет к вооруженному конфликту. Китайцы неоднократно предупреждали об этом. Министр иностранных дел КНР Чанг Ханьфу говорил об этом на встрече с Р.К. Неру в июле 1962 г. в Женеве. Тогда же Р.К. Неру предложил премьер-министру Неру начать переговоры с китайской стороной хотя бы для того, чтобы выиграть время. Однако жесткие требования в индийском парламенте с целью предпринять «решительные действия» против Китая, подпитываемые агрессивными заявлениями и действиями китайцев, стали на пути переговоров⁸.

⁸ О принципах пограничной политики КНР см.: *Степанов Е.Д.* Пограничная политика КНР // *Китай в мировой политике*. – М.: РОССПЭН, 2001.

Как считал Р.К. Неру, наступательная политика Индии, не поддержанная адекватными приготовлениями, привела к нападению КНР на Индию в 1962 г. Тем не менее, вплоть до 1965 г. китайцы были готовы обсуждать предложения Индии. Но Индия настаивала на их принятии как условиях для проведения переговоров⁹. Так или иначе, но индийско-китайская война 1962 г. надолго оказала влияние не только на судьбу отношений между обеими странами, но и на расстановку сил в Южной Азии. Более того, нерешенность пограничной проблемы продолжает оставаться камнем преткновения в отношениях между обеими странами.

Возвращаясь к событиям непосредственно после индийско-китайского вооруженного конфликта (октябрь–ноябрь 1962 г.), отметим позицию правительства Неру в этой связи. В своем выступлении в парламенте 7 мая 1963 г. премьер-министр Индии заявил следующее: «Правительство Китая решило сохранять выгодную для них ситуацию на границе, которую они создали своей агрессией, массивными атаками, последующим прекращением огня и частичным отходом от индийской территории. ... Все, в чем правительство Китая заинтересовано, похоже, состоит в переговорах по разрешению разногласий по пограничной проблеме на основе изменившейся ситуации на границе в результате их агрессии». Далее Неру сказал, что «в настоящее время нет вопроса о наших переговорах с китайцами». В отношении 26 контрольных постов, установленных Китаем после отвода их вооруженных сил, только шесть постов в Ладхаке находятся внутри международной границы, на которую претендует Индия. Таким образом, в общем и целом, «вопрос возникает об этих шести китайских контрольных постах»¹⁰.

В выступлении в парламенте 16 августа 1963 г. Неру заявил, что «китайцы ввели новые войска в Тибет и укрепили свои силы на границе. Сегодня их больше, чем во время их несправедливых атак в октябре 1962 г.». С тех пор значительно выросло чи-

⁹ Noorani A.G. A Nehru's dissent // Frontline. – June 30 – July 13, 2012.

¹⁰ China's Intransigence // Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V. March 1963–May 1964. – New Delhi, GOI, 1968. – P. 163, 164.

сло вторжений Китая на территорию и в воздушное пространство Индии. Все это свидетельствует о том, что Китай укрепляет свои позиции непосредственно к северу от индийской границы с целью поддерживать постоянное напряжение в этих районах. Возможно, что китайцы задумывают использовать эти передовые базы для очередного вторжения в Индию¹¹. В речи в Красном форте, посвященной 16-й годовщине независимости Индии 15 августа 1963 г., Неру сказал, что после нападения Китая на границы страны, «мы были вынуждены принять определенные меры, которые нам не нравились. Военные расходы должны увеличиться более чем вдвое и вырасти еще больше¹².

Военный конфликт Индии с Китаем в 1962 г. внес новый элемент в индийско-американские отношения. Впервые в Индии заговорили о возможном союзе с США против Китая и о переменах в политике неприсоединения. Появились надежды на массивную военную и экономическую помощь Америки. Однако этого не произошло.

Пограничная война 1962 г. между Китаем и Индией совпала с кубинским ракетным кризисом, наверное самым острым и напряженным моментом в американо-советских отношениях. Несмотря на то, что руководство США было полностью занято проблемами, связанными с ядерным противостоянием с СССР, китайско-индийский конфликт не остался вне его внимания. Часть американского руководства считала, что появилась прекрасная возможность усилить влияние США в Индии. Она настаивала на том, чтобы положительно отозваться на поступившую от Индии просьбу о поставке вооружений и оказать давление на президента Пакистана с тем, чтобы он заверил Индию в невмешательстве Пакистана на стороне Китая. В этом случае Индия могла бы сосредоточить свои военные ресурсы на борьбе с КНР¹³.

¹¹ China's aggressive posture // Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V. March 1963 – May 1964. – P. 170–172.

¹² Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V. March 1963 – May 1964. – P. 5.

¹³ Kux, Dennis. The United States and Pakistan 1947–2000... – P. 130.

Тогда же американцы пытались оказать давление на Индию и Пакистан, чтобы решить кашмирский вопрос. Но несколько раундов переговоров между индийцами и пакистанцами не принесли результата.

После завершения китайско-индийской войны в Гималаях и почти одновременного окончания кубинского ракетного кризиса ситуация в отношениях между Индией и США, по существу, вернулась на «круги своя». Похолодание в их отношениях в этот период проявилось, в частности, в том, что на предпринятую американцами попытку установить в Индии передатчик «Голоса Америки» для ведения пропаганды на этот регион индийцы ответили отказом, ссылаясь на то, что это не соответствовало принципам неприсоединения.

Советский Союз в индийско-китайском конфликте

Во время китайско-индийского конфликта Советский Союз занял позицию нейтралитета. С одной стороны, он не хотел осложнять отношения с Индией, с другой – не ухудшать непростые отношения с Китаем. Поэтому СССР призвал обе стороны решать эту проблему путем переговоров. Индийцы в целом были удовлетворены таким подходом. Выступая в парламенте 16 ноября 1962 г. по вопросу об индийско-китайском пограничном конфликте, Неру сказал: «Мы не ожидаем, что Советский Союз сделает нечто такое, что может определенно означать разрыв с китайцами. Но он всегда, как и сегодня, выражал свою добрую волю по отношению к нам... И, конечно, мы надеемся на это и в будущем»¹⁴.

По окончании кубинского ракетного кризиса СССР вновь подтвердил свой нейтральный подход к индийско-китайскому конфликту. Индия избегала выступлений с критикой Советского Союза, хотя в отношениях с ним проявляла определенную сдержанность. Тем более что США и Великобритания предоставили ей военную помощь, направленную против Пекина. Однако она быстро прекратилась, в то время как Советский Союз, по мере осложнения его отношений с Китаем, продолжал оказы-

¹⁴ Цит. по: *Horn, Robert C. Soviet-Indian Relations... – P. V.*

вать содействие Индии. Взаимоотношения в этих своеобразных треугольниках Китай–Индия–Советский Союз и СССР–США–Индия сыграли свою роль и в последующие годы¹⁵.

С середины 1960-х годов Пакистан стал пытаться налаживать связи с Китаем и СССР, сохраняя при этом отношения с США. Во время и после индийско-пакистанской войны 1965 г. Америка отказалась от активной поддержки Пакистана и приостановила продажу оружия как Индии, так и Пакистану. Последний с начала 1960-х годов установил достаточно тесные отношения с Китаем. В 1963 г. обе страны подписали соглашение о демаркации границы между Китаем и районами Кашмира, находящимися под фактическим контролем Пакистана. Китай и Пакистан активно поддерживали друг друга в их противостоянии с Индией. В эти годы происходил интенсивный обмен визитами китайских и пакистанских руководителей на высшем уровне. Развивалось торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество между обеими странами¹⁶.

Индия и Америка во время конфликта

В августе 2013 г. Архив национальной безопасности (NSA) США опубликовал доклад, основанный на рассекреченных документах, полученных из ЦРУ. В соответствии с ним, в 1962 г. Неру дал США согласие на использование воздушного пространства Индии для заправки самолетов У-2, которые проводили воздушную разведку регионов индийско-китайского конфликта. По данным этого доклада ЦРУ, в октябре 1962 г. КНР нанесла серию внезапных массивных ударов по пограничным войскам Индии на западе в Джамму и Кашмире и в индийском Северо-Восточном пограничном агентстве. Китайцы преодолели все индийские укрепления к северу от реки Брахмапутра и после этого прекратили военные операции. Индийское прави-

¹⁵ *Bowles, Chester. Mission to India. A Search for Alternatives in Asia (To the Memory of Jawaharlal Nehru). – Delhi: B.I.Publications, 1974. – P. 166–177.*

¹⁶ *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана: XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. – С. 231, 232.*

тельство обратилось к США за военной помощью. В ходе переговоров между США и Индией стало очевидно, что индийцы не могут достоверно оценить масштаб проникновения китайцев на их территорию.

С учетом этого тогдашний посол США в Индии Джон К. Гэлбрайт предложил индийскому правительству использовать американскую воздушную разведку спорных районов, что дало бы возможность Индии и США получить более точную картину вторжения коммунистического Китая на индийскую территорию. «11 ноября 1962 г. премьер-министр Индии Неру дал согласие на дозаправку разведывательных самолетов США (У-2) в индийском воздушном пространстве»¹⁷.

В конце ноября 1962 г. подразделение самолетов У-2, размещенных в Тахли (Takhli), Тайланд, начало разведывательные полеты над индийско-китайской границей. Поскольку Бирма не разрешала использовать ее воздушное пространство, У-2 должны были лететь через Бенгальский залив и Восточную Индию. Отсюда необходимость дозаправки в воздухе.

Как отмечалось в докладе ЦРУ, США преследовали следующие цели, предоставляя Индии фотографии индийско-китайской пограничной зоны. Прежде всего, они хотели дать Индии более четкую картину ситуации в этом районе. И, кроме того, «ЦРУ хотело создать прецедент полетов У-2 над Индией, что могло бы привести к установлению постоянной базы в этой стране для электронной разведки советских ядерных баллистических ракет, а также для разведки тех районов западного Китая, которые были недоступны для слежения из других мест»¹⁸.

В апреле 1963 г. посол Гэлбрайт и руководитель группы ЦРУ в Нью-Дели обратились к правительству Индии во главе с Неру с предложением создать такую разведывательную базу на ее территории. 3 июня 1963 г. этот вопрос обсуждался во время визита президента Индии С. Радхакришнана в США с президентом Дж. Кеннеди. В результате Индия предложила использовать в качестве такой базы оставшийся со времен Второй мировой

¹⁷ Nehru permitted CIA spy planes to use Indian air base // The Hindu. – 16.08.2013.

¹⁸ Ibid.

войны аэродром Чарбатия (Charbatia) в Ориссе, к югу от Калькутты. Однако эта база была подготовлена к приему самолетов У-2 только к маю 1964 г. Первый разведывательный вылет У-2 с этой базы состоялся 24 мая 1964 г. Через три дня Неру умер, и разведывательные операции из аэродрома Чарбатия были отложены. И только в декабре 1964 г., когда напряжение на индийско-китайской границе вновь возросло, группа самолетов У-2 вернулась в Чарбатия и провела «три очень успешных полета»¹⁹.

Но к этому времени основные разведывательные операции США осуществлялись из Тахли. А Чарбатия оставалась в качестве воздушной базы передового базирования для У-2. В июле 1967 г. она была закрыта²⁰. Этому способствовали события, которые сместили внешнеполитические приоритеты Индии в сторону иных проблем как мирового, так и регионального значения²¹.

Решение Неру о предоставлении США воздушного пространства Индии для разведывательных самолетов У-2 не лишне рассматривать в связи с полетами таких же самолетов из Пакистана над Советским Союзом и особенно полета Гари Пауэрса 1 мая 1960 г. Как отмечалось, его самолет был сбит над территорией СССР, что вызвало огромный резонанс в мире. Неру, разумеется, знал об этом.

Его отношение к вопросу о сотрудничестве с США в разведывательной деятельности в то время определялось, видимо, прежде всего, поражением Индии в вооруженном конфликте с Китаем, заметной утратой авторитета самого Неру в стране, усилением нападок на него правой оппозиции. Она обвиняла Неру в несостоятельности проводимой им политики дружбы с Китаем («индийцы-китайцы братья»). Определенное улучшение отношений между Индией и США в конце 1950-х – начале 1960-х гг. также способствовало укреплению доверия между Неру и американскими руководителями.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ См.: *Ф.Н. Юрлов, Е.С. Юрлова. История Индии XX век.* – М., ИВ РАН, 2010. – С. 669–671.

В статье «Меняющаяся Индия», опубликованной в американском журнале *Foreign Affairs* в апреле 1963 г., Неру писал: «Индийско-американские отношения редко бывали такими тесными и сердечными, как сегодня. Глубокая симпатия и практическая помощь США в противостоянии китайской агрессии создали огромный запас добрых чувств. Помимо этого, существует много общего между нами по существенным проблемам. Представления президента США Кеннеди о мире свободных и независимых стран, свободно сотрудничающих для того, чтобы создать всемирную систему взаимозависимости, полностью соответствует нашим собственным идеям»²².

Что касается индийско-китайских отношений, то вплоть до середины второго десятилетия XXI в., несмотря на развитие торгово-экономических связей между обеими странами, их политическое взаимодействие было достаточно ограниченным. Одним из препятствий на пути улучшения отношений между Индией и Китаем оставалась нерешенная пограничная проблема²³.

В марте 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что он настойчиво выступает за укрепление китайско-индийского стратегического партнерства. По его словам, «это является его исторической миссией». Председатель КНР особо подчеркнул растущее значение китайско-индийских отношений в мире и призвал к более широкому сотрудничеству обеих стран по региональным и глобальным вопросам. Он отметил важное значение исполняющейся в 2014 г. 60-й годовщины подписания соглашения о пяти принципах мирного сосуществования. В свою очередь, индийцы полагали, что предстоящий в конце 2014 г. визит

²² *Nehru, Jawaharlal. Changing India // Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. – Publication Division, GOI, 1964. – P. 403–417.*

²³ *Singh, Abhijit. China's "Three Warfairs" and India // Journal of Defence Studies. – New Delhi. Vol. 7. Number 4. October–December, 2013. – P. 27–46; Mohan, C. Raja. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. – New Delhi: OUP (South Asia Edition), 2013).*

председателя КНР в Индию может способствовать продвижению в решении китайско-индийской пограничной проблемы²⁴.

В дальнейшем интерес к теме индийско-китайского пограничного конфликта 1962 г. был подогрев опубликованием в 2014 г. статей австралийского журналиста Невилля Максвелла, который утверждал, что «ошибки Неру» привели к войне с Китаем. Более того, он писал, что Индия была «агрессором» в 1962 г. Эти материалы вызвали дискуссию в Индии во время кампании по выборам в парламент весной 2014 г. БДП использовала эту информацию для атак на правительство Конгресса²⁵.

Неру и ядерное оружие

В своем отношении к вопросу о возможности создания ядерного оружия Индия прошла через несколько этапов. На первом из них, еще на стадии становления индийского независимого государства, возможность ядерного выбора не исключалась руководством страны. В 1948 г. Джавахарлал Неру заявил, что если Индия «будет вынуждена», то она не остановится перед использованием атомной энергии в военных целях. Позже Неру неоднократно обращался к теме использования атомной энергии. Особенно его волновало и тревожило ее использование в военных целях. В этом смысле он был близок к Махатме Ганди, который после взрыва американских атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. писал: «Атомная бомба убила самые возвышенные чувства, которые помогали человечеству в течение веков. Прежде существовали так называемые законы войны, которые делали ее терпимой. Теперь нам известно лишь одно: война не знает других законов, кроме закона силы»²⁶.

После смерти Ганди в 1948 г., независимая Индия начала отдаляться от его идеологии. Неру, хотя и был последователем Ганди, пошел по другому пути. Он писал: «Я сознавал, что у ин-

²⁴ The Hindu. – 20.03.2014.

²⁵ The Hindu. – 01.04.2014.

²⁶ Ганди М.К. Атомная бомба и ахимса // Хариджан, 7 июля 1946 г. – В кн.: Мохандас Карамчанд Ганди. Моя жизнь. – М.: Наука, 1969. – С. 567.

дийцев есть громадные подспудные запасы энергии и способностей, и хотел высвободить эти запасы и дать людям почувствовать себя снова молодыми и полными жизни. Индия на деле не может играть второстепенную роль в мире. Она либо будет иметь огромное значение, либо вовсе не будет приниматься в расчет»²⁷.

Главный советник премьер-министра Индиры Ганди П. Хаксар вспоминал, как Неру был потрясен атомной бомбардировкой американцами Хиросимы и Нагасаки. Она заставила его энергично убеждать страны мира отказаться от ядерного оружия. Вместе с тем, в феврале 1948 г. он написал министру обороны Балдеву Сингху: «Будущее принадлежит тем, кто производит атомную энергию. Ожидается, что она станет главным источником энергии в будущем. Конечно, оборонная отрасль очень заинтересована в ней. Обладание атомной энергией имеет даже политические последствия». В этой связи правительство Неру заявляло: «Возможное использование атомной энергии в военных действиях, по всей вероятности, приведет к революции в наших представлениях о войне и обороне. В настоящий момент мы можем не принимать данный фактор во внимание, за исключением признания абсолютной необходимости разработать способы использования атомной энергии, как в гражданских, так и в военных целях. Это означает проведение научных исследований в большом масштабе»²⁸. В этих вопросах Неру опирался на индийских ученых, прежде всего, Хоми Бхабху, который в 1930-е годы обучался в лабораториях под руководством Нобелевских лауреатов Энрико Ферми, Вольфганга Паули и Нильса Бора.

В 1953 г. Неру расценил выдвинутое президентом США Дуайтом Эйзенхауэром предложение «Атом для мира» как уловку, рассчитанную на то, чтобы пресечь появление претендентов на статус ядерной державы. Эйзенхауэр обещал помощь государствам, не обладающим ядерным оружием, в создании атомных электрических станций, а также в учреждении «банка»,

²⁷ *Ченганпа, Радж*. Как создавалось ядерное оружие Индии // *Азия и Африка сегодня*. – 2003. – № 5 – С. 53.

²⁸ Там же. – С. 55.

из которого они могли бы получать расщепляющиеся материалы на свои нужды, вместо того, чтобы производить собственное топливо.

Неру был против того, чтобы Индия отказалась от планов создания атомной бомбы. Он сказал Бхабхе, что Индии следует создать возможности для производства такого оружия, а не для его использования. Поэтому он выступал за создание инфраструктуры, необходимой для производства атомного оружия. Тем не менее, он говорил, что Индия не намерена и не будет производить ядерное оружие. Выступая в парламенте в апреле 1954 г., Неру заявил, что это оружие угрожает существованию человечества, и поэтому необходимо приложить все усилия для его запрещения и уничтожения. Он выдвинул предложение запретить ядерные испытания²⁹. Это было сделано вскоре после того, как США в марте 1954 г. произвели взрыв термоядерного устройства на атолле Бикини в Тихом океане.

В конце 1955 г. правительство Неру приняло решение наладить сотрудничество с Канадой с целью строительства исследовательского реактора «Сайрус», который позволил получить плутоний, развивать свой потенциал по созданию ядерного оружия. Тогда же стали поступать сообщения разведки о приготовлениях Китая к созданию атомных бомб. В июле 1958 г. Неру дал разрешение на проект, рассчитанный на ежегодную переработку 20 тонн ядерного топлива для получения 10 килограммов плутония – эквивалента «начинки» атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. С этой целью в Тромбее, недалеко от Бомбея, началось строительство завода, который планировалось ввести в эксплуатацию в 1964 г.

В 1957 г. председатель Комиссии по атомной энергетике Хоми Бхабха, пользовавшийся полной поддержкой Неру, сказал ему, что Индия может сделать атомную бомбу, если будет соответствующее решение правительства, в течение трех лет и водородную – в течение пяти лет. При этом он добавил, что Индия никогда не будет делать бомбу, поскольку она являет-

²⁹ *Nehru, Jawaharlal. Atomic Energy for Peace and Progress of Mankind // Atoms for Peace/ Edited by Desai, Balvant A. – Delhi, 1975. – P. 10; Bhatia, Shyam. India's Nuclear Bomb. – Delhi, 1979. – P. 121.*

ся инструментом террора и массового уничтожения. В любом случае, учитывая то, что несколько стран уже имели такую бомбу, ее военная ценность для Индии была сомнительной. Она могла способствовать созданию в стране «шовинизма великой державы». Бхабха также сказал, что его мысли направлены только на мирное использование ядерной энергии для самых различных целей³⁰.

В свою очередь, Неру в 1960 г. говорил: «Наша земля стала очень маленькой для нового оружия атомного века. В то время как человек в гордыне своего интеллекта и знаний прокладывает путь в пространстве и проникает в небеса, само существование человечества находится под угрозой. Сегодня существует достаточно оружия массового уничтожения, чтобы положить конец жизни на земле». При этом он подчеркивал, что Индия решительно выступает против создания атомной бомбы или чего-либо подобного. Но она также решительно не хочет быть позади других в продвижении к использованию этой новой энергии. Это правда, – говорил он, – что при конечном анализе страна, имеющая развитую атомную энергетику, может использовать ее как для добрых, так и дурных целей. «И мое нынешнее заявление не является обязательным для людей будущего. Но я надеюсь, что мы создадим в нашей стране такую атмосферу, которая будет сдерживать любое правительство от использования этой энергии в дурных целях»³¹.

Неру придавал большое значение развитию атомной энергетики в мирных целях. В известной степени это было довольно странно, так как, по его мнению, Индия в начале 1960-х гг. еще жила в эпоху «коровьих кизяков» в том смысле, что именно этот вид топлива оставался главным источником энергии в Индии. И, тем не менее, с точки зрения перспективы атомная энергетика, считал он, дает огромные преимущества. «Новая эпоха началась после взрыва атомной бомбы в Хиросиме», – писал Неру. – ...С тех пор развитие атомной энергии существенно продвинулось, как для целей разрушения, так и созидания. Атом-

³⁰ *Mathai M.O.* Op. cit. – P. 98, 99.

³¹ *Why Nuclear Power? // Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957–April 1963. Vol. 1V... – P. 435–440.*

ная энергия стала реальным символом современного мира, который, как двуликий Янус, смотрит в обе стороны – всеобщего разрушения и уничтожения, а также ускоренного созидания и прогресса». Признавая необходимость атомной энергетики, Неру подчеркивал, что Индия не может ждать, пока Америка, Россия или какая-нибудь другая страна добьются достижений в этой области, а Индия будет лишь имитировать то, что делают другие. Выступая в парламенте страны 10 августа 1960 г., Неру заявил, что Индия должна заложить основу для атомной энергетики и продвинуться по этому пути вперед. В этой связи он сказал, что правительство решило построить первую атомную станцию в Тарапуре на западном побережье Индии³².

В сентябре 1962 г., за два месяца до войны с Китаем, Неру провел в парламенте закон, который предоставил правительству полный контроль над решениями по атомной энергии. Через месяц после начала войны с Китаем, 4 ноября 1962 г., Бхабха написал от руки секретную записку Неру, в которой содержались предложения по противодействию ядерным планам Китая. Бхабха писал: «Единственное, чем мы можем ответить на ожидаемый взрыв китайского ядерного устройства в течение следующих года-полтора, является наличие у нас гораздо более широкой, чем у них, программы по мирному использованию ядерной энергии. Получение в течение полтора лет плутония в количестве, измеряемом килограммами, убедительно продемонстрирует, что мы могли бы сделать атомное оружие, если бы захотели, но воздерживаемся от этого шага». Неру дал согласие на подготовку мирного ядерного взрыва³³. В то же время начались работы по созданию ракет дальнего действия.

Тогда же появились сообщения, что США, обеспокоенные тем, что Китай готовится взорвать атомную бомбу, хотели помочь Индии освоить ядерную технологию. Неру отказался от этой помощи Америки. Когда Китай взорвал свою первую атомную бомбу 16 октября 1964 г. на полигоне Лобнор, Индия первой сообщила эту новость миру.

³² Ibid.

³³ *Ченганна, Радж*. Указ. соч. – С. 58.

Индия начала развивать свою атомную промышленность уже с середины 1950-х годов. Она купила у Канады ядерный реактор для исследовательских целей. Тяжелая вода для его работы была поставлена из США. Позже индийская ядерная программа была непосредственно связана с событиями в Азии и на Южно-Азиатском субконтиненте. Среди них главное – поражение Индии в военном конфликте с Китаем в 1962 г., когда от нее были отторгнуты значительные территории на северо-востоке и северо-западе. После того как Китай произвел испытание ядерного устройства, за ним последовало размещение китайского ядерного оружия в провинции Синьцзян и в Тибете. В то же самое время происходило наращивание военного сотрудничества между Китаем и Пакистаном.

Первый ядерный взрыв 1974 года, произведенный Индией при правительстве Индиры Ганди, горячо приветствовалось большинство населения страны. Вместе с тем, возникал вопрос о совместимости столь разрушительного оружия с образом Индии как миролюбивого государства.

Проблемы военного строительства в Индии

В первые годы независимости военная доктрина Индии характеризовалась своеобразным «минималистским» подходом к ее оборонным нуждам. По существу, все сводилось к защите территориального единства страны. В строительстве вооруженных сил независимая Индия прошла через несколько важных этапов. Первый из них продолжался с 1947 г. по 1962 г., когда страна подверглась нападению Китая и потерпела поражение в войне с ним. В этот период Индия в своей внешней политике учитывала ослабление позиций Великобритании в мире, наращивание влияния США в Азиатском регионе, особенно их крупную военную помощь Пакистану, который вошел в состав военных блоков СЕАТО (1954 г.) и СЕНТО (1955 г.), а также постоянный кризис в отношениях Индии с Пакистаном из-за Кашмира. Начиная с визита Джавахарлала Неру в СССР в 1955 г. и ответного визита Н.С. Хрущева в Индию в том же году,

стало интенсивно развиваться военно-политическое сотрудничество между обеими странами.

Свое военное строительство Индия начинала не с нуля. За годы Второй мировой войны в колониальной Индии была создана основа для последующего развития вооруженных сил, в том числе и кадровых военных, хотя и не столь многочисленных. До начала 1960-х годов Индия получила из Великобритании несколько больших кораблей (авианосец, крейсера, эсминцы, фрегаты и др.). Решающим фактором наращивания вооружений в Индии стали массированные поставки оружия Америкой Пакистану с середины 1950-х годов. С этого же времени начались первые поставки в Индию техники двойного назначения из Советского Союза (транспортные самолеты и вертолеты), а также танки, бронетранспортеры и стрелковое оружие³⁴.

После индийско-китайской войны 1962 г. Индия изменила политику в отношении вооруженных сил. Тогда Неру заявил: «Мы должны создать наши вооруженные силы всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении»³⁵. По существу, с этого времени начался процесс строительства современной индийской армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил³⁶.

В начале 1960-х годов Индия приняла решение о приобретении за рубежом современного истребителя. Выбор был между Великобританией, Францией, США и СССР. Индия сделала его в пользу Советского Союза. Был подписан контракт на поставки МиГ-21 и лицензирование его производства в Индии. Такое решение со стороны Индии было, по существу, вынужденным, поскольку Запад отказывался предоставлять технологии для производства боевого самолета в Индии. Кроме того, цена, предложенная Советским Союзом, была значительно ниже. СССР пошел на этот шаг для противодействия стремлению

³⁴ Шилин А.А. Стратегический баланс в Южной Азии. – М.: Научная книга, 2004. – С. 16–27; Сафронов И. Братство по оружию // Коммерсантъ Guide. – 26.01.2007. – С. 32.

³⁵ Nehru J. Massive Aggression on Our Frontiers. Broadcast from All India Radio, Delhi. October 22, 1962 // Nehru, Jawaharlal. Speeches. Vol. IV, 1957–1963... – P. 226–230.

³⁶ См.: Юрлов Ф.Н. Индия: Военная доктрина и вооруженные силы // Восток. – 2009. – № 3 и № 4.

США укрепиться в Южной Азии, а также из-за обострения его отношений с Китаем в то время. Поставки МиГ-21 стали началом масштабного советско-индийского военно-технического сотрудничества³⁷.

Новый этап в военном строительстве Индии был связан с обострением отношений с КНР. До начала войны с Китаем внимание правительства Неру было поглощено решением острых проблем, стоявших перед Индией (голод, безработица, неграмотность, необходимость укрепления единства страны). Оно не уделяло достаточного внимания развитию вооруженных сил. Перед этой войной расходы на оборону составляли лишь 1,7% ВВП, но уже через два года они выросли до 3,8% ВВП. В 1964 г. был разработан план развития обороны с учетом военной помощи СССР. С этого же года МиГ-21 стал собираться на индийских заводах, в том числе из компонентов, изготовленных в Индии. К 1972 г. ВВС страны получили этот самолет, уже полностью произведенный в Индии. Тогда же были реализованы контракты на поставку из СССР другой военной техники (танков и артиллерийских орудий).

В свою очередь, в феврале 1964 г. президент США Джонсон одобрил программу военного сотрудничества с Индией на сумму в 500 млн долларов в течение пяти лет. К этому времени США уже поставили в Пакистан боевые самолеты F-104. Однако Пентагон выступал против продажи таких же самолетов Индии, поскольку эти истребители имели ограниченные возможности для использования их против Китая, но могли быть применены против Пакистана. В конечном итоге американцы согласились на поставку в Индию военного оборудования для шести горных дивизий, оказание содействия в улучшении в Индии транспортных связей, коммуникаций, аэродромов и т. д. Эта программа была почти полностью согласована. Ее должны были подписать в Вашингтоне 28 мая 1964 г. министры обороны Индии и США Чаван и Макнамара.

³⁷ *Nehru, Jawaharlal. Manufacture of MIG Aircraft. From reply to debate in Raja Sabha, June 23, 1962 // Nehru Jawaharlal's Speeches. Vol. IV ... – P. 447–450.*

Глава 18. Последние годы жизни Неру

До середины 1960-х гг. Конгресс, по существу, пользовался монопольным влиянием в Индии. К этому времени конгрессистское правительство во главе с Неру немало сделало для укрепления независимой государственности, осуществило ряд крупных социально-экономических преобразований, в том числе индустриализацию на основе смешанной экономики, в которой ключевая роль принадлежала государственному сектору. Были предприняты усилия по реформированию аграрного сектора экономики, в результате чего несколько улучшилось положение малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Проводились и другие мероприятия под лозунгом построения общества социалистического образца. Все это способствовало сохранению влияния Конгресса в широких слоях населения.

Однако со временем проведение в жизнь декларированной программы социально-экономических преобразований стало тормозиться из-за серьезного сопротивления консервативных сил, главным образом внутри самого Конгресса. Стали углубляться противоречия между отдельными социальными группами и слоями общества. Они неодинаково проявлялись в разных регионах из-за особенностей их исторического прошлого и неравномерности их социально-экономического, политического и культурного развития. Начало проявляться разочарование результатами деятельности правительства Конгресса, невыполнением некоторых его предвыборных обещаний.

Одним из важных факторов сохранения единства Конгресса на первом этапе его деятельности после достижения независимости было лидерство в нем Джавахарлала Неру. Однако в самой партии существовали силы, которые не разделяли его взглядов относительно путей развития страны. Под их давлением Неру несколько раз заявлял о возможности его ухода в отставку с занимаемых постов президента партии и премьер-министра. В 1954 г. он освободил пост президента Конгресса, который занимал четыре года (1951–1954) в пользу своего сторонника У.Н. Дхебара. В 1958 г. Неру вновь объявил о своей

возможной отставке с поста премьер-министра. Тем не менее, расстановка сил в руководстве партии по-прежнему была в его пользу, и он остался на посту руководителя правительства.

Вскоре ситуация в Конгрессе стала осложняться, в том числе из-за внешнеполитического кризиса, связанного с китайско-индийским вооруженным конфликтом, в ходе которого индийская армия потерпела поражение. Авторитету Неру, который до этого выступал за активное развитие индийско-китайских связей под лозунгом *хинди-чини бхай-бхай* (индийцы и китайцы – братья), был нанесен значительный урон. Правые деятели в Конгрессе повели на него атаку. Неру был вынужден отправить в отставку своего твердого последователя и соратника министра обороны В.К. Кришну Менона. Однако довольно быстро Неру удалось изменить ситуацию в руководстве партии и правительства в свою пользу.

В августе 1963 г. он предпринял крупный политический маневр, который стал известен как «план Камараджа» (по имени главного министра штата Тамилнаду в 1954–1963 гг. Кумарасвами Камараджа, преданного гандиста, участника национально-освободительного движения, президента Конгресса в 1964–1966 гг.). Цель этого плана состояла в укреплении партийной организации Конгресса и устранении ряда министров в центре и штатах, которые, по мнению Неру, стали тормозом на пути развития партии и страны. План Камараджа предусматривал «возвращение партии в народ», возрождение у конгрессистов духа «служения, самопожертвования» и высоких идеалов. На практике это привело к увольнению шести министров из центрального правительства и шести главных министров в штатах.

В прессе того времени писали, что таким способом Неру избавился от неугодных ему лидеров партии и заодно изменил в ней ситуацию в связи с возможным избранием его преемника (в 1962 г. он серьезно заболел). Таким образом, эта проблема впервые стала обсуждаться публично. В декабре 1963 г. был проведен опрос среди жителей Бомбея, в котором они должны были ответить на вопрос: «Кто после Неру?» Опрос носил местный характер, и, тем не менее, полученные на нем результаты представляли определенный интерес. Среди тех, кого назвали

респонденты, были Я.Б. Чаван (министр обороны Индии), Морарджи Десаи, Лал Бахадур Шастри (последние два вышли в отставку из правительства по плану Камараджа), Индира Ганди и Виджая Лакшми Пандит¹.

В январе 1964 г. на открытии 68-й сессии Конгресса в Бхубанешваре у Неру случился инсульт. Врачи посоветовали ему полный отдых на 4–6 недель. После этого работа сессии Конгресса продолжилась без Неру. В руководстве Конгресса началось серьезное обсуждение вопроса о возможном преемнике Неру на посту руководителя страны. На этой же сессии в Бхубанешваре было объявлено, что министр внутренних дел Гулзарилал Нанда и министр финансов Т.Т. Кришнамачари будут вместе выполнять повседневные обязанности премьер-министра. Было также предложено вернуть в состав правительства Л.Б. Шастри в качестве министра без портфеля. Он должен был помогать премьер-министру до его выздоровления по всем вопросам, находящимся в его непосредственной ответственности, включая и внешние сношения. Фактически это исключало Индиру Ганди из числа претендентов на высший пост в стране. Что касается Неру, то еще раньше он говорил, что преемник должен выявиться естественным образом в результате демократической процедуры.

В начале апреля 1964 г. Неру приступил к работе и казалось, что он справился с тяжелым заболеванием и кризис миновал. 15 апреля Индира Ганди вылетела в Вашингтон с письмом Неру к президенту США Линдону Джонсону. Цель ее поездки – заверить Джонсона, что жизни Неру ничто не угрожает, а также подтвердить его желание разрешить кашмирский вопрос. 27 апреля она встретилась с Джонсоном и вылетела обратно в Индию. В начале мая Неру с дочерью поехал в Бомбей для участия в заседании Всеиндийского комитета Конгресса, на котором обсуждался очередной массовый исход индусов из Восточного Пакистана. Эта поездка для Неру была большим испытанием, он больше молчал, не вмешиваясь в дискуссию. После возвращения в Дели 17 мая у него произошел очередной инсульт. Положение стало критическим.

¹ The Amrita Bazar Patrika. – Calcutta, 01.01.1964.

В тот же день Индира Ганди написала своему родственнику послу Индии в США Б.К. Неру: «Кампания против папы хороша продумана и организована. Предпринимаются все усилия, чтобы ослабить его позиции, и, если возможно, устранить его с занимаемого поста. Он по-прежнему в порядке и возвышается над ними... Но он уже не тот. Один за другим его старые коллеги ушли. Его окружают люди мелкого калибра, имеющие слабое представление (о политике), нелояльные, неискренние, не имеющие чувства цели. Разве непонятно, что его жизненные силы стали угасать?»².

Несмотря на болезнь, Неру выступил на пресс-конференции 22 мая 1964 г. Один из корреспондентов задал ему прямой вопрос: «Сообщалось, что в интервью телевидению США Вы сказали, что не готовите Индиру Ганди занять пост премьер-министра. Не было бы правильнее в интересах управления и стабильности в стране решить проблему преемственности при Вашей жизни демократическим путем?» Неру ответил: «Это наводящий вопрос» и засмеялся. Корреспондент продолжал: «Но это у всех на устах». На что премьер-министр сказал: «Мало ли что говорят. Моя жизнь не закончится так скоро»³.

Неру вместе с Индирой вылетел 23 мая 1964 г. в расположенный в предгорьях Гималаев Дехрадун, чтобы избавиться от удушающей майской жары в Дели. Но его отдых оказался недолгим. Лишь один день с небольшим он провел в уединенном правительственном гостевом доме в тенистом лесу, гулял по дорожкам, сидел под его любимым камфоровым деревом, слушал пенье птиц, читал и писал, иногда диктовал поручения.

Дехрадун был одним из самых любимых мест Неру, к которому он испытывал особую привязанность. Сюда задолго до независимости Индии приезжала вся его семья во главе с отцом Мотилалом. Они располагались в отеле «Савой» в местечке Миссури, рядом с Дехрадун, которое уже тогда было известным горным курортом с прохладным мягким климатом.

² Indira Gandhi to B.K. Nehru. May 17, 1964// Цит. по *Jayakar, Pupul*. Indira Gandhi. An Intimate Biography. – New York: Pantheon Books, 1988. – P. 121.

³ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V. March 1963–May 1964... – P. 228.

Впервые Неру побывал здесь в 1906 г., когда ему было 16 лет. Позже этот курорт стал местом его частых поездок для отдыха и встреч с политическими лидерами во время знойного лета на равнине Ганга.

Приходилось бывать здесь и не по своей воле. Трижды британские власти заточали его в дехрадунской тюрьме. Именно здесь в 1934 г. он начал писать Автобиографию. Тогда его поместили в одиночную камеру, из которой он даже не мог видеть Гималаи, покрытые снегами. Неру любил эти горы и раньше много бродил в их предгорьях. Эту любовь к Дехрадуну Неру пронес через всю жизнь. При любом удобном случае он возвращался в эти края. Так произошло и в последние дни его жизни.

25 мая Неру посетил своего давнего друга Сри Пракаса, бывшего министра и губернатора, который жил в горах в восьми милях от Миссури. Там он отобедал с хозяином, а затем вместе с Индирой проехал к известному своей прозрачной и чистой водой роднику «Сахрадхара». В гостиницу Неру вернулся бодрым и отдохнувшим. Настроение у него было отличное. Он даже хотел отложить возвращение в Дели на один день. Однако в конечном счете было решено следовать ранее установленному графику – отправиться вечером 26 мая в Дели с тем, чтобы там на следующий день работать в соответствии с намеченным планом. Неру вылетел на вертолете на базу ВВС в Сарасава, а оттуда – на военном самолете в Дели⁴. Утром 27 мая у него произошел разрыв аорты, и в 13.30 того же дня врачи констатировали смерть.

Похороны Джавахарлала Неру состоялись 28 мая. Сотни тысяч людей сопровождали траурную процессию, в которой участвовали представители от многих государств, в том числе председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин.

В своем завещании Неру писал: «Когда я умру, я хотел бы, чтобы мое тело было кремировано. Если я умру за рубежом, мое тело должно быть кремировано там, а мой прах отослан в Аллахабад. Небольшая часть праха должна быть брошена в Гангу⁵,

⁴ *Kanwar, Raj. Dehradun's Last Tryst with Nehru // The Hindu. – 27.05.2013.*

⁵ *Ганг* – на языке хинди женского рода.

бóльшая часть должна быть развеяна с самолета над полями, где трудятся крестьяне Индии, так чтобы он смешался с землей Индии и стал ее неотъемлемой частью». В завещании Неру указал также, что после его смерти не должно быть никаких религиозных церемоний. Он писал: «Я не верю ни в какие из этих церемоний, и их проведение ради формальности было бы ханжеством и попыткой обмануть нас и других». Неру ясно дал понять, что желание погрузить его прах в воды Ганги не было связано с религиозными обрядами индуизма.

Завещание Неру, которое он написал 21 июня 1954 г. – за десять лет до смерти, – содержит мысли, далеко выходящие за пределы того, что обычно связывают со смертью человека. Он писал о прошлом и будущем Индии, которое для него олицетворяла Ганга – река всей Индии, любимая всеми индийцами, река национальной памяти, река надежд и страхов, река победных гимнов и поражений Индии. Ганга была символом вековой индийской культуры и цивилизации, вечно меняющейся, вечно текущей, и в то же время той же самой Гангой. Она напоминает мне, писал Неру, о покрытых снегом пиках и долинах Гималаев, которые он так любил, плодородных огромных равнинах, где прошла его жизнь и работа. «Улыбающаяся и танцующая в утреннем солнце, мрачная и темная, полная тайн, когда падают вечерние тени, узкий медленный поток в зимние месяцы и огромная, ревущая масса воды во время муссонных дождей, широкая, как море, с такой же разрушительной силой, Ганга была для меня символом и памятью о прошлом Индии, бегущей в настоящее, в великий океан будущего. Я отбросил многие традиции и обычаи прошлого и с нетерпением жду, чтобы Индия избавилась от всех оков, которые сковывают и сдерживают ее, разделяют ее народы, угнетают многие из них и мешают свободному развитию духа и тела. Я стремлюсь к тому, чтобы все это произошло. Но я не хочу полностью порвать с прошлым. Я горд этим великим наследием, которое было и остается нашим. Я осознаю, что так же, как все мы, являюсь звеном в неразрывной цепи, которая уходит в прошлое, в зарю истории незапамятного прошлого Индии. Эту цепь я не стану рвать, так как дорожу ею и ищу вдохновения в ней. И как свидетельство этого

желания и моего последнего почитания культурного наследия Индии, я прошу, чтобы горсть моего пепла была брошена в Гангу около Аллахабада, чтобы он был унесен в великий океан, омывающий берега Индии»⁶.

Это завещание было прочитано его сестрой Виджаей Лакшми Пандит по всеиндийскому радио⁷.

Несмотря на завещание Неру, его похороны прошли с соблюдением религиозных обрядов индуизма. Церемонией руководил главный жрец одного из делийских храмов. Еще три жреца читали молитвенные песнопения из Гиты и Вед, когда младший внук Неру Санджай зажег погребальный костер, сложенный из сандалового дерева. Старший внук Раджив, который должен был исполнить эту обязанность, не успел к этому времени прилететь из Лондона.

Как писала сестра Неру Кришна, «несмотря на желание моего брата, на кремации присутствовали священники. Правительство сделало все приготовления к традиционной церемонии. Мы ничего не могли поделать с этим. И, кроме того, единственными, кто знали, как сложить погребальный костер и все остальные детали, были жрецы»⁸.

Вместе с тем в других церемониях, кроме кремации, приняли участие (по их просьбе) священники иных вероисповеданий – мусульмане, христиане, буддисты и евреи. Это было согласовано с Индирой Ганди, которая не хотела обидеть кого-либо из них⁹.

Индира Ганди отвезла часть праха Неру в Аллахабад, где развеяла его вместе с пеплом ее матери Камалы в водах при слиянии Ганга и Джамуны. Еще одну часть она развеяла с самолета над Кашмиром.

В траурных церемониях по случаю кончины Неру в разных местах страны приняли участие миллионы людей. Автор этой

⁶ *Nehru, Jawaharlal. Will and Testament. June 21, 1954 // Mainstream. – 24.05.1986. – P. 36.*

⁷ *Vasudev, Uma. Op. cit. – P. 306, 307*

⁸ *Nehru Hutheesing, Krishna with Alden Hatch. Op. cit. – P. 294–296.*

⁹ *Vasudev, Uma. Op. cit. – P. 309, 310.*

книги ранним утром 28 мая 1964 г. вместе с генеральным консулом СССР в Калькутте Н.И. Войновым выехал на машине из столицы Бихара Патны в г. Бегусарай, где при помощи Советского Союза строился нефтеперегонный завод. По дороге мы увидели огромные толпы людей, которые стихийно собирались в городах и деревнях. Там мы узнали, что умер Неру. Повернули обратно в Патну, откуда генконсул сразу же вылетел в Калькутту, а мне как дипломату было поручено принести соболезнования правительству штата Бихар. Что и было сделано. Вернувшись в Калькутту, я, по приглашению правительства Западной Бенгалии, принял участие в массовой церемонии погружения праха Неру в воды Ганга. Подобные же церемонии прошли и в других частях Индии, куда также был доставлен пепел с погребального костра Неру.

На рабочем столе Неру остались строки из поэмы Роберта Фроста «Прогулка по лесу»:

Дремучий лес тенист и манит отдохнуть,
Но у меня есть долг – держать свой путь.
И много миль еще пройти и лишь тогда уснуть,
И много миль еще пройти и лишь тогда уснуть»¹⁰.

* * *

Болезнь и смерть отца повлияли на психическое состояние Индиры Ганди. Сначала она надеялась, что эта болезнь – всего лишь временное явление, и, как говорили врачи, своеобразное «предупреждение природы». Индира Ганди писала своей американской подруге Дороти Норман, что она испытывает «огромное давление» со всех сторон, но ей до сих пор удается сохранять присутствие духа¹¹. В письме той же Норман от 8 мая она отмечала, что вопрос о будущем беспокоит ее. «Я чувствую, – писала

¹⁰ Перевод Ф.Н. Юрлова. Примечательно, что во время президентской избирательной кампании 1960 г. в США Джон Кеннеди каждое свое выступление заканчивал теми же словами из Роберта Фроста (*Halberstam, David. The Best and the Brightest.* – New York: Ballantine Books, 1993. – P. 38).

¹¹ *Norman, Dorothy. Indira Gandhi. Letters to an American Friend (1950–1984).* – N.Y.: A Hellen and Kurt Wolf Book, 1985. – P. 99.

Индира Ганди, – что должна обосноваться вне Индии, по крайней мере на один год или около того. И это означает, что нужно зарабатывать на жизнь... Это еще не вполне ясно, но постоянно беспокоит меня. Желание быть вне Индии, а также злоба, ревность и зависть, которые окружают меня, становятся невыносимыми. А также то, что рядом нет ни одного человека, с которым можно было бы поговорить или спросить совета даже по менее важным вопросам»¹².

11 июня 1964 г., уже после смерти отца, она пишет Норман, что ее «личное горе» – всего лишь малая часть той пустоты, которая образовалась после ухода отца...¹³ Это письмо было написано после того, как сразу же после смерти Джавахарлала Неру исполняющим обязанности премьер-министра стал Гулзарилал Нанда, а 9 июня на этот пост был назначен Лал Бахадур Шастри. Он нанес визит вежливости Индире Ганди и предложил ей стать премьер-министром. Она отказалась. «Если бы я стала премьер-министром, они уничтожили бы меня», заметила потом Индира Ганди¹⁴. После этого Шастри предложил ей войти в состав правительства. Она сначала отказалась. Но Шастри сказал ей, что не сможет сформировать стабильное правительство без ее участия. После этого Индира Ганди согласилась занять пост министра информации и радиовещания. И, тем не менее, она по-прежнему испытывала чувства подавленности и отчаяния. 5 июля 1964 г. она писала Норман: «Я не знаю, как мне выжить!»¹⁵. И, тем не менее, после неожиданной смерти Шастри в январе 1966 г. Индира Ганди была избрана лидером Конгресса и стала премьер-министром правительства Индии.

¹² Ibid. – P. 103.

¹³ Ibid. – P. 104.

¹⁴ Hutheesing, Krishna to A.C.M. Nambiar. July 6, 1964 // Цит. по Jayakar, Pupil. Op. cit. – P. 122.

¹⁵ Norman, Dorothy. Op. cit. – P. 106.

Заключение

Джавахарлал Неру был центральной политической фигурой Индии в первые 17 лет ее независимости. Его вклад в строительство независимой Индии следует рассматривать на фоне социально-экономической и политической ситуации, сложившейся в стране к 1947 г.

Основным итогом колониального правления была бедность большинства населения Индии. Перед независимостью глубина и масштабность социально-экономических проблем в стране достигли критического уровня. Голод был частым спутником миллионов людей.

После завоевания независимости возник вопрос о главном векторе развития страны. Идеи Неру и его деятельность на посту премьер-министра сыграли ключевую роль в сложнейший период перехода от колониального управления страной к строительству свободной Индии. Заложенные им фундаментальные принципы демократии, секуляризма, социальной справедливости легли в основу развития Индии на последующие десятилетия. Этой же цели отвечала созданная при его активном участии система планирования и смешанной экономики, в которой большая роль отводилась государству при сохранении и развитии частного сектора.

Идеи Неру об историческом развитии Индии и ее будущем во многом не потеряли значения и сегодня. Он хорошо понимал грандиозность задач, стоявших перед страной. Неру писал: «Стремление понять и описать Индию сегодняшнего дня – это задача очень смелого человека. А попытка описать Индию завтрашнего дня граничит с безрассудством».

Неру считал, что единственный путь, открытый для индийцев, состоял в том, чтобы принимать мир таким, как он есть, и развивать толерантность между всеми. При этом каждая страна должна быть открытой для того, чтобы развиваться по своему собственному пути, учась у других, но не подвергаясь чуждому давлению. Это требовало нового ментального подхода, который впервые получил свое выражение в 1954 году в индийско-китайском соглашении о принципах мирного существования меж-

ду странами – Панча шила. Они включали взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимную выгоду. Эти принципы не потеряли своей значимости и сегодня.

В основе индийской модели развития, выработанной под руководством Неру, лежали жизненные реалии и адаптированный к ним комплекс идей демократии и социальной справедливости. Эти идеи не были прямым заимствованием из опыта европейских социалистов или Советского Союза. Чем больше страна продвигалась по пути независимого развития, тем больше эти идеи реформировались в своеобразный сплав «индийского социализма», национализма и западного либерализма.

Дебаты по вопросам социальной справедливости и равенства, остроактуальные для Индии, по существу, шли в рамках демократического развития страны и неприемлемости диктатуры. При Неру индийская общественная и политическая элита уделяла много внимания сохранению социальной стабильности в обществе. Именно этой стабильности и отвечал лозунг социальной справедливости. Его реализация в конкретных программах (ликвидации нищеты, неграмотности, распределения земель среди бедноты и т. д.) не только способствовала улучшению положения низов и давала им надежду на лучшее будущее, но и обеспечивала социальную и политическую устойчивость общества и государства. В этом смысле идеи социальной справедливости и равноправия в Индии, безусловно, сыграли положительную роль.

Сформировавшийся под непосредственным влиянием Неру «конгрессистский социализм» отрицал теорию классовых борьбы, отвергал любую диктатуру, утверждал использование демократических методов и решение проблем мирными средствами, эволюционным путем. Политика Неру подвергалась мощному внешнему влиянию. Это – опыт социалистической революции в России, достижения и жертвы советского строительства в СССР, успехи и кризисы капиталистического мира, колониализм и империализм. Под воздействием этих сил, а также ме-

нявшихся условий в стране и мире эволюционировала и сама социалистическая идея Неру.

Дистанцирование Неру от советской модели социализма касалось многих сторон общественно-политической и экономической жизни Индии. Об этом свидетельствовали программы Конгресса и его правительства о путях развития страны 1950–1960 гг. – строительство «общества социалистического образца» (1955 г.) и «демократического социализма» (1963 г.). Но главной была приверженность Индии принципам демократического развития при сохранении разных форм собственности, и прежде всего частной собственности на землю. Индийский социализм не привел к переделу собственности или ее экспроприации, как это было в СССР.

Принципиальное отличие индийского опыта общественного развития от российского революционного опыта 1917 г. и 1991 г. состояло в том, что он был прежде всего эволюционным и демократическим. При Неру Индия вела поиски путей развития во многом на основе собственных исторических традиций. В своей политической практике, государственном и общественном строительстве эта страна использовала методы, основанные на традиционных особенностях индийского общества.

Индийцы брали лучшее у других (например, демократическое устройство) и осторожно, не форсируя, встраивали это лучшее в свою систему ценностей, придавая ему национальное своеобразие. При этом они постоянно реагировали на сигналы снизу, на то, как воспринимает общество новые элементы социального устройства, не отторгает ли оно их. Далекое не все получалось гладко и спокойно, да и не могло быть иначе, если принять во внимание масштабы страны и огромный объем сложнейших проблем, стоявших перед ней во время ее перехода из колониально-феодалного состояния в иное качество, связанное с достижением независимости и строительством современного демократического государства.

В годы пребывания Неру у власти политические партии и группы, выдвигавшие социалистическую идею в своих программах, в первую очередь, Конгресс, рассчитывали на привлечение на свою сторону огромных масс социальных низов. Но вряд ли

можно говорить о какой-либо единой концепции «индийского социализма». Его толкования широко варьировались в зависимости от партийной принадлежности тех, кто выступал с лозунгами социальной справедливости, равноправия, защиты интересов социальных низов. Важно отметить при этом несколько существенных моментов. Во-первых – эти лозунги падали на благодатную почву в стране, где огромная масса населения жила за гранью бедности. Во-вторых – индийский социализм тесно увязывался с демократией и с ненасильственными методами борьбы за преобразование общества (исключение составляли сравнительно малочисленные левозэкстремистские группировки). В-третьих – идеи социальной справедливости учитывали исторический опыт и традиции страны, хотя и не без влияния извне. И в-четвертых – это развитие носило эволюционный характер.

За годы пребывания Неру у власти Индия осуществила прогресс в индустриализации и развитии базовой инфраструктуры. В аграрной сфере достижения были значительно более скромными, хотя и удалось, в основном, избавиться от перманентной угрозы голода, связанного как с нехваткой продовольствия, так и его неравноправным распределением.

Неру приходилось принимать во внимание крайнюю ограниченность ресурсов Индии в начальном периоде ее независимости. Отсюда неизбежность трудного выбора приоритетов развития – между тем, что дает быстрый, хотя и скромный результат, и тем, что не ведет к немедленной социальной и экономической отдаче, но закладывает фундамент для будущего развития страны. В бедной и голодной Индии при всей непопулярности второго варианта Неру предпочел именно его, так как это давало надежду на будущее. Этой цели отвечало строительство металлургических заводов, электростанций, нефтеперерабатывающих и других крупных промышленных предприятий, которые Неру называл «современными храмами». С этой же целью были созданы научные институты, которые дали импульс подготовке квалифицированных специалистов, в том числе и в сфере высоких технологий. Эти институты являются сегодня одними из лучших в мире.

Приверженность Неру социально-демократическим идеалам в его политической практике сочеталась с эволюционным развитием Индии, без крупных социальных потрясений, которые могли бы подорвать столь необходимую тогда политическую стабильность и единство страны.

Проблема единства в многоконфессиональной и полиэтнической Индии была одной из ключевых в идеологии и политике Неру. Лозунг «единство в многообразии» настойчиво осуществлялся им в конкретной практической жизни. После травматического раздела Индийского субконтинента по религиозному признаку Неру остро воспринимал любые попытки внести разнь между религиозными общинами, особенно индусами и мусульманами. И предпринимал меры, иногда весьма жесткие, чтобы воспрепятствовать этому. Проблема единства страны была особенно сложной с учетом того, что никогда ранее весь огромный субконтинент, на котором расположена современная Индия, не был единым государством. Строительство такого единого независимого государства выпало на долю Неру и его сподвижников, в том числе Валлабхая Пателя, который нередко был оппонентом Неру по ряду вопросов внутренней и внешней политики.

Неру заявлял, что при планировании главных направлений жизни страны базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством. Неру также разъяснял, что в основе планирования лежит концепция единства Индии и кооперативных усилий всех ее народов, борьбы с разделительными тенденциями и местничеством, провинциализмом, коммунализмом и кастеизмом. При этом он подчеркивал, что строительство независимой Индии и решение проблемы нищеты и безработицы демократическим путем в таких гигантских масштабах нигде еще не было сделано.

Правительство Неру подчеркивало необходимость утверждения принципов справедливости и равенства в обществе, установления социализма мирным путем, без насилия и дик-

татуры, на основе демократии. Выработанная Неру концепция среднего пути нашла свое выражение в теории и практике смешанной экономики. Он полагал, что в такой слаборазвитой стране, как Индия, нельзя добиться прогресса без государственного сектора и контроля над частным сектором в наиболее важных сферах. При этом Неру вполне определенно заявлял, что не хочет установления государственного социализма экстремального типа, при котором государство является всемогущим и управляет практически всем. Поэтому нужно придерживаться децентрализации экономической власти. И каждый человек в государстве должен иметь равные возможности для развития.

Неру полагал, что, для обеспечения полной демократии недостаточно только политической, в том числе парламентской демократии. Нужно создать экономическую демократию, которая должна дать возможность всем людям пользоваться ее благами и получить более или менее равные шансы на прогресс. Выбор парламентской формы правления в Индии был связан с тем, что эта форма государственного управления дает возможность мирного решения проблем. Естественно, что большинство имеет возможность принимать свои решения, но оно не может игнорировать мнение меньшинства, которое должно играть очень значительную роль.

Политическую демократию вряд ли можно создать без массового образования, считал Неру. В развитых и иных странах полнокровная политическая демократия стала возможной только после того, как образование распространилось в массах в результате экономической революции.

Он придерживался мнения, что Индия будет продвигаться вперед «по особому пути демократии с большой долей социализма» – не доктринарного социализма, а практического, прагматического социализма, который будет соответствовать индийским идеалам и индийским запросам.

Особенность деятельности Неру состояла в том, что у него не было сильных оппонентов в правительстве и Конгрессе, которые могли бы бросить ему вызов (за исключением В. Пателя, который умер в 1950 г.). Критики политики Неру из других политических партий не обладали тем влиянием, которое могло

бы позволить им изменить ход событий. Для Неру и его партии все это имело неоднозначные последствия. Он, по существу, оказался в роли единственного «незаменимого» лидера, без которого не принимались значимые решения. Более того, Неру по складу своего характера не умел или не хотел делегировать власть другим. Он взвалил на свои плечи огромное бремя: кроме должности премьер-министра, он исполнял обязанности министра иностранных дел, председателя Плановой комиссии, а также президента правящей партии (1951–1954 гг.). Это давало основание некоторым политикам, как в Конгрессе, так и в оппозиции, обвинять его в склонности к диктаторскому поведению.

Это входило в противоречие с демократическими ценностями и устремлениями Неру. Он не мог не выступать за развитие демократических институтов, в том числе и оппозиционных политических группировок. Это диктовалось не только принципами демократии, но и многообразием культурных и социально-экономических условий в разных штатах Индии. Это вело к созданию других, кроме Конгресса, центров влияния в стране, вокруг которых в Дели и штатах начали собираться силы, пользовавшиеся влиянием в религиозно-общинных организациях и партиях. Это были Хинду махасабха, Раштрия сваямсевак сангх, Акхил Бхаратия джана сангх, различные мусульманские, сикхские, христианские группировки и партии. Позже образовалась правая партия Сватантра, которой удалось на время объединить под своим крылом крупных промышленников и бывших князей. На Конгресс оказывали давление и левые группировки – КПИ, социалистические партии, Форвард блок и другие.

Но главная проблема для правительства Неру состояла в укреплении единства в Конгрессе, который во многом представлял собой своеобразную коалицию социально-политических сил в центре и штатах. Неравномерность социально-экономического развития в регионах вела к созданию политических объединений в отдельных штатах, которые стали противостоять Конгрессу. Как показали дальнейшие события (выборы 1962 г., 1967 г. и последующие), это был естественный ход развития, связанный с укреплением роли штатов в рамках федеративной

(по существу) структуры власти. Этот процесс, видимо, можно было замедлить, но не остановить. В этом смысле начавшееся уже при жизни Неру ослабление влияния Конгресса было естественным результатом социально-экономического и политического развития страны.

В последующие годы наблюдался отход от социально-экономического курса Неру в сторону отказа от ряда элементов социальной справедливости и равенства граждан. Особенно заметно это происходило после смерти Индиры Ганди. Хотя последующие руководители Конгресса и его правительств (Раджив Ганди, Нарасимха Рао, Соня Ганди), а также представители правой консервативной БДП использовали лозунги социальной справедливости, нередко в популистских целях, но на деле общая тенденция развития страны шла по иному пути. Возглавляемое Конгрессом коалиционное правительство Объединенного прогрессивного альянса (2004–2014) вообще отказалось от этих лозунгов в пользу «инклюзивного развития».

Возникавшие в этой связи проблемы совпали по времени с большими трудностями, с которыми Неру столкнулся во внешней политике. Война с Китаем в 1962 г. нанесла большой ущерб популярности Неру, который в течение многих десятилетий до этих событий настойчиво выступал за развитие отношений с этой страной. Поражение Индии в этой войне некоторые рассматривали как личное поражение Неру. Как писала его сестра В.Л. Пандит, после этого он так и не смог оправиться. Это подорвало политические позиции и здоровье 73-летнего Неру.

Но этот трагический для Неру эпизод не умаляет его достижений во внешней политике, позволившей Индии за короткий исторический срок войти в число тех стран, которые оказывали влияние на формирование международных отношений в период после Второй мировой войны. Он тонко учитывал расстановку сил на международной арене, где противостояли две супердержавы – США и СССР. Неру принадлежит идея мирного сосуществования стран с разными социальными системами. По существу, именно он стал использовать во внешней политике идею неприсоединения к силовым блокам, которая воплотилась в Движении неприсоединения. Это движение доказало свою эф-

фективность при жизни Неру и на несколько десятилетий после него вплоть до раскола Советского Союза. С начала 1990-х годов оно во многом утратило востребованность как идеологическая и политическая платформа борьбы против колониализма и империализма и повернулось в сторону сотрудничества между развивающимися странами¹.

После того, как Конгресс во главе с членами династии Неру–Ганди – Соней Ганди и Рахулом Ганди потерпели сокрушительное поражение на парламентских выборах в мае 2014 г., (получив всего лишь 19% голосов избирателей и 44 депутатских мандата из 543), возникли вопросы – как эта старейшая партия будет развиваться и действовать дальше, какое место в Индии будут занимать члены этой династии, не сойдет ли она вообще с политической арены и т. д.? Ответ на эти и подобные вопросы зависел от последующей расстановки сил в стране, от проводимой новым правительством во главе с Нарендрой Модии политики в стране и за рубежом.

В этой связи нелишне заметить, что за последние 10 лет пребывания у власти Конгресс и его правительство по существу во многом отказались от того, что составляло основу социально-экономической политики первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру, в том числе от следования курсу на социальную справедливость, включая проблемы бедных слоев населения. К 2014 г. в стране насчитывалось около 500 млн человек, имеющих доход менее 1,25 доллара в день. Попытки решить их проблемы за счет «инклюзивного роста», привели прежде всего к гигантскому обогащению небольшой группы плутократов, хотя в известной мере способствовали созданию среднего класса, чрезвычайно разнородного в имущественном плане – от высшего среднего класса до низшего среднего класса, финансово-экономические возможности которых резко отличались. Бедняки по существу остались внизу социальной структуры, их абсолютное число не снизилось, а наоборот увеличилось. При новых потомках династии Неру-Ганди до огромных масштабов выросла коррупция. В последние два года

¹ *Haksar P.N. The Relevance of Jawaharlal Nehru // Haksar P.N. Premonitions. – Bombay: Interpress, 1979. – P. 18–30.*

развитие экономики Индии снизилось с 9 – 10 % в предыдущие годы до 5% в 2013–2014 гг.

На этом фоне победа консервативной БДП во главе с динамичным главным министром штата Гуджарат Нарендрой Модии стала неизбежной. Выборы еще раз подтвердили, что без решения проблем сотен миллионов бедняков Индия обречена на стагнацию.

В свою очередь Конгресс, по-прежнему во главе с Соней Ганди и Рахулом Ганди стал вновь обращаться к наследию Джавахарлала Неру, пока, естественно, только в политической риторике. Это понятно, потому что он находился в оппозиции, утратил многие рычаги влияния, в том числе в штатах. Об этом свидетельствовали результаты выборов в законодательные собрания Махараштры (население более 100 млн человек) и Харьяны (около 30 млн), состоявшиеся в октябре 2014 г. Конгресс потерпел крупное поражение в обоих штатах, а БДП, возглавляемое Модии, впервые пришла к власти в них. Эта тенденция подтвердилась и на выборах в законодательные собрания штатов Джаркханд и Джамму и Кашмир в декабре этого же года. На них Конгресс вновь понес большой урон, потеряв поддержку значительной части избирателей.

Осторожно нащупывая новый вектор внешней политики, правительство во главе с БДП стало смещать акценты в ней в сторону большего сотрудничества с Японией и США. Состоялись визиты премьер-министра Индии в эти страны. С Японией было заключено соглашение на 35 млрд долларов на развитие индийской экономики в течение пяти лет. После этого по итогам визита в Индию председателя КНР Си Цзиньпина было подписано соглашение на развитие экономики Индии на сумму в 20 млрд долларов. Вместе с тем Модии участвовал во встрече глав стран БРИКС в Бразилии.

Состоявшийся в сентябре 2014 г. визит Модии в США в политическом плане выглядел весьма успешным. Ему был оказан радушный прием. На массовом митинге в Нью-Йорке Модии заявил: «Вы проявили ко мне большую любовь. Столько любви ранее не получал ни один индийский лидер». В этой связи журнал Economist писал, что, несмотря на такой горячий прием,

не было подписано каких-либо крупных соглашений. Вопрос о том, внес ли визит Моди в США вклад в оживление индийской экономики или нет – то это совершенно другое дело. Американские фирмы не могут более помогать производствам с использованием большого числа работников, которые нужны Индии, чтобы создавать рабочие места для миллионов молодых индийцев. Это – сфера Восточно-Азиатских фирм. Но, похоже, что Моди не обратил на них внимания. До сих пор он предпочитает странную комбинацию из создания чрезвычайных ожиданий и восторженного отношения к нему самому.

Там же журнал, завершая статью о визите Моди в США, писал, что когда первый премьер-министр Индии Джавахралал Неру посетил США с визитом в 1949 г., он проехал всю Америку, выступал в университетах, встречался с Альбертом Эйнштейном. Неру был шокирован уровнем коммерциализации в США и шутил, что «никто не должен посещать Америку в первый раз». В Колумбийском университете он подчеркнул, что если надежды бедных не будут удовлетворены, то тогда появится «апатия или отчаяние, либо разрушительный гнев революционеров»².

К началу XXI в. Индия добилась заметных достижений. По объему экономики она вошла в пятерку первых стран мира (по паритету покупательной способности). Немалые успехи были достигнуты в области образования, науки, в развитии высоких технологий. На международной арене Индия заняла достойное место среди всех стран. К ее голосу прислушиваются во всех государствах планеты. В этом есть и немалая заслуга Джавахарлала Неру. Вместе с тем и после 65 лет независимости в Индии остаются далеко не полностью реализованными те задачи, которые он поставил в своей речи в первый день независимости страны. Он говорил, что будущее Индии будет нелегким, что служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают от нищеты и невежества, болезней и неравенства возможностей. С тех пор население Индии выросло почти

² India and the United States. Charming, disarming. Narendra Modi takes America by storm // The Economist, 04.10.2014. – P. 48.

в четыре раза – до 1 млрд 250 млн человек. Вырос и объем проблем, стоящих перед страной, в том числе и в социальной сфере.

Было бы ошибкой видеть в Неру какого-то пророка, идеализировать его. Он действовал в сложнейшей обстановке как внутри страны, так и за ее пределами. Отсюда неизбежные ошибки и просчеты. Но главный вектор развития Индии, который задал Неру, оставался в своей основе неизменным, несмотря на отходы и отступления от его политической линии в последующие годы. В этом смысле наследие Неру до сих пор остается востребованным.

14 ноября 2014 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Джавахарлала Неру. В этой связи руководство Конгресса, еще до поражения этой партии на выборах в мае того же года, разработало план мероприятий. Был создан организационный комитет. Правительство во главе с Конгрессом предусмотрело выделение 1 млрд рупий на эти цели. Помимо собраний и митингов, имелось в виду создание фильма о жизни Неру, выпуск памятной монеты, почтовой марки и т. п.

В начале ноября 2014 г. правительство БДП сформировало свой комитет во главе с премьер-министром Н.Моди по празднованию 125-летней годовщины со дня рождения Неру. На заседании этого комитета 1 ноября 2014 г. было объявлено, что в связи с этой годовщиной предусматривалось распространить начатую ранее правительством кампанию «Очистим Индию» на детские сады и школы, а также пропагандировать научные знания среди детей. Отмечалось, что ранее годовщина рождения Неру отмечалась как День детей. Имелось также в виду, что первая часть таких мероприятий будет проводиться с 14 ноября по 19 ноября (день рождения Индиры Ганди).

В ответ на это руководство Конгресса заявило, что правительство Моды пытается уменьшить значение Неру и ограничить празднование только проблемами детей. Один из бывших министров конгрессистского правительства Ананд Шарма сказал, что правительство БДП «пытается узурпировать наших лидеров», не придерживаясь их ценностей. Махатма Ганди выступал не только за то, чтобы очистить Индию от грязи. А Неру был интеллектуалом, государственным деятелем и мировым

лидером. Никакая сила или отдельная личность не могут при-низить его значение»³.

Выступая на митинге по случаю годовщины со дня рождения Неру, Соня Ганди заявила, что, наверное, нет той сферы жизни, в которую он не внес бы свой вклад, нет такой проблемы Индии, для которой он не пытался бы найти решение. Он обладал потрясающей энергией, направленной на строительство новой единой нации. Она также сказала, что критики Конгресса должны знать, что эта партия существует более ста лет и продолжит жить, поскольку «мы вдохновляемся идеями наших отцов-основателей». В свою очередь, Рахул Ганди обрушился на БДП: «Сегодня сердитые люди, правящие страной, хотят запретить английский язык и продвинуть хинди. С одной стороны, они взяли в руки метлы, чтобы попасть в фотообъектив, с другой, они распространяют яд религиозно-общинной ненависти. Только Конгресс может бороться и победить сеятелей ненависти, добившихся власти»⁴.

Находившийся в Австралии на саммите 20-ки премьер-министр Моди заявил 14 ноября 2014 г.: «Сегодня мы отмечаем 125-ю годовщину со дня рождения нашего первого премьер-министра пандита Джавахарлала Неру. Я выражаю ему свое глубокое уважение. Мы вспоминаем о вкладе Неру в освободительную борьбу и его роль в качестве премьер-министра Индии»⁵.

Руководство БДП, реагируя на высказывания лидеров Конгресса, обвинило их в использовании годовщины со дня рождения Неру с целью «расколоть общество и посеять ненависть». Отвечая на ремарку Рахула Ганди по поводу начала кампании «Очистим Индию», оно подчеркнуло, что БДП и Моди стремятся воплотить в жизнь мечту Махатмы Ганди, придав этой кампании характер массового движения.

Продолжая полемику по поводу наследия Неру, министр внутренних дел правительства БДП Раджнатх Сингх заявил, что его партия не согласна с политикой Неру в Джамму и Кашмире, многие также не согласны с его политикой в отношении

³ The Hindu. 12.11.2014.

⁴ Там же.

⁵ The Hindu. 14.11.2014.

Китай. Вместе с тем Неру был главной силой в Движении неприсоединения. Р. Сингх также сказал, что можно быть несогласным с политикой Неру, но нельзя подвергать сомнению его принципы и убеждения. Неру верил в разум народа, поэтому продвигал вперед демократию. Но люди считали, что эта демократия отвечала интересам элиты, тому, что «только одна семья правила страной». В то же время эта же демократия сделала возможным то, что на выборах 2014 г. торговец в чайной лавочке стал премьер-министром Индии⁶.

Р. Сингх подчеркнул, что Неру не выступал против какой-либо «экономической идеологии». Он был в согласии с социалистической и коммунистической идеологиями, но понимал их ограниченность. Неру считал, что смешанная экономика является идеальной для Индии. Р. Сингх сказал: «Я однозначно считаю его государственным деятелем и полагаю, что его труды должны изучаться в их целостности. Все его работы должны быть собраны воедино. Он открыл портал, в котором были представлены первые 15 томов трудов Неру, а также выпустил в свет две памятные монеты в его честь.

Другой министр в правительстве БДП Махеш Шарма поднял вопрос о клановости в управлении Индией. Он заявил, что Неру как государственный деятель не является наследием какой-либо одной семьи или династии. Премьер-министр Моди решил посвятить целый год празднованию годовщины со дня рождения Неру, который является источником вдохновения для всех индийцев. Шарма также сказал, что правительство санкционировало 200 млн рупий на празднование этой годовщины.

Битва за наследие Неру, а скорее за его интерпретацию, превратилась в своеобразное перетягивание каната. Лидеры Конгресса заявили, что для участия в конференции, посвященной Неру («Взгляды Неру на мир и его наследие: демократия, инклюзивность, власть»), которая состоялась 18–19 ноября 2014 г. в Дели, они пригласили представителей только секулярных, оппозиционных правительству БДП партий – левых и отколовшихся от Конгресса Тринамул парти и Националистической конгрессистской партии, В число приглашенных также вошли

⁶ Там же.

лидеры некоторых региональных партий, кроме религиозно-общинных, таких как Шив Сена и Широмани акали дал. Не был приглашен и премьер-министр Моди. Таким образом, Конгресс хотел собрать на этой конференции все политические силы, которые выступали против БДП. При этом подчеркивалось, что конференция носит партийный, а не правительственный характер. Кроме того, на конференцию были приглашены представители ряда политических партий и движений Азии и Африки.

Организаторы конференции характеризовали Неру как «глобального государственного деятеля, создателя институтов и глубокого гуманиста». Отмечалось также, что он «зложил фундамент современной Индии и демократии, основанной на секулярной идеологии», что он «сочетал в себе сочувствие к бедным и обездоленным с верой в науку и технологии, необходимые для формирования современного государства».

На конференции Соня Ганди заявила, что Неру был фигурой международного масштаба, поборником свободы, сочетавшим в себе лучшее из Востока и Запада. Величайшим историческим достижением Неру стала индийская демократия, которая является главным и самым прочным его наследием. В свою очередь, Рахул Ганди обрушился на тех, кто пытался «стереть» наследие Неру и память о нем в Индии. Участвовавшие в конференции представители левых партий сказали, что они поддерживают идеи Неру и его наследие, но не связывают это с Конгрессом⁷.

Борьба вокруг наследия Неру еще раз подтвердила, что он принадлежит не какой-то одной партии, а тем более одной семье, а всей Индии. Именно такой подход помогает лучше понять как достижения Индии, так и ее проблемы – прошлые, настоящие и будущие.

⁷ Samachar (Sify news), 18.11.2014; Nehru's Policies are of Enduring Relevance: Rahul // Outlook India.com/ 18.11.2014/

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азад, Абул Калам*. Индия добивается свободы. М.: ИЛ, 1961.
2. *Алаев Л.Б., А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова*. История Индии: учеб. для вузов. М.: Дрофа, 2010.
3. *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии: Краткий очерк. М.: Мысль, 1973.
4. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М: ИВ РАН, Крафт+, 2008.
5. *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: «Международные отношения», 2003.
6. *Бельский А.Г.* Индусский коммунизм: исторические истоки и идейно-политические принципы // Индуизм: традиции и современность. М.: «Наука», 1985.
7. *Бхатия В.* Джавахарлал Неру и становление индийско-советских отношений (1917– 1947). М.: Мысль, 1989.
8. *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Наука – Вост. лит., 2014.
9. *Ватс, Бхагат.* Интриги против Индии. М. 1971. – С. 125.
10. *Ганди, Индира.* Внешняя политика Индии. М.: Прогресс, 1982.
11. *Ганди, Индира.* Мир, сотрудничество, неприсоединение. М.: Прогресс, 1985.
12. *Ганди, Мохандас Карамчанд.* Моя жизнь. М: Наука, 1969.
13. *Гопал, Сарвепали.* Джавахарлал Неру.Биография. Т. 1. 1889–1947. М.: Прогресс, 1989.
14. *Гопал, Сарвепали.* Джавахарлал Неру.Биография. Т. 2. 1947–1956. М.: Прогресс, 1990.
15. *Гордон-Полонская Л.Р.* Подготовка английским правительством нового акта об управлении Индией и позиция индийских политических партий (1928–1933 гг.) //Ученые записки Института востоковедения. М.: АН СССР, 1957. – Том XVIII.
16. *Горошко Г.Б.* Борьба в Индии по вопросам внешней политики. 1957–1964. М., 1966.
17. *Горошко Г.Б.* Из истории установления советско-индийских дипломатических отношений // Народы Азии и Африки. 1982, № 3.

18. *Горошко Г.Б.* К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Индией // Индия 1988. Ежегодник. М.: Наука, 1990.
19. *Гхош, Аджой Кумар.* Статьи и речи. М., 1962.
20. *Датт В.П.* Внешняя политика Индии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.
21. *Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М.* Зарождение коммунистического движения в Индии. Очерки истории. М.: Наука, 1978.
22. *Денисов В.И.* Корея // История Востока. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Восточная литература РАН, 2008.
23. *Дьяков А.М.* Индия во время и после второй мировой войны 1939–1949 гг. М.: Академии наук СССР, 1952.
24. *Жебин А.З.* Кто виноват? // Азия и Африка сегодня. 2011, № 11.
25. *Журавлева Е.С., Кочетов В.П.* Внешняя политика Индии. 1964–1989 гг. М.: МГИМО МИД РФ, 1991.
26. *Ивашенцов Г.А.* Жизненная сила. «Панча шила» // Принципы Панча шила в современном мире. К пятидесятилетию со дня подписания Соглашения между Индией и Китаем о торговле и связях с Тибетским районом Китая / Отв. ред. Т.Л. Шаумян. – М.: ИВ РАН, 2004.
27. *Кауль Т.Н.* Индия и Азия. М.: Прогресс, 1989.
28. *Киссинджер, Генри.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1994.
29. *Клюев Б.И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М.: Наука, 1978.
30. *Комаров Э.Н.* Некоторые концептуальные проблемы социально-политического развития // Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1947–1987). М.: Наука, ГРЛВ, 1989.
31. *Джавахарлал, Неру.* Воспоминания. Исследования / Отв. ред. Э.Н. Комаров и Л.В. Митрохин. М: Наука, ГРВЛ, 1989.
32. *Комаров Э.Н.* Политическое развитие независимой Индии: основные формы, этапы и закономерности // Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. М.: ИВ РАН, 2003.
33. *Котовский Г.Г.* Земельная реформа в Индии 50–60-х годов и проблемы ограничения частного землевладения // Индия: общество, власть, реформы. ИВ РАН, М.: Вост. лит., 2003.
34. *Левковский А.И.* Начало массового общендийского национально-освободительного движения (движения Свадеши) // Наци-

- онально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака / ред. И.М. Рейснер и Н.М. Гольдберг. М.: изд. АН СССР, 1958.
35. *Лунев С.И.* Индия и США. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1987.
 36. Конституция Индии (С изменениями на 1 мая 1955 года). М.: ИЛ, 1967.
 37. *Маляров О.В.* Роль государства в социально-экономической структуре Индии. М.: Наука, 1978.
 38. *Мартышин О.В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: Наука, 1970.
 39. *Мартышин О.В.* Политические взгляды Джавахарлала Неру. М.: Наука, 1981.
 40. *Медведко Л.И., Медведко С.Л.* Восток – дело близкое. Иерусалим – святое. М.: Грифон, 2009.
 41. *Менон К.П.Ш.* Джавахарлал Неру в Советском Союзе // Индия. К 100-летию со дня рождения. Джавахарлал Неру (1889–1989). Ежеквартальный иллюстрированный журнал посольства Республики Индия в СССР. М., 1989.
 42. *Мукумджанова Р.М.* Пакистан, Южная Азия и политика США. 60-е годы – начало 70-х годов. М., 1974.
 43. *Насенко Ю.П.* Дж. Неру и внешняя политика Индии. М.: Наука, 1975.
 44. Национально-освободительное движение и деятельность Тилака / Отв. ред. И.М. Рейснер и Н.М. Гольдберг. М.: изд. Академии наук. СССР, 1958.
 45. *Неру, Джавахарлал.* Автобиография. М.: ИЛ, 1955.
 46. *Неру, Джавахарлал.* Открытие Индии. М.: ИЛ, 1955.
 47. *Неру, Джавахарлал.* Основной подход // Проблемы мира и социализма. 1959, № 4.
 48. *Неру, Джавахарлал.* Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. В 3 томах. М.: Прогресс, 1981.
 49. *Нилов (Юрлов) Ф.Н.* Западная Бенгалия: политические проблемы. М.: Наука, 1972.
 50. *Нилов (Юрлов) Ф.Н.* Леводемократические правительства в штатах Индии. М.: Наука, 1987.

51. Новейшая история Индии / Отв. ред. Балабушевич В.В. и Дьяков А.М. М.: Изд. восточной литературы, 1959.
52. *Плешова М.А.* Демократия в Индии. Проблемы местного самоуправления. М.: ИВ РАН, Наука, 1992.
53. *Прасад Р.* Автобиография. М.: Изд. ИЛ, 1961.
54. *Печатнов В.* Как Сталин и Молотов писали Черчиллю. По документам сталинского архива // Время новостей. 01.09.2009.
55. *Райков А.В.* Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: Наука, 1985.
56. *Райков А.В.* Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкий гос. пед. университет, 1999.
57. *Регинин (Чичеров) А.И.* Индийский национальный конгресс. Очерки идеологии и политики. М.: Наука, 1978.
58. *Растянных В.Г.* Аграрная революция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: Наука, 1973.
59. *Рейснер Л.И., Широков Г.К.* Современная индийская буржуазия. М.: Наука, 1966.
60. *Рейснер Л.И., Широков Г.К.* Планирование в Индии. М.: Наука, 1969.
61. Соглашение между Индией и Китаем 1954 г.: из истории подписания // Принципы Панча шила в современном мире / Отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2004.
62. *Сотников В.И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX–XXI века). М.: Научная книга, 2003.
63. *Степанов Е.Д.* Пограничная политика КНР // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001.
64. *Сычев, Василий.* Леди пилота Пауэрса. США спишут легендарные самолеты разведки У-2 // Наука и техника/ Lenta.ru. 08.03.2014.
65. *Торнер Даниэль.* Аграрный строй Индии. М.: изд. АН СССР, 1959.
66. *Трухановский В.Г.* Антони Иден. М.: Международные отношения, 1983.
67. *Тузмухамедов Р.А.* Движение неприсоединения и международное право. М.: Наука, 1989.
68. *Ульяновский Р.А.* Вступительная ст. к кн. Дж. Неру. Взгляд на всемирную историю. Т. 1. М.: Прогресс, 1981.

69. *Ульяновский Р.А.* Три лидера великого индийского народа: Мохандас Карамчанд Ганди, Джавахарлал Неру, Индира Ганди. М.: Полит. лит., 1986.
70. *Уолтерт, Стенли.* Джинна – творец Пакистана. М.: Рудомино, 1997.
71. *Филимонов, Олег.* Мифы о восстании. К 50-летию юбилею венгерских событий 1956 года // Полит.ру. 4 марта 2010 г.
72. *Флорин (Егоров) В.Н.* Государственный административный аппарат независимой Индии. М.: Наука, 1975.
73. *Черешнева Л.А.* «Августовская революция» 1942 г. в Индии. М.: ИНИОН РАН, 2007.
74. *Черчилль У.С.* Вторая мировая война: в 6 т. М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1998.
75. *Чичеров А.И.* Джавахарлал Неру и независимая Индия. М.: Наука, 1990.
76. *Шаститко П.М., Выхухолов В.В.* «Тальвар» поднимает флаг. Рассказ о восстании бомбейских моряков в 1946 г. М.: Наука, 1982.
77. *Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004.
78. *Шустов В.* Посол Кирилл Васильевич Новиков // Международная жизнь. М., 2002, № 4.
79. *Эмери Л.С.* Моя политическая жизнь. М.: ИЛ, 1960.
80. *Юнель А.И.* Гл. V. СССР и Индия на завершающем этапе борьбы Индии за независимость (1945–1947) // СССР и Индия. М.: Гл. редакция вост. лит., 1987.
81. *Юрлов Ф.Н.* Проблемы коммунистического движения Индии: опыт Коммунистической партии Индии (марксистской). М.: Институт общественных наук, 1985.
82. *Юрлов Ф.Н.* Россия и Индия в меняющемся мире. М.: ИВ РАН, 1998.
83. *Юрлов Ф.Н.* Глобализация: проблемы и вызовы // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки / Отв. ред. и составитель А.М. Петров. М.: Муравей, 2001.
84. *Юрлов Ф.* Бхаратия джаната партии – путь к власти // Азия и Африка сегодня. 2003, № 7, № 8.
85. *Юрлов Ф.Н.* Опыт социальной демократии в Индии // Индия. Общество, власть, реформы. М.: Вост. лит., 2003.

86. *Юрлов Ф.Н.* Индия: ядерные проблемы и вызовы // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сб. статей памяти Ю.В. Ганковского. М.: Научная книга, 2004.
87. *Юрлов Ф.* Индийская демократия в действии // Азия и Африка сегодня. 2004, № 10, 12.
88. *Юрлов Ф.* Индия в мировой политике // Азия и Африка сегодня. 2005, № 4, 5, 7.
89. *Юрлов Ф.* Индия: опыт реформ и модернизации // Азия и Африка сегодня, 2006, № 5.
90. *Юрлов Ф.Н.* Индийское общество в годы Второй мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн.; кн. 2 // Война и общество накануне и в период Второй мировой войны / Отв. ред. Е.Н. Кульков. М.: Наука, 2008.
91. *Юрлов Ф.Н.* Гл. 25. Индия // История Востока: В 6 т. М.: Вост. лит. 1995–2008. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин.
92. *Юрлов Ф.Н.* Индия: военная доктрина и вооруженные силы // «Восток» (Oriens), 2009, № 3, 4.
93. *Юрлов Ф.Н.* Индия: Военная доктрина и вооруженные силы // Восток. 2009, №№ 3, 4.
94. *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* История Индии. XX век. ИВ РАН, 2010.
95. *Юрлова Е.С.* Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М.: Наука, 1982.
96. *Юрлова Е.С.* «Неприкасаемые» в Индии. М.: Наука, 1989.
97. *Юрлова Е.С.* Социальные аспекты проблемы неграмотности в Индии // СОЦИС № 12, 2000.
98. *Юрлова Е.С.* Введение // Выдающиеся женщины Индии XX века / Отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2002.
99. *Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М.: Институт востоковедения РАН, 2003.
100. *Юрлова Е.С.* Женщины Индии. Традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2014.
101. *Юрлова Т.Ф.* Народное восстание 1857–1859 гг. в Индии и английское общество. М.: Наука, Гл. редакция вост. лит., 1991.

102. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.

* * *

103. A Centenary History of the Indian National Congress (1885–1985). 5 vols. / Ed. by B.N. Pande. New Delhi: Vikas Publishing House, 1985.
104. *Acheson, Dean*. Present at the Creation. My Years in the State Department. New York: W.W. Norton & Company, Inc., 1969.
105. Admiral of the Fleet the Earl Mauntbatten of Burma. Reflections on the Transfer of Power and Jawaharlal Nehru. The Second Jawaharlal Nehru Memorial Lecture 1968. Cambridge: The University Press, 1968.
106. *Adams, Jadand, Phillip Whitehead*. The Dynasty. The Nehru-Gandhi Story. London: Penguin Books, 1997.
107. *Advani L.K.* My Country. My Life. New Delhi: Rupa and Co., 2008.
108. *Aiyar C.P., Ramaswami*. Annie Besant. New Delhi: Publications Division, GOI, 1977.
109. *Ali, Aruna Asaf*. Private Face of a Public Person. A Study of Jawaharlal Nehru. New Delhi: Radiant Publishers, 1989.
110. *Ambedkar B.R.* Speech Delivered in the Constituent Assembly of India on 25th November 1949 // Thus Spoke Ambedkar (Selected Speeches). Vol. II. Jullundur (India), 1969.
111. *Ambedkar Dr., Babasaheb*. Writings and Speeches in 17 volumes. Compiled by Vasant Moon. Mumbai: Government of Maharashtra. Education Department. 1979–2001.
112. *Ali, Tariq*. An Indian Dynasty. New York: G.P.Putnam's Sons, 1985.
113. Asian Relation Organisation. Asian Relations, being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference. New Delhi, 1948.
114. *Austin G*. Working a Democratic Constitution: The Indian Experience. New Delhi: OUP, 1999.
115. *Baig, Tara Ali*. Sarojini Naidu. New Delhi: Publications Division, Government of India, 1974.
116. *Banerjea, Surendranath*. A Nation in Making: London: Oxford University Press, 1925.

117. *Bannerjee, Jyotirmoy.* India in Soviet Global Strategy. Calcutta: South Asia Books, 1977.
118. *Beschloss, Michael.* Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair. New York: Harper and Row, 1986.
119. *Bhatia, Shyam.* India's Nuclear Bomb. Delhi, 1979.
120. *Baxter, Craig.* The Jana Sangh. A Biography of an Indian Political Party Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
121. *Beteille, Andre.* Caste, Class and Power. Berkeley, 1965.
122. *Beteille, Andre.* The Backward Classes and the New Social Order. Delhi: OUP, 1981.
123. *Beteille, Andre.* Marxism and Class Analysis. New Delhi: OUP, 2007.
124. *Bharatiya Jana Sangh.* Election Manifesto. New Delhi, 1957.
125. *Birla G.D.* In the Shadow of the Mahatma. A Personal Memoir. Bombay, Calcutta, Madras: Orient Longmans Ltd., 1953.
126. *Bose S.Ch.* Selected Speeches. Calcutta: Asia Publishing House, 1962.
127. *Bose S.Ch.* Crossroads. 1938–1940. Bombay: Asia Publishing House, 1962.
128. *Bose S.Ch.* The Indian Struggle 1920–1942. Calcutta: Asia Publishing House, 1964.
129. *Bowles, Chester.* Ambaasador's Report. London: Comet Books, 1954.
130. *Bowles, Chester.* Mission to India. A Search for Alternatives in Asia (To the Memory of Jawaharlal Nehru). Delhi: B.I.Publications, 1974.
131. *Brecher M.* Nehru: A Political Biography. London: OUP, 1959.
132. *Brecher M.* Succession in India: A Study in Decision-Making. London: OUP, 1966.
133. *Brown, Judith M.* Modern India. The Origins of an Asian Democracy. Oxford: OUP, 1994.
134. *Brown, Judith M.* Nehru. A Political Life. New Haven and London: Yale University Press, 2003.
135. *Brass P.R.* The Politics of India since Independence. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
136. *Brass, Paul.* The Production of Hindu–Muslim Violence in Contemporary India. New Delhi: OUP, 2003.
137. *Butalia, Urvashi.* The Other Side of Silence: Voices from the Partition of India. Delhi: Viking, 1998.
138. *Campbell-Johnson A.* Mission with Mountbatten. London: Robert Hale, 1972.

139. *Chandra B., Tripathi T. and De V.* Freedom Struggle. New Delhi, 1983.
140. *Chaudhuri S.* Gandhi and the Partition of India. New Delhi: Sterling Publishing House, 1986.
141. *Chitrol V.* Indian Unrest. London, 1910.
142. *Choudhury G.W.* India, Pakistan, Bangladesh and the Major Powers: Politics of a Divided Subcontinent. New York: Free Press, 1975.
143. *Choudhury S.* Peasants and Workers Movement in India, 1905–1929. New Delhi: PPH, 1971.
144. *Chowdhury, Satyabrata Rai.* Leftist Movements in India: 1917–1947. Calcutta, 1977.
145. *Cohen, Stephen Philip.* The Indian Army. Its Contribution to the Development of a Nation. Berkeley: University of California Press, 1971.
146. *Cohen, Stephen Philip.* India: Emerging Power. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001.
147. *Collett, Nigel.* The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. London and New York: Hambledon and London, 2005.
148. Congress and Indian Nationalism: The Pre-Independence Phase / Ed. by R. Sisson and S. Wolpert. Delhi: OUP, 1986.
149. *Chalapathi, Rau M.* Jawaharlal Nehru. New Delhi, 1973.
150. Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom. New Delhi: PPH, 1984.
151. *Chandra B., A.Tripathi and B.De.* Freedom Struggle. New Delhi, 1983.
152. *Chaudhuri, Nirad.* Thy hand, great anarch: India, 1921–1952. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1988, London, 1987.
153. *Chowdhury, Satyabrata Rai.* Leftist Movements in India: 1917–1947. Calcutta, 1977.
154. *Clymer, Kenton.* Jawaharlal Nehru and the United States, the Preindependence Years // Diplomatic History 14 (Spring 1990).
155. *Collett, Nigel.* The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. London and New York: Hambledon and London, 2005.
156. *Collins, Larry and Dominique Lapierre.* Freedom at Midnight. New Delhi: Vikas Publishing House, 1976.
157. *Collins, Larry and Dominique Lapierre.* Mountbatten and the Partition of India. Vol. 1. March 22 – August 15, 1947. New Delhi: Vikas, 1982.

158. Communism in India. Unpublished Documents 1925–1934 / Ed. by Subodh Roy. New Delhi: PPH, 1972.
159. Congress Varnika. Centenary commemorative volume. Official Journal of the AICC (I). Vol. 2, December 1985, № 12.
160. Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power, 1942–7 (TOP) / Ed. by N. Mansergh. In 12 vols. – London, Oxford: Her Majesty's Stationary Office, 1970–1983.
161. *Coupland R.* Indian Politics, 1936–1942. London, 1943.
162. *Crocker W.* Nehru: A Contemporary Estimate. London. 1959.
163. *Dange S.A.* Selected Writings. Vol. 2. Bombay, 1977.
164. *Diwaker S.C.* Wit and Wisdom of Punditji // Pundit Motilal Nehru: A Patriot. Delhi, 1976.
165. *Durant, Will.* The Case for India. New York: Simon and Schuster, 1930.
166. *Das, Durga.* India: From Curzon to Nehru and After. London, Collins, 1969.
167. *Desai A.R.* Social Background of Indian Nationalism. Bombay: Popular Prakashan, 1976.
168. *Dhanagare D.N.* Peasant Movements in India 1920–1950. Delhi: OUP, 1986.
169. *Dhar P.N.* Indira Gandhi. The 'Emergency' and Indian Democracy. New York, New Delhi: OUP, 2000.
170. *Eisenhower, Dwight.* The White House Years. Mandate for Change, 1953–1956. New York: Doubleday & Company, 1963.
171. *Erdman H.L.* The Swatantra Party and Indian Conservatism. Cambridge. Cambridge University Press. 1967.
172. *Fischer, Louis.* A Week with Gandhi, New York: Duell, Sloan and Pearce, 1942.
173. *Fisher, Louis.* The Life of Mahatma Gandhi. London: JonathanCape, 1951.
174. Foreign Relations of the United States (FRUS), 1952–1954, Vol. XV.
175. *Frank, Katherine.* Indira. The Life of Indira Nehru Gandhi. New Delhi: Harper Collins Publishers. 2007.
176. *Frankel F.R.* India's Political Economy, 1947–1977: The Gradual Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1978.
177. *Gandhi, Indira.* Selected Speeches. January 1966–August 1969. New Delhi: Government of India, 1971.

178. *Gandhi, Indira*. Aspects of our Foreign Policy. New Delhi: Government of India, 1973.
179. *Gandhi, Indira*. Democracy and Discipline. Speeches of Shrimati Indira Gandhi. New Delhi: Government of India, 1975.
180. *Gandhi, Indira*. The Years of Endeavour. Selected Speeches of Indira Gandhi. August 1969–August 1972. New Delhi: Government of India, 1975.
181. *Gandhi, Indira*. Selected Speeches and Writings of Indira Gandhi. Vol. III (September 1972–March 1977). New Delhi, Government of India, 1984.
182. *Gandhi M.K.* The Science of Satyagraha. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1962.
183. *Gandhi, Rajiv*. Indian National Congress: 100 years – the milestones. New Delhi: Publications Division, 1985.
184. *Gandhi Indira and Jawaharlal Nehru*. Freedom's Daughter: Letters between Indira Gandhi and Jawaharlal Nehru, 1922–39 / Ed. by Sonia Gandhi. London: Hodder and Stoughton, 1989.
185. *Gandhi, Sonia*. Rajiv. New Delhi: Penguin Books, 1994.
186. German Military Intellegence. Ed. by Leverkuehn P. London, 1954.
187. *Ghose, Aurobindo*. The Doctrine of Passive Resistance. Calcutta, 1948.
188. *Ghose, Sankar*. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1969.
189. *Ghose, Sankar*. Socialism and Communism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1971.
190. *Ghose, Sankar*. Socialism, Democracy and Nationalism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1973.
191. *Ghose, Sankar*. Political Ideas and Movements in India. Calcutta: Allied Publishers, 1975.
192. *Ghosh K.K.* The Indian National Army – The Second Front of the Indian Independence Movement. Meerut, 1969.
193. *Giridharadas, Anand*. 63 Tapes Reveal Kennedy and Aids Discussed Nuclear Arms in a China–India Clash // The New York Times. August 26, 2005.
194. *Govwalkar M.S.* Why Hindu Rashtra? Bangalore: Kesari Press, 1962.
195. *Govwalkar M.S.* Bunch of Thoughts. Bangalore: Jagrana Prakashan, 1966.

196. *Gopal, Ram*. Indian Muslims. A Political History (1858–1947). Bombay: Asia Publishing House, 1959.
197. *Gopal, Sarvepalli*. Jawaharlal Nehru. A Biography. In 3 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976–1984.
198. *Goyal, Desh Raj*. Rashtriya Swayamsevak Sangh. New Delhi: Radha Krishna Prakashan, 1979.
199. Great Britain. Cabinet Mission to India. Papers Relating to the Cabinet Mission to India 1946. London: His Majesty's Stationery Office, 1946.
200. *Guha, Ramachandra*. India after Gandhi. The History of the World's Largest Democracy. New Delhi: Picador, 2007.
201. *Guha S.* The Mahatma Gandhi and the Netaji. Two Men of Destiny of India. New Delhi: Sterling Publishers, 1986.
202. Guidelines of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1974.
203. *Gundevia Y.D.* Outside the Archives. New Delhi: Sangam Books, 1984.
204. *Haksar P.N.* Premonitions. Bombay: Interpress, 1979.
205. *Haksar P.N.* India's Foreign Policy and Its Problems. New Delhi, 1989.
206. *Halberstam, David*. The Best and the Brightest. New York: Ballantine Books, 1993.
207. *Hamid, Shahid*. Disastrous Twilight: A Personal Record of the Partition of India. London: Leo Cooper/Secker and Warburg, 1986.
208. *Hardgrave Jr R.L.* India: Government and Politics in a Developing Nation. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.
209. *Harrison, Selig S.* India: The Most Dangerous Decades. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960.
210. *Hasan M.* Legacy of a Divided Nation: India's Muslims since Independence. New Delhi: OUP, 2001.
211. *Hauer, Milan*. India in Axis Strategy. Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart: Klett–Cotta, 1981.
212. *Henningham, Stephen*. Peasant Movement in Colonial India: North Bihar, 1917–42. Canberra: ANU, 1982.
213. *Hess, Gary*. America Encounters India, 1941–1947. Baltimore: John Hopkins, 1971.

214. *Hoffman, Steven A.* India and the China Crisis. Berkeley: University of California Press, 1990.
215. *Horn, Robert C.* Soviet-Indian Relations. Issues and Influences. New York: Praeger, 1982.
216. India: A Rising Middle Power / Ed. by John Mellor. Foreword by Phillips Talbot. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979.
217. India and the War. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War / Ed. by B. Prasad. New Delhi, 1963.
218. India's Major Non-Violent Movements 1919–1934 (British Secret Reports on Indian People's Peaceful Struggle for Political Liberation) / Ed. by P.N. Chopra. New Delhi: Vision Books, 1979.
219. *Jackson, Richard L.* The Non-Aligned, the UN, and the Superpowers. New York: Praeger, 1983.
220. *Jayakar, Pupul.* Indira Gandhi: An Intimate Biography. New York: Pantheon Books, 1993.
221. *Joshi, Kalpana (Datta).* Chittagong Armoury Raiders: Reminiscences. New Delhi: PPH, 1945.
222. *Kalhan, Promilla.* Kamala Nehru. An Intimate Biography. New Delhi: Vikas Publishing House, 1973.
223. *Kaura, Uma.* Muslims and Indian Nationalism. Delhi, 1977.
224. *Kaushik P.D.* The Congress Ideology and Programme (1920–1985) (The Ideological Foundation of INC under Gandhian Leadership and After). New Delhi: Gitavanali, 1986.
225. *Kavic, Lorne.* India's Quest for Security: Defence Policies, 1947–1965. Berkeley, CA: University of California Press, 1967.
226. *Kennan, George F.* Memoirs 1950–1963. New York: Pantheon Books, 1972.
227. *Khan, Ayub M.* Friends Not Masters. A Political Autobiography. New York: OUP, 1967.
228. *Khan, Rasheeduddin.* Bewildered India: Identity, Pluralism, Discord. New Delhi: Har-Anand, 1994.
229. *King R.D.* Nehru and the Language Politics of India. New Delhi: OUP, 1997.
230. *Kochanek S.A.* The Congress Party of India: The Dynamics of One-Party Democracy. Princeton: Princeton University Press, 1968.
231. *Kochanek S.A.* Business and Politics in India. Berkeley, 1974.

232. *Kohli, Atul*. Democracy and Discontent: India's Growing Crisis of Governability. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
233. *Kothari, Rajni*. State against Democracy. In Search of Humane Governance. New Delhi: Ajanta Publications, 1988.
234. *Kothari, Rajni*. Politics in India. Boston: Little, Brown and Company, 1970
235. *Kumar, Ravinder*. Essays in the Social History of Modern India. Calcutta: OUP, 1986.
236. *Kumar, Ravinder*. The Making of a Nation: Essays in Indian History and Politics. New Delhi: OUP, 1989.
237. *Kuppuswamy B.* Social Change in India. Delhi: Konark Publishers, 1996.
238. *Kux, Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies 1941–1991. Washington. D.C.: National Defense University Press, 1993.
239. *Kux, Dennis*. The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 2001.
240. *Lamb B.P.* The Nehrus of India. Three Generations of Leadership. New York. 1967.
241. *Lele J.* Caste, Class and Dominance: Political Mobilization in Maharashtra // Dominance and State Power in Modern India. Vol. II. Delhi: Oxford University Press, 1990.
242. *Luce, Edward*. In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India. New York, London et al.: Doubleday, 2007.
243. *Lieten G.K.* The First Communist Ministry in Kerala 1957–9. Calcutta, New Delhi, 1982.
244. *Madhok, Balraj*. Indianisation. New Delhi: Hind Pocket Books (P) Ltd., 1970.
245. *Mahajan V.D.* The Nationalist Movement in India. New Delhi: Sterling Publishers Pvt Ltd, 1979.
246. *Mahatma Gandhi*. The Essential Writings. Edited, Introduction and Notes by Judith M. Brown. New York: OUP, 2008.
247. *Majumdar R.C.* History of the Freedom Movement in India. In 3 vols. Calcutta: Mukhopadhyay, 1962–1963.
248. *Malavia K.D.* Democracy and Socialism. Draft Resolution for the 68th Session of the Indian National Congress at Bhubaneshwar. New Delhi (s.a.)

249. *Malhotra, Inder*. *Dynasties of India and Beyond*. New Delhi: Harper Collins, 2003.
250. *Malhotra, Inder*. *Indira Gandhi. A Personal and Political Biography*. London, Sydney: Hodder&Stoughton, 1989.
251. *Masani M.R.* *Why Swatantra?* Bombay, 1967.
252. *Mathai M.O.* *My Days with Nehru*. New Delhi: Vikas Publishing House, 1978.
253. *Mathur D.B., Mohan, Lal Sharma and Basu, Deo Sharma*. *Kerala. Politics of Polarisation //*
254. *Maxwell N.* *India's China War*. Harmondsworth: Penguin, 1972.
255. *McGhee*. *Envoy to the Middle World*. New York: Harper & Row, 1983.
256. *Mehta Asoka*. *Democratic Socialism*. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1959.
257. *Menon K.P.S.* *The Flying Troika*. London: OPU, 1963.
258. *Menon K.P.S.* *Russia Revisited*. New Delhi: Vikas Publications, 1971.
259. *Menon K.P.S.* *Yesterday and Today*. New Delhi: Allied Publishers, 1976.
260. *Menon, Kumara Padmanabha Sivasankara*. *Memories and Musings*. Bombay: Allied, 1979.
261. *Menon V.P.* *The Story of the Integration of Indian States*. Bombay: Orient Longmans, 1956.
262. *Menon V.P.* *The Transfer of Power in India*. Bombay: Orient Longmans, 1957.
263. *Misra B.B.* *The Unification and Division of India*. Delhi: OUP, 1990.
264. *Mishra D.P.* *The Nehru Epoch. From Democracy to Monarchy*. New Delhi: Vikas Publishing House, 1978.
265. *Misra K.P.* *Nonalighned Movement India's Chairmanship*. New Delhi: Lancers Books, 1987.
266. *Mohan, C. Raja*. *Crossing the Rubicon: The Shaping of India's New Foreign Policy*. New York : Palgrave Macmillan, 2004.
267. *Mohan, C. Raja*. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi: OUP (South Asia Edition), 2013.
268. *Mohanty, Arun*. *Pages from the History of Establishment of Diplomatic Relations between India and Russia / Eurasian Report – A Journal of Eurasian Foundation*. New Delhi, Vol. 1, № 2, Summer 2007.

269. *Moore R.J.* Escape from Empire: The Attlee Government and the Indian Problem. Oxford: Clarendin Press, 1983.
270. *Moraes F.* Jawaharlal Nehru. Bombay, 1959.
271. *Morgan J.* Edwina Mountbatten: A Life of Her Own. London: Harper Collins, 1991.
272. *Mukerjee, Hiren.* India's Struggle for Freedom. Calcutta, 1962.
273. *Mukhejee, Hiren.* The Gentle Colossus. New Delhi: PPH, 1976.
274. *Mukherjee, Hiren.* Who Fought for India's Freedom? New Delhi: PPH, 1984.
275. *Nambiar, Vijay K.* Permanent Representative of India to the UN. An Essay on India's Case for a Permanent Seat in the UN Security Council // 6th Asian Security Conference on United Nations, Multilateralism and International Security. January 27–29, 2004, New Delhi.
276. *Nambodiripad E.M.S.* A History of Indian Freedom Struggle. Trivandrum: Social Scientist Press, 1986.
277. *Nambodiripad E.M.S.* Nehru: Ideology and Practice. New Delhi: National Book Centre, 1988.
278. *Nanda B.R.* Mahatma Gandhi. A Biography. London: Unwin Books, 1959.
279. *Nanda B.R.* The Nehrus: Motilal and Jawaharlal. London, George Allen and Unwin Books, 1962.
280. *Nanda B.R.* Motilal Nehru. New Delhi: Publication Division, Government of India, 1964.
281. *Nanda B.R.* Jawaharlal Nehru: Rebel and Statesman. New Delhi: OUP, 1995.
282. *Narain, Iqbal.* State Politics in India. New Delhi: Meenakshi Prakashan, 1976.
283. *Narayan J.P.* Socialism, Sarvodaya and Democracy. Bombay, Calcutta: Asia Publishing House, 1964.
284. *Narayan J.P.* Nation Building in India. Bombay: Navachetna Prakashan, 1975.
285. *Nehru Hutheesingh, Krishna with Alden Hatch.* We Nehrus. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1967.
286. *Nehru J.* Soviet Russia. Allahabad: Kitabistan, 1927.
287. *Nehru, Jawaharlal.* China, Spain and the War: Essays and Writings. Allahabad: Kitabistan, 1940.

288. *Nehru, Jawaharlal*. The Unity of India: Collected Writings, 1933–1940. London: Drummond, 1942.
289. *Nehru, Jawaharlal*. Independence and After. New York: The John Day Company, 1949.
290. *Nehru, Jawaharlal*. A Bunch of Old Letters. Bombay: Asia Publishing House, 1958.
291. *Nehru J.* Before and After Independence (Speeches 1922–1950). New Delhi, 1959.
292. *Nehru J.* Towards a Socialist Order. New Delhi, 1959.
293. *Nehru J.* India's Foreign Policy. Selected Speeches, September 1946–April 1961. Delhi: The Publication Division, 1961.
294. *Nehru J.* Nehru on Communalism. New Delhi: Sampradyikta Virodhi Committee, 1965.
295. *Nehru J.* Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 1–5. New Delhi: Government of India, 1957–1968.
296. *Nehru Speaks*. New Delhi: Congress Forum for Socialist Action, 1972.
297. *Nehru, Jawaharlal*. India's Independence and Social Revolution. New Delhi: AICC (I), 1984.
298. *Nehru, Jawaharlal*. Letters to Chief Ministers 1947–1964. 5 vols. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1985–9.
299. *Nehru, Motilal*. The Voice of Freedom. Bombay: Asia Publishing House, 1961.
300. *Norman, Dorothy*. Indira Gandhi. Letters to an American Friend (1950–1984). N.Y.: A Hellen and Kurt Wolf Book, 1985.
301. *Nossiter T.J.* Communism in Kerala: A Study in Political Adaptation. London: C. Hurst, 1982.
302. *Pandey, Gyanendra*. Remembering Partition: Violence, Nationalism and History in India. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
303. *Pandit, Vijaya Lakshmi*. The Scope of Happiness. A Personal Memoir. New York: Crown Publishers, 1979.
304. *Panikkar K.M.* India and the Indian Ocean. London, 1951.
305. *Panikkar K.M.* Problems of Indian Defence. New York, 1960.
306. *Pirzada S. Sh.*, ed. Foundations of Pakistan. All India Muslim League Documents: 1906–1947. Vol. I, 1906–1924. Karachi: 1969–1970.
307. *Porter, Bernard*. Empire and Superempire: Britain, America and the World. New Haven: Yale University, 2006.

-
308. *Prasad G. Nehru. A Study of Colonial Liberalism. Delhi, 1976.*
309. *Purandare, Vaibhav. The Sena Story. Mumbai: Business Publications, 1999.*
310. *Quit India Movement. British Secret Report / Ed. by P.N. Chopra New. Delhi: Padma Publications, 1976.*
311. *Rao V.K.R.V. The Nehru Legacy. Bombay, 1971.*
312. *Ray, LalaLajpat. India's Will to Freedom. Madras: Ganesh & Co., 1921.*
313. *Rai Lajpat. Unhappy India. Delhi: Anmol Publications, (1928) 1985.*
314. *Ross A. The Emissary. G.D. Birla, Gandhi and Independence. London: Collins Harvill, 1986.*
315. *Rotter A.J. Comrades at Odds: The United States and India, 1947–1964. Ithaca: Cornell University Press, 2000.*
316. *Rolland, Romain. Mahatma Gandhi. New Delhi: Publication Division, Patiala House, 1969.*
317. *Saha, Panchanan. History of the Working Class Movement in Bengal. New Delhi: PPH, 1978.*
318. *Sardesai D.R. Indian Foreign Policy in Cambodia, Laos, and Vietnam, 1947–1964. Berkeley, CA: University of California Press, 1968.*
319. *Sardesai S.G., Bose Dilip. Marxism and the Bhagvat Geeta. New Delhi: PPH, 1982.*
320. *Sarkar, Sumit. The Swadeshi Movement in Bengal 1903–1908. NewDelhi: PPH, 1973.*
321. *Sarkar, Sumit. Modern India 1885–1947. Delhi: Macmillan India Ltd., 1984.*
322. *Sarkar, Sumit. Towards Freedom. Part 1. New Delhi: OUP, 2007.*
323. *Seaton M. Punditji. A Portrait of Jawaharlal Nehru. London. 1967.*
324. *Selected Works of Jawaharlal Nehru, 1st series (SWJN-1). Vols. 1–15. / Ed. by Gopal S. New Delhi: Orient Longman, 1972–1982.*
325. *Selected Works of Jawaharlal Nehru, 2nd series TOP (SWJN-2). Vols. 1–11. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1981–1984.*
326. *Selected Works of Motilal Nehru / Ed. by Kumar Ravinder and Panigrahi D.N. New Delhi: Vikas Publishing House Pvt. Ltd. Vol. 6, 1982.*
327. *Singh A. The Origins of the Partition of India. 1936–1947. Bombay: OUP, 1987.*

328. *Singh, Iqbal*. Indian National Congress: A Reconstruction. Vol. One: 1885–1918. New Delhi: Manohar, 1987.
329. *Singh Iqbal*. Indian National Congress. A Reconstruction. Vol. II: 1919–1923. New Delhi: Manohar, 1988.
330. *Singh, Mohan*. Leaves from My Diary. Lahore, 1946.
331. *Sitaramayya, Bhogaraju Pattabhi*. The History of the Indian National Congress. 1885–1935. Bombay: The Working Committee of the Indian National Congress. 1935.
332. *Smith, Donald Eugene*. India as a Secular State. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963.
333. *Spanier J.W.* American Foreign Policy Since World War II. New York, 1960.
334. *Spear P.* The Oxford History of Modern India. London: OUP, 1965.
335. *Stein, Arthur*. India and the Soviet Union: the Nehru Era. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
336. Studies in Electoral Politics in the Indian States. In 4 vols / Ed. by Weiner Myron, Field John Osgood. Delhi: Manohar Book Service (1975–1977).
337. *Tagore R.* The Spiritual Japan // The Modern Review. June 1917 // The Modern Law Review, 1949, 12 (3). – P. 351–354.
338. *Tahmankar, Dattatraya Vishwanath*. Lokmanya Tilak: father of Indian unrest and maker of modern India. London : John Murray, 1956.
339. *Tendulkar D.G.* Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi. 8 vols. Delhi: The Publications Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India (Reprinted Oct. 1969).
340. The Cambridge Shorter History of India / Ed. by Dodwell H.H. New Delhi.: S. Chand & Co., 1969.
341. The Hope and Reality: US–Indian Relations from Roosevelt to Reagan / Ed. By Gould H.A. and Ganguly S. Boulder: Westview Press, 1992.
342. The Indian Nationalist Movement, 1885–1947. Select Documents / Ed. by B.N. Pandey. Delhi, Bombay, Calcutta: The Macmillan Company of India Ltd., 1979.
343. The Partition of India. Policies and Perspectives, 1935–1947 / Ed. by Philips C.H. and M.D. Wainright. London: George Allen and Unwin, 1970.

-
344. *Tilak B.G.* His Writings and Speeches (with an appreciation by Aurobindo Ghose). Madras: Ganesh, 1919.
345. Transforming India. Social and Political Dynamics of Democracy / Ed. by Francine R. Frankel, Zoya Hasan. New Delhi: OUP, 2000.
346. *Tunzelmann, Alex von.* Indian Summer. The Secret History of the End of An Empire. New York: Henry Holt and Company LLC, 2007.
347. Two alone, Two together. Letters between Indira Gandhi & Jawaharlal Nehru. 1922–1964 / Ed. by Sonia Gandhi. Penquin Books, 2005.
348. *Tyson G.* Nehru: The Years of Power. London, 1966.
349. *Vasudev, Uma.* Indira Gandhi. Revolution in Restraint. Delhi, Bombay: Vikas Publishing House Pvt Ltd, 1974.
350. *Venkataramani M.S. and Shrivastava B.K.* Quit India. The American Response to the 1942 Struggle. New Delhi: Vikas, 1979.
351. *Weine, Tim.* Legacy of Ashes. The History of CIA. NY: Doubleday, 2007.
352. *Weiner, Myron.* The Politics of Scarcity: Public Pressure and Political Response in India. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
353. *Weiner, Myron.* Party Building in a New Nation: The Indian National Congress. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
354. *Weiner, Myron.* India at the Polls, 1980. A Study of Parliamentary Elections. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1984.
355. *Wilcox, Wayne A.* India, Pakistan and the Rise of China. New York, 1964.
356. *Williamson, Murrey, Millett Allan.* A War to be Won. Fighting the Second World War. Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000.
357. *Wolpert, Stanley.* Nehru. A Tryst with Destiny. New York: OUP, 1996.
358. *Wolpert, Stanley.* A New History of India. New York: Oxford University Press, 2000.
359. *Yurlov Felix.* India: Democracy and Formation of a Multiparty System // International Congress of Asian and North African Studies XXXVII. Vol. III, M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**бдулла, Шейх Мухаммед 284, 285
Али, Аруна Асаф 19, 227, 281
Али, Асаф 227, 229, 251, 365, 372
Азад, Абул Калам 127, 202, 212, 220,
224, 244, 248, 261, 264, 265
Айяр, Рамесвами 265
Ансари М.К. 127
Александр А.В. 245
Амбедкар, Бхим Рао 162, 171, 287,
321, 322
д'Арк, Жанна 11, 151
Ачесон, Дин 345, 346, 347, 395
- Б**аджаи Г.Ш 371, 372
Бак, Перл 371
Бандаранаике, Соломон 15
Бандаранаике, Сримаво 17
Бандаранаике, Чандрика (Кумара-
гунга) 17
Банерджи, Сурендранатх 40, 41, 46,
50, 52, 66, 71, 74
Банди, Макджордж
Безант, Энни 28, 29, 70, 71, 72, 73,
136, 156
Бирла, Гьяншам Дас 193, 278, 279
Блаватская Е.П. 29
- Боннерджи, Ромеш Чандер 41, 42, 44
Бор, Нильс 428
Боулс, Честер 19, 104, 409
Брукс, Фердинанд Т. 28, 29
Булганин Н.А. 385, 386, 402
Бухарин Н.И. 118
Бхабха, Хоми 428, 429, 430, 431
Бхаве, Ачарья Винобе 319
Бхутто, Беназир 18
Бхутто, Билавал 18
Бхутто, Зульфикар Али 17, 18
- В**арма, Пхулан Прасад 185
Вивекананда 182, 183, 312
Вольтер 234
Вульф, Вирджиния 234
Вышинский А.Я. 366
- Г**анди, Девадас 166
Ганди, Индира 2, 6, 7, 11–16, 98, 172,
178, 179, 206, 211, 234, 240, 301,
320, 321, 322, 323, 325, 339, 343,
384, 385, 403, 428, 432, 437, 438,
441 442, 443, 451, 455, 459, 463
Ганди М.К. (Махатма) 5, 67, 69, 73,
76–101, 105, 107, 108, 111, 112,
114 126, 129, 130, 133–138, 141–
147, 149, 150, 152, 154, 155, 157,
163–177, 183, 186–189, 191–196,
198, 200, 201–203, 210, 211, 215,
217, 219, 222–224, 227–232, 240–
243, 245, 247, 250, 253–258, 260,
261, 262, 264, 266, 268, 269, 273,
274, 276 278, 279, 280, 281, 286,
287, 292, 299, 301, 311, 319, 320,
323, 331, 335, 341, 368, 427, 455,
456, 459
Ганди, Приянка 4, 13
Ганди, Раджив 2, 12, 13, 14, 235, 301,
441, 451
Ганди, Рахул 2, 13, 14, 15, 185, 301,
452
Ганди, Санджай 12, 235, 441
Ганди, Соня 2, 13, 14, 15, 179, 451,
452, 453, 456, 458
Ганди, Фероз 6, 209, 210, 211, 232,
233, 274, 276, 335, 339
Георг VI, король 328, 366
Гитлер, Адольф 118, 206, 237
Голваркар М.С.
Годсе, Натуррам 279, 320
Гокхале, Гопал Кришна 34, 35, 45, 46,
47, 49, 52, 54, 55, 58, 60, 65, 66, 68,
70, 107

- Гру, Джозеф 371
 Гхош, Аджой Кумар 140, 328
 Гхош, Ауробиндо 33, 52, 61, 62, 108
 Гхош, Литто 19
 Гхош П. Ч. 229
 Гэлбрайт, Джон К. 424
- Д**айер, Региналд 81, 82
 Далай лама 414
 Даллес, Джон Фостер 351, 353, 375, 376, 377, 379, 390, 391, 396, 398, 399, 400
 Дас, Джатин 140
 Дас, Читтаранджан 82, 92, 108, 109, 112
 Датта, Батукесвар 139
 Даял, Лала Хар 34
 Дев, Нарендра 229
 Дева, Ачарья Нарендра 185, 191
 Десаи, Морарджи 437
 Димитров, Георгий 197
 Джаякар М.Р. 128, 137
 Джексон, Джасси 241
 Джинна М.А. 72, 107, 110, 114, 155, 137, 162, 199, 200, 213, 242, 243, 248, 250, 252, 257, 258, 263, 266, 273, 284, 285, 263
 Джонсон, Линдон 406, 407, 408, 409, 434, 437
 Джонсон, Луис Артур 220, 221
 Дхебар У.Н. 403, 435
- Ж**данов А.А. 368
- З**ардари, Асиф Али 18
 Захир, Сайед Али 251
- И**ден, Антони 393, 462
 Икбал, Мухаммад 80
- К**адар, Янош 402
 Калинин М.И. 118
- Камарадж, Кумарасвами 436, 437
 Касури Р.А. 17
 Келкар Н. Ч. 128, 137
 Кеннан, Джон Фрост 398, 399, 402
 Кеннеди, Джон 406, 407, 408, 414, 424, 426
 Керзон, Джордж 56
 Кидваи, Рафи Ахмед 191, 276
 Кинг, Мартин Лютер 241
 Киплинг, Рэдьярд 28, 50, 82, 270, 368
 Киссинджер, Генри 392, 396, 460
 Китчлу, Сайфуддин 34, 80
 Кларк, Марк 351
 Колби, Уильям 402
 Косыгин А.Н. 439
 Крипалани Дж.Б. 193, 229, 263, 265, 277
 Криппс, Стаффорд 218, 219, 220, 221, 222, 245
 Кришнамачари Т.Т. 437
 Крупская Н.К. 118
 Кукс, Деннис 407
 Кумарамангалам, Мохан 204
 Куреши С. 130
 Кэррол, Люис 28, 234
- Л**аски, Гарольд 117, 197
 Ленин В.И. 118, 119, 121, 122, 123, 125, 207
 Ли Сын Ман 344, 351, 352, 353
 Линлитгоу, вице-король 206, 229, 230, 231, 371
 Лохия, Манохар 191
 Люс, Генри 399
- М**аджумдар Р.Ч. 136
 Макартур, Дуглас 344, 346, 347, 348, 349
 Макдональд, Рамсей 166, 170
 Маккарти, Джозеф 397
 Макнамара, Роберт С. 434
 Максвелл, Невелль 427

- Малавия К.Д. НЕТ
 Малавия М.М. 58, 107, 110, 116, 136, 137
 Мандал, Джогендра Натх 252
 Маркс, Карл 125, 180, 182, 299, 300,
 Маршалл, Джордж 372, 398
 Матхаи, Джон 251
 Маунтбэттен, Луис 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 269, 272, 273, 274, 276, 278, 280, 281, 285
 Маунтбэттен, Эдвина 254, 280, 281
 Махмуд, Сайед 147
 Махтаб, Харекришна 229
 Мехта, Ашок 185, 227
 Мехта, Джагат 416
 Мехта, Фероз Шах 40, 52, 60, 63, 66, 70, 107
 Микоян А.И. 390
 Милль, Джон Стюарт 234
 Менон В.П. 282
 Менон, Кришна 117, 196, 197, 363, 364, 365, 402, 416, 436
 Менон К.П.Ш. 19, 363, 364, 368, 384, 385, 386, 395, 396, 461
 Моди, Нарендра Д. 15, 301, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458
 Молотов В.М. 208, 360, 361, 362, 363, 364, 366, 462
 Монтегю, Эдвин 72, 73, 74, 82, 116, 144
 Мукерджи Ш.П. 258, 277, 286, 321, 322
 Мьюди, Френсис 276
- Найду**, Сароджини 149, 168
 Надь, Имре 401
 Нанда, Гулзарилал 437, 443
 Наороджи, Дадабхаи 40, 41, 42, 44, 46, 49, 50, 52, 62, 107, 180
 Натх, Бишамбар 26
 Нараян, Джаяпракаш 186, 187, 287
- Насер, Гамаль Абдель 358, 391, 392, 395, 400
 Неру, Джавахарлал 2, 11–16, 19, 23, 30, 32, 35, 37, 68, 71, 76, 81, 82, 85, 90–97, 99, 101, 103, 104, 109, 110, 117–126, 130, 133–138, 140, 142, 143, 147–152, 155, 156, 161–171, 174, 175, 178–184, 186, 188, 189, 190–207, 209–217, 219–221, 223–234, 237, 240, 243, 248, 250–255, 259, 262–265, 267, 269–274, 276–281, 284–288, 291–316, 319–326, 329, 330–336, 338–340, 342–346, 349, 351–364, 367, 368, 370–379, 382–386, 390, 393, 395, 396, 402–404, 407–461, 463
 Неру, Бансидхар 23
 Неру, Гангадхар 23
 Неру, Индрани 23
 Неру, Лакшми Нараян 23
 Неру, Камала 36, 37, 39, 77, 98, 117, 118, 153, 177, 196, 197, 209, 441
 Неру, Кришна 197, 441
 Неру, Мотилал 2, 11, 23, 25, 26, 37, 39, 40, 43, 45, 47, 48, 49, 54, 58–60, 62, 63, 65–67, 70–75, 77, 81–83, 85–87, 92–101, 107–116, 108, 127–134, 136–138, 141–142, 144, 147, 151–155
 Неру, Нандалал 23, 24, 25, 26, 27
 Неру, Раган Кумар 415
 Неру, Сваруп Рани 27, 28, 31, 32, 37, 77
 Никсон, Ричард 397, 400
 Ништар, Абдула Раб 252, 263
 Новиков, К.В. 365, 366, 463
 Норман, Дороти 442, 443
 Нурани А.Г. 416, 418
- Пал**, Бипин Чандра 34, 52, 61, 108, 180
 Пандит, Виджая Лакшми 30, 88, 176, 228, 233, 234, 235, 341, 342, 346,

- 360, 361, 362, 365, 366, 367, 370,
372, 374, 377, 441, 451
- Пандит, Ранджит 30, 153, 235
- Пант, Говинд Валлабхаи 133, 229,
326
- Патвардхан, Ачют 185, 191
- Патель, Валлабхаи 110, 142, 168, 193,
196, 204, 212, 227, 229, 242, 251,
254, 257, 261, 261, 263, 265, 267,
276, 277, 278, 279, 280, 282, 292,
300 301, 320, 325, 355, 448, 449
- Патнаик, Биджу 10
- Патнаик, Навин 10
- Паули, Вольфганг 428
- Пауэрс, Гари 404, 425, 462
- Петров А.А. 364, 463
- Петик, Лоуренс 244, 245
- Платон 234, 313
- Прасад, Раджендра 110, 168, 193,
194, 195, 202, 204, 251, 252 272
325 403, 462
- Р**адж, Шива 243
- Раджагопалачари, Чакраварти 86,
108–110, 168, 175, 193, 251, 269,
273, 276, 325, 336
- Радхакришнан, Сарвепалли 368,
403, 424
- Рай, Лала Ладжпат 34, 52, 61, 63, 83,
94, 95, 107, 116, 133, 139, 180, 181
- Рай, Раммохан 47, 312
- Рам, Джагдживан 251
- Ранаде, Махадев Говинд 41, 45–48,
180
- Раск, Дин 408
- Рао, П.В. Нарасимха 13, 451
- Рэдклифф, Сирил 267, 268, 275
- Рейни, Джордж 110
- Ричардс, Франк 245
- Рузвельт Ф.Д. 218, 220, 221, 222, 344,
360, 366, 369, 370, 371
- Саваркар В.Д. 199, 320
- Санкритьяян, Рахул 185
- Сапру, Тедж Бахадур 26, 73, 74, 130,
136, 137
- Сарабхаи, Бхарати 196
- Сарасвати, Даянанда 77
- Састри, Сриниваса 137
- Сен, Сурья 139
- Си Цзиньпин 426
- Сингх, Балдев 251, 253, 428
- Сингх, Бхагат 139, 140, 142, 164
- Сингх, Манмохан 14
- Сингх, Мастер Тара 243
- Сингх, Хари 266, 284
- Синклер, Эптон 234
- Ситарамая, Паттабхи 113, 201, 229
- Сукарно 358
- Сухраварди Х.Ш. 251, 258, 263
- Сталин И.В. 206, 344, 346, 366, 367,
368, 384, 397, 398, 462
- Стилуэлл, Джозеф 370
- Стратемейер, Джордж Е. 371
- Сунь Ятсен 119
- Т**агор, Рабиндранат 57, 83, 87, 89,
145, 172, 312, 369
- Тандон, Пуршоттам Дас 277, 324
- Тельман, Эрнст 197
- Тилак, Балгангадхар 33, 51, 52, 53,
55, 56, 58, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 69
70, 73, 107, 461
- Тимайя К.С. 352
- Тито, Иосип Броз 358, 402
- Тодзио, Хидеки 237
- Толлер, Эрнст 118
- Тоссиг, Чарлз 371
- Трумэн, Гарри 346, 347, 360, 371, 372,
373, 374, 375, 379, 383, 397, 398,
399
- Тухачевский М.Н. 124

Саймон, Джон 132, 133, 139, 144

- У**эйвелл, Арчибальд Персивал 231, 232, 243, 249, 250, 251, 252, 254, 341, 360
- Ф**ерми, Энрико 428
Форрестол, Джеймс 398
- Х**ан, Абдул Гаффар 167, 168, 260
Хан, Аюб 377, 380, 404, 405, 407, 408
Хан, Гхазанхар Али 252
Хан, Лиакат Али 252, 254, 262, 274, 280, 321, 338, 339, 374
Хан, Сахиб 168, 260
Хан, Шафат Ахмед 251
Хрущев Н.С. 366, 385, 386, 397, 399, 404, 432
- Ч**аван Я.Б. 434, 437
Чан Кайши 206, 370
Чанг, Ханьфу 415, 419
Черчилль, Уинстон С. 31, 161, 206, 217, 218, 220, 221, 222, 228, 230, 255 344, 366, 369, 371, 462, 463
Чехов А.П. 234
- Чичерин Г.В. 118, 119
Чжоу Энь Лай 346, 356, 416, 419
Чундригар И.И. 252
- Ш**астри, Лал Бахадур 437, 443
Шепилов Д. Т. 390
Шостакович Д.Д. 123
Шоу, Бернард 33, 234
Шуленбург Ф.В. 236
- Э**йзенхауэр, Дуайт Д. 348, 349, 352, 369, 375, 376, 377, 378, 380, 391, 392, 397, 399, 400, 401, 403, 404, 428
Эмери, Леопольд 229, 232, 243, 244, 463
Эттли, Клемент 218, 244, 245, 253, 255, 261
- Ю**л, Джордж 41
- Я**дав, Мулаям 10
Ядав, Акхилеш 10

Summary

The book “The Dynasty. The Story of the Nehru–Gandhi Family” is the first of the two volumes dealing with this subject. It narrates the story of the founding father of this dynasty Motilal Nehru (1861–1931), who was a prominent lawyer and an active political leader. He made a large contribution to the cause of the Indian struggle for independence. He was also a close friend and associate of Mahatma Gandhi. A man of great personality and character, Motilal Nehru strongly influenced his son Jawaharlal (1889–1964). The latter along with Mahatma Gandhi led India to independence and became its first prime-minister.

Jawaharlal Nehru was a man of broad knowledge and intelligence, with a strong will and passion for independence of his country. His life’s work was aimed at building a new India on the principles of democracy and social justice. He played a significant role in the development and strengthening of parliamentary democracy in India. He was a founding member of Non-aligned movement, which exercised significant influence in his lifetime and beyond, and helped promote the image of India as a future great global power. Jawaharlal Nehru’s life was not always a story of success. He was faced with many challenges in his party – the Indian National Congress (Congress), as well as in foreign policy, especially with Pakistan and China.

The second volume of “The Dynasty” deals with the descendants of the Nehru Family, who became prime-ministers of India. After Nehru, it was his daughter Indira Gandhi whom he groomed to become a political leader in her own right, though he never recognized family ties to be responsible for her rise to the higher posts in the ruling party hierarchy. He strongly believed that any such rise should happen only through democratic means.

Nevertheless, upon two years of his demise, Indira Gandhi became the leader of the Congress and the prime-minister of India. Before assuming this post, she was regarded as a future figurehead prime-minister. However, by her strong will and mettle she solidified her rule at home and became a recognized leader of the Third World. After her assassination in 1984, her son Rajiv became prime-minister. In 1991, he was killed by a terrorist. In seven years, his widow Sonia Gandhi was elected president of the Congress. During her 14 years in power, she had never been elected to this post by a regular All-India party session. In Nehru’s time, this election took place annually, and in Indira Gandhi’s prime-ministership – in two-three years. Sonia Gandhi used her position as Congress president to promote her son to the highest posts in the party.

But, in the next parliamentary elections in 2014 Congress suffered a debacle at the hands of the opposition. Sonia Gandhi and Rahul offered their resignations from party posts but they were declined by the Congress Working Committee. The political power of both Nehru-Gandhi dynasty members had been interrupted, possibly, for a very long time. Their future now depended not only on their own plans and aspirations but on the radically changed correlation of forces on the political arena of India.

CONTENTS

Preface	9
FIRST PART. Father and Son	21
CHAPTER 1. Motilal Nehru – Founder of the Dynasty	23
Father and Son.....	27
Jawaharlal in England.....	32
Motilal – Head of the Family.....	37
Chapter 2. Motilal Enters Politics	40
Congress Leaders.....	40
Motilal for Social Reforms.....	47
Extremists and Moderates.....	52
Swadeshi Movement.....	56
Constitutional Methods of Struggle.....	58
Split in the Congress.....	66
Chapter 3. India in the First World War	69
Searching for New Ways to Independence.....	69
Mahatma Gandhi and Nehru Family.....	76
Amritsar Massacre – a Turning Point in the Liberation Movement.....	79
Chapter 4. Non-cooperation Movement (1920-1922)	85
Non-cooperation and Nehru Family.....	88
Contradictions in the Congress.....	91
Father and Son in Prison.....	99
Prison – a Place for Trials and Reflections.....	102
Jawaharlal Joins Mass Struggle.....	105
Chapter 5. Motilal Nehru and the Swaraj Party	107
Mahatma Gandhi against the Swaraj Party.....	111
Motilal and Jawaharlal in Moscow.....	117
Constitution of Motilal Nehru.....	127
Left Wing in the Congress.....	133
Jawaharlal Nehru – President of the Congress.....	135
Chapter 6. Jawaharlal Calls for Complete Independence	143
Motilal and Jawaharlal Arrested.....	145

Death of Motilal Nehru	153
SECOND PART. Jawaharlal Nehru	159
Chapter 7. Mass Movements of the 1930s	161
Civil Disobedience Movement and the Delhi Pact.....	161
Arrests of Mahatma Gandhi, Nehru and Other Leaders	168
Gandhi's Fast and the Poona Pact	170
Jawaharlal – Head of the Family. Letters to Daughter	175
Chapter 8. Nehru and Socialism	180
Congress-Socialists.....	186
Nehru and Bose – Friends and Opponents.....	189
Crisis in the Congress.....	191
Chapter 9. 1937 Elections	198
Nehru: between Mahatma Gandhi and Bose	200
Nehru against Fascism	204
Marriage of Indira and Feroze Gandhi.....	209
Chapter 10. India and the Second World War	212
Civil Disobedience Movement.....	215
India and the Japanese Threat	223
Quit India Movement	225
Nehru's Last Imprisonment	229
Indian National Army	235
Chapter 11. India on the Way to Independence.....	243
Simla Conference	243
1946 Elections and Cabinet Mission	245
Interim Government and "Transfer of Power".....	251
Partition of India.....	257
On the Eve of Independence	259
Chapter 12. Building the Foundation of Independent India	272
Nehru on India's Future	272
Assassination of Mahatma Gandhi	278
Nehru and Mountbatten	280
Problem of Princely States	282
Nehru – the First Prime-Minister of India.....	286

Chapter 13. Nehru: How to Develop India	288
The Constitution of India	288
Building a Welfare Society	298
Parliamentary Democracy and Socialism	306
Socio-Economic Policy	315
Chapter 14. Political Struggle in India	320
Nehru and the Congress	323
Parliamentary Elections. Victory of the Congress	326
Indira Gandhi Enters Politics	331
Right Parties on the Move	335
Chapter 15. Nehru's Foreign Policy	338
Commonwealth and UNO	340
Korean War (1950–1953).....	343
Indian Diplomacy and Non-Alignment	354
India and the Soviet Union.....	360
Relationship between India and America	368
Chapter 16. Nehru between USA and USSR	382
Indo-Soviet Cooperation.....	382
Suez Crisis and Events in Hungary	389
Contradictions in the Triangle USA–India–Pakistan.....	403
India, America and the Soviet Union.....	410
Chapter 17. 1962 Indo-China Conflict	414
How the Conflict Started	415
Soviet Union in the Indo-China Conflict	422
India and America in the Conflict.....	423
Nehru and Nuclear Weapons	427
Problems of Military Build-up in India.....	432
Chapter 18. Nehru: Last Years	435
Conclusion	444
Bibliography	459
Index	479
Summary	484

Научное издание

Феликс Николаевич Юрлов

**От восхода до заката
Династия Неру–Ганди
Книга первая**

Мотилал и Джавахарлал Неру

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Компьютерная верстка *О.Н. Морозова*
Корректор *Н.И. Королева*

Подписано в печать 25.05.2015. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 гм². Формат 60х90^{1/16}
Усл. печ. л. 30,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 318.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев E-mail: izd@ivran.ru

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо